

ВЕСТНИК ЧЕРЕПОВЕЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в декабре 2002 г.

№ 4 (51). Т. 1 • 2013

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Решением президиума ВАК от 19 февраля 2010 г. № 6/6 научный журнал «Вестник ЧГУ» включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Научный журнал «Вестник ЧГУ» включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2009 г.

Направления: ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ, ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ, ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ.

УЧРЕДИТЕЛЬ: ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-26579 от 20 декабря 2006 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР: Н.И. ШЕСТАКОВ, д-р техн. наук, проф., засл. работник высшей школы РФ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Аветисян И.А., д-р экон. наук, проф. (ВГТУ)
Андронов В.П., д-р психол. наук, проф. (МордГУ им. Н.П. Огарева)
Аншелес В.Р., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
Васильцова В.М., д-р экон. наук, проф. (СПбГГУ)
Володина Н.В., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
Гарбер Э.А., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки и техники РФ (ЧГУ)
Грудева Е.В., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
Грызлов В.С., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки РФ (ЧГУ)
Денисова О.А., д-р пед. наук, проф. (ЧГУ)
Доманский Ю.В., д-р филол. наук (ТвГУ)
Дороговцев А.П., д-р экон. наук, проф. (ВГТУ)
Егоров А.Н., д-р ист. наук, проф., зам. гл. редактора (ЧГУ)
Ершов Е.В., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
Игонин В.И., д-р техн. наук, проф. (ВГТУ)
Ильин В.А., д-р экон. наук, проф. (ВНКС ЦЭМИ РАН)
Кабаков З.К., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
Калягин Ю.А., д-р техн. наук, проф. (ВГТУ)
Камкин А.В., д-р ист. наук, проф. (ВГПУ)
Карпов С.В., д-р техн. наук, проф. (Северный (арктический) федеральный университет (САФУ))
Коровушкин В.П., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
Кузьминов А.Л., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
Лаврова С.Ю., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
Любов В.К., д-р техн. наук, проф. (Северный (арктический) федеральный университет (САФУ))
Маралов В.Г., д-р психол. наук, проф., засл. деятель науки РФ, зам. гл. редактора (ЧГУ)
Меркер Э.Э., д-р техн. наук, проф. (НИТУ «МИСИС»)
Милошевич З., д-р соц. наук (Институт политических исследований, Белград)
Морозов А.Н., д-р экон. наук, проф. (ОАО «Системные технологии», Москва)
Осипов Ю.Р., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки РФ (ВГТУ)
Петелин Б.В., д-р ист. наук, проф. (ЧГУ)
Плашенков В.В., д-р воен. наук, проф., зам. гл. редактора (ЧГУ)
Рыбаков А.А., д-р искусствovedения, проф. (ЧГУ)
Сабуров Э.Н., д-р техн. наук, проф., засл. деятель науки и техники РФ (Северный (арктический) федеральный университет (САФУ))
Селин М.В., д-р экон. наук, проф. (ВГМХА)
Сергиевский Э.Д., д-р техн. наук, проф. (МЭИ)
Синицын Н.Н., д-р техн. наук, проф. (ЧГУ)
Ситаров В.А., д-р пед. наук, проф. (МГУ)
Славов В.И., д-р техн. наук (Военно-космическая академия им. А.Ф. Можайского)
Солодянкина О.Ю., д-р ист. наук, проф. (ЧГУ)
Стенин В.А., д-р техн. наук, проф. (Северный (арктический) федеральный университет (САФУ))
Телин Н.В., д-р техн. наук, проф. (ВГТУ)
Цаплин А.И., д-р техн. наук, проф. (ПГТУ)
Цейтлин С.Н., д-р филол. наук, проф. (РГПУ им. А.И. Герцена)
Черкасова М.А., д-р ист. наук, проф. (ВГПУ)
Чернов А.В., д-р филол. наук, проф., зам. гл. редактора (ЧГУ)
Черняк М.А., д-р филол. наук, проф. (РГПУ им. А.И. Герцена)
Чиршева Г.Н., д-р филол. наук, проф. (ЧГУ)
Юдин Р.А., д-р техн. наук, проф., засл. изобретатель РФ (ЧГУ)
Яковлева Е.В., д-р пед. наук, проф. (ЧГУ)

РЕДАКТОР: Н.Г. МИХОВА

КОМПЬЮТЕРНОЕ МАКЕТИРОВАНИЕ: М.Н. АВДЮХОВА

Адрес редакции: 162600 г. Череповец, Советский пр., д. 8, к. 302, тел. 8 (8202) 51-72-40

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Аншелес В.Р., Вишнякова И.Л., Быкова Е.О.</i> О применении методов синергии и эксергии в управлении теплоэнергетической системой промпроизводства	7
<i>Волков В.Н., Кожевников А.В.</i> Разработка нового метода диагностирования автоматизированных электромеханических систем прокатных станов с помощью нейросетевых алгоритмов	11
<i>Зайцева М.Л., Корнилов Н.И., Сабуров Э.Н.</i> Сопротивление относительно длинных циклонных камер при различных условиях ввода и вывода газов	16
<i>Зайцева М.Л., Орехов А.Н., Сабуров Э.Н.</i> Теплоотдача на боковой поверхности циклонных камер большой относительной длины с вводом газов вблизи выходного торца	19
<i>Кожевникова И.А., Гарбер Э.А., Трайно А.И.</i> Моделирование напряженного состояния при прокатке толстых листов по контролируемым режимам с пониженной температурой в последних пропусках	21
<i>Кузнецов Д.П., Ржеуцкая С.Ю.</i> Метод интеграции онтологий разнородных источников данных в АСУП	26
<i>Лукин С.В., Шестаков Н.И., Антонова Ю.В., Кузьминов А.Л.</i> Инженерная методика расчета потерь теплоты через корпус термостата	31

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Добровольский Е.С.</i> Христианская демократия и строительство социализма в Восточной Германии / ГДР в 1948 – 1952 годах	34
---	----

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Виноградов А.Н.</i> Методические основы ценообразования на металлопродукцию на основе комплексного подхода	38
<i>Вячеславов А.М.</i> Механизм формирования системы управления региональной научно-инновационной сферой	42
<i>Мазилев Е.А.</i> Реализация кластерной политики как инструмент развития промышленности региона	50
<i>Морицина Н.И.</i> Стандартизация риэлтерских услуг на современном рынке жилой недвижимости	55
<i>Разгулина Е.Д.</i> К вопросу об инвестировании компаниями регионального развития	59

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Борецкая У.А.</i> Возникновение и эволюция жанра английской баллады	65
<i>Воробьева Т.А.</i> Функционирование фразеологических единиц в собственно научной статье	68
<i>Елисеева М.Б.</i> Формообразовательные глагольные инновации от 2 до 3 лет: лонгитюдное исследование	72
<i>Исаева М.Г.</i> Сопоставительное исследование внутрифразовых переключений в англоязычных и русскоязычных журналах	75
<i>Ковишкова А.А.</i> Особенности вокализма говоров Белозерского района (на материале говора села Артюшино)	79
<i>Кучерявенко М.С.</i> Исторические предпосылки социальной дифференциации английского языка в Камеруне	81
<i>Лебедева Н.С.</i> «Аргумент» как термин и общепотребительное слово	85
<i>Мурашова О.В., Соловьева С.А.</i> Коммуникативные компетенции и виртуальная коммуникация младших школьников ...	87
<i>Пудова Е.А.</i> Синонимические обозначения Западной Германии	90
<i>Сергеева Н.С.</i> Прилагательные английского языка со значением “hot” / “warm” как средство обозначения температурных ощущений человека	94
<i>Сизова О.Б.</i> К вопросу о факторах выбора стратегии вхождения в язык	98
<i>Юлдашбаев А.Ф.</i> Репрезентация концепта «Свой / чужой» в речевой экспликации в английском языке (на материале военных фильмов «Апокалипсис сегодня», «Перл Харбор», «Взвод», «Спасение рядового Райана»)	103

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Абрамова С.В.</i> Современные общие тенденции и факторы подготовки специалистов в образовательной области безопасности жизнедеятельности	108
<i>Гольцова Н.В.</i> Микрорайон как сфера социального развития ребенка	111
<i>Гудина Т.В.</i> Педагогические ресурсы социокультурной реабилитации детей-инвалидов	118
<i>Жаркова Е.А.</i> Дифференцированный подход в процессе коррекции нарушений чтения у детей младшего школьного возраста с синдромом дефицита внимания с гиперактивностью в условиях поликлиники	122
<i>Орешкина А.К.</i> Ретроспективный анализ развития социального пространства системы непрерывного образования	126
<i>Поникарова В.Н.</i> Диагностика готовности к осуществлению педагогической деятельности в интегрированном / инклюзивном образовании	130
<i>Севастьянова Е.В.</i> Особенности развития эмотивной интонации у дошкольников с нарушением зрения	133
<i>Яковлева Е.В.</i> Детский школьный коллектив как угроза социального развития младших школьников	137

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

<i>Гурленова Л.В.</i> Реалистический образ природы в современной региональной живописи	141
<i>Кузнецова С.Г., Каценюк М.С.</i> Традиции и инновации как источники для творчества в искусстве и современном костюме	145
<i>Никифорова А.Ф.</i> Хороводные песни Великоустюгского района в системе обрядов и праздников	148
<i>Парадовская Г.П.</i> Фольклорно-этнографический текст «чарочки» как микрообряд	151
<i>Парадовская Г.П.</i> Структура и семантика праздничного застолья в братчине	154
<i>Соболева Н.А.</i> О внедрении новых научных знаний в учебный процесс Вологодского государственного педагогического университета (на примере обучения дирижированию)	158

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Баблумова М.Е.</i> Экспериментальное изучение уровня сформированности коммуникативных умений у дошкольников с умеренной умственной отсталостью	162
<i>Васягина Н.Н., Евладова А.А.</i> Психологические типы родителей, обращающихся в суд по поводу разрешения споров, связанных с воспитанием детей	165
<i>Лебедева Н.В.</i> Андрагогический подход к образовательным технологиям в системе переподготовки и повышения квалификации	168
Сведения об авторах	172
Информация для авторов	176

CONTENTS

TECHNOLOGY

<i>Ansheles V.R., Vishnyakova I.L., Bykova E.O.</i> Using the methods of synergy and exergy in the management of heat power system of industrial productions.	7
<i>Volkov V.N., Kozhevnikov A.V.</i> Designing a new method for diagnostics of automated systems of electromechanical rolling mills using neural network algorithm	11
<i>Zaytseva M.L., Kornilov N.I., Saburov E.N.</i> The resistance of the relatively long vortex chamber at different conditions of input and output of gases	16
<i>Zaytseva M.L., Orekhov A.N., Saburov E.N.</i> The heat transfer on the side surface of the relatively long cyclone chamber with entering gas near the output end.....	19
<i>Kozhevnikova I.A., Garber E.A., Traino A.I.</i> Simulation of the stress state when rolling thick plates for controlled setback mode in the last passes.....	21
<i>Kuznetsov D.P., Rzhetskaya S.Y.</i> The method of integration of ontologies of heterogeneous data sources in CAM	26
<i>Lukin S.V., Shestakov N.I., Antonova U.V., Kuzminov A.L.</i> The method of approximate calculation of heat dissipation through the thermostat enclosure	31

HISTORY

<i>Dobrovolsky E.S.</i> Christian democracy and building of socialism in East Germany/GDR in 1948 – 1952	34
--	----

ECONOMICS

<i>Vinogradov A.N.</i> Methodical bases of pricing on steel products based on the integrated approach	38
<i>Vyacheslavov A.M.</i> Mechanism of formation of the control system of the regional scientific-innovation sphere	42
<i>Mazilov E.A.</i> Cluster policy as the tool of development of the region's industry	50
<i>Morschinina N.I.</i> Standardization of real estate services in the modern real estate market	55
<i>Razgulina E.D.</i> The companies' investment into regional development	59

PHILOLOGY

<i>Boretskaya U.A.</i> Origin and evolution of British ballad as a poetical genre.....	65
<i>Vorobyova T.A.</i> Functioning of phraseological units in the scientific article	68
<i>Eliseeva M.B.</i> Inflectional verb innovations of children aged from 2 to 3: longitudinal study.....	72
<i>Isaeva M.G.</i> The comparative research of intrasentential code-switches in English and Russian magazines	75
<i>Kovshikova A.A.</i> Features of vocalism of dialects of Belozersk district (on the material of the dialect of the village Artuishino)	79
<i>Kucheryavenko M.S.</i> The historical background of social differentiation of English in Cameroon	81
<i>Lebedeva N.S.</i> "Argument" as a term and a word in general use	85
<i>Murashova O.V., Solovyova S.A.</i> Communicative competence and virtual communication of junior schoolboys.....	87
<i>Pudova E.A.</i> The synonymic notation of West Germany	90
<i>Sergeeva N.S.</i> English adjectives with the meaning "hot" / "warm" as the means of denoting temperature sensations of a person	94
<i>Sizova O.B.</i> The choice of strategy for integration into the language.....	98
<i>Yuldashbaev A.F.</i> Representation of the concept Own/ alien in explication speech in the English language (on the material of war movies: Apocalypse now, Pearl Harbor, Platoon, Saving private Ryan).....	103

PEDAGOGY

<i>Abramova S.V.</i> Modern trends and factors of training the specialists in the educational sphere of life safety	108
<i>Goltsova N.V.</i> Neighborhood unit as the sphere of social development of a child	111
<i>Gudina T.V.</i> Pedagogical resources of sociocultural rehabilitation of disabled children.....	118
<i>Zharkova E.A.</i> Differentiated approach to the correction of reading among primary school children with attention deficit disorder and hyperactivity in conditions of polyclinic	122
<i>Oreshkina A.K.</i> Retrospective analysis of the development of social space of the system of continuous education	126
<i>Ponikarova V.N.</i> Diagnostics of readiness to implement educational activity in an integrated / inclusive education	130
<i>Sevastyanova E.V.</i> Features of emotive intonation development of preschool children with vision disorders	133
<i>Yakovleva E.V.</i> Children's school group as the threat of social development of junior schoolchildren	137

ART

<i>Gurlenova L.V.</i> Realistic image of nature in the modern regional painting	141
<i>Kuznetsova S.G., Katsenyuk M.S.</i> Traditions and innovations as the sources of creativity in art and modern dress	145
<i>Nikiforova A.F.</i> Round dance songs of Veliky Ustyug district in the system of ceremonies and holidays.....	148

<i>Paradovskaya G.P.</i> Folklore and ethnographic text of «Charochka» as microceremony	151
<i>Paradovskaya G.P.</i> The structure and semantics of the holiday feast in bratchina	154
<i>Soboleva N.A.</i> The introduction of new scientific knowledge in the learning process of Vologda state pedagogical university (on the example of teaching conducting).....	158

PSYCHOLOGY

<i>Bablumova M.E.</i> Experimental study of the level of development of communication skills of preschool children with moderate intellectual retardation	162
<i>Vasyagina N.N., Evladova A.A.</i> Psychological types of parents applying to the court for the settlement of disputes relating to the upbringing of children	165
<i>Lebedeva N.</i> Andragogical approach to educational technologies in the system of retraining and improvement of qualification.....	168
Information about the authors	172
For the authors' attention	176

УДК 66.01.001.57 (075.8)

В.Р. Аншелес, И.Л. Вишнякова, Е.О. Быкова

О ПРИМЕНЕНИИ МЕТОДОВ СИНЕРГИИ И ЭКСЕРГИИ В УПРАВЛЕНИИ ТЕПЛОЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМОЙ ПРОМПРОИЗВОДСТВА

В статье рассматриваются вопросы применения методов синергии и эксергии при управлении теплоэнергетической системой промышленных производств.

Управление, теплоэнергетическая система, промышленное производство, метод синергии, метод эксергии.

The article considers the questions of application of methods of synergy and exergy in the management of heat power system of industrial productions.

Management, heat power system, industrial production, synergy method, exergy method.

Проблема возрастающей трудности управления теплоэнергетическими системами промышленных производств, характерная для всех развитых стран, породила целый ряд научных подходов. В таких задачах все большее место стал занимать собственно процесс постановки задачи, возросла роль лица, принимающего решения (ЛПР) в выборе математических методов в описании производства, роль человека как носителя системы ценностей, критериев принятия решения, целостного восприятия, сохранения целостности при расчленении проблемы для облегчения ее решения [1]. Так при сравнении различных вариантов проектов теплоэнергетических систем часто применяются методы анализа, разработанные специалистами во главе с академиком Т.С. Хачатуровым [2, с. 334 – 335], на основе которых выпущены различные отраслевые методики и инструкции по оценке эффективности капитальных вложений.

Принятая в теплоэнергетике методика определения сравнительной эффективности капитальных вложений, используемая для оценки и отбора инвестиционных и инновационных проектов, основана на сравнении приведенных затрат по вариантам. Согласно этой методике, экономически целесообразным вариантом считался тот, который обеспечивает минимум приведенных затрат, т.е.

$$Z_i = C_i + E_n K_i \rightarrow \min,$$

где Z_i – объем приведенных затрат по i -му варианту; C_i – годовая себестоимость продукции; E_n – отраслевой норматив капитальных вложений, устанавливаемый централизованно для всех предприятий отрасли; K_i – капитальные вложения по рассматриваемому i -му варианту [2, с. 334 – 335]. В соответствии с этой методикой определяется рассчитываемый «среднегодовой экономический эффект» по формуле:

$$\Delta_i = (C_i^1 - C_i^2)W - E_n K_i,$$

где C_i^1 – себестоимость продукции до внедрения инвестиционного проекта по i -му варианту, руб./год; C_i^2 – себестоимость продукции после внедрения инвестиционного проекта по i -му варианту; W , E_n и K_i – как в предыдущей формуле.

Основные недостатки такой методики состоят в том, что:

1) при определении лучшего варианта вложений не учитывается весь объем инвестиционных затрат, состоящих не только из капиталовложений, но также из расходов на проектирование, рекламу, обучение персонала, пусконаладочные расходы и другие производственные расходы;

2) рассчитывается не доход, а лишь разница в изменении себестоимости, без учета роста цен на продукцию, сырье, материалы, рабочую силу и т.д. Учет последних факторов необходим в связи с высокой инфляцией в стране;

3) при расчете не учитывается неопределенность будущего и связанный с этим риск;

4) экономический эффект, полученный от инвестирования, должен быть пересчитан и уменьшен на величину потерь дохода, связанных с тем, что в случае инвестирования приходится отказаться от вложения инвестированных сумм в банк и получения процентов за депозит;

5) нельзя применять эту методику при обосновании капитальных вложений, направляемых на улучшение качества продукции, так как такие улучшения, как правило, ведут к увеличению издержек производства продукции;

6) нормативы экономической эффективности (E_n) в условиях социалистической экономики рассчитывались централизованно по отдельным отраслям и формам расширенного воспроизводства специальной государственной организацией – Госпланом, которой в настоящее время не существует.

Таким образом, в условиях рыночной экономики методика потеряла свой основной смысл и не может

быть использована при оценке экономической эффективности вариантов инвестиционных и инновационных проектов теплоэнергетических систем промышленных производств [1]. Более целесообразно использование при этом «Методических рекомендаций по оценке эффективности инвестиционных проектов» [4] и алгоритма использования этой методики, представленного в [3]. Например, реальная оценка и разработка наиболее эффективной стратегии использования природного газа в металлургической и химической промышленности возможна лишь с помощью совместного учета материальных и финансовых потоков с использованием принципов стратегической синергии (взаимодействия в системе) на основе учета ценовых факторов, таких как цены на товарные и сырьевые продукты. При этом важен учет их потенциала (как фактора эксергии или их работоспособности). Цена на этот энергоресурс имеет тенденцию к росту, увеличивается в зависимости от транспортных расходов, а также зависит от объема лимитированных поставок ОАО «Газпром» и закупок этого вида сырья на свободном газовом рынке.

Дело в том, что при рассмотрении больших производственных комплексов, таких как схемы крупных металлургических и химических производств, например, Череповецкого металлургического комбината и ФосАгро-Череповец, необходимо обратить внимание, что оптимизация при принятии управленческих решений существенно зависит от взаимодействия бизнес-единиц, которые выпускают различные виды товарной продукции и продукции для внутрипроизводственного потребления, а также различных услуг в их динамике. В этих случаях возникает задача наиболее эффективного соотношения этих потоков, которую можно разрешить, лишь используя принципы стратегического синергизма в части взаимодействия бизнес-единиц [5]. Как показывает опыт анализа многих новых промышленных и непромышленных объектов, оно во многом зависит от реально-го взаимодействия компонентов этих систем.

В соответствии с принципами, изложенными литературе, рассмотрение и обоснование должно начинаться с создания графа, описывающего материальные потоки как сырьевые, товарные и промежуточные, так и другие в пределах всего производственного или непроизводственного комплекса. Для Череповецкого комплекса производств по совместному и одновременному изготовлению защитной азотной и азотно-водородной атмосферы (ЗАВА) для цехов получения высококачественных метизов, аммиака, аммиачной селитры, и сложных азото-фосфатных удобрений (САФУ) он может быть представлен следующим образом (рис. 1).

Анализ этого объединенного графа показывает, что основным сырьевыми продуктами рассмотренных производств являются: природный газ, имеющий самую высокую стоимость, водяной пар, который относительно дешев, так как вырабатывается на предприятии (в котельной) из достаточно дешевого и доступного ресурса – воды, а также атмосферный воздух.

Распределение товарного аммиака и промежуточных продуктов азотно-водородной смеси и азота высокой чистоты определяется объемом вырабатываемой товарной продукции, имеющей в разные периоды различный уровень цен на рынках. Себестоимость продукции, а также цены на нее зависят не только от положения на рынке, но также от загрузки производств и даже сезона выработки продукции. Так, цены на товарный аммиак и аммиачную селитру имеют сезонные колебания, которые достигают максимума в период весенних и осенних сельхозработ и минимизируются в летний и зимний период. Производство метизов имеет отличную от этих товарных продуктов сезонную загрузку. Возможны различные варианты логистических схем с получением азота высокой чистоты и азотно-водородной смеси с двух отдельных установок и азота высокой чистоты с двух предприятий.

Рис. 1. Объединенный граф производства товарных азота, ЗАВА, аммиака, аммиачной селитры и САФУ на Череповецком производственном комплексе

Следующим этапом расчета, обоснования и оптимизации деятельности указанного комплекса является расчет себестоимости товарных продуктов и составление на их основе экономико-математической модели движения денежных потоков (кеш-флоу). Данные расчета по этой математической модели используются при определении критериев экономической целесообразности таких производств как индивидуальных; NPV, IRR, DPP, основанных на дисконтировании денежных потоков, так и полного экономического результата (ПЭР), не учитывающего временной фактор. Первые определяются на всей совокупности факторов, а также учитывают весовую оценку указанных критериев банком, инвестором и промпредприятием-заемщиком.

Для выполнения экономического обоснования наиболее эффективных управленческих решений используется метод математического анализа и расчетов, на основе которых выбираются наилучшие варианты решений в условиях данного объекта. С помощью этих методов можно рассчитать оптимальные количественные и качественные критерии эффективности как создания таких производств, так и их оптимальной эксплуатации методом сопоставления данных, полученных в ходе расчета по экономико-математической модели, и результатов мониторинга деятельности «гибкой» схемы производства товарных продуктов. Достоинством предлагаемой системы оценки является автоматизированное определение широкого круга критериев, как дисконтированных, так и недисконтированных, позволяющих совместить в одной системе принципы синергизма и эксергии, где под эксергией понимается не только энергия, затрачиваемая на производство, но и работа, которая может быть выполнена с помощью этой энергии.

Как показал опыт, возможность проведения таких работ по функционально-стоимостному анализу качества создания и управления крупномасштабных объектов в народном хозяйстве нашего региона с использованием достаточно простых и доступных интегральных программ ChemCad и Microsoft Excel позволит повысить их качество и надежность и избежать существенных ошибок при планировании и финансировании таких объектов.

Математическое обеспечение поддержки принятия решений современного производственного процесса должно строиться, на наш взгляд, с учетом перечисленных особенностей функционирования производственно-технологической системы. Оно предназначено для реализации алгоритмов обработки информации, управления и формирования рекомендаций по принятию решений, а также для связи с объектом управления и обслуживающим персоналом. Реальная оценка эффективности инвестиционных и, в особенности инновационных, проектов, анализ потоков движения денежных средств во времени возможны лишь при определении доходности, выполненной на основе современных методик, ши-

роко используемых в мировой практике, как это показано графически на рис. 2.

Графически экономически нормальный случай жизненного цикла предприятия (IV) представляется бизнес-процессом на этом графике, которое фактически является описанием циклической волны по Н.К. Кондратьеву [3].

Большую часть временного периода полного жизненного цикла предприятия необходимо использовать как прогнозный период (III), в течение которого денежные поступления проекта непосредственно связаны с первоначальными инвестициями (так называемый «инвестиционный предел») и должны быть учтены при оценке денежных потоков (кеш-флоу). Естественно, что денежные поступления (потоки) имеют знак «+» или «-» и являются разницей доходов и расходов (платежей). На первых стадиях создания предприятия, естественно, до некоторого момента будут существовать затраты, связанные с прединвестиционными расходами (бизнес-план, технический проект и т.д.) и инвестициями (I, II), которые имеют знак «-».

Они подбираются так, чтобы в начальный период иметь финансирование как капитальных затрат, таких как завершение разработки продукта, приобретение технологического оборудования, зданий, сооружения и других активов, так и финансовых ресурсов на запуск предприятия и изготовление первых партий продукта, на маркетинговую и рекламную деятельность и т.д. Впоследствии после некоторого момента благодаря росту продаж и инфляционному снижению стоимости денег текущие доходы в прогнозный период растут. Затем они стабилизируются (вследствие падения продаж, износа материальных активов и т.д.) и в некоторый период времени становятся настолько малыми, что их оценка не влияет на общую сумму доходов, которую нужно оценить при определении стоимости предприятия. Как известно, жизненный цикл (по Н.К. Кондратьеву) зависит от вида активов. В случае оценки недвижимости он составляет от 40 до 60 лет, оборудования – 8 – 12 лет, а рыночных товаров (выпускаемой продукции) – 2 – 3 г.

При оценке стоимости предприятия величина прогнозного периода должна выбираться с учетом этого фактора. Дело в том, что рост стоимости предприятия определяется и корректируется в связи с новыми инвестиционными проектами с помощью следующей известной формулы [3]:

$$C = \sum_{i=1}^n \frac{C_i}{(1+d)^i} + M \cdot \frac{1}{(1+d)^n},$$

где PV – стоимость объекта недвижимости (например, предприятия); C_i – денежный поток периода i ; d – ставка дисконтирования денежного потока периода i ; M – стоимость реверсии, или остаточная стоимость.

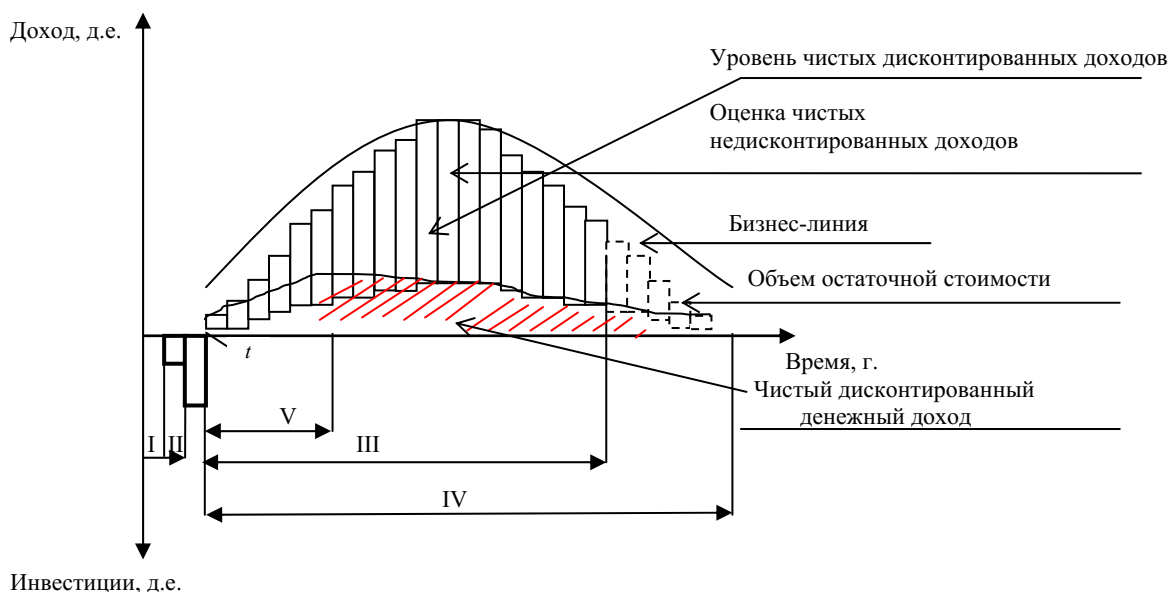

Рис. 2. Этапы жизненного цикла инвестиционного проекта, направленного на повышение справедливой стоимости предприятия, где I – прединвестиционный этап (затраты); II – инвестиционный этап (затраты); III – прогнозный период (доходы); IV – жизненный цикл реализации проекта (предприятия); V – дисконтированный срок окупаемости

Обработка массива расчетных данных с целью выявления единого интегрального критерия возможна методами теории вероятности, но лишь для совокупности статистически однородных случайных событий массового характера. В то же время не существует сколь-нибудь убедительных доказательств, что это условие однородности выполняется для сложных производственных управляемых систем. В промышленном производстве совершенно недопустимо априорное использование каких-либо стандартных распределений (нормального, показательного и т.п.). Уникальность условий реализации каждого проекта и постоянно изменяющиеся внешние условия определяют некорректность оценки экспертом вероятности того или иного события. Кроме того, рассматривать технологические и экономические процессы как случайные тоже некорректно, поскольку в их основе лежат вполне целенаправленные осмысленные действия по их управлению, и их участники при формировании политики реализации не руководствуются механизмами случайного выбора. Наиболее корректным вариантом анализа величины чистого дисконтированного дохода (NPV), внутренняя норма доходности (IRR) и т.д. является использование методов нечетких множеств, так как этот метод занимает в этой ситуации лучшие позиции. Прежде всего, эта теория изначально создавалась для того, чтобы нечетким, качественным описаниям и оценкам дать строгое математическое представление без жестких нормативных ограничений на их характер. Строгое в математическом отношении представление в виде функций принадлежности позволяет выполнять однозначные математические преобразования и находить однозначные решения, как это показано на ряде промышленных процессов, так как в

теории нечетких множеств отсутствует условие необходимости статистической однородности переменных исследуемого процесса [3].

Расчет значения обобщенного показателя эффективности F проводится по формуле:

$$F(X_i) = \sqrt[L]{\prod_{j=1}^K \mu^{i_j}(a_{ij})},$$

где i – номер варианта; $K = 2M + 3$; M – количество параметров, определяемых особенностями отрасли; $X_i = (a_{ij})_{1 \times K}$ – вектор приведенных параметров; l_j – весовой вклад j -го параметра; $L = \sum_{j=1}^K l_j$; $\mu(a_{ij})$ – функции принадлежности.

Кроме того, результаты расчетов позволяют показать, что, несмотря на изменения многих факторов, величина NPV в рассмотренных возможных сценариях реализации производства будет находиться в определенных пределах и можно выделить ее наиболее ожидаемое значение при заданном уровне риска, что позволяет определить экономическую эффективность рассматриваемого проекта, при рассчитанном объеме инвестиций, как это показано на рис. 3.

Все это позволяет рекомендовать описанный подход в качестве основы системы поддержки принятия решений по инвестированию и эксплуатации крупных инновационных проектов, которые планируется реализовать при модернизации народного хозяйства нашей страны.

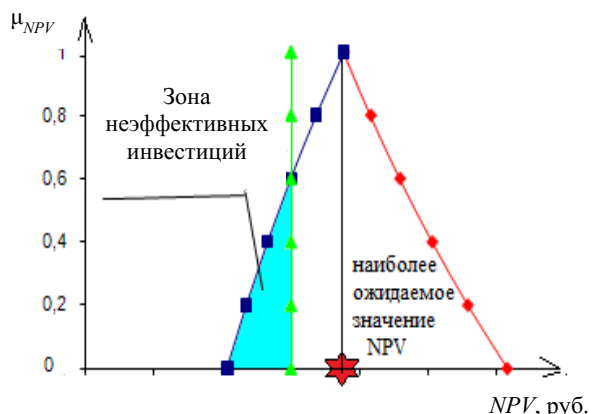

Рис. 3. Оценка чистого дисконтированного дохода и риска инвестиций

1. Аншелес, В.Р. О некоторых вопросах стратегической синергии в производстве промышленной продукции / В.Р. Аншелес, И.Л. Вишнякова, Е.О. Быкова // Материалы восьмой международной научно-технической конференции «Автоматизация и энергосбережение машиностроительного и металлургического производств, технология и надежность машин, приборов и оборудования». – Вологда, 2013. – С. 19 – 21.

2. Вишнякова, И.Л. Метод и алгоритмы обработки информации в системе поддержки принятия решений процесса получения защитной азотно-водородной атмосферы в производстве метизов: дис. ... канд. техн. наук / И.Л. Вишнякова. – Череповец, 2011.

3. Игонина, Л.Л. Инвестиции / Л.Л. Игонина. – М., 2004.

4. Кемпбелл, Э. Стратегический синергизм / Э. Кемпбелл, К. Саммерс Лачс. – СПб., 2004.

5. Коссов, В.В. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов / В.В. Коссов, В.Н. Лившиц, А.Г. Шахназаров. – М., 2000.

УДК 621.313.2:681.513.7:004.896

В.Н. Волков, А.В. Кожевников

РАЗРАБОТКА НОВОГО МЕТОДА ДИАГНОСТИРОВАНИЯ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ ЭЛЕКТРОМЕХАНИЧЕСКИХ СИСТЕМ ПРОКАТНЫХ СТАНОВ С ПОМОЩЬЮ НЕЙРОСЕТЕВЫХ АЛГОРИТМОВ

В работе рассмотрен способ оценки состояния электрических приводов, основанный на построении нейросетевой модели. На примере электропривода постоянного тока описан эксперимент, показывающий эффективность данного способа. Может найти применение для диагностики состояния электроприводов прокатных станов металлургического производства.

Электропривод постоянного тока, нейронная сеть, идентификация динамических объектов, системы управления.

The article describes the method of evaluation of electrical drives based on the construction of neural network models. On the example of a DC motor the experiment is described showing the effectiveness of this method. The method can be used for diagnostics of electric drives for steel rolling mills.

DC drive, neural network, identification of dynamic objects, control systems.

В настоящее время применение микропроцессорной техники поспособствовало «интеллектуализации» оборудования. Яркий пример тому – электрические приводы, представляющие собой системы, способные к самонастройке, самодиагностике и адаптации. Подобные системы получают все большее распространение в качестве приводной техники для высокопроизводительных линий. В металлургической промышленности автоматизированный электрический привод применяется в подавляющем большинстве установок и технологических комплексов. До половины всей потребляемой металлургическими предприятиями электроэнергии приходится на электроприводную технику.

Особые требования в металлургии предъявляются к автоматизированным электроприводам листовых непрерывных прокатных станов. Там традиционно применяются электроприводы постоянного тока с

независимым возбуждением, имеющие хорошие эксплуатационные показатели в условиях динамических нагрузок и способные обеспечить плавное регулирование скоростей в широких диапазонах.

Как и любые другие технические устройства, электроприводы прокатных станов нуждаются в обслуживании. При этом качество эксплуатации электроприводов и эффективное планирование ремонтных и наладочных работ косвенно влияют на такие показатели производства, как: производительность стана, качество проката и себестоимость продукции. Оптимальная настройка системы управления позволяет снизить потребление электрической энергии станом и исключить брак, а своевременное обнаружение неисправности на начальной стадии позволяет избежать дорогостоящего ремонта и простоя всего стана.

Существующие системы автоматического управ-

ления электроприводами непрерывных листовых прокатных станов способны оперативно обнаруживать и локализовать возникновение аварийных ситуаций. К таким ситуациям можно отнести неполадки в преобразовательной технике, электродвигателях или механической части. Однако обнаружение неисправности системой автоматики часто происходит на той стадии, когда разрушения значительны и требуют существенных ремонтов.

Такие предвестники неполадок, как колебательный характер скорости, ухудшение качества переходных процессов, старение подшипниковых узлов или механических передач, не фиксируются датчиками в начальной стадии. Обнаружить их в настоящее время могут только квалифицированные специалисты, используя соответствующие приборы и аналитические экспертные методы. Они анализируют совокупность признаков в работе оборудования по данным с различных приборов и способны оценить всю динамику процессов. Хороший специалист по анализу осциллограмм переходных процессов может практически сразу определить, когда оборудование находится в предаварийном состоянии или требует переналадки. При этом расходы на профилактический ремонт будут существенно ниже, чем в ситуации, когда неисправность приобретет явный характер, который будет зафиксирован системой автоматики. Однако при том количестве электроприводной техники, которая используется в прокатном производстве, невозможно физически отслеживать состояние оборудования силами квалифицированных специалистов в полном объеме и оперативно.

Другое решение состоит в модернизации оборудования, приобретении оборудования, способного к интеллектуальной обработке информации. Но подобное оборудование имеет высокую стоимость и переход всего парка электроприводов на подобные системы невозможен.

В вышеприведенной ситуации целесообразным выглядит разработка относительно недорогих и универсальных технических решений, способных производить диагностику состояния электропривода прокатных станов, в постоянном режиме оценивая динамику работы клеток.

Цель данной работы – разработка концепции нового метода диагностики автоматизированных приводов прокатных станов, работающих в условиях повышенных динамических нагрузок. Он основан на применении методов искусственного интеллекта – нейросетевых алгоритмов для идентификации электроприводов с последующим анализом отклонения динамики. Такой способ позволяет получить прогноз о его техническом состоянии на основании текущей информации о переходных процессах.

В качестве объекта исследования выбран электропривод клетки листового стана непрерывной прокатки.

В рамках данной работы были поставлены следующие задачи:

1) получение параметров электропривода в динамике;

2) выбор архитектуры нейронной сети и ее обучение;

3) моделирование процесса идентификации и диагностики.

Если рассмотреть электрический привод как динамический объект, описываемый вектором входных данных, вектором внутреннего состояния и вектором выходных данных, то, согласно теореме об универсальной аппроксимации [2], [10], искусственная нейронная сеть может идентифицировать его при наличии достаточного количества обучающих данных. В промышленных электроприводах применяется большое количество датчиков, поэтому получение входных и выходных векторов возможно.

В источниках [4], [8], [10] приводятся способы нейросетевой идентификации обобщенных динамических объектов. Имеется достаточно много публикаций по данной тематике [2], [3], [11]. Однако мало публикаций по нейросетевой идентификации конкретных динамических объектов, таких как электрический привод [1], [2]; большинство же работ имеют обзорный характер. Некоторую сложность применения искусственных нейронных сетей представляет разработка архитектуры сети под конкретный класс объектов и подбор обучающих данных. До сих пор эта задача не формализована, имеются лишь общие рекомендации и эмпирические данные [7], [8], [10].

При построении и исследовании электропривода применялись системы моделирования динамических процессов *Simulink* и *SimPowerSystems* среды разработки *Matlab*. Для моделирования в библиотеке *SimPowerSystems* выбран электродвигатель постоянного тока независимого возбуждения со следующими параметрами: $R_a = 0,78$ Ом, $L_a = 0,016$ Гн, $R_b = 150$ Ом, $L_\phi = 112,5$ Гн, $U_a = 240$ В, $U_b = 150$ В, $W = 195$ рад/с, соответствующий электродвигателю клетки листового прокатного стана. Преобразователь для упрощения модели представлен регулируемым

блоком напряжения, имеющим задержку $\frac{1}{T_n s + 1}$

на входе по управлению.

Для решения первой задачи требовалось получить необходимый набор данных работы электропривода в динамике. Количество обучающих примеров должно быть достаточным, чтобы описать работу системы во всех реальных рабочих режимах. В реальных электроприводах имеется возможность получения подобной информации, либо непосредственно с датчиков, либо с управляющих микропроцессорных средств. При моделировании в *Matlab* использовался сигнал случайного процесса, сгенерированный при помощи стандартного блока *Simulink*. При этом, согласно [10], чем больше информации, тем точнее будет отображение. В данном эксперименте сигнал подавался в течение $t = 240$ с на входное задание $U_{вх}$ и на вход нагрузки M_n . Одновременно снимались выходы по скорости W и току якоря I_a . Информация с обмотки возбуждения не учитывалась, предполагая работу только в первой зоне по

скорости. Данные были приведены к безразмерному виду для удобства обучения сети.

При решении второй задачи – выборе архитектуры нейронной сети – необходимо учитывать динамику процесса, т.е. сеть должна «помнить» предыдущие состояния объекта. Для этих целей, как правило, применяются обратные связи от выходных сигналов нейронной сети к ее входам [10], [11]. Построение обобщенной архитектуры подобных сетей описано в источниках [8], [10], [11]. В данной работе была использована нейронная сеть с задержками в обратных связях, известная как модель нелинейной регрессии с внешними входами *NARX* и описанная в [6], [10]. Она получается из обычного многослойного персептрона путем введения обратных связей с задержкой. Подобная архитектура важна при запоминании последовательностей сигналов. Обобщенная модель имеет следующую формулу:

$$\bar{y}(n+1) = \Phi(\bar{y}(n), \dots, \bar{y}(n-q+1), \bar{u}(n), \dots, \bar{u}(n-q+1)),$$

где $\bar{y}(n)$ – выходной вектор, $\bar{u}(n)$ – входной вектор, n – дискретный момент времени, q – порядок системы.

Применение задержки z^{-1} в обратной связи позволяет устранить проблему устойчивости сети [1], [10]. На рис. 1 приведена структура сети *NARX*.

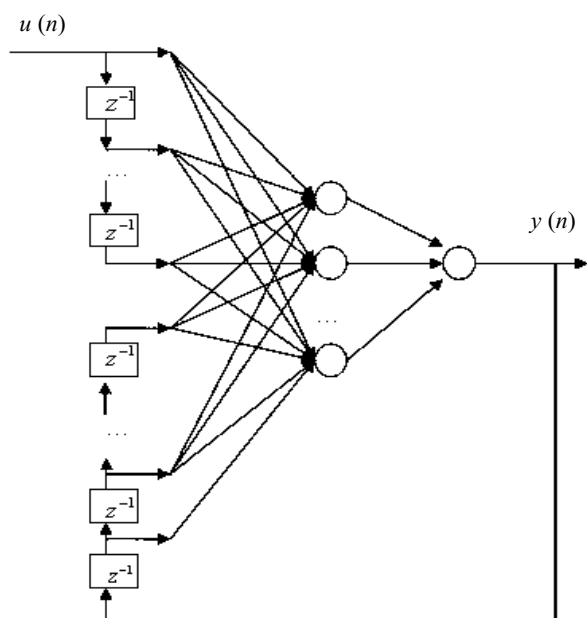

Рис. 1. Рекуррентная нейронная сеть *NARX*

В настоящее время нет точной методики выбора числа нейронов внутреннего слоя, эвристически же было получено оптимальное число нейронов в количестве 5. При большем числе нейронов внутреннего слоя возрастает скорость обучения, однако, падает способность к аппроксимации нейронной сетью но-

вых данных [6], [10]. При малом числе нейронов сеть может не обучиться с достаточной точностью.

Во внутреннем слое сети применена гиперболическая тангенциальная функция активации, имеющая формулу:

$$\text{tansig}(N) = \frac{2}{1 + e^{2N}} - 1,$$

где $N = \sum_{j=0}^J U_j \cdot W_{ij}$ – сумма произведений входного вектора и весовых коэффициентов первого слоя.

В выходном слое задана линейная функция активации, линейно отображающая сигнал на выход:

$$\text{purelin}(N) = N,$$

где N – сумма произведений выходов нейронов внутреннего слоя на весовые коэффициенты выходного слоя.

Для обучения сети использовался алгоритм Левенберга-Марквардта, реализующий обучение посредством подстройки весовых коэффициентов нейронной сети в зависимости от погрешности выхода сети и обучающего множества [6]. Обучение производилось в течение 300 итераций, при этом ошибка обучения составила $\text{ErrL} = 7 \cdot 10^{-5}$.

Решение третьей задачи было разделено на несколько этапов. Сначала было произведено сравнительное моделирование при неизменных параметрах электропривода, имитировавшее нормальный режим работы. После этого имитировались изменения рабочих параметров, свидетельствовавшие о нарушениях в работе электропривода, и моделирование повторялось.

Так, наиболее распространено нарушение целостности изоляции якорной цепи: перегрев двигателя или плохой контакт в коллекторе вызывают изменение сопротивления и индуктивности якорной цепи, при этом меняется динамика работы всей цепи. Если своевременно не отследить этот процесс, то он приводит к перегреву двигателя и его выходу из строя. Кроме того моделирование показало, что изменение сопротивления якорной цепи снижает эффективность системы управления, вызывая колебательный процесс. Это связано с тем, что классические системы подчиненного регулирования не способны компенсировать изменение больших постоянных времени в широких пределах и настройка коэффициентов регуляторов становится неэффективной [9]. Разработанный метод диагностики позволяет выявить этот дефект на ранней стадии.

Другой распространенный вид нарушений связан с разрушением подшипниковых узлов или редуктора. Это приводит к изменению момента инерции, колебательному процессу, усилению вибраций, что также ведет к разрушению механической части. Моделирование показало, что данная проблема также может быть диагностирована предложенным мето-

дом на ранних стадиях, не приводящих к сильным разрушениям.

Для моделирования в *Simulink* была собрана схема, состоящая из электропривода постоянного тока, эквивалентного тому, что используются в листовых непрерывных прокатных станах и его обученной нейросетевой модели [4]. Для стабилизации скорости W в схему был включен пропорционально-интегральный регулятор, настроенный для электропривода клетки и скопированный для нейросетевой модели. Моделирование производилось в течении $t = 30$ с. Имитировалась работа клетки прокатного стана по следующему алгоритму, соответствующему реальным условиям эксплуатации:

- валки разгонялись до скорости захвата металла на 5 с;
- происходил захват металла на 8 с;
- клеть разгонялась до рабочей скорости на 12 с;
- металл покидал клеть на 22 с;
- остановка клетки на 25 с.

При проверке нейросетевой модели параметры электропривода были в норме и соответствовали тем, что были при обучении нейросетевой модели. На рис. 2 изображен результат моделирования, где при одинаковых входных воздействиях отображена динамика электропривода и его нейросетевой модели.

Погрешность отклонения динамики нейросетевой модели от динамики электропривода рассчитана по формуле:

$$Err = \frac{1}{N} \sum_i^N (W_{neyr} - W_{drive})^2,$$

где Err – среднеквадратичное отклонение, W_{neyr} – вектор изменения скорости нейросетевой модели, W_{drive} – вектор изменения скорости электропривода, N – размерность вектора.

Для нормального режима работы среднеквадратичная погрешность составила $Err = 2,4 \cdot 10^{-5}$, что говорит о высокой точности нейросетевой модели и из графиков видно, что они практически совпадают.

На следующем этапе были внесены изменения, характерные для предаварийных ситуаций в электроприводе прокатного стана. Имитировалось изменение сопротивления якорной цепи двигателя вследствие нарушений в изоляции. Результаты моделирования при измененном сопротивлении якорной цепи приведены на рис. 3. Система регулирования уже не могла полностью компенсировать постоянную якорной цепи и замечен колебательный процесс. На графике отчетливо видно отклонение динамики электропривода от его нейросетевой модели во время переходных процессов. При достижении уставок задающего воздействия и при изменении момента сопротивления наблюдалось перерегулирование скорости и колебательный процесс с затуханием. Среднеквадратичная погрешность резко увеличилась и составила $Err = 3,8$. Подобные отклонения позволяют судить о расхождении динамики модели и объекта, в том числе реализовать возможность контроля за динамикой электропривода.

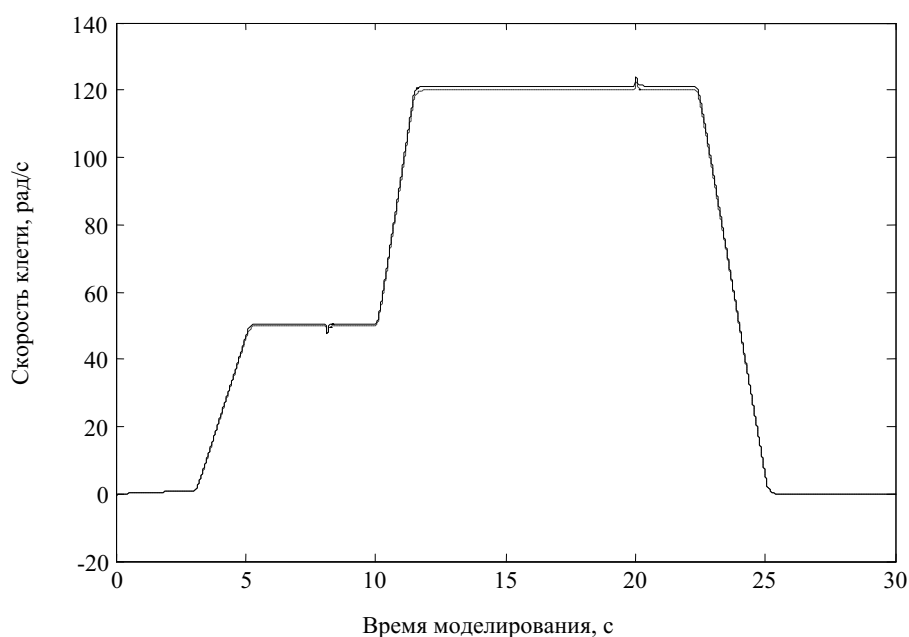

Рис. 2. График сравнительного моделирования скоростей модели реального электропривода и нейросетевой модели при неизменных параметрах электропривода, имитирующих нормальный режим работы

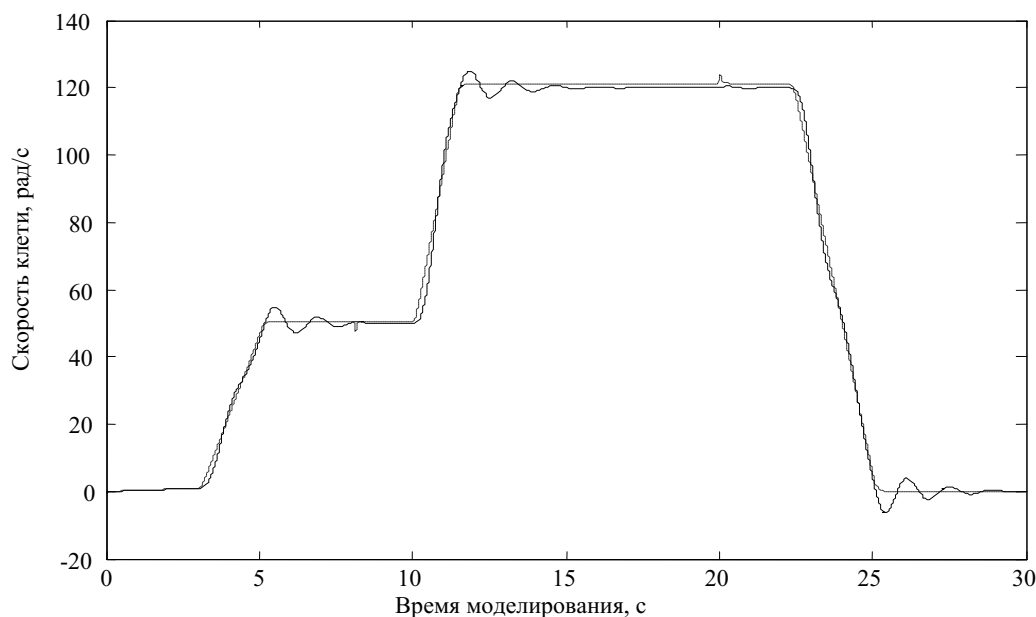

Рис. 3. График сравнительного моделирования скоростей модели реального электропривода и нейросетевой модели при изменении момента инерции на валу двигателя, имитирующем нарушение в механической части

Подобный колебательный процесс в реальных условиях не будет зафиксирован системой автоматики, так как параметры или их производные будут в пределах допусков. Но несвоевременное обнаружение ведет к быстрому износу и разрушению рабочих узлов оборудования из-за колебательных процессов. Кроме того, ухудшается качество системы управления. Если оперативно обнаруживать подобное отклонение, то можно получить экономию по двум статьям:

- ремонт потребует меньше финансовых затрат в связи с тем, что неисправность будет локализована до того, как повлечет за собой крупные поломки;
- ремонт займет меньше время, если неисправность локализована на ранней стадии.

Разработанный метод диагностирования позволяет взять на себя функцию контроля за динамикой скорости и предупреждать отклонения в работе оперативно. Проведены положительные испытания в лабораторных условиях на разработанных математических моделях. Математические модели показали свою адекватность при имитации различных нарушений, таких как:

- разрушение подшипниковых узлов электропривода;
- заклинивание редуктора и системы валов клетки;
- нарушение целостности обмоток якоря;
- износ щеточного аппарата в коллекторе;
- перегрев электродвигателя;
- ухудшение качества системы управления.

На следующем этапе исследования планируется создание в лабораторных условиях опытного образца устройства, реализующего разработанный метод ди-

агностики, и проверка степени его адекватности на реальном электроприводе в рамках экспериментальных исследований для оптимизации разработанных алгоритмов.

Подобными системами диагностики в перспективе могут быть оснащены все автоматические электроприводы объектов металлургической промышленности. Система не требует существенных капитальных затрат и высокой квалификации обслуживающего персонала для внедрения и эксплуатации. При этом она может быть реализована как в виде дополнительного блока, работающего в фоновом режиме, так и в виде дополнительного кода в программном обеспечении имеющихся контроллеров. Кроме этого, применение рассмотренного в данной работе метода вполне может быть расширено и применено к другим типам электроприводов металлургического производства, а так же к иным техническим устройствам и агрегатам для оценки их состояния.

Литература

1. Волков, В.Н. Нейросетевая идентификация электропривода постоянного тока / В.Н. Волков, А.В. Кожевников // Современные научные исследования и инновации. – 2013. – Апрель. – URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/04/23648>
2. Горбань, А.Н. Обобщенная аппроксимационная теорема и вычислительные возможности нейронных сетей / А.Н. Горбань // Сибирский журнал вычислительной математики / РАН. Сибирское отделение. – Новосибирск, 1998. – Т. 1. – № 1. – С. 11 – 24.
3. Клепников, В.Б. Применение методов нейронных сетей и генетических алгоритмов в решении задач управ-

ления электроприводами / [В.Б. Клепников и др.] // Электротехника. – 1999. – № 5. – С. 2 – 6.

4. Кожеевников, А.В. Диагностирование приводов прокатных станов с помощью нейросетевой оценки / А.В. Кожеевников // Металлургические процессы и оборудование. – № 3(33). – 2013. – С. 54 – 60.

5. Макаров, И.М. Интеллектуальные системы автоматического управления / И.М. Макаров, В.М. Лохин. – М., 2001.

6. Медведев, В.С. Нейронные сети. MATLAB6 / В.С. Медведев, В.Г. Потемкин. – М., 2002.

7. Осовский, С. Нейронные сети для обработки информации / С. Осовский; Пер. с польского И.Д. Рудинского. – М., 2002.

8. Терехов, В.А. Нейросетевые системы управления / В.А. Терехов, Д.В. Ефимов, И.Ю. Тюкин. – М., 2002.

9. Терехов, В.М. Системы управления электроприводов / В.М. Терехов, О.И. Осипов. – М., 2006.

10. Хайкин, С. Нейронные сети: полный курс / С. Хайкин. – М., 2006.

11. Чернотуб, А.Н. Обзор методов нейрорууправления / А.Н. Чернотуб, Д.А. Дзюба. – URL: <http://ailen.org/>.

УДК 533.697

М.Л. Зайцева, Н.И. Корнилов, Э.Н. Сабуров

СОПРОТИВЛЕНИЕ ОТНОСИТЕЛЬНО ДЛИННЫХ ЦИКЛОННЫХ КАМЕР ПРИ РАЗЛИЧНЫХ УСЛОВИЯХ ВВОДА И ВЫВОДА ГАЗОВ

Установлены характерные особенности зависимости суммарного коэффициента сопротивления относительно длинных циклонных камер в приближенно автомодельной области течения от величины относительного диаметра выходного отверстия и относительной площади входа камеры. Предложено эмпирическое уравнение для расчета коэффициента сопротивления относительно длинных циклонных камер.

Относительно длинная циклонная камера, суммарный коэффициент сопротивления, площадь входа, диаметр выходного отверстия, число Рейнольдса.

The characteristic features of the dependence of the summary resistance coefficient of relatively long vortex chambers in approximately self-flow region from the relative diameter of the orifice and the relative area of the camera input are determined. An empirical equation to calculate the resistance of relatively long vortex chambers is proposed.

Relatively long vortex chamber, total coefficient of resistance, entrance area, the outlet diameter, the Reynolds number.

Сопротивление циклонной камеры любого технологического назначения в значительной степени определяет ее энерготехнологическое совершенство [1], [2]. Поэтому разработка рекомендаций по расчету их сопротивления представляет большой теоретический и практический интерес. Выполненные в настоящее время экспериментальные работы, связанные с определением сопротивления циклонных камер, в основном относятся к камерам сравнительно небольшой относительной длины $\bar{L}_k = L_k / D_k$ (L_k – длина, D_k – диаметр рабочего объема циклонной камеры) равной 0,8...2. Число исследований сопротивления циклонных камер большой относительной длины ($L_k > 2$) значительно меньше. Однако такие камеры имеют широкое использование в химической и целлюлозно-бумажной промышленности в качестве печей, рекуператоров, теплообменников, сепараторов и других устройств. Исследование, результаты которого приведены в настоящей работе, выполнено на экспериментальном стенде с циклонной камерой, имевшей относительную длину 12,75. Диаметр ее рабочего объема составлял 160 мм. Его поверхность была технически гладкой. Относительная площадь

входа камеры $\bar{f}_{вх} = 4f_{вх} / \pi D_k$ ($f_{вх}$ – суммарная площадь тангенциальных шлицев) варьировалась в диапазоне от 0,04 до 0,21. Относительный диаметр выходного отверстия $\bar{d}_{вх} = d_{вх} / D_k$ ($d_{вх}$ – размерный диаметр соосного с рабочим объемом выходного отверстия камеры) – от 0,2 до 1,0.

На рис. 1 представлены полученные в опытах при различных значениях параметра $\bar{d}_{вх}$ и числах Рейнольдса ($Re_{вх} = v_{вх} D_k / \nu$, где ν – кинематический коэффициент вязкости потока при входных условиях) значения суммарного коэффициента сопротивления рассматриваемой камеры:

$$\zeta_{вх} = \frac{2\Delta P_n}{\rho v_{вх}^2},$$

где ΔP_n – перепад полного давления в камере – разность полных давлений в шлицах и на выходе из камеры; ρ – плотность потока на входе в камеру (в шлицах); $v_{вх}$ – среднерасходная скорость потока в шлицах.

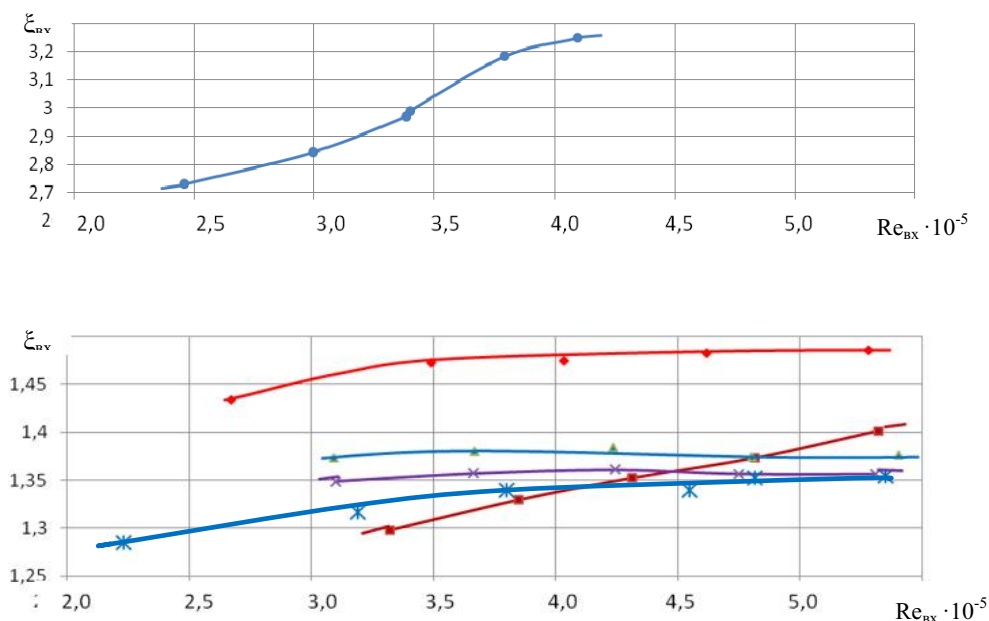

Рис. 1. Коэффициент сопротивления циклонной камеры при различных значениях числа Re_{vx} и параметра $\bar{d}_{vx}$.

Обозначения: ● – $\bar{d}_{vx} = 0,2$; ◆ – $0,43$; ■ – $0,59$; ▲ – $0,74$; ✕ – $0,85$; ✕ – 1

В представленном виде коэффициент ξ_{vx} характеризует суммарные затраты напора в циклонной камере на закрутку потока, преодоление сопротивления входа, связанное с расширением выходящей из шлицев струи, ее взаимодействием с уже вращающимися газами и боковой поверхностью камеры, преодолением действия внутренних и внешних сил трения и сопротивление вывода газов из камеры через выходное отверстие. Причем последняя составляющая в относительно коротких камерах обычно имеет наибольшую величину и поэтому определяет главным образом общий характер изменения ξ_{vx} в зависимости от ее геометрических и режимных характеристик. Представленные на рис. 1 данные позволяют отметить, что в относительно длинных циклонных камерах значения коэффициента сопротивления ниже, чем в относительно коротких при прочих близких условиях. Последнее связано главным образом с тем, что в них ниже уровень вращательных скоростей потока.

Как и в относительно коротких камерах, в длинных наблюдается явление приближенной автомодельности течения, характеризуемое практической независимостью коэффициента сопротивления ξ_{vx} от входного числа Рейнольдса. Начало области автомодельного (точнее приближено автомодельного течения) определяется числом $Re_{vx}^{авт}$, величина которого в общем случае зависит от $\bar{d}_{vex}$.

По характеру изменения ξ_{vx} в зависимости от параметра $\bar{d}_{vex}$ и его величине (см. рис. 2) можно разделить полученные данные на две области. Первая из них наблюдается при $0,2 \leq \bar{d}_{vex} < 0,45$, а вторая – при $0,45 \leq \bar{d}_{vex} \leq 1$. В первой области ξ_{vx} имеют более высокие значения и существенно различаются

по величине в зависимости от $\bar{d}_{vex}$, монотонно повышаясь с уменьшением последнего. Число $Re_{vx}^{авт}$ в ней имеет более высокие значения. Во второй области (области больших значений $\bar{d}_{vex}$) ξ_{vx} имеет существенно меньшие значения и изменяется в зависимости от $\bar{d}_{vex}$ в сравнительно узком диапазоне (в рассматриваемом случае примерно от 1,25 до 1,4). При полностью открытом выходном торце камеры ($\bar{d}_{vex} = 1$) ξ_{vx} принимает промежуточное значение, равное 1,3.

Функция $\xi_{vx}(Re_{vx})$ при $\bar{d}_{vex} = 0,59$ (см. рис. 1) носит особый характер. При этом при $Re_{vx} > 4 \cdot 10^5$ в зависимости ξ_{vx} от $\bar{d}_{vex}$ появляется небольшой максимум, а при $Re_{vx} < 4 \cdot 10^5$ – минимум. Величина экстремальных значений ξ_{vx} зависит от величины $\bar{d}_{vex}$. Отмеченный характер функции $\xi_{vx}(\bar{d}_{vex}, Re_{vx})$ подтверждается данными представленными на рис. 1 и 2, и связан с изменением особенностей истечения газов из камеры при различных степенях диафрагмированности ее рабочего объема. Условия истечения газов, в свою очередь, определяются взаимодействием в области выходного отверстия выходного вихря, приторцевого радиального потока при его существовании на кольцевой поверхности выходного торца или просто радиального поворота пристенного прямого вихря при отсутствии радиального приторцевого потока, распределением тангенциальной и полной скоростей потока в рабочем объеме, существованием обратного приосевого течения (или практически застойной зоны) на срезе выходного отверстия, особенностей истечения газов в окружающую среду. Конечно, в перспективе все эти факторы требуют специального рассмотрения и анализа. Необходима

оценка выходной составляющей суммарного коэффициента сопротивления относительно длинных циклонных камер.

На рис. 3 и 4 представлены результаты исследования влияния на $\xi_{\text{вх}}$ относительной площади входа

камеры. Из представленных данных видно, что сопротивление камеры повышается с увеличением площади входа, причем интенсивность роста зависит от диапазона рассматриваемых значений $\bar{f}_{\text{вх}}$.

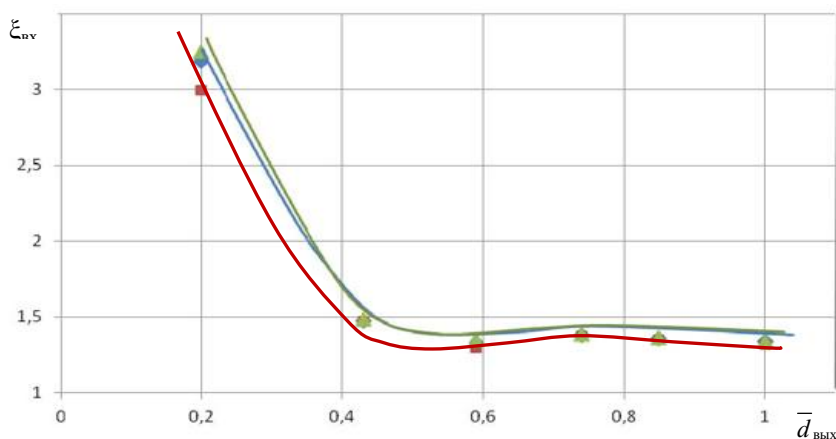

Рис. 2. Зависимость коэффициента сопротивления камеры от относительного диаметра выходного отверстия.
Обозначения: ■ – $\text{Re}_{\text{вх}} \cdot 10^{-5} = 3,2$; ◆ – 3,8; ▲ – 4,3

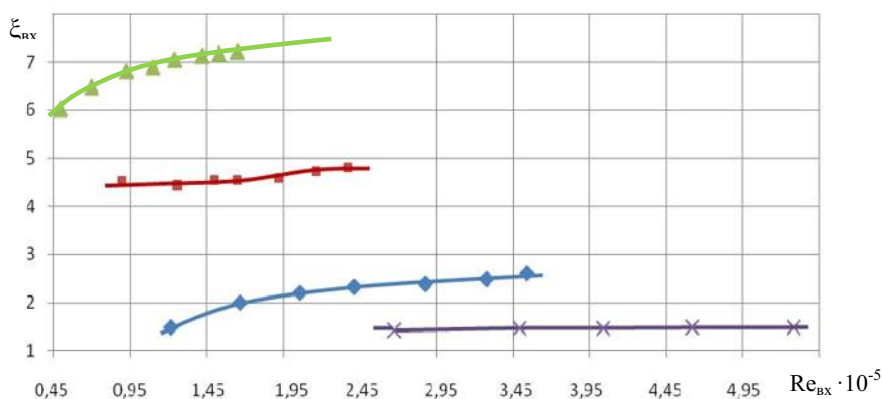

Рис. 3. Коэффициент сопротивления циклонной камеры при различных значениях $\text{Re}_{\text{вх}}$ и параметра $\bar{f}_{\text{вх}}$.
Обозначения: ▲ – $\bar{f}_{\text{вх}} = 0,21$; ■ – 0,12; ◆ – 0,08; × – 0,04

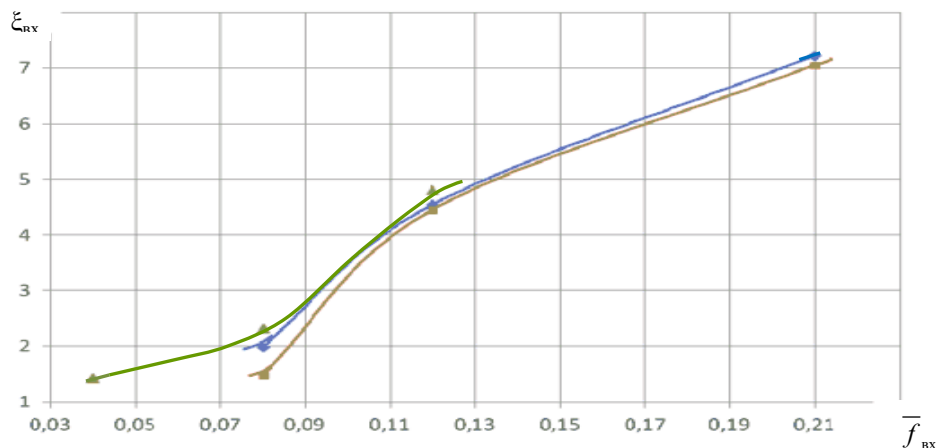

Рис. 4. Изменение коэффициента сопротивления циклонной камеры от относительной площади входа.
Обозначения: ■ – $\text{Re}_{\text{вх}} \cdot 10^{-5} = 1,25$; ◆ – 1,65; ▲ – 2,5

Полученные в работе данные позволяют для области приближенной автомодельности рекомендовать для расчета коэффициента сопротивления циклонных камер большой относительной длины уравнение:

$$\zeta_{\text{вх}} \left(1,05 - \frac{0,033 \ln \bar{d}_{\text{вх}}}{\bar{d}_{\text{вх}}^2} \right) \times \\ \times \left(-14 - 3745 \bar{f}_{\text{вх}} - 1005 \bar{f}_{\text{вх}} \ln \bar{f}_{\text{вх}} - 6930 \bar{f}_{\text{вх}}^2 \ln \bar{f}_{\text{вх}} \right).$$

Выводы.

1. Установлены характерные особенности зависимости суммарного коэффициента сопротивления относительно длинных циклонных камер в приближенной автомодельной области течения от величины относительного диаметра выходного отверстия и относительной площади входа камеры.

2. В результате обобщения опытных данных предложено эмпирическое уравнение для расчета коэффициента сопротивления относительно длинных циклонных камер, которое может быть использовано в инженерной практике при $\bar{d}_{\text{вых}} = 0,2 \dots 1,0$; $\bar{f}_{\text{вх}} = 0,04 \dots 0,21$; $\text{Re}_{\text{вх}} = 3,5 \cdot 10^5 \dots 5,0 \cdot 10^5$.

Литература

1. Зайцева, М.Л. Исследование конвективного теплообмена в относительно длинных циклонных камерах / М.Л. Зайцева, А.Н. Орехов, Э.Н. Сабуров // Проблемы газодинамики и тепломассообмена в энергетических установках: Труды XIX Школы-семинара молодых ученых и специалистов под руководством акад. РАН А.И. Леонтьева (20 – 24 мая 2013 г., г. Орехово-Зуево). – М., 2013. – С. 148 – 151.

2. Сабуров, Э.Н. Циклонные нагревательные устройства с интенсифицированным конвективным теплообменом / Э.Н. Сабуров. – Архангельск, 1995.

УДК 621.3.036.273

М.Л. Зайцева, А.Н. Орехов, Э.Н. Сабуров

ТЕПЛОТДАЧА НА БОКОВОЙ ПОВЕРХНОСТИ ЦИКЛОННЫХ КАМЕР БОЛЬШОЙ ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ДЛИНЫ С ВВОДОМ ГАЗОВ ВБЛИЗИ ВЫХОДНОГО ТОРЦА

Получены уравнения, позволяющие рассчитать локальный коэффициент теплоотдачи на боковой поверхности рабочего объема относительно длинных циклонных камер с вводом газов вблизи выходного торца. Выявлено влияние шероховатости боковой поверхности камеры на интенсификацию теплообмена.

Циклонная камера, теплоотдача, коэффициент теплоотдачи, шероховатость, конвекция.

The equations to calculate the local heat transfer coefficient on the side of the working volume of relatively long cyclone chambers with the introduction of gases near the output end are obtained. The influence of the roughness of the side of the camera on the intensification of heat transfer is identified.

Vortex chamber, heat transfer, coefficient of heat transfer, roughness, convection.

Циклонные камеры нашли широкое промышленное применение в качестве различных энерготехнологических установок. Высокие технико-экономические характеристики, конструктивная простота, а также высокая интенсивность конвективного теплообмена определяют актуальность работ, посвященных исследованиям теплоотдачи на боковой поверхности их рабочего объема.

Опыты выполнены на экспериментальном стенде, основным элементом которого являлась циклонная камера (рис. 1) с внутренним диаметром $D_k = 2R_k = 160$ мм. Передвижные секции рабочего объема камеры позволяли изменять ее относительную длину $\bar{L}_k = L_k/D_k$. В опытах $\bar{L}_k$ равнялась 2,25; 3,75; 6,75; 9,75 и 12,75. Подвод воздуха в закручиватель камеры осуществляли тангенциально с диаметрально противоположных сторон двумя шлицами (входными каналами), имеющими размеры поперечного сечения 24×84 мм. Оси шлицев находились в одной попереч-

ной плоскости на относительном расстоянии от торцов закручивателя, равном $0,5D_k$. Относительная высота шлицев $\bar{h}_{\text{вх}} = h_{\text{вх}}/D_k$ составляла 0,075. Вывод воздуха из камеры производили через отверстие в ближайшем от закручивателя торце рабочего объема. Относительный диаметр соосного с рабочим объемом выходного отверстия $\bar{d}_{\text{вых}} = d_{\text{вых}}/D_k$ в опытах составлял 0,43.

Шероховатость на боковой поверхности секций рабочего объема циклонной камеры создавали накаткой на токарном станке. При этом изменяли шаг накатки s (расстояние между выступами шероховатости) и высоту выступов шероховатости k . В относительном виде: высота выступов $\bar{k} = k/R_k$, шаг накатки $\bar{s} = s/R_k$. Увеличение площади поверхности теплоотдачи от накатки определялось параметром

$$\bar{S} = S_{\text{ш}}/S_{\text{гл}},$$

где $S_{\text{пл}}$ – площадь поверхности теплоотдачи гладкой камеры, $S_{\text{ш}}$ – площадь поверхности теплоотдачи шероховатой камеры. Диапазон изменения $\bar{S}$ в опытах составлял 1...1,333. Боковая поверхность закручивателя и торцы рабочего объема камеры в опытах были технически гладкими.

Воздух в камеру подавали воздуходувкой В10/1250 номинальной производительностью 10000 м³/ч и располагаемым напором 12,5 кПа. Изменение расхода производили как регулировочной заслонкой, так и числом оборотов воздуходувки. Расход измеряли по перепаду давления в сужающем устройстве с помощью дифференциального микроманометра. В качестве сужающего устройства использовали нормальную диафрагму, тарированную в мерных сечениях воздуховода по полю скоростей. Температуру воздуха перед диафрагмой и на входе в циклонную камеру определяли ртутными лабораторными термометрами. Измерение статического давления во входных каналах и на боковой поверхности камеры производили вышеназванными микроманометрами.

Теплоотдачу конвекцией к закрученному потоку воздуха в циклонной камере изучали методом парового калориметрирования [1] по изменению агрегатного состояния (конденсации) подаваемого в калориметр (рис. 1) слегка перегретого (на 2 – 3 °С) водяного пара. Общее количество теплоты, проходящее через боковую поверхность рабочей секции калориметра, определяли по количеству конденсата весовым способом. Время опыта измеряли секундомером. Температуру рабочей поверхности калориметра принимали равной температуре насыщенного пара при соответствующем давлении в рабочей секции.

Калориметр представлял собой передвижную секцию, имеющую такую же систему крепления, как и другие секции рабочего объема самой циклонной камеры, что позволяло переставлять его по всей ее длине. Внутренний диаметр калориметра равен диаметру рабочего объема циклонной камеры 160 мм, а длина его рабочего участка – 80 мм. Для предотвращения перетока конденсата из рабочей секции она имела ограничение в виде внешней цилиндрической поверхности диаметром 214 мм и двух торцевых. В верхней части этих поверхностей имелись отверстия для ввода в рабочую секцию свежего пара и вывода избыточного пара в охранный участок калориметра (паровую рубашку). Охранный секция ка-

лориметра обеспечивала полную теплоизоляцию рабочей секции. Снаружи и с торцов калориметр теплоизолирован. Внутренняя поверхность калориметра имела такую же шероховатость, как и другие секции рабочего объема камеры.

В опытах установлено, что локальный коэффициент теплоотдачи на боковой поверхности циклонной камеры убывает по мере продвижения потока, т.е. с увеличением координаты z , совпадающей с осью камеры и отсчитываемой от выходного торца рабочего объема. Интенсивность снижения α с увеличением относительной координаты $\bar{z} = z/D_k$ определяется шероховатостью поверхности рабочего объема и практически не зависит от относительной длины камеры. Установлено, что главным фактором влияния шероховатости на интенсивность теплоотдачи на боковой поверхности рабочего объема является определяемое ей развитие поверхности теплоотдачи, т.е. изменение параметра $\bar{S}$. В результате обработки полученных опытных данных были получены формулы, справедливые как для технически гладких, так и для шероховатых камер. Расчетное уравнение для локальных коэффициентов теплоотдачи имеет вид

$$Nu = B Re^n z^{-m}, \quad (1)$$

где $Nu = \alpha D_k / \lambda_{\text{вх}}$ – местное число Нуссельта, α – местный коэффициент теплоотдачи, $\lambda_{\text{вх}}$ – коэффициент теплопроводности воздуха на входе в камеру; $Re = v_{\text{вх}} D_k / \nu$ – входное число Рейнольдса, $v_{\text{вх}}$ – входная скорость потока, ν – кинематический коэффициент вязкости потока в шлицах; B, n, m – величины, зависящие от параметра $\bar{S}$.

При вводе воздуха у выходного торца рабочего объема (односторонний ввод – вывод газов) значения коэффициента B и показателей степени n, m в уравнении (1) равны:

$$B = -3,332 \bar{S}^3 + 12,631 \bar{S}^2 - 15,812 \bar{S} + 6,532; \quad (2)$$

$$n = (-0,019 \bar{S} + 0,019) \cdot \bar{z} + (-0,502 \bar{S} + 0,293); \quad (3)$$

$$m = -0,352 \bar{S} + 0,006. \quad (4)$$

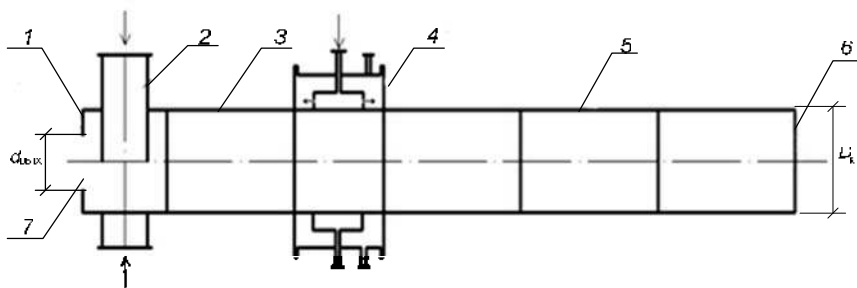

Рис. 1. Схема циклонной камеры: 1 – выходной торец рабочего объема, 2 – шлицы, 3 – закручиватель, 4 – калориметр, 5 – секции рабочего объема, 6 – глухой торец, 7 – выходное отверстие

Из формулы (3) видно, что показатель степени при числе Рейнольдса изменяется как в зависимости от значения параметра $\bar{S}$, так и от координаты $\bar{z}$.

В технически гладкой камере в ее головных сечениях (при малых значениях $\bar{z}$) $n = 0,8$, в камере с максимальной из рассмотренных шероховатостей

$$\bar{S} = 1,333, n = 1.$$

Показатель степени при числе Рейнольдса снижается в направлении к глухому торцу камеры, что связано с особенностями аэродинамики циклонных камер с односторонним вводом – выводом [1] и их большой относительной длиной.

Формулы (1) – (4) справедливы при $Re = 2 \cdot 10^5 \dots 5,5 \cdot 10^5$; $\bar{S} = 1..1,333$; $\bar{L}_k = 2,25 \dots 12,75$.

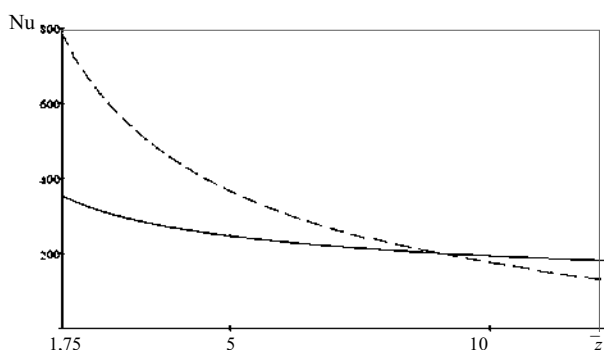

Рис. 2. Изменение интенсивности теплоотдачи вдоль боковой поверхности рабочего объема циклонных камер при одностороннем вводе – выводе газов

На рис. 2 сплошная кривая $Nu(\bar{z})$ относится к камере с технически гладкой поверхностью рабочего объема, пунктирная – с наибольшей из рассмотренных шероховатостей. Представленные на рис. 2 данные, полученные при $Re = 3 \cdot 10^5$ и $L_k = 12,75$, позволяют отметить, что в сечениях, близких к закручителю, интенсивность теплоотдачи становится выше в шероховатой камере, чем в гладкой. При $\bar{z} > 8$, наоборот, интенсивность теплоотдачи выше в гладкой камере. Последнее, вероятно, связано со снижением скорости потока под влиянием шероховатости и особенностями обтекания ее выступов. Аналогичное явление наблюдается и при других исследованных значениях Re и L_k .

На основании вышеприведенных результатов исследования можно сделать следующие выводы:

1) полученные в работе обобщенные уравнения теплоотдачи дают вполне удовлетворительные результаты и могут быть рекомендованы для инженерных расчетов теплоотдачи на боковой поверхности относительно длинных циклонных камер в широком диапазоне изменения их относительной длины с технически гладкой и шероховатой боковой поверхностью рабочего объема;

2) шероховатость поверхности рабочего объема циклонной камеры большой относительной длины может служить средством интенсификации конвективного теплообмена особенно в ее головных сечениях.

Литература

1. Сабуров, Э.Н. Циклонные нагревательные устройства с интенсифицированным конвективным теплообменом / Э.Н. Сабуров. – Архангельск, 1995.

УДК 621.771.014-415

И.А. Кожеевникова, Э.А. Гарбер, А.И. Трайно

МОДЕЛИРОВАНИЕ НАПРЯЖЕННОГО СОСТОЯНИЯ ПРИ ПРОКАТКЕ ТОЛСТЫХ ЛИСТОВ ПО КОНТРОЛИРУЕМЫМ РЕЖИМАМ С ПОНИЖЕННОЙ ТЕМПЕРАТУРОЙ В ПОСЛЕДНИХ ПРОПУСКАХ

В статье представлена математическая модель напряженного состояния в очагах деформации при прокатке толстых листов, в том числе – по контролируемым режимам с пониженной температурой в последних пропусках.

Показано, что зона прилипания при прокатке толстых листов занимает 88 – 99 % очага деформации, а доля упругих участков от общей длины очага деформации в последних пропусках при пониженных температурах может достигать 12 %. Учет зоны прилипания и упругих участков очага деформации обеспечил расчет усилий прокатки с погрешностью, не превышающей 5 – 6,5 %.

С помощью разработанной модели можно совершенствовать режимы прокатки толстых листов, в том числе – при термомеханической обработке и в интегрированном деформационно-термическом производстве.

Контролируемая прокатка, температурно-деформационный режим, очаг деформации, зона прилипания, контактные напряжения, усилие прокатки.

The paper presents a mathematical model of the stress state in the deformation by rolling thick sheets, including – at a controlled manner at a reduced temperature in the last passes.

It is shown that the area of attachment of the rolling of heavy plates is 88-99% of the deformation zone, and the proportion of the elastic portions of the total length of the deformation zone in the last passes at reduced temperatures can reach 12%. Accounting the

adhesion zone and the elastic deformation zone sites provided the rolling force calculation with an error of no more than 5-6.5%.

The developed model can improve the rolling schedule of thick sheets, including thermomechanical processing and thermal deformation-integrated manufacturing.

Controlled rolling, the temperature-deformation mode, deformation zone, adhesion zone, contact stresses, rolling force.

Активное развитие нефтегазодобывающей промышленности привело к повышению спроса на высокопрочную листовую сталь, полученную на толстолистовых станах с применением современных технологий производства, таких как: контролируемая прокатка, термомеханическая обработка (ТМО), интегрированное деформационно-термическое производство (ИДТ-производство) – со строго регламентируемыми температурами начала и окончания процесса, степенью деформации, скоростью охлаждения и др.

Режимы контролируемой прокатки, ТМО, ИДТ-производства предусматривают пластическую деформацию толстых листов при пониженных температурах: в отличие от обычных режимов прокатки толстолистовой стали, заканчивающихся при температурах выше 900 – 950 °С, в указанных технологиях последние чистовые пропуски осуществляют при температурах 700 – 720 °С.

Следствием таких температур являются повышенные затраты энергии, большие контактные напряжения и усилия прокатки, а также необходимость учета упругих участков очага деформации при анализе напряженного состояния металла.

Поскольку в большинстве случаев толстые листы имеют значительную ширину (отношение ширины к толщине листов $\frac{b}{h} \geq 100 - 500$), в модели напряженного состояния принята плоская схема деформации,

которая достоверно описывает формоизменение металла на большей части ширины очага деформации, за исключением прикромочных участков, протяженностью не более 5 % ширины.

Исходя из этого допущения, для моделирования очага деформации толстых листов использована методика, аналогичная принятой для расчета контактных напряжений при горячей прокатке широких полос [1], [2], [4], [5], которая основана на следующих положениях:

1. Очаг деформации в i -м пропуске состоит из четырех участков (рис. 1), в каждом из которых переменные контактные напряжения и их среднее значение рассчитывают отдельно: 1-й участок, длиной $x_{1упр}$, – упругого сжатия полосы до пластического состояния, 2-й и 3-й участки пластической деформации – зоны отставания длиной $x_{пл.отст}$ и опережения длиной $x_{пл.опер}$, 4-й участок упругого восстановления части толщины полосы, длиной x_2 .

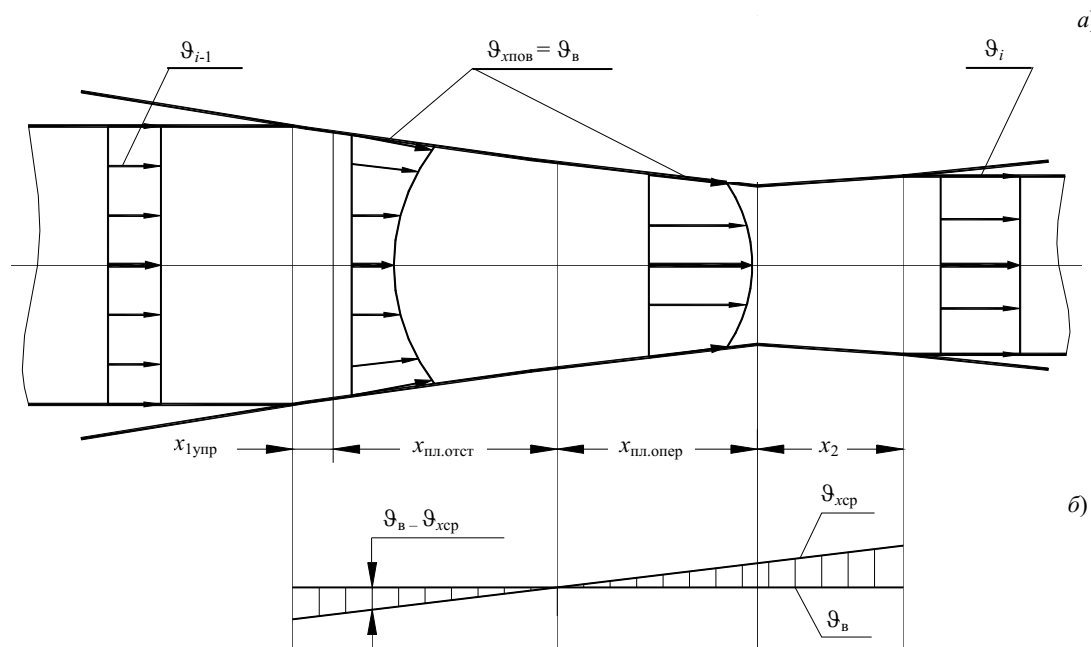

Рис. 1. Схема изменения скоростей полосы в очаге деформации рабочей клетки толстолистового стана горячей прокатки, где v_0 и v_1 – скорость полосы на входе в очаг деформации и выходе из него; $v_{хплов}$ – скорость полосы на поверхности контакта с валком; v_v – окружная скорость бочки вала; v_n – скорость полосы в нейтральном сечении; $v_{хсп}$ – средняя по толщине h_x скорость полосы в сечении с координатой x ; h_0, h_1, h_n – толщина полосы на входе в очаг деформации, на выходе из него и в нейтральном сечении

2. На 1-м и 4-м упругих участках имеет место трение скольжения, в связи с чем связь касательного (τ_x) и нормального (p_x) напряжений выражена законом:

$$\tau_x = \mu p_x, \quad (1)$$

где μ – коэффициент трения в очаге деформации.

3. Весь пластический участок представляет собой зону прилипания, характеризующуюся трением покоя – отсутствием относительного скольжения контактных поверхностей полосы и валков:

$$\vartheta_{\text{пов}} = \vartheta_{\text{в}}, \quad (2)$$

где $\vartheta_{\text{пов}}$ – скорость движения поверхностного слоя полосы, контактирующего с валком; $\vartheta_{\text{в}}$ – окружная скорость бочки вала.

Средняя в поперечных сечениях скорость полосы $\vartheta_{\text{ср}}$, согласно закону постоянства секундных объемов, по длине очага деформации растет, следовательно, разность скоростей ($\vartheta_{\text{в}} - \vartheta_{\text{ср}}$) изменяется согласно графику, показанному на рис. 1б.

4. На пластическом участке, представляющем собой зону прилипания, касательные напряжения изменяются линейно от максимального значения $\tau_{\text{хmax}} = \tau_s$ (где τ_s – сопротивление чистому сдвигу) до минимального значения $\tau_x \geq -\tau_s$, проходя через значение $\tau_x = 0$ в нейтральном сечении, в соответствии с выражением:

$$\tau_x = \tau_s \left(\frac{h_x - h_n}{h_{1\text{упр}} - h_n} \right), \quad (3)$$

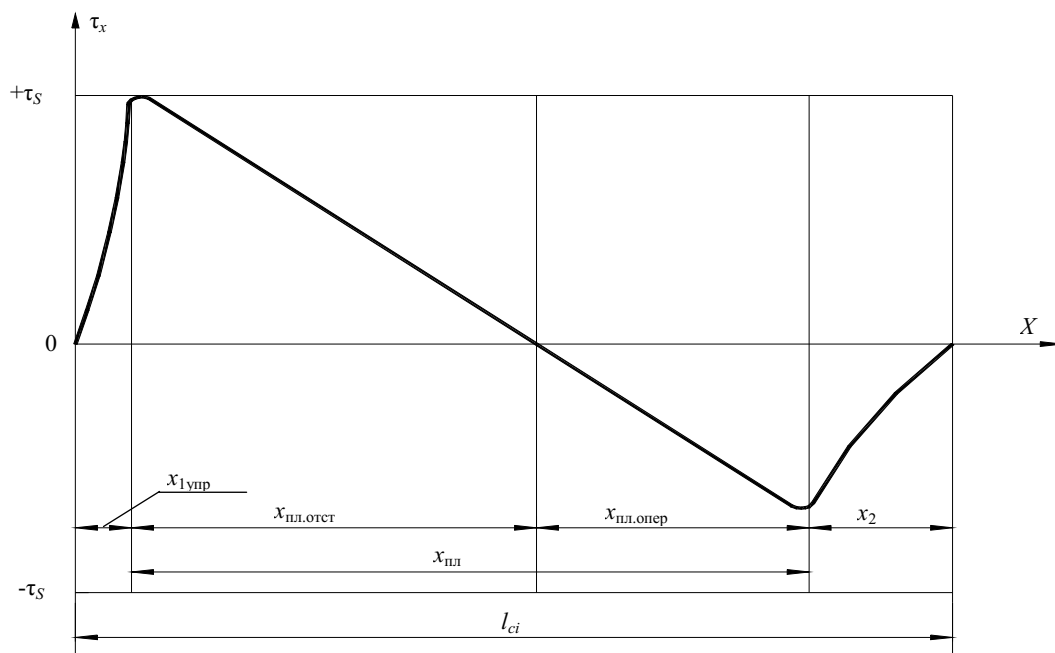

Рис. 2. График изменения касательных контактных напряжений в очаге деформации

где h_n – толщина полосы в нейтральном сечении; $h_{1\text{упр}} = h_{i-1} - \Delta h_{1\text{упр}}$ – толщина полосы на границе первого упругого и пластического участков; h_{i-1} – толщина полосы на входе в i -й проход; $\Delta h_{1\text{упр}} = h_{i-1} \frac{\sigma_{\text{ф.пл}}}{E_{\text{П}}} -$

максимальная упругая деформация полосы в конце первого упругого участка; $\sigma_{\text{ф.пл}}$ – среднее значение сопротивления деформации полосы на пластическом участке очага деформации.

График изменения касательных напряжений по длине очага деформации, соответствующий выражениям (1) и (3), показан на рис. 2.

Сопротивления деформации $\sigma_{\text{ф}}$ на упругих участках приняты изменяющимися линейно (согласно закону Гука) от нуля до среднего значения $\sigma_{\text{ф.пл}}$, принятого на пластических участках постоянным. Для расчета $\sigma_{\text{ф.пл}}$ использована формула Л.В. Андреюка [7], как наиболее достоверная. В ней сопротивление деформации вычисляется для каждой марки стали в функции температуры, скорости деформации и суммарного относительного обжатия.

Температура раската является одним из важнейших параметров при моделировании напряженного состояния толстых листов. Она задается технологическим режимом контролируемой прокатки, ТМО или ИДТ-производства и вводится в качестве исходной величины в формулу Л.В. Андреюка. При обычной технологии горячей прокатки температура раската вычисляется по известным методикам [7], с учетом излучения, конвекции, охлаждения полосы и ее нагрева за счет работы пластической деформации и трения.

Для расчета контактных напряжений на каждом участке очага деформации, по аналогии с методикой [1], [2], [4], [5], составили и решили систему трех уравнений:

- дифференциальное уравнение равновесия полосы;
- уравнение упругости (на упругих участках) или пластичности (в зоне прилипания);
- уравнение, выражающее закон изменения напряжений трения: на упругих участках – выражение (1); на пластическом – выражение (3), единое для зон отставания и опережения.

Контур очага деформации с учетом упругого сплющивания аппроксимирован двумя прямыми отрезками: первым – от входного сечения до вертикальной осевой плоскости валков (он соответствует углу захвата α и, следовательно, наклонен к оси прокатки на угол $\alpha/2$), вторым – на участке упругого восстановления части толщины полосы (он наклонен к оси прокатки в противоположном направлении на угол β).

Полученные выражения переменных напряжений p_x и их средних значений на каждом участке p_1, p_{23}, p_4 приведены в работе [3].

По известным средним значениям напряжений на каждом из трех участков среднее для всего очага деформации среднее нормальное контактное напряжение и усилие прокатки вычисляют по формулам:

$$p_{cpi} = \frac{1}{l_{ci}} (p_1 x_{1уп} + p_{23} x_{пл} + p_4 x_2),$$

$$P_i = p_{cpi} l_{ci} b_i,$$

где l_{ci} – длина очага деформации; b_i – ширина раската после i -го прохода, рассчитанная по формуле Жеза с учетом уширения [7]:

$$b_i = b_{i-1} + 0,4 \varepsilon_i \sqrt{R \Delta h_i},$$

где b_{i-1} – ширина раската на входе i -й проход.

Проверку достоверности изложенной математической модели выполнили путем сравнения расчетных и измеренных значений усилий прокатки в черновой рабочей клетке действующего толстолистового стана «2800». В качестве примера в табл. 1 представлены технологические и силовые параметры прокатки листа марки 09ГСФ размерами 10х2218х11800 из сляба размерами 193х980х1660 мм.

Из таблицы видно, что максимальная разность между расчетными и измеренными усилиями составила 6,4 %. Столь высокая точность определения усилий прокатки свидетельствует о достоверности изложенной математической модели и положенных в ее основу допущений, в частности, плоской схемы деформации и закона распределения напряжений трения по длине зоны прилипания (формула (3) и график на рис. 2).

Это дает основания использовать изложенный метод расчета контактных напряжений и усилий для анализа и совершенствования технологических, геометрических и силовых параметров очага деформации, как при обычной горячей прокатке толстых листов, так и при прокатке с регламентированными режимами и пониженными температурами.

В результате анализа существующих параметров процесса горячей прокатки на ТЛС установлено следующее:

1. Доля упругих участков очага деформации от его общей длины в последних проходах достигает 12 %, что сопоставимо с горячей прокаткой тонких полос на НШПС, где эта доля составляет 1 – 17 %. Это подтверждает целесообразность их учета в энергосиловом расчете процессов контролируемой прокатки, ТМО и ИДТ-производства толстолистовой стали.

Таблица 1

Технологические и силовые параметры режима горячей прокатки листа марки 09ГСФ размерами 10×2218×11800 из сляба размерами 193×980×1660 мм

Проход №	h_i , мм	b_i , мм	L_i , мм	ε_i , %	$\varepsilon_{\Sigma i}$, %	T_i , °С	$\sigma_{ф.пл.}$, МПа	l_{ci} , мм	p_{cpi} , МПа	P_i , МН		ΔP_i , %
										изм.	расч.	
1	154	993	2022	20,2	20,2	1160	72	139,9	91	12,15	12,57	3,5
2	123	1003	2506	20	36,3	1154	74	124,7	94	11,19	11,8	5,5
3	106	2511	1162	17	45,1	1144	70	92,4	89	20,64	20,64	0
4	92	2515	1336	13	52,3	1133	72	83,9	92	19,33	19,37	0,2
5	79	2520	1553	14	59,1	1121	76	80,9	98	19,53	20	2,43
6	69	2524	1775	12,7	64,2	1108	77	71	100	17,53	17,9	2,12
7	60	2528	2039	13	68,9	1093	81	67,4	107	17,67	18,15	2,7
8	51	2532	2395	15	73,6	1076	89	67,4	119	19,73	20,24	2,6
9	50	2395	2582	2	74	1059	56	22,5	68	3,62	3,68	1,74
10	49	2395	2635	2	74,6	1040	59	22,5	72	3,86	3,9	1,03
11	48	2395	2690	2	75,1	1023	62	22,6	76	4,112	4,11	0,2
12	47	2395	2747	2	75,6	1015	64	22,6	78	4,38	4,23	3,3
13	44	2395	2934	6,4	77,2	987	92	39	119	11,83	11,08	6,4
14	40	2395	3228	9	79,3	967	107	45,1	141	15,68	15,25	2,7

Что касается первых проходов, мало отличающихся от режимов обычной прокатки толстых листов в черновых клетях, доля упругих участков в их очагах деформации менее 1 %, однако, опыт расчетов показал, что расчет контактных напряжений в этих участках также целесообразен, так как позволяет достоверно определить величину напряжений в основной – пластической – зоне очага деформации и тем самым снизить погрешность определения усилий прокатки.

2. Максимальные значения нормальных контактных напряжений в последних проходах составляют 750 – 1240 МПа, что в 2,3 – 2,8 раза превышает сопротивление металла пластической деформации. Особенно значительны эти напряжения в 10-м и 11-м пропусках: их величина такая же, как и при горячей прокатке по обычным режимам на широкополосных станах наиболее тонких полос (толщиной 0,8 – 1,2 мм) [1], [2], [4], [5].

Изложенные результаты свидетельствуют о том, что базовая технология неполностью соответствует цели последних пропусков в ИДТ-производстве, указанной в технологическом регламенте: «проглаживанию» полосы для окончательного формирования качества ее поверхности и планшентности.

Учитывая это, для демонстрации возможностей разработанной модели в части оптимизации режимов прокатки мы перераспредели обжатия в 9-м и 11-м проходах: в 11-м проходе уменьшили обжатие с 20 % до 15 %, а в 9-м – увеличили с 30 % до 34,1 %.

Результаты расчета контактных напряжений и усилий после изменения режима обжатий показаны в табл. 2.

Таблица 2

Усовершенствованный режим прокатки в 9-м, 10-м и 11-м проходах, значения контактных напряжений и усилий прокатки

Проход №	h_{i-1} , мм	h_i , мм	ε_i , %	$P_{\max}$, МПа	$P_{\text{ср}}$, МПа	P , МН	$\frac{P_{\max}}{\sigma_{\text{ф.пл}}}$
9	10	6,59	34,1	819	663	40	2,4
10	6,59	4,706	28,6	1048	824	38	2,6
11	4,706	4,0	15	943	733	21,2	2,4

Как видно из табл. 2, максимальное напряжение в последнем проходе уменьшено на 30 %, при этом обеспечено более равномерное распределение максимальных и средних напряжений в трех последних проходах.

Таким образом, в работе изложена модель напряженного состояния металла в очаге деформации при прокатке толстых листов, показана возможность совершенствования режимов контролируемой прокатки путем выравнивания нагрузок между проходами за счет перераспределения обжатий.

Литература

1. Гарбер, Э.А. Влияние химического состава и упругих свойств полосы и валков на энергосиловые параметры широкополосных станов горячей прокатки / Э.А. Гарбер, И.Д. Поспелов, И.А. Кожевникова // Производство проката. – 2011. – № 8. – С. 2 – 7.
2. Гарбер, Э.А. Моделирование контактных напряжений и усилий горячей прокатки тонких широких полос с учетом зоны прилипания и упругих участков очага деформации / [Э.А. Гарбер и др.] // Металлы. – 2007. – № 2. – С. 1 – 10.
3. Гарбер, Э.А. Напряженное состояние в очаге деформации при прокатке высокопрочной толстолистовой стали / [Э.А. Гарбер и др.] // Металлы. – 2007. – № 3. – С. 33 – 39.
4. Гарбер, Э.А. Расчет усилий горячей прокатки тонких полос с учетом напряженно-деформированного состояния в зоне прилипания очага деформации / Э.А. Гарбер, И.А. Кожевникова, П.А. Тарасов // Производство проката. – 2007. – № 4. – С. 7 – 15.
5. Гарбер, Э.А. Энергосиловой расчет широкополосных станов горячей прокатки с учетом влияния температуры на упругие свойства горячекатаных тонких полос / Э.А. Гарбер, И.Д. Поспелов, И.А. Кожевникова // Вестник ЧГУ. – 2011. – № 3. – Т. 1. – С. 9 – 13.
6. Диомидов, Б.Б. Калибровка прокатных валков / Б.Б. Диомидов, Н.В. Литовченко. – М., 1970.
7. Коновалов, Ю.В. Расчет параметров листовой прокатки. Справочник / Ю.В. Коновалов, А.Л. Остапенко, В.И. Пономарев. – М., 1986.

МЕТОД ИНТЕГРАЦИИ ОНТОЛОГИЙ РАЗНОРОДНЫХ ИСТОЧНИКОВ ДАННЫХ В АСУП

Предлагается способ интеграции разнородных источников данных в АСУП на основе базовой онтологии предметной области. Представлен алгоритм определения семантической близости концептов и пример практического использования предложенного способа интеграции.

Интеграция разнородной информации, онтология, дескрипционная логика, OWL, онтологический инжиниринг, семантическая близость.

The paper proposes the way to integrate the disparate sources of data in enterprise management systems based on the ontology of knowledge domain. The algorithm for determining the semantic proximity of concepts and an example of practical use of the offered method of integration are presented.

Integration of heterogeneous information, ontology, descriptive logics, OWL, ontological engineering, semantic proximity.

Введение

Современные промышленные предприятия имеют сложную информационную инфраструктуру, как правило, включающую множество разнородных источников данных (базы данных различных форматов, электронные таблицы, текстовые файлы и т.д.). Такое положение, сложившееся на протяжении многих лет «островковой» автоматизации, породило проблему интеграции разнородных источников данных, широко обсуждаемую в настоящее время в научном сообществе [1] – [3]. Надежным и проверенным способом решения задачи интеграции разнородных данных в АСУП является создание единого корпоративного хранилища данных (Data Warehouse).

В силу возможного (и весьма вероятного) наличия дублирования информации, а также структурных, лексических и семантических конфликтов в различных источниках данных, формирование хранилища представляет собой сложный многоэтапный процесс, который нужно рассматривать в контексте более общей задачи управления корпоративными знаниями [3]. В статье представлен метод формирования корпоративного хранилища данных промышленного предприятия, основанный на сравнении онтологий, извлеченных из разнородных источников данных, с базовой (эталонной) онтологией предметной области с целью обнаружения и разрешения конфликтов в процессе интеграции данных. Данный метод опирается на некоторые идеи, изложенные в [1] – [3], тем не менее, он является оригинальной авторской разработкой, не представленной ни в одном из известных авторам источников.

Этапы формирования корпоративного хранилища данных

Суть предложенного метода состоит в том, что в процессе интеграции онтологий, извлеченные из различных источников данных, поочередно сравниваются с базовой онтологией, которая играет роль эталона при обнаружении лексических и семантических конфликтов и сама может пополняться в процессе интеграции. Метод предполагает выполнение

следующих этапов в процессе формирования корпоративного хранилища:

1. Преобразование данных разнородных источников в единый онтологический формат.
2. Разработка базовой онтологии предметной области на основе экспертных знаний и нормативных документов предметной области.
3. Нахождение орфографических и синонимических сходств концептов (понятий) и их атрибутов в базовой и интегрируемых онтологиях.
4. Нахождение семантической близости концептов интегрируемой и базовой (расширенной базовой) онтологий.
5. Подтверждение онтологом-интегратором семантической близости концептов интегрируемой и базовой (расширенной базовой) онтологий.
6. Интеграция семантически близких концептов интегрируемой и базовой (расширенной базовой) онтологий, уточнение структуры хранилища данных.
7. Передача данных в хранилище.

Безусловно, этот сложный многоэтапный процесс требует участия специалистов. Так, разработка базовой онтологии (этап 2) может быть выполнена только с помощью опытных экспертов предметной области, принятие важных проектных решений выполняется онтологом-интегратором (этап 5). Предложенный подход позволяет соединить экспертные знания информацией, извлеченной из разнородных источников данных предприятия, при этом появляется возможность полной или частичной автоматизации наиболее трудоемких этапов формирования хранилища.

Поясним кратко представленные этапы, остановившись более подробно на тех из них, для которых не имеется типовых решений.

1 этап. Первоочередной задачей является получение из интегрируемых разнородных источников данных их описаний в едином онтологическом формате, на котором доступна семантика для эффективной интеграции. Для детального описания связей и свойств онтологии был выбран диалект языка описа-

ния онтологий OWL-DL, который имеет неплохие выразительные и вычислительные возможности. При апробации метода для автоматизации данного этапа было использовано бесплатное программное средство D2RQ.

2 этап. Разработка базовой онтологии – самый трудоемкий и ответственный «ручной» этап, поскольку качество его выполнения, напрямую зависящее от квалификации и опыта экспертов предметной области, определяет успешность выполнения всех остальных работ.

Первые два этапа являются подготовительными в процессе интеграции и могут быть выполнены одновременно. После их завершения можно приступить к интеграции онтологий.

3 этап. С целью устранения некоторых лексических конфликтов, которые могут присутствовать в наименованиях концептов и их атрибутов, требуется применить один из алгоритмов нахождения орфографических сходств. На сегодняшний день их существует множество, например, метод Левенштейна, метод Q-грамм, алгоритм нечеткого поиска, алгоритм Soundex и т.д. В данной работе использован алгоритм нечеткого поиска, так как он позволяет эффективно находить сходства сущностей и атрибутов онтологий. Для сравнения концептов определялось сходство по их названию и по названию всех атрибутов. Для нахождения синонимических сходств использовался словарь синонимов.

4 этап. Нахождение семантической близости концептов онтологий

Многие концепты онтологий могут не иметь орфографических сходств, но при этом быть очень близкими по семантике. Для нахождения семантической близости концептов онтологий будем применять единую онтологическую модель, используемую в [2]:

$$O = \langle C, T, P, F, A \rangle,$$

где C – концепты (основные понятия предметной области); T – частичный порядок на множестве C ; P – свойства (двуместные предикаты); F – функция, которая назначает каждому элементу множества P множество элементов из множества C (с учетом их иерархии в T); A – набор аксиом онтологии (утверждения об элементах предметной области).

На основе такой онтологической модели знаний O описание ресурса (объекта) R_i может быть представлено в виде набора семантических метаданных следующей структуры:

$$M_i = (M_{ki}(O), M_{ci}(O)),$$

где $M_{ki}(O)$ – это контекстные метаданные объекта знаний, описывающие взаимосвязи объекта с другими объектами и понятиями рассматриваемой предметной области или литералами, а $M_{ci}(O)$ – контентные метаданные ресурса, описывающие информацию, которая содержится в объекте. Контекстные метаданные соответствуют набору значений свойств

понятия ($c_j \in C$), экземпляром которого является описываемый объект в онтологии, т.е.

$$M_{ki}(O) = (p_1(O_i, v_1), \cup p_2(O_i, v_2) \cup \dots \cup p_r(O_i, v_r)),$$

где утверждение $p_i(O_i, v_i)$ состоит из предиката (отношения) ($p_i \in P$), описанного в онтологии. Контентные метаданные $M_{ci}(O)$ описываются наборами утверждений из O_3 .

$$M_{ci}(O) = \{p_1(s_1, v_1), k_1\} \cup \{p_2(s_2, v_2), k_2\} \cup \dots \cup \{p_k(s_k, v_k), k_k\},$$

где $\{p_i(s_i, v_i), k_i\}$ – кортеж, включающий утверждение $p_i(s_i, v_i)$ (соответствующее RDF триплету (s_i, p_i, v_i)) и k_i – важность данного утверждения для описания контента объекта знаний i . Подобие между метаданными $\Phi(MDi, MDj)$ может быть определено через подобие входящих в них утверждений:

$$\sum_{I_i \in MD_i} \sum_{I_j \in MD_j} \text{sim}(T_i, T_j),$$

где $\Phi(MDi, MDj)$ – величина близости метаописаний объекта i и объекта j ; $\text{sim}(T_i, T_j)$ – величина близости утверждений (триплетов) T_i и T_j , входящих в сравниваемые метаописания. Величины $\text{sim}(T_i, T_j)$ могут быть определены с использованием следующего выражения:

$$\begin{aligned} \text{sim}(T_i, T_j) &= \text{sim}((c_i, r_j, i_k k_i), (c_x, r_y, i_z k_w)) = \\ &= \frac{\text{sim}(c_i, c_x) + \text{sim}(r_j, r_y) + \text{sim}(i_k, i_z)}{3} \cdot f(k_i, k_w), \end{aligned}$$

где $\text{sim}(c_i, c_k)$ – семантическая близость понятий, используемых в утверждениях; $\text{sim}(r_i, r_j)$ – семантическая близость отношений онтологий; $\text{sim}(i_k, i_z)$ – семантическая близость контекстных метаданных экземпляров понятий онтологий; $f(k_i, k_w)$ – функция учета коэффициентов важности утверждений (используются разные варианты). Для каждого понятия ($c_i \in C$) существует множество $C_{anc}(c_i)$, являющееся подмножеством C , и содержащее понятия, предшествующие понятию c_i , а также само понятие $C_{anc}(c_i) = \{c_j \in C \mid T_c(c_j, c_i) \vee c_j = c_i\}$.

Для оценки семантической близости двух концептов $\text{sim}_C(c_k, c_l)$ применим формулу $\text{sim}_c(c_k, c_l) = k \cdot \frac{|C_{anc}(c_k) \cap C_{anc}(c_l)|}{|C_{anc}(c_k) \cup C_{anc}(c_l)|}$, используемую в [1]

и добавляем к ней меру близости, использующую глубину иерархии вершин концептов (ранг множества) и меру близости атрибутов иерархии. Оценивать семантическую близость концептов числителя и знаменателя на каждом ранге будем отдельно исходя из следующей формулы:

$$100\% = \left(\frac{C_{top}}{2^{k-1}} + \frac{C(k)}{2^k} + \frac{C(k+1)}{2^{k+1}} + \dots + \frac{C(k+n)}{2^{k+n}} \right) \cdot 100\%, \quad (1)$$

где $n = 1, 2, 3, \dots, k$, где: k – ранг множества.

Поместим иерархии сравниваемых онтологий в массивы значений (Матрицы A и B) – $A: (k \times n)$, $B: (l \times m)$ где k, l – количество рангов рассматриваемых при нахождении семантической интеграции; n, m – количество концептов рангов k, l . Алгоритм сравнения концептов использует тезаурус предметной области, для нахождения синонимов.

$$\begin{bmatrix} A(1,1), A(1,2), \dots, A(1,n) \\ A(2,1), A(2,2), \dots, A(2,n) \\ \dots \\ A(k,1), A(k,2), \dots, A(k,n) \end{bmatrix} \overset{\text{Тезаурус}}{\cong} \begin{bmatrix} B(1,1), B(1,2), \dots, B(1,m) \\ B(2,1), B(2,2), \dots, B(2,m) \\ \dots \\ B(l,1), B(l,2), \dots, B(l,m) \end{bmatrix}$$

где $\cong$ – семантическая близость.

Чтобы получить семантическую близость двух рассматриваемых концептов, необходимо на основании формулы (1) вычислить взвешенную сумму семантических близостей каждого ранга Ключей и Атрибутов интегрируемой и базовой онтологий.

Получаем:

$$\begin{aligned} \text{sim}_c(c_k, c_l) = & \frac{1}{2 + |k - l|} \cdot \sum_{n,m} \sum_{k,l} \frac{|C_{anc}(c_{k,n}) \cap C_{anc}(c_{l,m})|}{|C_{anc}(c_{k,n}) \cup C_{anc}(c_{l,m})|} + \\ & + \frac{1}{2 + |k - l|} \cdot \sum_{k,l} \left(\frac{F_{k,n}(C_{anc}(A_{k,n})) \cap F_{l,n}(C_{anc}(A_{l,m}))}{F_{k,n}(C_{anc}(A_k)) \cup F_l(C_{anc}(A_{l,m}))} \right) \end{aligned}$$

$$C_{top} \in C_{anc}(c_k) \cap C_{anc}(c_l) \text{ и } C_{top} \in C_{anc}(c_k) \cup C_{anc}(c_l)$$

при любых $(c_k \in C)$ и $(c_l \in C)$, F_p – близость атрибутов иерархии, k, l – ранги множеств. $C_{top} \in C_{anc}(c_k) \cap C_{anc}(c_l)$ и $C_{top} \in C_{anc}(c_k) \cup C_{anc}(c_l)$ при любых $(c_k \in C)$ и $(c_l \in C)$.

$$\text{sim}_c(c_k, c_l) \in [0; 1].$$

Алгоритм нахождения семантической близости концептов на основании формулы (2) представлен на рис. 1.

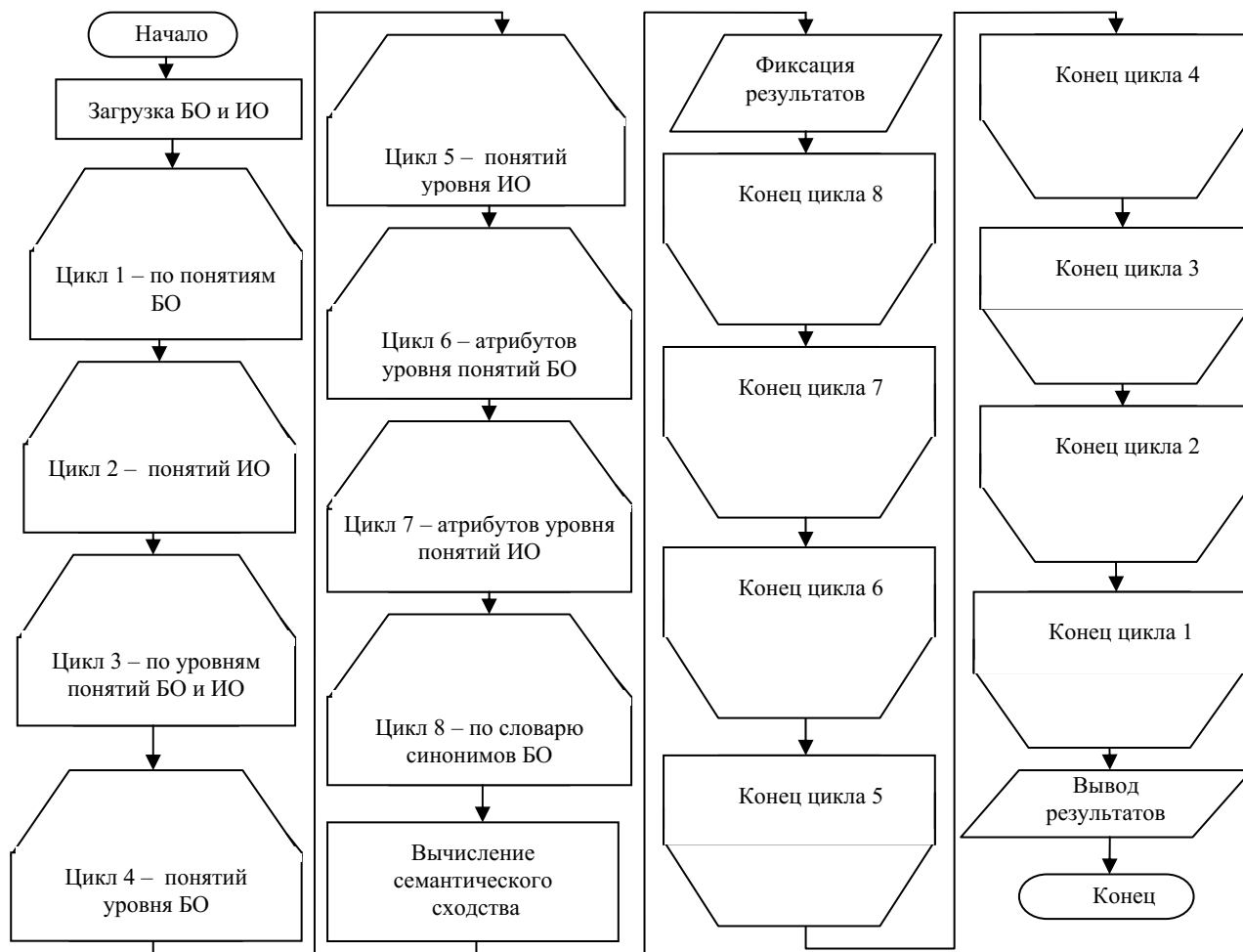

Рис. 1. Нахождение семантической близости концептов онтологий. Алгоритм

5 этап. После нахождения семантических сходств интегрируемой и базовой онтологий онтологу-интегратору предоставляются результаты поиска с вычисленным процентным соотношением близости концептов, которую он должен либо подтвердить и произвести интеграцию, тем самым изменяя структуру хранилища, либо выбрать другой вариант.

6 этап. Интеграция семантически близких концептов онтологий. Для формализации процесса интеграции использовалось расширение математической модели интеграции онтологий, представленной в [2], с учетом специфики решаемой задачи.

В рамках модели определен набор функций, необходимых в процессе интеграции онтологий: функции объединения, разделения и преобразования.

В предлагаемом методе с учетом возможности пополнения базовой онтологии была введена еще функция дополнения:

$$\begin{aligned} & C_{(1,2,...,x,i)} \cap C_{po,j} \\ & Fd : A'_{po} = A_{po} + (A_{po} - A_{(1,2,...,x)}) \\ & A_{(1,2,...,x)} = (N_{(1,2,...,x)}, T_{(1,2,...,x)}, SV_{(1,2,...,x)}), \\ & A_{po} = (N_{po}, T_{po}, SV_{po}) \\ & Fd(A_{(1,2,...,x,i)}, A_{po,j}) \rightarrow A'_{po}. \end{aligned}$$

Выполнив интеграцию онтологий в соответствии с данной моделью, получим расширенную базовую модель предметной области, на основе которой можно автоматически сформировать схему хранилища данных. Основная часть задачи решена.

7 этап. Для передачи данных в хранилище необходимо сформировать запросы к источникам данных. Полная автоматизация этого процесса представляет собой трудоемкую задачу, которая может быть реализована в развитие данного метода. При наличии хорошего конструктора запросов «ручное» выполнение данного этапа не представляет сложностей.

Экспериментальная проверка предложенного способа интеграции разнородных источников данных

Эксперимент проводился на реальных данных Вологодского комбината хлебопродуктов (мукомольное и комбикормовое производство). Данное

предприятие имеет несколько автономных учетных систем на различных технологических платформах с большой степенью дублирования информации, поэтому остро нуждается в интеграции данных с целью оперативного формирования качественной сводной управленческой отчетности. Целью эксперимента явилось подтверждение работоспособности и эффективности предлагаемого метода интеграции, в частности, алгоритмов нахождения семантической близости концептов и интеграции близких концептов онтологий, а конкретным прикладным результатом – сформированное единое корпоративное хранилище данных.

В ходе эксперимента были последовательно выполнены все представленные выше этапы. Совместно с экспертами предметной области была разработана базовая онтология предметной области «Хранение и переработка зерна», которая в очень укрупненном виде представлена на рис. 2.

Проведена интеграция действующих баз данных учетных систем «Корм-оптима» и «Автоматизированной системы количественно-качественного учета» (АСККУ) на основании предлагаемого метода. В результате интеграции онтологий, извлеченных из баз данных, с базовой онтологией получили расширенную онтологию предметной области (рис. 3). Как видно из схемы, базовая онтология не изменила своей структуры, а лишь дополнилась новыми знаниями из интегрируемых источников. На этой основе была сформирована структура хранилища, после чего в него была передана информация обо всей основной деятельности предприятия (после ее очистки).

Результаты эксперимента по процессу интеграции онтологий с участием базовой онтологии представлены в таблице, из которой следует, что предлагаемый метод позволил найти семантически близкие концепты и атрибуты, несмотря на различие в их наименованиях, также удалось выявить концепты и атрибуты, которые имеют одинаковое наименование, но совсем разный смысл. Общее количество найденных семантически близких к базовой онтологии концептов и атрибутов равно 145 и 26 (65 %).

Таблица

Результаты процесса интеграции онтологий с базовой онтологией

Объект	Базовая онтология	Онтология БД АСККУ	Онтология БД Корм-Оптима
Количество концептов и атрибутов	170	220	40
Количество лексически близких к базовой онтологии концептов и атрибутов	-	85	15
Количество семантически близких концептов и атрибутов	-	145	26
Количество семантически близких, но лексически различных концептов	-	64	12
Количество лексически близких, но семантически различных концептов	-	4	2

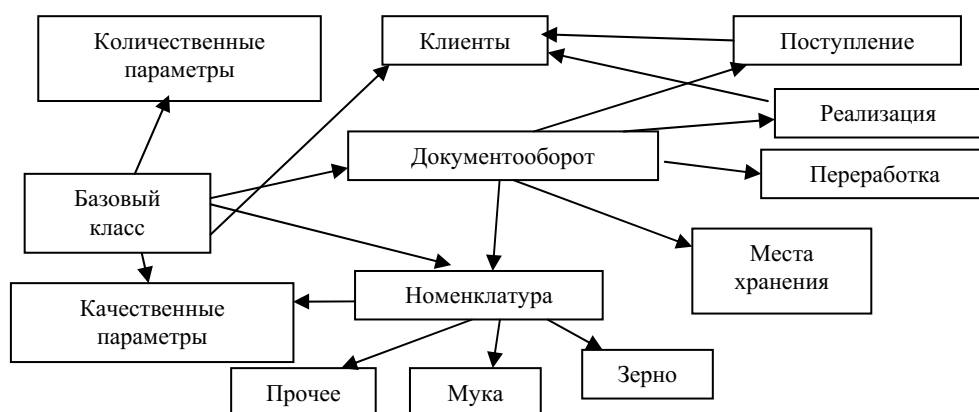

Рис. 2. Базовая онтология предметной области «Хранение и переработка зерна»

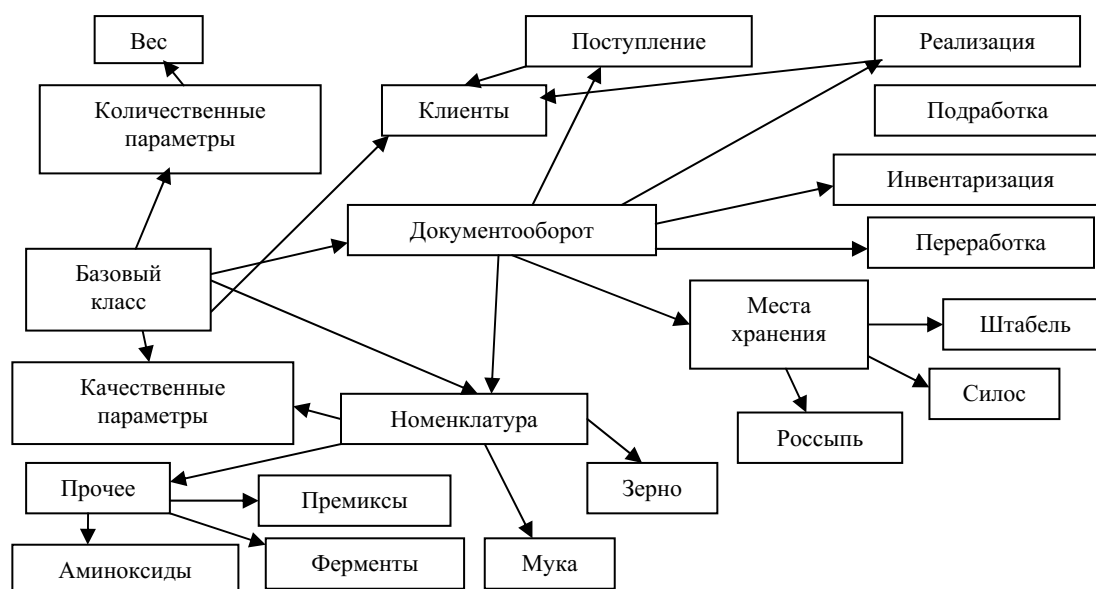

Рис. 3. Онтология предметной области «Хранение и переработка зерна» после интеграции

Важным практическим результатом эксперимента по интеграции разнородных источников данных явилось сокращение времени формирования сводной отчетности предприятия. Так, до интеграции двум бухгалтерам для получения сводного отчета по всем направлениям (комбикормовое, мукомольное) за период 2004 – 2012 гг. требовалось около 5 ч. времени. После интеграции это время сократилось до 15 мин. По одному направлению одному бухгалтеру требовалось около 4 ч. После интеграции – 10 мин. Запросы были выполнены на сервере со следующими параметрами: процессор – intel xeon 2,3 ГГц, оперативная память – 4 Гб.

Данный способ можно рекомендовать к использованию в АСУП для тех предприятий, которые ре-

шают задачу консолидации разнородных источников данных, используя экспертный опыт и современные методы управления корпоративными знаниями.

Литература

1. Васильев, И.А. Методы и инструментальные средства построения семантических WEB-порталов: дис. ... канд. техн. наук / И.А. Васильев. – Томск, 2005.
2. Гаврилова, Т.А. Онтологический инжиниринг / Т.А. Гаврилова. – URL: <http://www.big.spb.ru/publications/bigspb/> (11.09.2004).
3. Михайлов, И.А. Математическое и программное обеспечение структурной и семантической интероперабельности информационных систем на основе метамodelей: дис. ... канд. техн. наук / И.А. Михайлов. – М., 2008.

ИНЖЕНЕРНАЯ МЕТОДИКА РАСЧЕТА ПОТЕРЬ ТЕПЛОТЫ
ЧЕРЕЗ КОРПУС ТЕРМОСТАТА

В статье описана инженерная методика, позволяющая приближенно рассчитывать нестационарное температурное поле корпуса термостата, в который загружаются горячие слитки или слябы, выходящие из разливочного агрегата, а также определять потери физической теплоты через корпус термостата.

Термостат, температурное поле, потери теплоты.

The paper describes the method allowing to calculate approximately the non-stationary temperature field of the thermostat enclosure where the hot slabs and ingots after casting machine are placed, and to define the physical heat dissipation through the thermostat enclosure.

Thermostat, temperature field, heat dissipation.

В последнее время на металлургических заводах все шире начинают применять термостаты для сохранения физической теплоты слитков или слябов, выходящих из разливочного агрегата с достаточно высокой температурой (порядка 900 °С и выше на поверхности слитка). Теплопередача через стенки термостата происходит преимущественно в условиях нестационарного температурного поля стенки, поскольку материал стенок обладает большой тепловой инерцией. В настоящее время отсутствуют достаточно надежные инженерные методики расчета потерь теплоты в термостатах, что важно для определения теплосодержания в слитке перед загрузкой его в печь.

Для обеспечения хорошей тепловой изоляции корпуса термостата применяют теплоизоляционные огнеупорные материалы с малыми значениями коэффициентов теплопроводности λ и плотности ρ . Например, материал керамоволокно FIBERBLANKETS имеет $\lambda = 0,06$ Вт/(м · К) и $\rho = 16$ кг/м³. Толщина тепловой изоляции составляет $\delta = 0,15 \div 0,2$ м. Снаружи теплоизоляционный материал обшивается стальным листом, термическим сопротивлением которого можно пренебречь по сравнению с термическим сопротивлением тепловой изоляции. Так, у тепловой изоляции толщиной $\delta = 0,15$ м при $\lambda = 0,06$ Вт/(м · К) термическое сопротивление $\delta/\lambda = 2,5$ (м² · К)/Вт, а у стального листа толщиной $\delta_c = 0,003$ м и $\lambda_c = 50$ Вт/(м · К) термическое сопротивление равно $6 \cdot 10^{-5}$ (м² · К)/Вт. Таким образом, в тепловом отношении стенку термостата можно рассматривать как однородную, обладающую свойствами тепловой изоляции.

На внутренней поверхности стенки идеального термостата после помещения в него горячего слитка практически сразу устанавливается температура $t_{\text{терм}}$, равная средней температуре поверхности металла t_m . В реальном термостате температура $t_{\text{терм}}$ будет несколько меньше t_m , но для инженерного расчета можно принять $t_{\text{терм}} \cong t_m$. После помещения слитка с горячим ядром в термостат температура поверхности t_m сначала возрастает, затем начинает медленно

уменьшаться со временем. За 1 ч. пребывания слитка в термостате температура t_m может уменьшиться на несколько десятков градусов. Наружная поверхность корпуса термостата омывается воздухом с температурой $t_0 \approx 0$ °С и коэффициентом теплоотдачи к воздуху $\alpha \approx 10$ Вт/(м² · К). Термическое сопротивление теплоотдачи от наружной поверхности $1/\alpha \approx 0,1$ м² · К/Вт, что почти в 25 раз меньше термического сопротивления стенки термостата δ/λ . Если пренебречь термическим сопротивлением $1/\alpha$, то погрешность расчета тепловых потерь в стационарном случае не превысит 4 %, что допустимо для инженерной методики.

Таким образом, возникает следующая задача нестационарной теплопроводности. Однородная стенка, толщиной δ , с коэффициентами теплопроводности λ и температуро-проводности a в начальный момент времени $\tau = 0$ имеет во всех точках температуру t_0 , равную температуре окружающей среды. Затем на одной поверхности стенки мгновенно устанавливается температура $t_{\text{терм}}$, на другой поверхности стенки температура продолжает оставаться равной t_0 . Через какое-то время $\Delta\tau$ в стенке установится стационарный режим теплопередачи. Время $\Delta\tau$ можно оценить из условия: $a\Delta\tau/\delta^2 \approx 0,6$. Так, для керамоволокна FIBERBLANKETS при $\delta = 0,15$ м и $a = \lambda/(c\rho) = 3,9 \cdot 10^{-6}$ м²/с время $\Delta\tau \approx 3460$ с ≈ 1 ч. Горячие слитки находятся в термостате от нескольких десятков минут до нескольких часов, поэтому значительную часть времени теплопередача через стенку термостата происходит в нестационарных условиях.

Математически задачу теплопроводности в стенке термостата запишем так:

$$\begin{aligned} t(x, 0) &= t_0, \quad 0 < x < \delta; \\ t(0, \tau) &= t_0, \quad 0 < \tau; \\ t(\delta, \tau) &= t_{\text{терм}}, \quad 0 < \tau; \\ \frac{\partial t}{\partial \tau} &= a \cdot \frac{\partial^2 t}{\partial x^2}, \quad 0 < \tau; \quad 0 < x < \delta, \end{aligned} \quad (1)$$

где $t(x, \tau)$ – нестационарное температурное поле стенки термостата; x – координата, направленная перпендикулярно стенке с началом на наружной поверхности; τ – время. Температуру $t_{\text{терм}}$ можно принять постоянной, равной средней температуре поверхности металла за время пребывания в термостате.

Вводя переменную $\theta(x, \tau) = t(x, \tau) - t_0$, и решая систему уравнений (1) классическим методом разделения переменных, можно получить решение, приведенное, например, в [1]:

$$\theta(x, \tau) = \theta_0 \cdot \frac{x}{\delta} - \sum_{n=1}^{\infty} \frac{2\theta_0 \cdot (-1)^{n+1}}{n \cdot \pi} \sin\left(n \cdot \pi \frac{x}{\delta}\right) \cdot e^{-n^2 \pi^2 Fo}, \quad (2)$$

где $\theta_0 = t_{\text{терм}} - t_0$, $Fo = a \cdot \tau / \delta^2$ – число Фурье.

Плотность теплового потока, отводимого от внутренней поверхности стенки термостата, которая и обуславливает потери теплоты в термостате, определяются так:

$$q(\tau) = \lambda \cdot \left. \frac{\partial \theta(x, \tau)}{\partial x} \right|_{x=\delta}, \quad (3)$$

где λ – коэффициент теплопроводности тепловой изоляции.

С учетом (2) и (3) получаем:

$$q(\tau) = q_0 \left(1 + 2 \cdot \sum_{n=1}^{\infty} e^{-n^2 \pi^2 Fo} \right), \quad (4)$$

где $q_0 = \lambda \cdot \theta_0 / \delta$ – плотность теплового потока при стационарном режиме.

Количество теплоты, отведенное через 1 м^2 внутренней поверхности термостата за время от 0 до текущего τ определяется выражением:

$$Q_{\tau} = \int_0^{\tau} q(\tau) d\tau = q_0 \frac{\delta^2}{a} \left(Fo + \sum_{n=1}^{\infty} \frac{2}{(\pi n)^2} \cdot (1 - e^{-n^2 \pi^2 Fo}) \right),$$

$$Q_{\tau} = Q_0 \cdot (Fo + D(Fo)), \quad (5)$$

где $Q_0 = q_0 \cdot \delta^2 / a = c \cdot \rho \cdot \delta \cdot \theta_0$; c – массовая теплоемкость материала тепловой изоляции; $D(Fo)$ – функция только числа Фурье:

$$D(Fo) = \sum_{n=1}^{\infty} \frac{2}{(\pi n)^2} \cdot (1 - e^{-n^2 \pi^2 Fo}). \quad (6)$$

При $Fo = 0$, как следует из (6), величина $D = 0$, как и должно быть. При $Fo > 0$ ряд в (6) является достаточно быстро сходящимся.

На рис. 1 показана графическая зависимость $D(Fo)$. Из рис. 1 видно, что в начальные моменты времени при малых Fo величина D резко возрастает с ростом Fo , затем начинает стремиться к значению

1/3. Начиная с $Fo > 0,6$ можно полагать $D \approx 0,33$.

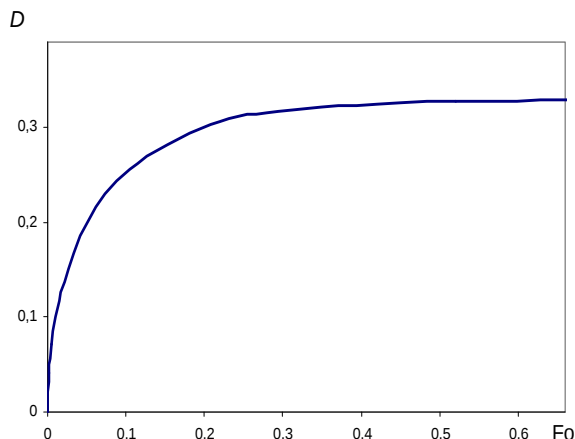

Рис. 1. Зависимость $D(Fo)$

Рассмотрим пример. Пусть в термостат с внутренними размерами $2,7 \times 1,26 \times 1,175 \text{ м}$ загружается слиток, извлеченный из изложницы. Средняя температура поверхности слитка за время пребывания в термостате $t_{\text{м}} = 900 \text{ }^{\circ}\text{C}$. Температура внутренней поверхности корпуса термостата $t_{\text{терм}} \approx t_{\text{м}} = 900 \text{ }^{\circ}\text{C}$. Температура наружного воздуха $t_0 = 0 \text{ }^{\circ}\text{C}$. Температурный напор $\theta_0 = t_{\text{терм}} - t_0 = 900 \text{ }^{\circ}\text{C}$. Толщина тепловой изоляции корпуса термостата составляет $\delta = 0,15 \text{ м}$, плотность материала изоляции $\rho = 16 \text{ кг/м}^3$, теплопроводность – $\lambda = 0,06 \text{ Вт/(м}\cdot\text{К)}$, теплоемкость – $c = 960 \text{ Дж/(кг}\cdot\text{К)}$, температуропроводность – $a = 3,9 \cdot 10^{-6} \text{ м}^2/\text{с}$. Время нахождения слитка в термостате $\tau = 30 \text{ мин.} = 1800 \text{ с}$. Требуется определить суммарные потери теплоты через корпус термостата.

Определяем величину $Q_0 = c \cdot \rho \cdot \delta \cdot \theta_0 = 960 \cdot 16 \cdot 0,15 \cdot 900 = 2,073 \text{ МДж/м}^2$. Число Фурье равно $Fo = a \cdot \tau / \delta^2 = 3,9 \cdot 10^{-6} \cdot 1800 / 0,15^2 = 0,312$. По графику на рис. 1 определяем величину $D = 0,32$. По формуле (5) определяем потери теплоты через 1 м^2 внутренней поверхности термостата:

$$Q_{\tau} = Q_0 \cdot (Fo + D(Fo)) = 2,073 \cdot (0,312 + 0,32) = 1,31 \text{ МДж/м}^2.$$

В данном случае величина Q_{τ} почти в два раза превышает потери теплоты за то же время, только при стационарном режиме теплопередачи через стенку термостата, что объясняется тем, что в нестационарном режиме часть потерь теплоты расходуется на разогрев корпуса термостата.

Суммарные потери теплоты через всю внутреннюю поверхность термостата равны:

$$Q_{\text{пот}} = Q_{\tau} \cdot F = 1,31 \cdot 16,1 = 21,1 \text{ МДж},$$

где $F = 16,1 \text{ м}^2$ – площадь внутренней поверхности термостата в данном случае.

Действительные потери теплоты через корпус термостата будут на несколько процентов меньше,

чем рассчитанные по данной методике, поскольку в реальном термостате температура его внутренней поверхности $t_{\text{терм}}$ на несколько градусов меньше средней температуры поверхности металла t_m , т.е. будет меньше температурный напор θ_0 , и, кроме того, в данной методике пренебрегается внешним сопротивлением теплоотдачи $1/\alpha$, которое приводит к снижению плотности теплового потока через стенку термостата q в стационарном режиме согласно выражению:

$$q_0 = \frac{\theta_0}{1/\alpha + \delta/\lambda}. \quad (7)$$

Чтобы не пренебрегать величиной $1/\alpha$, величину Q_0 в (5) можно рассчитывать так:

$$Q_0 = q_0 \cdot \delta^2/a,$$

где q_0 определяется выражением (7).

Обычно материал основания термостата по своим свойствам (λ , a , δ) отличается от верхней и боковых стенок термостата, поэтому расчет потерь теплоты через основание следует проводить отдельно по той же методике.

После того, как слиток извлекают из термостата, начинается нестационарный процесс охлаждения корпуса термостата. Допустим, к моменту извлечения слитка в стенке термостата успевает установиться стационарное температурное поле. У разгруженного термостата с закрытой крышкой на внутренней поверхности стенки устанавливаются адиабатные условия. Процесс охлаждения корпуса термостата в данном случае можно приближенно описать следующей системой уравнений:

$$\begin{aligned} \theta(x, 0) &= \theta_0 \frac{x}{\delta}, \quad 0 < x < \delta; \\ \theta(0, \tau) &= 0, \quad 0 < \tau; \\ \frac{\partial \theta(x, 0)}{\partial x} \Big|_{x=\delta} &= 0, \quad 0 < \tau; \\ \frac{\partial t}{\partial \tau} &= a \cdot \frac{\partial^2 t}{\partial x^2}, \quad 0 < \tau; \quad 0 < x < \delta, \end{aligned} \quad (7)$$

где момент времени $\tau = 0$ соответствует моменту извлечения слитка из термостата.

В [1] приведено решение задачи, описываемой системой уравнений (7):

$$\begin{aligned} \theta(x, \tau) &= \theta_0 \cdot \sum_{n=1}^{\infty} \frac{8}{(2n-1)^2 \cdot \pi^2} \times \\ &\times \cos \left((2n-1) \cdot \frac{\pi}{2} \left(1 - \frac{x}{\delta} \right) \right) \cdot e^{-\left((2n-1) \frac{\pi}{2} \right)^2 \cdot \frac{\pi^2}{4} \cdot Fo}. \end{aligned} \quad (8)$$

Температурное поле, описываемое выражением (8), стремится к стационарному значению $\theta = 0$ ($t = t_0$), однако стационарный режим в случае охлаждения стенки термостата наступает при значительно больших числах Fo , чем при разогреве термостата. Из выражения (8) следует, стенка термостата охлаждается практически до температуры окружающей среды при $Fo \geq 2$, тогда как при разогреве стенки стационарный режим теплопередачи, как следует из (2), устанавливается практически при $Fo \geq 0,6$. Например, при $\delta = 0,15$ м и $a = 3,9 \cdot 10^{-6}$ м²/с значению $Fo = 2$ соответствует момент времени $\tau \approx 3,2$ ч., что обычно гораздо меньше времени пребывания термостата в разгруженном состоянии.

При напряженном использовании термостатов на металлургических заводах стационарный режим в корпусе термостата практически не наступает, и в этом случае для точного расчета тепловых потерь через корпус термостата необходимо использовать численные методы расчета теплопередачи. Если термостат все время находится в работе, то потери теплоты через его стенки определяются выражением (7), соответствующим стационарному режиму работы термостата.

Литература

1. Пехович, А.И. Расчет теплового режима твердых тел / А.И. Пехович, В.М. Жидких. – Л., 1976.

УДК 329.3:28 (430) ХДС «1948/1952»

Е.С. Добровольский

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор Б.В. Петелин

ХРИСТИАНСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ И СТРОИТЕЛЬСТВО СОЦИАЛИЗМА В ВОСТОЧНОЙ ГЕРМАНИИ / ГДР В 1948 – 1952 ГОДАХ

Данная статья посвящена проблеме становления и роли Христианско-демократического союза в социально-политическом развитии Восточной Германии – ГДР в 1948 – 1952 гг. Политика советского руководства строить новое немецкое государство по социалистическому образцу поддерживалась не только коммунистами и социал-демократами, но и представителями других партий. Христианские демократы, несмотря на свою буржуазную сущность, разделяли эти идеи, которые во многом совпадали с «христианским социализмом», и стремились войти в круг творцов новой Германии.

Христианская демократия, германская политика, социализм, Христианско-демократический союз, Советская военная администрация Германии, Германская Демократическая Республика.

The article is devoted to the problem of formation and the role of the Christian Democratic union in social and political development of Eastern Germany/GDR in 1948 – 1952. The policy of the Soviet leadership to build a new German state in a socialist way was supported not only by the communists and social democrats, but also by the representatives of other parties. Christian Democrats, despite their bourgeois essence, shared these ideas, which were rather close to the “Christian socialism” and wanted to join the creators of a new Germany.

Christian democracy, German policy, socialism, Christian Democratic union, Soviet Military Administration of Germany, German Democratic Republic.

«Следует отбросить и отринуть любой социалистический принцип, согласно которому любая частная собственность должна перейти в руки государства и превратиться в общественное достояние», – так отзывался о социализме Римский папа Лев XIII. В 1901 г. он огласил энциклику “*Graves de communi*” («Тяжкие всех»), которую принято считать «...чем-то вроде конституции христианской демократии» [2, с. 10]. Спустя годы вопрос о соотношении христианской демократии и социализма станет необычайно важным, резонансным и противоречивым в истории послевоенной Европы. Общая победа союзников во Второй мировой войне над фашистской Германией вскоре оголила фундаментальные идеологические и политические противоречия между СССР и капиталистическими странами. Ареной противостояния Запада и Востока стала разделенная Германия. На чьей стороне оказалась только что оформившаяся в партийный союз христианская демократия?

После поражения фашизма в мае 1945 г. уже 6 июня на территории Восточной Германии была создана Советская военная администрация (СВАГ). Согласно приказу № 2 Главноначальствующего СВАГ от 10 июня 1945 г. было разрешено «...на территории советской зоны оккупации в Германии образование и деятельность всех антифашистских партий, ставящих своей целью окончательное искоренение остатков фашизма и укрепление начал демократизма и гражданских свобод в Германии и развитие в этом направлении инициативы и самостоятельности широких масс населения» [1, с. 68]. Эти действия советского руководства были продиктованы взятыми на

себя обязательствами по искоренению последствий нацистского режима. К данному процессу привлекались демократические, антифашистские силы, что являлось вполне закономерным и необходимым. Основная роль в Восточной Германии отводилась СВАГ.

Таким образом, с разрешения советских властей был создан блок из четырех партий: КПГ, СДПГ, ХДС и ЛДП. Разумеется, предпочтение отдавалось коммунистам и социал-демократам. Христианские и либеральные демократы изначально были поставлены в неравные условия во многом из-за своей «буржуазности», как это трактовалось в той ситуации.

В программном заявлении ХДС говорилось об очищении Германии от пережитков гитлеризма и перестройки страны на антифашистско-демократических основах. Система политических ценностей христианских демократов базировалась на таких понятиях, как: «свобода», «справедливость», «солидарность». Исходным пунктом христианско-демократического понимания свободы стало представление о естественных, данных Богом, правах каждого человека. Основатели новой партии идеологический упор делали на возрождение забытых немецким народом христианских ценностей. Главным политическим лозунгом ХДС стала идея христианского социализма, которая была выдвинута одним из создателей партии – Якобом Кайзером. Христианский социализм рассматривался как третий путь между капитализмом и советским социализмом, а ХДС как «народная христианская партия» становилась его носителем в противовес коммунистам и социал-

демократам, которые следовали марксистской доктрине.

Программные положения ХДС нашли свое отражение в документе «Социализм из христианской ответственности». В нем подчеркивалось, что партия отвергает социализм в марксистском понимании и отрицает «революционный путь классовой борьбы и диктатуры как средство достижения социализма» [17, с. 63]. Тем самым ХДС отмежевывался от «научного социализма». Под «социализмом» христианские демократы понимали «борьбу, которую ведет рабочий класс за признание человеческого достоинства и полного равноправия». Кроме того, в этом документе ХДС указывала и цель своего социализма – это «...развертывание насколько возможно независимого существования во всех областях социального строительства, а также внутри самого рабочего класса» [17, с. 63]. Таким образом, советские оккупационные власти в лице буржуазной партии получили своеобразную поддержку и даже относительного союзника в деле создания немецкого социалистического государства.

Наряду с этим, несмотря на некоторую идейную солидаризацию с советским режимом, социализм христианских демократов имел свою трактовку и не был похож на советский «сталинский» социализм. Однако цели и задачи у ХДС и советской оккупационной администрации были в целом схожи: построить новое справедливое государство, создать свободное немецкое общество. Вместе с тем различия взглядов вели к конфронтации между христианскими демократами и СВАГ. Позиция СВАГ по отношению к ХДС была однозначной и выражалась следующим образом: «Наша тактическая линия по отношению к ХДС в ее общем выражении заключалась в том, чтобы превратить ХДС нашей зоны в такую партию, которая прочно шла бы в блоке с другими партиями, прежде всего, с СЕПГ по принципиальным вопросам строительства демократии в нашей зоне и во всей Германии, выступала бы за необходимость тесного экономического и политического сотрудничества со странами новой демократии и с Советским Союзом, а позднее и за политическую и экономическую ориентировку Германии на Советский Союз, а также и такую партию, которая могла бы влиять в нужном нам направлении на ХДС/ХСС западных зон, а в случае необходимости могла бы противостоять этим партиям» [5, с. 109]. Таким образом, руководство СВАГ обозначило некий желательный вектор развития для христианских демократов.

Согласно установленному СВАГ правилу политические решения в объединенном партийном блоке могли приниматься только на единогласной межпартийной основе. Поэтому какое-либо коалиционное образование против интересов СЕПГ было с самого начала исключено [9, с. 193]. Однако подобная «идиллия» не была долговечной и вскоре переросла в клубок межпартийных противоречий. Поводом стала земельная реформа, проводимая СВАГ. Инициаторами конфликтной ситуации выступили христианские демократы, которые требовали большей

справедливости и равноправия в социально-экономическом процессе. Тем самым деятельность союза выбивалась из общих рамок политики оккупационных властей и становилась очагом напряженности в Восточной Германии. В качестве примера, отражающего результаты этого противостояния, можно привести выдержку из отчета начальника Управления пропаганды (информации) СВАГ полковника С.И. Тюльпанова: «Мы отлично понимаем, что политическую комбинацию враждебных классов не повернешь, и что эту партию просоветской не сделаешь. Но лишить ее возможности антисоветских выступлений, двусмысленных выступлений, усилить демократические элементы в этой партии, которая очень разношерстна – эту задачу мы ставим. Поэтому, когда эта партия стала явной угрозой и партия, которая стала синонимом всех реакционных элементов, мы приняли эту комбинацию со смещением Гермеса и привлечением Кайзера» [6, с. 217].

В течение 1946 – 1948 гг. развитие ХДС в советской оккупационной зоне направлялось выбранными при участии СВАГ новыми председателями ХДС Я. Кайзером и Э. Леммером. Но как оказалось, лидеры союза не собирались проводить просоветскую политику в Восточной Германии. Особой активностью отличался Кайзер, последовательный сторонник христианского социализма. Дело в том, что Якоб Кайзер не разделял германскую политику советского руководства, направленную на раскол страны и активно выступал за немецкое единство. Раскол или отторжение немецких областей были неприемлемы для Кайзера и его сторонников. Он надеялся на особый статус Германии в послевоенной Европе, когда единая демократическая Германия стала бы связующим звеном, своеобразным «мостом» между Западом и Востоком, при соблюдении ее нейтралитета [13, с. 38]. Кроме того, у Кайзера было особое мнение на социально-экономическое устройство своей родины. Возглавляя долгое время христианские профсоюзы, он знал истинное положение трудящихся слоев и старался защищать их интересы. Именно Кайзер выдвинул лозунг «Социализм из христианской ответственности». В западной историографии по этому поводу имеются различные точки зрения. Немецкий историк Г. Каак считал, что Я. Кайзер стремился создать некий «симбиоз консервативного христианства и социализма» [14, с. 171]. По мнению Р. Спенсера, Я. Кайзер, хотел устранить проблему выбора между Западом и Востоком [12, с. 44].

Во второй половине 1947 г. советскими оккупационными властями была организована целенаправленная акция по дискредитации Кайзера и снятию его с поста председателя ХДС. Для большей убедительности Управлением пропаганды (информации) СВАГ был озвучен лозунг: «Кайзер – враг единства Германии» [11, с. 550 – 557]. Но это, как подтверждают документальные материалы, являлось явной ложью [7, с. 550 – 552].

Доверие к Якобу Кайзеру со стороны советских властей иссякло 9 декабря 1947 г. во время Берлинского заседания руководства ХДС. На нем Кайзер

решительно возражал против Немецкого конгресса и участия в нем представителей ХДС. Однако единогласной поддержки он не получил. Такой отчет о съезде составил полковник Тюльпанов: «...Внутрипартийные разногласия в ХДС в результате съезда обострились. Создание в организациях ХДС в период подготовки к съезду оппозиции к Кайзеру усилило положение прогрессивных элементов ХДС, хотя организационно левое крыло еще не оформилось. В ходе съезда правые вынуждены были пойти на ряд уступок левым (избрание Лобеданца третьим и Хикмана четвертым председателем ХДС, а Нушке и др. в состав правления).

На съезде наметился конструктивный раздел между правыми и левыми в ХДС, чего раньше не было. Съезд показал возможность превращения левых элементов ХДС в реальную силу. Действительно, в ХДС выкристаллизовывается большая группа сторонников хороших отношений с Советским Союзом и СВАГ, открыто выступавшая на съезде с принципиальной защитой мероприятий, проведенных в советской зоне оккупации. Отколовшиеся демократы заявили о следующем:

1. Закрепить и расширить позиции возникшего левого крыла, подготавливая почву для созыва в конце года конференции протеста против личности Кайзера как председателя.
2. Дальше подрывать позиции правого крыла ХДС в зоне, отстраняя с руководящих постов сторонников Кайзера.
3. Развернуть кампанию в печати с критикой политической позиции Кайзера.
4. Развернуть критику теоретических положений Кайзера и его сторонников.
5. Учитывая наличие оппозиционных элементов в самом Правлении, подготовить удаление из Центрального Правления партии реакционеров, сторонников Кайзера и явных американских ставленников во главе с Кайзером.
6. Продолжить борьбу против пропаганды плана Маршалла и англо-американской политики, носителем которой в Советской зоне американцы стремятся сделать ХДС.
7. Предложить СЕПГ усилить борьбу на идеологическом фронте против реакционной линии ХДС и против клеветы на марксизм [6, с. 123 – 124].

Кроме того, с критикой позиции Кайзера выступил другой член руководства ХДС Отто Нушке и предложил тому уйти в отставку. Инициатива Нушке была поддержана всеми председателями земельных правлений ХДС. Кайзер не смирился с этим решением, написанным под диктовку СВАГ, и пытался и дальше оказывать влияние на деятельность союза. Возникшую проблему мог решить только съезд партии. В первой половине 1948 г. состоялись съезды земельных организаций ХДС Восточной Германии, на которых большинство участников поддержало Кайзера. Но это совершенно не повлияло на политику СВАГ в отношении ХДС. Вскоре в союзе произошел раскол, сопровождавшийся репрессиями против многих членов партии. Кайзер и еще около

600 функционеров ХДС среднего звена были вынуждены покинуть Восточную Германию.

Таким образом, усилиями советских оккупационных властей Христианско-демократический союз подвергся партийной чистке и был примерно наказан. Теперь ХДС, как оппозиционная партия, должен был отречься от собственной точки зрения на процесс построения немецкого социализма, перестроить свою партийную политику в угоду руководству СВАГ и перестать быть неким инородным телом в общем «политическом организме» Восточной Германии. Эти стремления советских военных подтверждаются словами И.В. Сталина, который обозначил свою политическую цель: «Запад будет создавать свою Западную Германию, а мы будем делать из Восточной Германии свойственное нам государство» [16, с. 33]. Для решения этих задач нужен был новый лидер партии. По мнению СВАГ, наиболее подходящей кандидатурой был Отто Нушке.

В сентябре 1948 г. на третьем съезде ХДС в Эрфурте он был избран новым председателем партии. По своим убеждениям Нушке считался левым политиком, принимал участие в создании ХДС и работал редактором главного печатного рупора Восточного ХДС «Neue Zeit» [4, с. 78]. Нушке стоял за сотрудничество с новыми властями и был готов идти на компромисс. Свою точку зрения по отношению к новому режиму он выражал так: «Для немцев в советской зоне оккупации есть только три возможности: либо Вы кончаете жизнь самоубийством, либо Вы уходите на Запад, либо если Вы не хотите этого, то должны договариваться с властью» [8, с. 44].

Во главе союза встал гибкий политик, готовый к лояльному восприятию советских стратегических инициатив. Определенную роль в этом сыграли его прагматизм, подразумевавший под собой возможность спокойной работы и дальнейшего существования его партии, а также его русофильская направленность. Кроме того, вокруг Нушке сгруппировалась часть руководства земельных союзов ХДС, которые также разделяли точку зрения нового председателя. Среди них были: Август Бах в Тюрингии, Геральд Геттинг в Саксонии-Ангальт, д-р Рейнгольд Лобеданц в Мекленбурге, пастор Людвиг Кириш в Саксонии, Ганс Пауль Гантер-Гильманс в Бранденбурге и д-р Герхардт Десчик в Берлине.

При Нушке ускорилась трансформация «Ost-CDU» от христианского социализма к более приемлемым для СЕПГ идейным установкам. Фактически меняется сама партия. В конце 1949 г. Социалистическая единая партия Германии организовала новую чистку в рядах христианских демократов. Хотя официально курс на строительство социализма в ГДР еще не был провозглашен, выбор уже был сделан. Партия ХДС ГДР как кадровая партия должна была превратиться в управляемую и послушную организацию, полностью зависимую от Отто Нушке и Георга Дертингера [10, с. 177]. После отстранения от должности председателя ХДС в Саксонии Г. Хикмана саксонская организация полностью утратила самостоятельность. Кроме того, из партии были также

уволены и партийные функционеры среднего звена. На освободившиеся места были назначены «прокоммунистические» члены ХДС. Был усилен контроль и диктат со стороны СЕПГ и СВАГ. Так, например, полковник С. Тюльпанов заявил, что ХДС советской оккупационной зоны не сможет развиваться так, как ХДС/ХСС в западных зонах, руководство которых действует заодно с агентами американского империализма и германской реакции» [16, с. 119 – 120].

С 1950 г. Христианско-демократический союз почти полностью потерял политическое влияние на руководство страны. Хотя у партии оставались еще некоторые важные функции в правительстве ГДР¹, но большого значения это уже не имело.

Отметим, что стремление советского руководства построить новое немецкое государство в своей оккупационной зоне Германии по социалистическому образцу имело поддержку в немецком обществе и отвечало интересам трудящихся слоев. Активным проводником подобной политики была СЕПГ. У Христианско-демократического союза имелись свои воззрения на сталинский социализм, но воплотить их в практику начавшихся перемен они не могли. Холодная война объективно толкала ГДР в тесные объятия СССР. Однако, несмотря на принципиальные различия, в рядах строителей социализма на немецкой земле оказались и христианские демократы [3, с. 117].

Приход к руководству ХДС Отто Нушке изменил не только стратегию в деятельности ХДС, но и саму партию. Вместе с тем его партийная гибкость привела к окончательной утрате политической самостоятельности ХДС. При нем союз из оппозиционной, кадровой партии окончательно превратился в политический придаток партийной системы ГДР. Произошла деградация ХДС. Партия, проповедующая идеи христианского социализма, трансформировалась в партию «социалистических христиан». Решения II партийной конференции СЕПГ, которая проходила в июле 1952 г., о переходе к планомерному строительству социализма «нашло радостное понимание» ХДС ГДР, руководство которой признало «ведущую роль СЕПГ как партии рабочего класса», о чем было опубликовано в газете «Neues Deutschland» [15, с. 133].

В последующие годы, фактически до конца 80-х гг. XX в., восточногерманский ХДС оставался на позициях строителя социализма в ГДР. Но, как показала практика, соединить вместе марксистскую идеологию с христианством, даже в ограниченном виде, оказалось тщетным. Поэтому в 1989 г. первой партией, покинувшей правящий блок в ГДР, стал Христианско-демократический союз, что способствовало быстрому краху коммунистического режима.

Источники и литература

1. За антифашистскую демократическую Германию: 1945 – 1949 гг. – М., 1969.
2. Маркевич, С. Современная христианская демократия / С. Маркевич. – М., 1982.
3. Петелин, Б.В. Восточногерманский ХДС между Аденауэром и СВАГ / Б.В. Петелин // 1948 год в германской истории: Материалы конференции российских и немецких историков 19 – 20 июня 2008 г. – М., 2009. – С. 108 – 118.
4. Петелин Б.В. «ХДС в изгнании»: из истории Христианско-демократического союза Германии / Б.В. Петелин // Новая и новейшая история. – 2012. – № 6. – С. 75 – 85.
5. СВАГ и религиозные конфессии советской зоны оккупации Германии. 1945 – 1949. – М., 2006.
6. Советская военная администрация в Германии (СВАГ). Управление пропаганды (информации) и С.И. Тюльпанов. 1945 – 1949. – М.; СПб., 2006.
7. СССР и германский вопрос. 1941 – 1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации: В 3 т. / Сост. Г.П. Кынин и Й. Лауфер. – М., 2005. – Т. III: 3 октября 1946 г. – 18 июня 1948 г. – С. 550 – 552.
8. ACDP, Zentralbestand Ost-CDU VII-011-1899, fol.10/11; auch zitiert bei Siegfried Suckut: Blockpolitik in der SBZ/DDR 1945 – 1949. Die Sitzungsprotokolle des Einheitsfront – Ausschusses. – Köln, 1986.
9. Agethen, M. Die CDU in der SBZ/DDR 1945 – 1953 / M. Agethen. – Köln, 1994.
10. Agethen, M. Georg Dertinger (1902 – 1968) / M. Agethen // Zeitgeschichte in Lebensbildern. – Bd. 11: Aus dem deutschen Katholizismus des 19. Und 20. Jahrhunderts. – Münster, 2004. – S. 177 – 192.
11. Braun, G. Zur Entwicklung der Wahlen in der SBZ/DDR 1946 – 1990 / G. Braun. – München, 2002.
12. Flenby, R. Modern German History, with two additional chapters / R. Flenby; ed. by R. Spenser; R. Flenby. – London ; N.Y., 1968.
13. Gonze, W. Jakob Kaiser. Politiker zwischen Ost und West 1945 – 1949 / W. Gonze, E. Kosthorst. – Köln, 1983.
14. Kaack, G. Geschichte und Struktur des deutschen Parteiensystems / G. Kaack. – Opladen, 1971.
15. Lucas, R. Zehn Jahre Sowjetische Besatzungszone Deutschland Politik / R. Lucas. – Düsseldorf, 1955.
16. Richter, M. Die Ost-CDU 1948 – 1952. Zwischen Widerstand und Gleichschaltung / M. Richter. – Düsseldorf, 1991.
17. Sozialismus aus christlicher Verantwortung // Dokumente zur parteipolitischen Entwicklung. Bd. 3.

¹ Заместитель министра-президента Отто Нушке, министр иностранных дел Георг Дертингер, министр труда и здравоохранения Леопольд Штайдле, министр почты и телеграфа Фриц Бурмейстер.

МЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ЦЕНООБРАЗОВАНИЯ НА МЕТАЛЛОПРОДУКЦИЮ НА ОСНОВЕ КОМПЛЕКСНОГО ПОДХОДА

В статье авторами раскрывается суть комплексного подхода к формированию цен на продукцию. Выделяются отраслевые особенности формирования цен на металлопродукцию и основные виды ограничений рынков сбыта в металлургической отрасли. На примере функционирующего на ЧерМК ОАО «Северсталь» процесса ценообразования на металлопродукцию авторами предлагается внедрение системы прогнозирования цен на металлопродукцию и раскрывается механизм ее функционирования с целью выстраивания на предприятии комплексной и эффективной системы ценообразования.

Ценообразование, естественные ограничения, искусственные ограничения, корреляционно-регрессионный анализ, регрессионная модель, опрос экспертов.

The authors of the article reveal the essence of the complex approach to formation of the prices for production. The branch features of price formation for the metal products and the main types of restrictions of sales markets in the steel industry are highlighted. The authors propose the introduction of the system of price forecasting for the metal products and reveal the mechanism of its functioning for the purpose of formation of an integrated and effective system of pricing at the enterprise on the example of JSC "Severstal" functioning now.

Pricing, natural restrictions, artificial restrictions, correlation – regression analysis, regression model, poll of experts.

В последние годы на мировых рынках обострилась конкурентная борьба с участием государств, использующих административные ресурсы. В настоящее время российские металлургические предприятия сталкиваются с целым рядом факторов, влияющих на сбытовую деятельность на международных рынках. К таким основным видам ограничений рынков сбыта можно отнести:

1. *Естественные ограничения:*
 - общее кризисное состояние экономики;
 - снижение биржевых цен на отдельные металлы;
 - уменьшение объемов потребления металлов в отдельных отраслях;
 - усиление конкуренции на мировых рынках металлов.
2. *Искусственные ограничения:*
 - антидемпинговые пошлины;
 - специальные защитные меры при возросшем импорте;
 - квотирование объемов продаж;
 - установление особого порядка выдачи лицензий;
 - обязательная продажа металлопродукции через определенных трейдеров.

В связи с введением ограничений (прежде всего, в виде антидемпинговых пошлин) против ввоза российских металлов во многих странах экспортная деятельность металлургических предприятий претерпела изменения, вызванные сокращением общего объема экспорта, вытеснением российских экспортеров

с наиболее прибыльных рынков сбыта, изменением структуры экспортных продаж из-за увеличения доли продукции с меньшей добавленной стоимостью. В этих условиях формирование оптимального механизма ценообразования является залогом сохранения российскими компаниями зарубежных рынков сбыта и повышения конкурентного статуса. Изучение существующих подходов к ценообразованию позволило выявить достоинства и недостатки каждого из них. В результате авторами предложен комплексный подход к формированию цен на продукцию, позволяющий соединить элементы затратного и рыночного ценообразования путем согласования процессов управления ценами и уровнем затрат. При этом, с одной стороны, и уровень затрат, и конъюнктура рынка становятся управляющими факторами в процессе ценообразования, а с другой стороны, формирование оптимальной цены становится инструментом изменения и конъюнктуры рынка, и уровня затрат на предприятии (рис. 1).

Несмотря на наличие ряда исследований [5], [7] по вопросам ценообразования, в работах авторов не прослеживается анализ отраслевых особенностей формирования цен на металлопродукцию, к которым можно отнести следующие.

1. Ориентация на экспортные рынки российских металлургических предприятий. В 2008 – 2009 гг. на экспорт поставлялось 55 % от объема производства черных металлов и до 80 % от общего выпуска цветных металлов [9].

Рис. 1. Формирование комплексного подхода к ценообразованию

2. Несоответствие применяемых технологий производства на российских предприятиях современным требованиям. Более 45 % экспорта российских предприятий черной металлургии и 90 % цветной – это продукция с низкой добавленной стоимостью, испытывающая серьезную конкуренцию со стороны продукции из КНР, Индии и Бразилии, обладающей рядом преимуществ (прежде всего, по себестоимости) [9].

3. Высокая материалоемкость производства металлургической продукции. Сырьевая и материальная составляющая в структуре себестоимости готовой продукции достигает наибольшей доли (до 72 %), что влияет не только на общий объем затрат, а также динамику цен и в целом на результаты деятельности предприятий [9].

4. Ожидаемое в среднесрочной перспективе сохранение спроса в ряде металлопотребляющих отраслей. Несмотря на спад производства, охвативший ряд отраслей, в ближайшие 2 – 3 года ожидается стабильное потребление металлопродукции в трубной промышленности, машиностроительном комплексе и других секторах промышленности [6].

5. Вертикальная и горизонтальная интеграция российских металлургических компаний. Создание консолидированных систем управления предприятием обеспечивают максимизацию прибыли за счет эффекта масштаба, увеличение объемов выпуска продукции и согласованную ценовую политику на привлекательных с точки зрения цены рынках [6].

Проведенный анализ процесса ценообразования на ЧерМК ОАО «Северсталь» показал, что для выстраивания на предприятии комплексной и эффективной системы ценообразования на металлопродукцию в существующий процесс необходимо внедрить

систему построения прогноза цен на основные базовые продукты комбината путем их деления на продуктовые группы [4]. На рис. 2 представлен алгоритм реализации и предлагаемая организация процесса прогнозирования цен.

Основной целью внедрения данной системы прогнозирования является выявление тенденции изменения рыночного уровня цены на базовые продукты отрасли черной металлургии. Результаты прогноза помогут более гибко реагировать на рыночную конъюнктуру, эффективно планировать и принимать управленческие решения, а также выстраивать необходимую стратегию ценообразования. Предлагается использовать глубину прогнозирования 18 месяцев [8].

Система прогнозирования базового уровня рыночной цены на предстоящие 18 месяцев делится на четыре части. *Первая часть* – это сбор всей необходимой информации. Для сбора информации предлагается использовать следующие источники статистики: SBB, Metaltorg, Металлкурьер [6], [9], [11], [12]. *Вторая часть* основана на процессе построения прогноза цен на основе регрессионных моделей. *Третья часть* базируется на процессе построения прогноза, на основе опроса экспертов предприятия. *Четвертая часть* заключается в расчете и построении с помощью специального алгоритма окончательного прогноза цен на базе полученных данных. Окончательный прогноз представляется на комитет по ценообразованию для принятия управленческих решений по базовому уровню цен.

Процесс построения прогноза цен с помощью регрессионных моделей можно разделить на 3 этапа. На рис. 3 изображен алгоритм действия и взаимосвязь основных элементов прогноза.

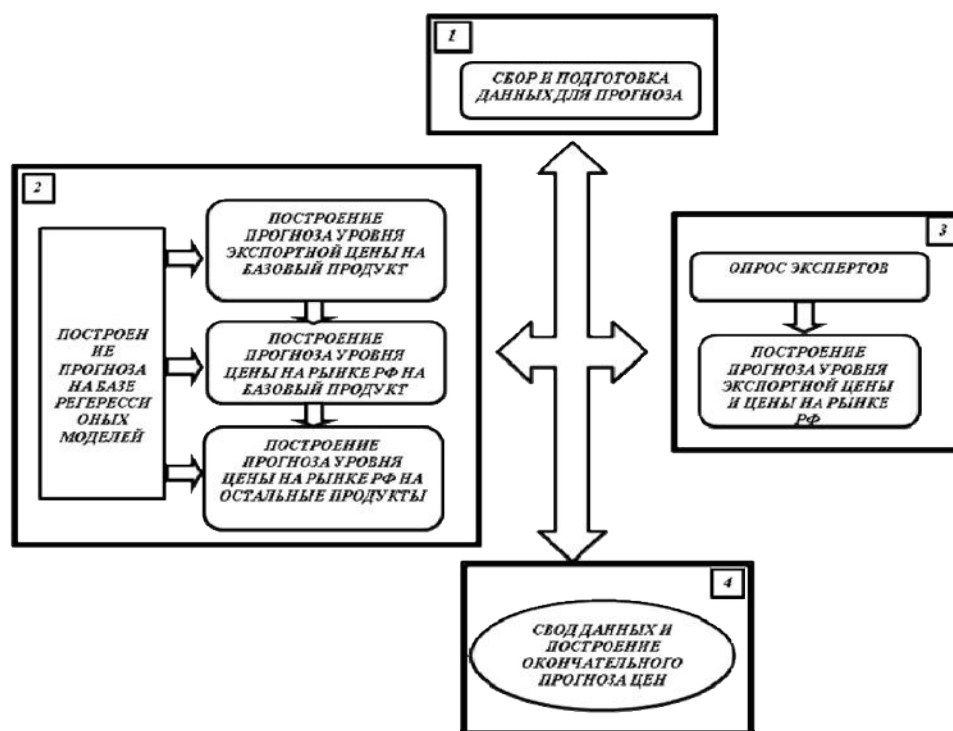

Рис. 2. Предлагаемая система прогнозирования цен на металлопродукцию

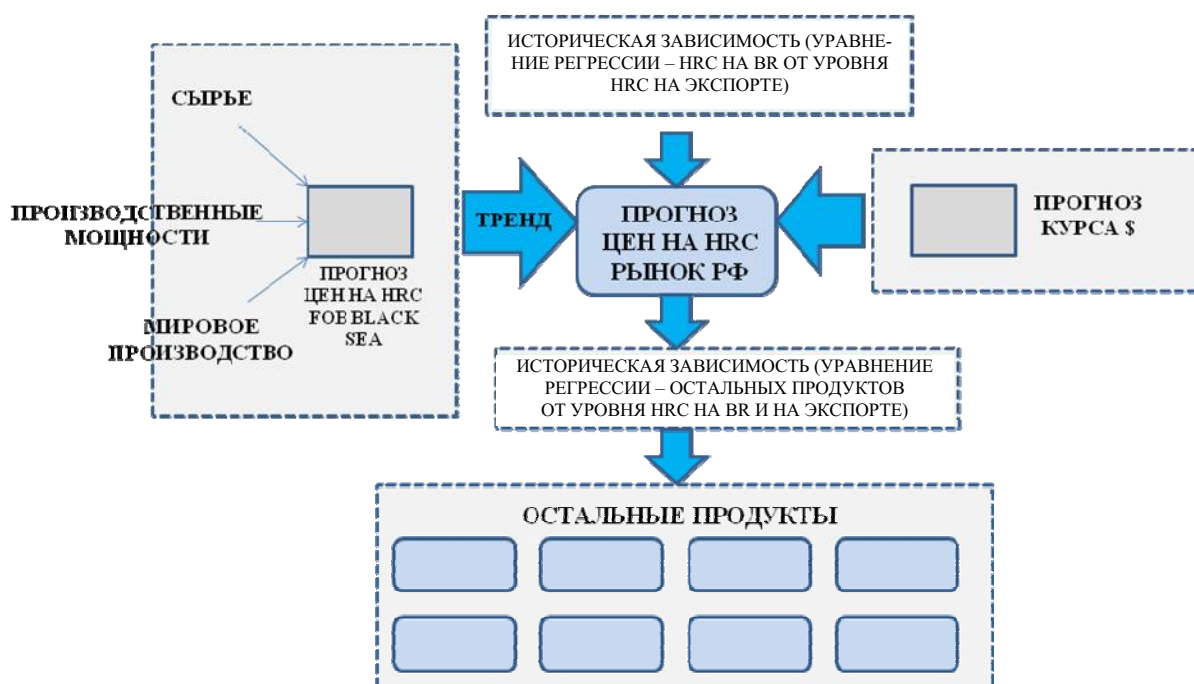

Рис. 3. Предлагаемая система построения прогноза на базе регрессионных моделей на рынке РФ

В качестве базового продукта принят горячекатаный прокат (рулоны) – HRC (hot rolled coil). На первом этапе с помощью собранной информации рассчитывается уровень экспортной цены на горячекатаный прокат на условиях поставки FOB «Черное море». Данный уровень цены рассчитывается на базе проведенного корреляционно-регрессионного анализа по специально выведенной формуле. Исследова-

ние было построено на подборе наиболее сильно влияющих на экспортный уровень цен факторов:

- величина мирового производства стали;
- уровень номинальных производственных мощностей;
- сырьевые затраты отрасли.

Формула расчета экспортного уровня цены имеет следующий вид:

$$P(HRC_ex)(t) = 13,5CU(t) + 3RMC(t) - 5,2(t) - 973, \quad (1)$$

где $P(HRC_ex)$ – среднее значение базового уровня экспортной рыночной цены на горячекатаный прокат; CU – отношение мирового производства стали к номинальным производственным мощностям; RMC – затраты сырья, включая твердый коксовый уголь, железную руду, основанную на ценовых тенденциях ежегодного сырья; t – период.

На втором этапе относительно рассчитанного уровня экспортной цены на горячекатаный прокат с помощью уравнения регрессии рассчитывается уровень цены на горячекатаный прокат рынка РФ. Для определения уравнения регрессии, устанавливающей зависимость российских цен от экспортных, также было проведено исследование. Были изучены и выбраны для включения в регрессионную модель следующие факторы:

- уровень цены на рынке РФ на горячекатаный прокат, \$/т;
- экспортные цены реализации на горячекатаный прокат ЧерМК ОАО «Северсталь» \$/т;
- цена на лом, \$/т без НДС;
- цена на угольный концентрат, \$/т без НДС;
- цена на железорудный концентрат, \$/т без НДС.

Факторы отбирались на основе значения определителя корреляционных матриц. Исторические данные в расчетах использовались за период с 1999 по 2011 гг. В результате проведенного корреляционно-регрессионного анализа было получено уравнение зависимости уровня цен на рынке РФ от уровня экспортных цен и курса доллара. Полученное в результате расчетов уравнение имеет следующий вид:

$$P(HRC_ru) = -112,79 + 1,15P(HRC_ex) + 4,38. \quad (2)$$

На третьем этапе с помощью полученных значений уровня экспортной цены и уровня цены на внутреннем рынке на горячекатаный прокат определялись уровни цен на холоднокатаный прокат на

экспорт и на рынок РФ, а также на оцинкованный прокат на рынке РФ. Данные уровни цен определялись также с помощью регрессионных моделей. В результате получены регрессионные модели, рекомендуемые для прогноза уровня цен в металлургической отрасли (см. таблицу).

Третьей частью системы прогнозирования уровня рыночной цены является процесс опроса экспертов предприятия. Для этого разработана специальная матрица опроса ведущих специалистов (в лице руководителей отделов продаж и начальников управлений) с целью получения экспертного мнения по предстоящей динамике уровня цены (также на 18 мес.) (рис. 4). Каждому эксперту соответствует определенный вес в прогнозе на определенный продукт.

В настоящее время на предприятии базовые цены рассчитываются и пересматриваются раз в месяц и устанавливаются в основном на основе фактических продаж предприятия за предыдущий период. Таким образом, для более эффективного функционирования системы ценообразования и установления базового уровня цены продаж на предстоящий период предлагается в общую систему расчета базовых цен на товарную продукцию добавить данные, получаемые при расчете прогноза цен. Организация процесса анализа всех элементов, необходимых для расчета базовых цен, может быть реализована через алгоритм принятия управленческого решения на основе устанавливаемого уровня базовых цен, проведенного мониторинга рыночной конъюнктуры и внутренней среды предприятия и полученных данных на основе бенчмаркинга и прогноза цен.

Вся информация, которая была подготовлена на предыдущих этапах, рассматривается и анализируется экспертами. На основе этого эксперты приходят к определенным выводам, и принимается решение по установлению базовых цен на основные продукты на предстоящий период продаж. Предложенный алгоритм может быть использован для принятия управленческого решения по установлению базового уровня цены и минимального уровня базовой цены.

Таблица

Регрессионные модели, рекомендуемые для прогноза уровня цен в металлургической отрасли

№ п/п	Регрессионная модель	Результат расчета
1	$P(HRC_ex)(t) = 13,5 CU(t) + 3 RMC(t) - 5,2(t) - 973$	Уровень экспортной цены на горячекатаный прокат
2	$P(HRC_ru) = -112,79 + 1,15 P(HRC_ex) + 4,38$	Уровень цены на горячекатаный прокат на рынке РФ
3	$P(CRC_ex)(t) = 63 + 1,042 P(HRC_ex)(t)$	Уровень экспортной цены на холоднокатаный прокат
4	$P(CRC_ru)(t) = 87,6 + 0,96 P(HRC_ru)(t)$	Уровень цены на холоднокатаный прокат на рынке РФ
5	$P(HDG_ru) = 118,08 + 0,49 P(HRC_ru)(t) + 0,67 P(CRC_ru)(t)$	Уровень цены на оцинкованный прокат на рынке РФ

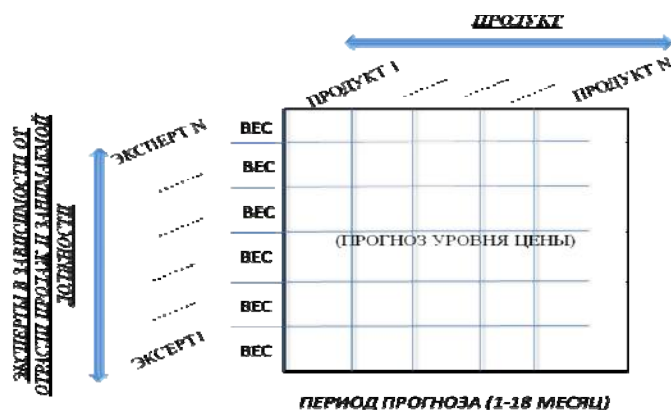

Рис. 4. Предлагаемая матрица опроса экспертов

Таким образом, изучение существующих подходов к ценообразованию, которые предлагаются различными авторами, позволило выявить достоинства и недостатки каждого из них. На основании этого предложен комплексный подход к формированию цен продукции, позволяющий соединить элементы затратного и рыночного ценообразования путем согласования процессов управления ценами и уровнем затрат. Также изучение предлагаемых различными авторами [3], [5] методов, принципов и организационных основ построения системы ценообразования на металлургическом предприятии позволило выявить недостающие звенья в системе ценообразования. Таким образом, с целью применения предлагаемого подхода к ценообразованию на предприятии в общую систему ценообразования предлагается внедрить систему построения прогноза цен на основные базовые продукты, включающую в себя определенные инструменты и алгоритм функционирования. В результате система ценообразования на предприятии будет представлять собой комплексную систему методов, принципов и организационных основ, способствующих эффективному функционированию предприятия в целом.

Литература

1. Андреев, А.М. Развитие теоретических взглядов на управление затратами предприятия / А.М. Андреев // Научно-образовательный потенциал нации и конкурентоспо-

собность страны: Сборник статей III Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2008.

2. Андреев, А.М. Проблемы управления затратами и уровнем цен // Известия высших учебных заведений / А.М. Андреев, Н.Р. Кельчевская // Цветная металлургия. – 2009. – № 6. – С. 69 – 72.

3. Герасименко, В.В. Эффективное ценообразование: рыночные ориентиры / В.В. Герасименко // Международный центр финансово-экономического развития. – М., 2008.

4. Иванов, Д.Ф. К вопросу построения закупочной деятельности металлургической компании / Д.Ф. Иванов, З.М. Магруппова // Эффективные инструменты современных наук-2013. Publishing house Education and Science s.r.o. IČO : 271 56 877 Frýdlanská 15/1314, Praha 8 MS v Praze, oddíl C, vložka 100614. – URL: http://www.rusnauka.com/Page_ru.htm

5. Липсиц, И.В. Ценообразование, управление ценообразованием в организации / И.В. Липсиц. – М., 2004.

6. Металл Эксперт. – URL: <http://metalexpert-group.com/index.html>

7. Нэгл, Т.Т. Стратегия и тактика ценообразования / Т.Т. Нэгл. – СПб., 2004.

8. Паршин, В.Ф. Экономико-математические методы и модели в ценообразовании / В.Ф. Паршин. – Мн., 2005.

9. Федеральная служба государственной статистики. – URL: <http://www.gks.ru/>

10. Чубаков, Г.Н. Стратегия ценообразования в маркетинговой практике предприятия / Г.Н. Чубаков. – М., 2009.

11. Metal Bulletin. – URL: <http://www.metalbulletin.com/>

12. Steel Business Briefing. – URL: <https://www.steelbb.com/>

УДК 001.895

А.М. Вячеславов

Научный руководитель: кандидат экономических наук, заведующий отделом инновационной экономики С.В. Терехова

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ НАУЧНО-ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРОЙ

В статье представлены результаты исследования уровня развития научно-технического потенциала субъектов Российской Федерации. Основу работы составил проведенный рейтинг научно-технического потенциала регионов, а также анализ ключевых показателей развития научно-инновационной сферы (на примере Вологодской области) в сравнении с показателями по СЗФО, России и зарубежным странам. По результатам исследования выявлены основные проблемы, препятствующие росту научно-технического потенциала, а также предложен механизм формирования системы управления научно-инновационной сферой региона.

Научно-инновационная сфера, регион, инновационная активность, научно-технический потенциал.

The article presents the study of the level of development of scientific and technical potential of subjects of the Russian Federation. Rating of the scientific and technical potential of the regions and analysis of key indicators of development of scientific and innovation sphere (on the example of Vologda region) in comparison with the figures for the Northwest Federal district of Russia and foreign countries became the basis of the research. According to the results of the research we revealed the main problems hindering the growth of scientific and technical potential and proposed the mechanism of formation of the system of management of scientific and innovation sphere of the region.

Scientific-innovation sphere, region, innovative activity, scientific and technical potential.

Несмотря на продолжающийся глобальный финансовый кризис и связанную с ним неблагоприятную экономическую ситуацию, инновационная деятельность во многих странах мира продолжает развиваться ускоренными темпами. В большинстве развитых стран расходы на научно-исследовательские и опытно-конструкторские разработки превысили показатели пикового 2008 г., а успешные инновационные центры усиливают свои позиции на мировой арене.

Развитие инноваций в России является одним из ключевых направлений государственной политики. В последнее десятилетие произошли существенные сдвиги в осмыслении значимости этой задачи, как на федеральном, так и на региональном уровнях. Реализуется инновационная политика государства, совершенствуется нормативно-правовая база, определены приоритеты инновационного развития, сформирована инновационная инфраструктура. Однако проводимые до настоящего времени меры не позволили России занять достойную нишу в глобальном рынке высокотехнологичной продукции.

Существенное сокращение отечественного научно-технического потенциала в годы рыночных реформ и его состояние в настоящее время не соответствуют интересам России, ее месту в мировом сообществе. Согласно рейтингу глобального инновационного индекса, в 2013 г. Российская Федерация находится на 62 месте из 142 обследованных стран, что ниже уровня 2012 г. на 11 позиций. Прогрессирую-

щее отставание страны от мирового уровня развития инноваций без проведения радикальных изменений неизбежно. Отсутствие системного подхода к развитию науки и инноваций, крайне ограниченные возможности отечественной экономики, высокая степень дифференциации регионов страны порождают устойчивые негативные тенденции развития всех составляющих научно-технического потенциала: кадровой, материально-технической, информационной и организационно-правовой.

Решение задач развития научно-инновационной сферы России и становления ее в качестве ключевого игрока в масштабах глобального инновационного процесса затруднено из-за неразработанности механизмов и инструментов управления научно-инновационной деятельностью, адаптированных под специфические условия российской действительности. Указанная проблематика обусловила выбор темы исследования, которая является актуальной, как в научном, так и практическом аспектах.

Научно-инновационная сфера характеризуется уровнем развития научно-технического потенциала (НТПт) территории. В рамках методики сравнительной оценки НТПт [4, с. 30] был рассчитан индекс для 80 регионов России за период 2003 – 2010 гг., а затем на их основе составлен рейтинг субъектов (см. табл. 1; рис. 1). Следует отметить, что более половины субъектов РФ имели «средний» и «низкий» уровень развития научно-технического потенциала (в 2010 г. – 64 региона из 80).

Таблица 1

Рейтинг регионов России по уровню развития научно-технического потенциала в 2003 – 2010 гг. (сокращенный вариант)

Регион	2003 г.		2005 г.		2009 г.		2010 г.		Изменение индекса*
	Индекс	Место	Индекс	Место	Индекс	Место	Индекс	Место	
г. Москва	6,317	1	6,107	1	6,201	1	5,975	1	▼
г. Санкт-Петербург	5,465	2	5,3	2	5,647	2	5,382	2	▼
Томская область	4,735	3	4,74	3	5,054	3	4,791	3	▼
Нижегородская область	4,345	4	4,197	5	4,645	4	3,918	10	▼
Республика Татарстан	3,74	10	4,014	6	4,334	5	4,088	5	Δ
.....									
Вологодская область	3,484	19	3,242	42	3,498	57	3,228	66	▼
.....									
Ленинградская область	2,79	66	2,835	74	3,221	78	2,792	80	▼
Чеченская Республика**	–	80	–	80	3,031	79	3,162	74	–
Республика Ингушетия	2,117	79	2,043	79	2,591	80	3,177	73	Δ
В среднем по регионам России	3,192	–	3,334	–	3,716	–	3,573	–	Δ

* Значения индекса в 2010 г. по сравнению с 2003 г.: Δ – увеличились, ▼ – уменьшились.

** Индекс научно-технического потенциала Чеченской республики в 2003 – 2005 гг. не рассчитывался ввиду отсутствия статистических данных по большинству применяемых в методике показателей.

№ группы	Границы интервала	Уровень развития научно-технического потенциала региона
1	$7,0 < I_{НТПт} \leq 10,0$	Предельно высокий
2	$5,0 < I_{НТПт} \leq 7,0$	Очень высокий
3	$4,0 < I_{НТПт} \leq 5,0$	Высокий
4	$3,6 < I_{НТПт} \leq 4,0$	Средний
5	$3,2 < I_{НТПт} \leq 3,6$	Низкий
6	$2,8 < I_{НТПт} \leq 3,2$	Очень низкий
7	$0,0 < I_{НТПт} \leq 2,8$	Предельно низкий

Рис. 1. Распределение субъектов Российской Федерации по уровню развития научно-технического потенциала, 2010 г.

Ситуация недостаточно высокого уровня развития НТПт в большинстве субъектов России усугубляется наличием существенных территориальных диспропорций в финансировании НИОКР. В связи с этим, особое внимание необходимо уделить субъектам, занимающим в рейтинге по уровню развития НТПт невысокие позиции. К их числу относится и Вологодская область, выбранная в качестве объекта исследования.

Исходя из вышесказанного, был проведен более детальный анализ научно-инновационной сферы в представленном регионе. Вологодская область, начиная с 2003 г., с каждым годом неуклонно теряла свои позиции, и к 2010 г. переместилась с 19 на 66 место в рейтинге субъектов РФ. Данная негативная динамика объясняется отсутствием необходимых шагов региональных органов власти по развитию инновационных процессов, в то время как в других отдельно взятых регионах осуществлялась активная инновационная политика.

В последние десятилетия во многих странах мира последовательно увеличивается роль государства в финансировании НИОКР и стимулировании инновационной активности. В 2010 г. в Финляндии затраты на НИОКР составили 3,88 %, в Японии – 3,26 %, в США – 2,90 %, в Германии – 2,82 %, во Франции – 2,25 %, в Сингапуре – 2,09 %. Динамика финансирования российской науки, наоборот, с начала 1990-х гг. характеризуется резким спадом. В 1990 г. оно составило 2,03 % от ВВП, в 2000 г. – 1,05 %, в 2005 г. –

1,07 %, в 2011 г. – 1,09 % (табл. 2).

Несмотря на некоторый рост в период с 2000 по 2011 гг., доля затрат на исследования и разработки в Вологодской области в 2011 г. составила 0,1 %, что является крайне низким показателем не только в сравнении с зарубежными странами, но также со средним значением по России. В рейтинге субъектов РФ область занимает 74 место из 80 возможных.

В период 2000 – 2011 гг. в большинстве субъектов РФ уровень затрат на НИОКР в ВРП был ниже среднего значения интервала (рис. 2). Лишь несколько регионов – лидеров инновационного развития – находились выше данной позиции. Это подтверждает факт высокой территориальной диспропорции в финансировании НИОКР среди субъектов России.

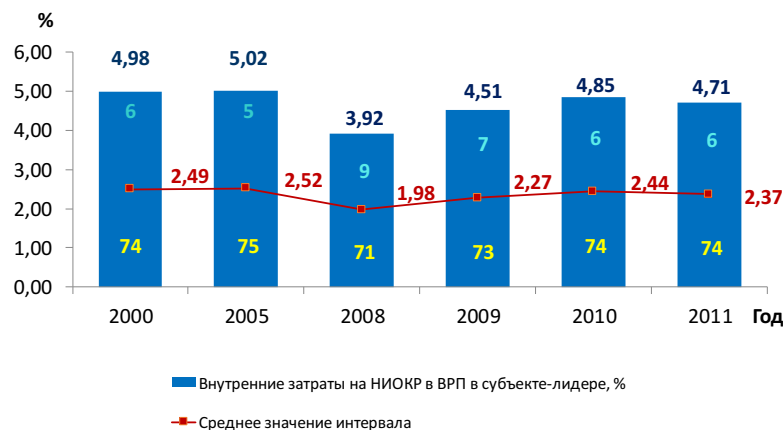
Недостаток финансирования науки является одной из основных причин утечки кадров и сокращения материально-технических средств в науке. Доля персонала, выполняющего исследования и разработки, на 100 тыс. человек населения в 2011 г. в России составила 514 чел., что ниже значений данного показателя в 2000 г. на 15 % (табл. 3).

В ходе анализа было выявлено, что Вологодская область занимает последнее место по показателю численности персонала на 100 тыс. человек населения среди других регионов СЗФО (табл. 3). Несмотря на незначительное увеличение данного показателя за анализируемый период, в 2011 г. в Вологодской области насчитывалось лишь 34 чел. на 100 тыс. человек населения.

Внутренние затраты на исследования и разработки в ВВП (ВРП), %

Страна/округ/регион	Год						
	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2011 к 2000, пп.
Российская Федерация	1,05	1,07	1,03	1,25	1,30	1,09	0,05
Северо-Западный федеральный округ	1,86	1,72	1,73	1,90	1,80	1,73	-0,13
Вологодская область	0,05	0,04	0,08	0,14	0,11	0,1	0,05

Источники: Основные показатели развития регионов Северо-Западного федерального округа. 2009: Стат. сб. / Вологдастат, 2009. – С. 166; Основные показатели развития регионов Северо-Западного федерального округа: Стат. сб. – Вологда, 2012; Сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. – URL: www.gks.ru; Россия и страны мира. 2012: Стат. сб. // Росстат. – М., 2012.

5, 6, 7, 9 – количество субъектов РФ, где уровень внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП превышает среднее значение интервала
71, 73, 74, 75 – количество субъектов РФ, где уровень внутренних затрат на исследования и разработки в ВРП ниже среднего значения интервала

Рис. 2. Внутренние затраты на исследования и разработки в ВРП, %

Динамика численности персонала, занятого исследованиями и разработками, чел. на 100 тыс. населения

Территория	Год						2011 к 2000, %
	2000	2005	2008	2009	2010	2011	
Российская Федерация	607	570	536	523	515	514	84,7
Северо-Западный федеральный округ	823	769	740	727	705	712	86,5
							Отношение к ср. знач. по 8 рег. СЗФО, %
г. Санкт-Петербург	2086	1864	1697	1651	1629	1635	78,4
Ленинградская область	372	379	380	380	377	371	99,8
Мурманская область	300	279	255	262	264	267	89,0
Калининградская область	264	222	192	198	197	210	79,5
Республика Коми	208	213	205	198	201	196	94,4
Новгородская область	176	129	135	139	141	156	88,3
Республика Карелия	179	138	139	144	145	153	85,2
Архангельская область	96	117	118	93	94	88	91,2
Псковская область	55	39	40	47	47	77	141,7
Вологодская область	33	38	38	40	40	34	103,0
Среднее по 8 рег. СЗФО	376,9	341,8	319,9	315,2	313,5	318,7	95,1

Источники: Сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. – URL: www.gks.ru; Основные показатели развития регионов Северо-Западного федерального округа: Стат. сб. – Вологда, 2012; Россия и страны мира. 2012: Стат. сб. // Росстат. – М., 2012.

Для сравнения: в 2010 г. в Финляндии данный показатель составил 1035 чел., в Сингапуре – 974 чел., в Канаде – 688 чел., в Японии – 685 чел., в Германии – 671 чел., во Франции – 603 чел., в Великобритании – 515 чел., в Украине 260 чел., в Китае – 191 чел., в Бразилии – 137 чел. и в Казахстане – 97 чел.

Это объясняется общим снижением значений данного показателя по большинству регионов страны. Проведенный анализ позволил определить, что в большинстве субъектов РФ значение показателя, отражающего долю исследователей на 100 тыс. человек населения, находится ниже отметки среднего значения интервала (рис. 3). Это подтверждает факт высокой дифференциации регионов России по уровню развития кадрового потенциала.

В связи с финансовыми и кадровыми проблемами за последние несколько лет в России наблюдается

низкий уровень инновационной активности, разработку и внедрение инноваций в 2011 г. осуществляли 10,4 % предприятий (табл. 4).

В Вологодской области в 2011 г. удельный вес организаций, осуществляющих инновационную деятельность, в общем числе организаций составлял 9,3 %, что ниже уровня 2000 г. на 1,7 пп. Как результат – низкая отдача от инновационной деятельности: доля инновационной продукции в общем объеме отгруженной продукции составила всего лишь 3,7 %, что на 4,9 пп. ниже значений за 2000 г.

3, 4, 5 – количество субъектов РФ, где численность персонала, занятого исследованиями и разработками на 100 тыс. населения превышает среднее значение интервала;
75, 76, 77 – количество субъектов РФ, где численность персонала, занятого исследованиями и разработками на 100 тыс. населения ниже среднего значения интервала

Рис. 3. Динамика численности персонала, занятого исследованиями и разработками, чел. на 100 тыс. населения

Таблица 4

Инновационная активность организаций

Страна/округ/регион	Год						
	2000	2005	2008	2009	2010	2011	2011 к 2000, пп.
<i>Удельный вес организаций, осуществляющих инновационную деятельность, в общем числе организаций, %</i>							
Вологодская область	11,0	8,4	9,8	7,6	7,4	9,3	-1,7
Россия	8,8	9,7	9,4	9,3	9,5	10,4	1,6
СЗФО	7,7	9,4	8,9	9,5	9,4	11,2	3,5
<i>Объем инновационных товаров, работ, услуг (в % к общему объему отгруженных товаров, выполненных работ, услуг)</i>							
Вологодская область	8,6	4,5	6,2	2,6	1,6	3,7	-4,9
Россия	4,4	5,0	5,0	4,5	4,8	6,3	1,9
СЗФО	5,7	3,3	3,7	3,1	4,1	5,2	-0,5
Источники: Основные показатели развития регионов Северо-Западного федерального округа. 2009: Стат. сб. // Вологдастат, 2009. – С. 166; Основные показатели развития регионов Северо-Западного федерального округа: Стат. сб. – Вологда, 2012; Сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. – URL: www.gks.ru.; Россия и страны мира. 2012: Стат. сб. // Росстат. – М., 2012.							
Для сравнения: в 2008 г. в Германии показатель инновационной активности составил 71,8 %, в Финляндии – 52,5 %, во Франции – 40,1 %; показатель, определяющий отдачу от инновационной продукции, составил в 2008 г. в Германии – 17,4 %, в Финляндии – 15,6 %, во Франции – 13,2 %, в Великобритании – 7,3 %							

По результатам проведенного анализа можно выделить ряд закономерностей и основных тенденций, происходящих в научно-инновационной сфере России. Во-первых, наблюдаемая в анализируемый период стагнация научно-инновационной сферы характеризуется поступательным снижением уровня развития научно-технического потенциала в большинстве регионов страны. Во-вторых, наличие существенных территориальных диспропорций в финансировании НИОКР, а также в развитии кадрового потенциала исследователей и разработчиков среди субъектов РФ увеличивает отставание страны от ведущих западных экономик по показателям инновационной активности и доли отгруженной инновационной продукции. В-третьих, для решения вышеизложенных проблем требуется поступательное развитие НТПТ во всех регионах Российской Федерации с целью выравнивания их относительно средних значений. Для этого необходима разработка индивидуальных решений для каждого отдельного субъекта согласно уровню социально-экономического развития территории.

Низкий уровень развития научно-инновационной сферы возникает вследствие отсутствия применения системного подхода органами власти и управления при формировании инновационной политики государства, а также должного контроля над исполнением федеральных стратегий и программ развития, что в результате приводит к низкой эффективности их реализации. Это подтверждается при сопоставлении прогнозных значений основных показателей инновационной деятельности, заложенных при формировании стратегий инновационного развития Российской Федерации на периоды до 2015 г. и до 2020 г. с фактическими данными (табл. 5). Сравнение позволило выявить тенденцию, при которой фактические значения не достигали запланированных целевых пока-

зателей. Причем это справедливо не только в сравнении с позитивным прогнозом, но и при сопоставлении с показателями, заложенными в инерционный вариант развития.

С целью формирования предложений по развитию научно-инновационной сферы необходимо рассмотреть категорию «государственная инновационная политика». Под государственной инновационной политикой будем понимать совокупность мероприятий, направленных на активизацию инновационной деятельности, повышение ее эффективности и широкое использование результатов в целях ускоренного социально-экономического развития страны и наиболее полного удовлетворения общественных потребностей [13]. Она реализуется в три этапа:

1) разработка научно обоснованных концепций (системы взглядов) развития инновационной деятельности осуществляется на основе анализа состояния инновационного потенциала;

2) определение основных направлений государственной поддержки инноваций;

3) осуществление практических действий по реализации поставленных целей, направленных на повышение инновационной активности.

Реализация инновационной политики требует разработки системы управления научно-инновационной сферой региона, которая может быть реализована посредством применения следующего алгоритма (рис. 4). Он предполагает внедрение набора инструментов для выполнения каждой из ключевых функций управления (планирование, организация, стимулирование и контроль).

С целью реализации представленного алгоритма автором предлагается использование таких инструментов управления научно-инновационной сферой, как программно-целевой подход и создание венчурного фонда на территории региона.

Таблица 5

Сравнение целевых показателей стратегических документов инновационного развития РФ с фактическими данными официальной статистики

Показатель	Стратегия до 2015 г.		Факт	Стратегия до 2020 г.	
	инерц.	позитив.			
	2012 г.			2013 г.	2020 г.
Внутренние затраты на исследования и разработки в ВВП, %	1,70	2,2	1,12	1,5	3,0
Коэффициент изобретательской активности (число патентных заявок на изобретения, поданных российскими заявителями в стране, в расчете на 10 тыс. населения)	1,96	4,7	3,1	2,1	2,8
Удельный вес инновационной продукции в общем объеме продаж промышленной продукции, %	8,5	16,2	7,8	7,2	25,0
Удельный вес предприятий, осуществлявших технологические инновации, в их общем числе, %	14,4	17,0	10,3	9,6	25,0
Удельный вес используемых передовых производственных технологий, включающих объекты интеллектуальной собственности, в общем их числе, %	4,9	6,2	3,2	—	—
Удельный вес исследователей в возрасте до 39 лет в общей численности исследователей, %	28,4	35,4	38,6	33,1	35,0

Рис. 4. Алгоритм формирования системы управления научно-инновационной сферой региона

Программно-целевой подход. Его суть заключается в определении программной цели и реализации комплекса, увязанных по срокам, исполнителям и ресурсам мероприятий по ее достижению с наилучшим эффектом. Для реализации данного положения предлагается внедрение долгосрочной целевой программы «Развитие научного и научно-технического потенциала Вологодской области на период до 2025 года». Программа является своего рода решением наиболее острых проблем общества путем концентрации имеющихся ресурсов, строится по схеме «цели – направления – средства».

Основными задачами Программы являются:

- разработка механизмов по формированию благоприятного инновационного климата в регионе;
- создание стимулов для повышения инновационной активности хозяйствующих субъектов;
- вывод экономики региона из депрессивного состояния на рельсы инновационного развития с це-

лью повышения уровня жизни населения.

Создание Венчурного фонда на территории Вологодской области. Основным инициатором создания института венчурного финансирования должно выступить Правительство Вологодской области, гарантиями которого, в свою очередь, смогут заручиться инвесторы и другие участники инновационного процесса. Поддержка в создании Фонда будет осуществлена Российской венчурной компанией, основной целью которой является стимулирование создания в РФ отрасли венчурного инвестирования и увеличение финансовых ресурсов венчурных фондов.

По итогам создания Венчурного фонда на территории Вологодской области механизм формирования государственного заказа на научно-исследовательские работы может выглядеть следующим образом (рис. 5).

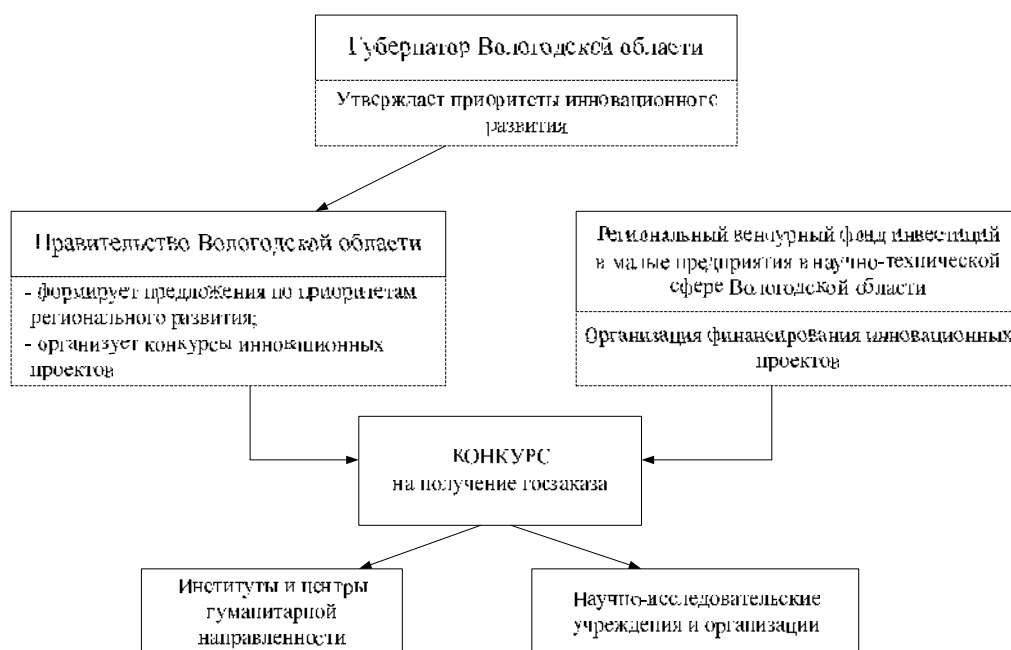

Рис. 5. Схема формирования государственного заказа на научно-исследовательские работы в Вологодской области

Согласно представленной схеме, утверждение приоритетных направлений инновационного развития в регионе осуществляет непосредственно губернатор Вологодской области на основании представленных Правительством региона предложений. Правительство в свою очередь осуществляет организацию конкурсов инновационных проектов для научно-исследовательских организаций и инновационных компаний на получение государственного заказа, финансирование которого осуществляет Региональный венчурный фонд.

По итогам работы Фонда в первые 10 лет планируется поддержка 20 инновационных предприятий. В рамках работы Фонда будет осуществляться финансирование наиболее перспективных проектов. Деятельность созданного на территории Вологодской области венчурного фонда будет носить положительный эффект и оказывать существенную финансовую поддержку инновационным предприятиям региона.

Таким образом, предложенный комплексный подход по формированию эффективной системы управления научно-инновационной сферой будет способствовать переводу экономики региона на инновационные рельсы, что в дальнейшем приведет к повышению благосостояния населения территории.

Литература

1. Вячеславов, А.М. Вузовская наука в регионе: тенденции и перспективы инновационного развития / А.М. Вячеславов // Экономика и предпринимательство. – М., 2013. – №7 (36). – С. 192 – 197.

2. Мазиллов, Е.А. Основные индикаторы и факторы инновационного развития промышленности региона / Е.А. Мазиллов // Менеджмент и бизнес-администрирование. – 2013. – № 1. – С. 166 – 178.

3. Маковеев, В.Н. Отечественный опыт государственного регулирования инновационных процессов в промышленности / В.Н. Маковеев // Молодой ученый. – 2013. – № 4. – С. 262 – 265.

4. Задумкин, К.А. Научно-технический потенциал региона: оценка состояния и перспективы развития / К.А. Задумкин, И.А. Кондаков. – Вологда, 2010.

5. Основные показатели развития регионов Северо-Западного федерального округа. 2009: Стат. сб. – Вологда, 2009. – С. 166.

6. Основные показатели развития регионов Северо-Западного федерального округа: стат. сб. – Вологда, 2012.

7. Райзберг, Б.А. Современный экономический словарь / Б.А. Райзберг, Л.Ш. Лозовский, Е.Б. Стародубцева. – М., 2007.

8. Регионы России. 2012: Стат. сб. // Росстат. – М., 2012.

9. Россия и страны мира. 2012: Стат. сб. // Росстат. – М., 2012.

10. Сайт Федеральной службы государственной статистики РФ. – URL: www.gks.ru.

11. Стратегия развития науки и инноваций в Российской Федерации на период до 2015 года. Утверждена Межведомственной комиссией по научно-инновационной политике (протокол от 15 февраля 2006 г. № 1). – С. 9.

12. Терехова, С.В. Тенденции развития научно-инновационной деятельности в вузах региона / С.В. Терехова, А.М. Вячеславов // Проблемы развития территорий. – Вологда, 2012. – № 4 (60). – С. 110 – 122.

13. Управление развитием предпринимательства в лесопромышленном комплексе. – URL: <http://allydota.ru/item/items33685.html>.

**РЕАЛИЗАЦИЯ КЛАСТЕРНОЙ ПОЛИТИКИ
КАК ИНСТРУМЕНТ РАЗВИТИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ РЕГИОНА**

В статье раскрыты проблемы развития промышленности региона. Обоснована необходимость формирования высокотехнологического производственного комплекса, выявлены отрасли, имеющие наибольший потенциал кластеризации. Предложены основные направления развития и диверсификации промышленности региона на основе кластерного подхода.

Регион, промышленность, высокотехнологичное производство, производственные кластеры.

The article describes the problem of industrial development in the region. The necessity of forming the high-tech industrial complex is proved; the industries with the greatest potential of clustering are identified. The main directions of development and diversification of industry in the region based on the cluster approach are proposed.

Region, industry, high-tech manufacturing, industrial clusters.

Промышленность является основой экономического развития России. Только при наличии эффективно функционирующего промышленного комплекса можно обеспечить стратегическую глобальную безопасность и независимость государства, а также высокий уровень благосостояния и качества жизни ее населения.

В современных условиях функционирование реального сектора экономики России возможно только на основе активного использования передовых достижений научно-технического прогресса. Как показывает опыт ведущих стран мира, для прогрессивного и устойчивого развития экономики в структуре промышленности необходимо наличие инновационных высокотехнологичных производств. Данная проблема актуальна и на региональном уровне, поскольку инновационная активность обеспечивает устойчивое развитие, а также крепкие конкурентные позиции предприятий региона.

Инерционное развитие российской промышленности в последние двадцать лет привело к возникновению ряда проблем, среди которых: падение объемов производства высокотехнологичной продукции, старение основных производственных фондов, снижение производительности труда, сокращение объема инвестиций. Решение сложившихся проблем возможно только на основе глубоких эффективных преобразований, активного использования передовых достижений научно-технического прогресса и формирования принципиально нового подхода к процессу развития промышленности. На современном этапе именно инновации должны стать основополагающим фактором модернизации промышленного сектора.

Вместе с тем, инновационное развитие промышленности идет с заметным отставанием от ведущих мировых экономик и зачастую проявляется как заимствование уже используемых за рубежом процессов и технологий. По данным органов государственной статистики, уровень инновационной активности

предприятий промышленного сектора экономики в России в 2012 г. составляет 11,1 %, в то время как в развитых странах, таких как США, Япония, Германия, Франция и др., данный показатель достигает уровня 60 – 70 %. Результатом этого является постоянно нарастающая технологическая отсталость российской промышленности и снижающаяся конкурентоспособность предприятий. Особенно остро этот вопрос встает в связи со вступлением России в ВТО. Данные обстоятельства требуют исследования развития промышленности и принципиального изменения подхода к управлению не только промышленным сектором, но и отдельными его отраслями. Таким образом, актуальность данного вопроса определяется необходимостью разработки инструментов развития промышленности региона.

В Вологодской области промышленность занимает серьезные позиции и является основой ее экономики, обеспечивая выпуск важнейших видов потребительских изделий. Анализ показал, что в Вологодской области доля промышленности в ВРП составляет 44,8 % (рис. 1). Причем на долю обрабатывающих предприятий приходится наибольшая доля производимой продукции. В то же время в 2009 – 2011 гг. наблюдалось незначительное сокращение доли отраслей промышленности в структуре, связанное с резким спадом объемов производства на фоне финансово-экономического кризиса.

Промышленность Вологодской области можно отнести к многоукладной. Однако, по данным статистики, три четверти промышленной продукции региона приходится на долю третьего технологического уклада (рис. 2). К нему причисляют производство пищевых продуктов, деревообработку и основную долю металлургической промышленности. Необходимо отметить, что развитые страны (США, Германия, Япония, Франция) активно сокращают объемы производства продукции третьего и четвертого укладов либо переносят их в развивающиеся страны.

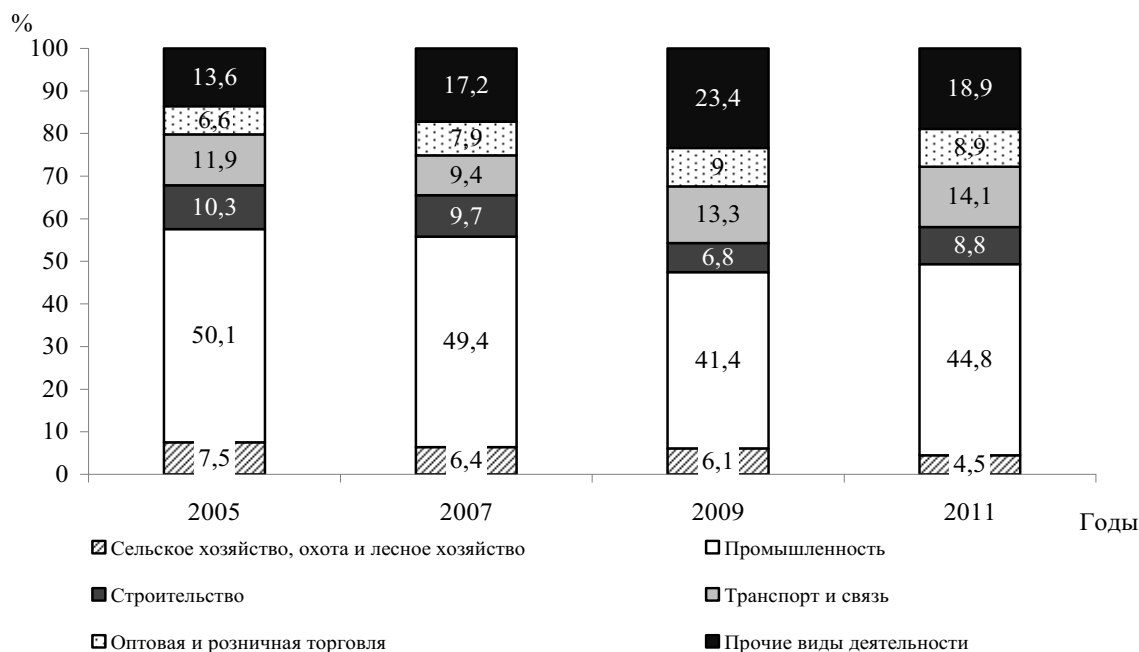

Рис. 1. Структура валового регионального продукта Вологодской области, % [8]

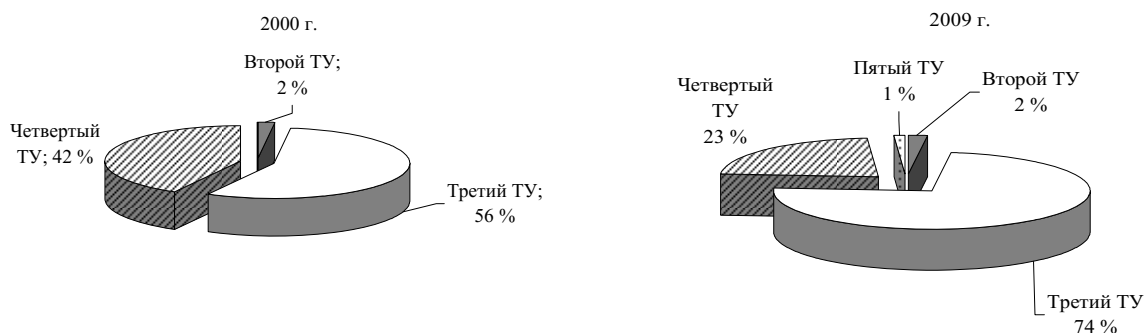

Рис. 2. Укладность промышленного комплекса Вологодской области в 2000, 2009 гг. [4], [6]

В Вологодской области развитие промышленности пятого уклада¹ идет низкими темпами – его доля в структуре промышленного производства занимает лишь 1 % [4]. Тот факт, что наибольший объем производимой продукции принадлежит к третьему укладу, а также низкий удельный вес продукции пятого, создает серьезные проблемы для функционирования промышленности региона, поскольку именно производства пятого уклада формируют потенциал для дальнейшего развития и модернизации.

В промышленном производстве Вологодской области продолжает усиливаться перевес в сторону металлургической и химической отрасли (табл. 1). Если на долю предприятий металлургии в 1990 г. приходи-

лось 45 % отгруженной продукции, то в 2011 г. ее объемы составляли уже 62,5 %. Поэтому можно утверждать, что промышленность региона является металлургически ориентированной и во многом зависит от объемов производства и цен на металл.

Доля машиностроительной отрасли, создающей преимущественно продукцию высоких технологических переделов, по-прежнему крайне мала. Она сократилась с 12 % в 1990 до 3 % в 2011 г. Кроме того, объемы производства в таких традиционных для региона отраслях, как деревообрабатывающая и легкая, заметно снизились. Доля последней в экономике очень мала: в 2010 г. она составляла менее 1 %.

¹ К пятому технологическому укладу в промышленности Вологодской области относятся следующие отрасли производства: производство электронного и оптического оборудования и современных транспортных средств.

Таблица 1

**Структура промышленного комплекса
Вологодской области в 1990 – 2011 гг., % [8]**

Отрасль промыш- ленно- сти	1990 г.	2000 г.	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2011 г.	Абс. отклоне- ние 2011 г. – 1990 г.
Метал- лургиче- ская	45	68	72,0	69,8	59,9	62,5	17,5
Хими- ческая	7	9	9,3	10,0	15,5	19,7	12,7
Пищевая	9	5	6,4	6,0	9,5	7,1	-1,9
Прочее	4	8	1,6	3,7	4,5	3	-1
Машино- строи- тельная	12	3	4,3	5,7	5,5	3	-9
Дерево- обра- ботка	13	6	4	4,2	4,6	0,2	-12,8
Легкая	10	1	0,3	0,2	0,3	4,6	-5,4

Проведенный автором анализ функционирования промышленного комплекса позволил выявить ряд проблем, характерных для современного этапа развития промышленности.

1. Высокий уровень износа основных производственных фондов. В 2011 г. он составил 46,7 % (табл. 2). Причем за анализируемый период (2005 – 2011 гг.) ситуация кардинальным образом не изменилась. Очевидно, что на таком изношенном оборудовании создание наукоемкой конкурентоспособной продукции не представляется возможным.

2. Численность персонала в промышленности снижается. Это объясняется рядом обстоятельств. Во-первых, предприниматели и руководители организаций еще в докризисный период проводили оптимизацию кадрового состава. Во-вторых, значительное снижение произошло в результате сокращений, связанных с финансово-экономическим кризисом. В-третьих, привлекательность рабочих специальностей в последнее время заметно снизилась в связи с относительно невысокой заработной платой, непрестижностью рабочих профессий, а также условиями труда.

3. Низкая рентабельность. Рентабельность продукции обрабатывающих производств в среднем по стране составила 13,2 %. В то же время уровень рентабельности отраслей по производству машин и оборудования (6,6 %), транспортных средств и оборудования (5,5 %), электрооборудования, электронного и оптического оборудования (9,1 %) являлся одним из наиболее низких.

4. Низкая доля инвестиций в основной капитал предприятий отраслей по производству высокотехнологичной продукции. В 2011 г. на долю предприятий по производству машин и оборудования, транспортных средств и оборудования, электрооборудования, электронного и оптического оборудования при-

ходило лишь 15,9 % всех инвестиций в обрабатывающие производства и лишь 5,5 % всех инвестиций в промышленность страны. Кроме того, по сравнению с уровнем 2005 г. объем инвестиций в капитал предприятий по производству машин и оборудования вырос на 8,4 %. Подобный уровень инвестирования не способствует модернизации промышленности и активизации инновационных процессов в наиболее высокотехнологичных отраслях.

Таблица 2

**Основные показатели функционирования предприятий
промышленности Вологодской области
в 2000 – 2011 гг., % [8]**

Показатель	2005 г.	2007 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.	Абс. откл. 2011 г. – 2005 г., пп.
Уровень износа ОПФ, %	50,1	30,9	36,6	40,6	43,2	-6,9
Доля занятых в промышленно- сти в общей численности экономически активного насе- ления, %	21,7	22,8	19,7	19,4	18,1	-3,6
Рентабельность производимой продукции, %	33,6	28,7	12,5	14,0	12,2	-21,4
Уровень иннова- ционной актив- ности, %	8,4	8,3	7,6	7,4	9,3	0,9
Число созданных передовых про- изводственных технологий, ед.	7	–	2	1	1	-6
Доля отгружен- ной инновацион- ной продукции в общем объеме, %	4,5	6,10	2,85	1,74	3,84	-0,66

5. Низкий уровень инновационной активности. Уровень инновационной активности промышленных предприятий области составляет менее 10 %. Проведенный автором анализ позволяет утверждать, что основные показатели инновационной активности промышленного комплекса остаются на крайне низком уровне. Промышленность продолжает двигаться по инерционному пути развития. В 2010 – 2011 гг. было создано лишь по одной передовой производственной технологии, доля отгруженной инновационной продукции в общем объеме за семь лет на 0,66 %.

Для устранения имеющихся диспропорций в развитии промышленности области необходимо создавать условия для активного развития новых высокотехнологичных отраслей. Формирование таких секторов экономики (помимо своей основной функции) повышает эффективность деятельности региона как субъекта, а также увеличивает инновационную активность в регионе, активизирует инвестиционные процессы.

Одним из направлений развития промышленности является создание производственных кластеров. Для их формирования необходимо учитывать возможности и предпосылки развития. Основными из них являются: наличие материально-технической базы, сырьевых ресурсов, технологического задела, спроса на продукцию. Наибольшим потенциалом кластеризации в регионе обладают предприятия следующих отраслей промышленности: металлургической, обработки древесины, химической, производства машин и оборудования¹ (табл. 3). Однако в связи с тем, что промышленность Вологодской области носит сырьевую специализацию, является моноотраслевой и металлургически ориентированной, целесообразно сделать упор на развитие отраслей, предприятия которых осуществляют глубокую переработку сырья и производство продукции с высокой добавленной стоимостью, а именно – на машиностроительную и деревообрабатывающую промышленность.

Для активизации процессов формирования производственных кластеров в регионе необходима реализация системных мер по поддержке приоритетных отраслей, стратегически важных для региона инвестиционных проектов в промышленности.

С нашей точки зрения, для формирования в регионе производственных кластеров необходимо предпринять комплекс системных шагов в данном направлении, основными из которых должны стать следующие:

1. Проведение активной государственной поддержки инвестиционных проектов.
2. Подготовка руководителей, специалистов, рабочих для промышленности является одним из приоритетных направлений промышленной политики.
3. Развитие научно-образовательного комплекса, инновационной деятельности и предприятий новой экономики.
4. Создание условий для реализации инновационной политики.
5. Финансовая поддержка предприятий промышленности.
6. Создание стабильных условий хозяйствования, в том числе условий налогообложения и ставок налогов в течение финансового года.
7. Развитие производственной-инновационной инфраструктуры.

Первоочередной задачей развития промышленности, по нашему мнению, должно стать создание и развитие в регионе объектов производственно-инновационной инфраструктуры, одним из которых являются центры кластерного развития (ЦКР)². ЦКР

создаются в целях содействия принятию решений и координации проектов, обеспечивающих развитие кластеров, в том числе инновационных. Кооперационное взаимодействие участников кластеров между собой является одним из основных инструментов развития промышленных кластеров в регионе. Основной целью деятельности ЦКР является создание условий для эффективного взаимодействия предприятий-участников территориальных кластеров, учреждений образования и науки, некоммерческих и общественных организаций, органов государственной власти и местного самоуправления, инвесторов в интересах развития территориального кластера, обеспечение реализации совместных проектов.

Таблица 3

**Кластерные коэффициенты
в отраслях промышленности Вологодской области
в 2011 г.**

Вид экономической деятельности	Коэффициенты		
	специализации	локализации	душевого производства
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий	11,33	3,53	7,39
Обработка древесины и производство изделий из дерева	8,63	2,69	5,63
Химическое производство	6,66	2,07	4,34
Производство машин и оборудования	2,32	0,72	1,51
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	1,69	0,53	1,10
Производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	1,56	0,48	1,01
Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	0,76	0,24	0,50
Текстильное и швейное производство	0,73	0,23	0,48
Производство резиновых и пластмассовых изделий	0,28	0,09	0,18
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	0,18	0,06	0,12
Производство транспортных средств и оборудования	0,13	0,04	0,09
Производство кокса и нефтепродуктов	0,03	0,01	0,02
Прочие производства	0,99	0,31	0,65

В России ЦКР появились относительно недавно. Однако в регионах уже ведется активная деятельность по их созданию, которая активно поддерживается органами государственной власти всех уровней.

¹ Для оценки потенциала кластеризации Вологодской области была использована методика, представленная в монографии «Производственные кластеры и конкурентоспособность региона» [11].

² Центр кластерного развития – это элемент инновационной инфраструктуры, создаваемый в целях развития инновационных кластеров малого и среднего предпринимательства, обеспечивающий кооперационное взаимодействие участников кластера между собой, что, в конечном счете, повышает конкурентоспособность региона базирования соответствующих инновационных кластеров.

Так, в 2010 г. Министерством экономического развития РФ были поддержаны семь регионов (Татарстан, Пермская, Калужская, Самарская, Ульяновская, Томская области и Санкт-Петербург), на реализацию проектов создания ЦКР которых было выделено 160 млн руб. из федерального бюджета и примерно 50 – 60 млн руб. из региональных бюджетов [9]. Анализ деятельности данных центров демонстрирует, что создание подобных организаций инновационной инфраструктуры востребовано. В некоторых регионах они уже доказали свою эффективность.

В Вологодской области также предприняты шаги по созданию ЦКР. В 2013 г. Институтом социально-экономического развития территорий РАН совместно с Правительством Вологодской области был подготовлен и направлен в Министерство экономического развития проект по созданию и развитию в Вологодской области ЦКР. Миссия ЦКР заключается в повышении эффективности экономики региона на основе ее диверсификации, стимулирования развития производственной и инновационной деятельности малых и средних предприятий. Задачами Центра являются:

– разработка и информационно-аналитическое обеспечение реализации стратегий и программ раз-

вития кластеров в сфере машиностроения, лесопромышленного комплекса на территории Вологодской области;

– реализация проектов развития лесного, машиностроительного кластеров на территории Вологодской области;

– обеспечение участникам кластеров доступа к высокотехнологичному, измерительному оборудованию, программному обеспечению для прототипирования, точных измерений, трансфера технологий и пр.;

– содействие участникам кластеров в выводе новых продукции и услуг на отечественные и зарубежные рынки, сертификации продукции;

– организация подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в интересах участников кластеров региона.

В качестве основных элементов структуры Центра считаем целесообразным выделить следующие: экспертно-аналитический отдел, отдел сертификации и продвижения продукции, отдел подготовки инновационных менеджеров, лабораторно-экспериментальный отдел, отдел сопровождения проектов.

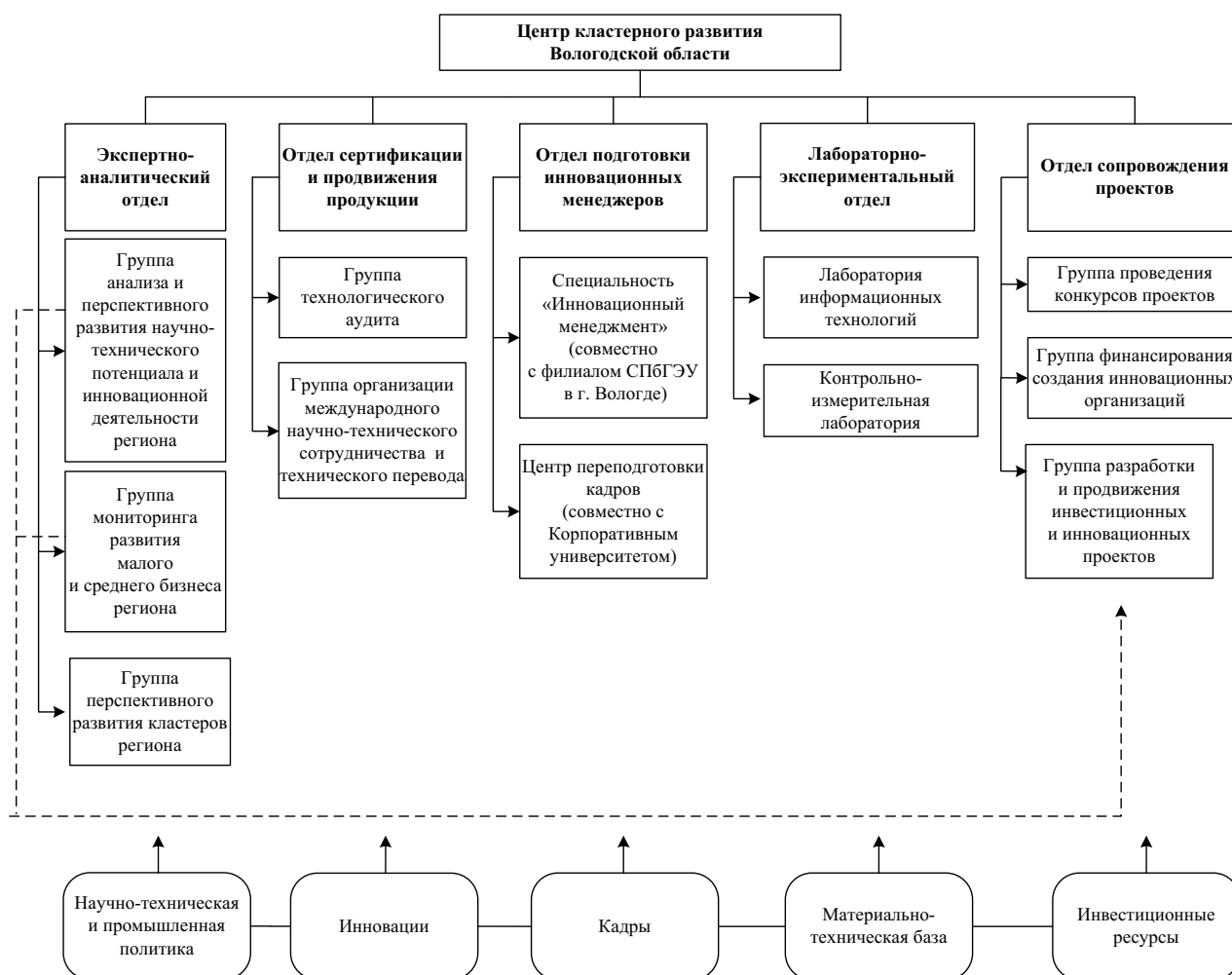

Рис. 3. Структура Центра кластерного развития

Примечание: FP7 – Седьмая рамочная программа Европейского союза; * – в основном работа будет осуществляться с Фондом содействия развития малых форм предприятий в научно-технической сфере

В рамках подготовки проекта при непосредственном участии автора был спрогнозирован экономический эффект от его реализации. Его реализация позволит достичь следующих результатов:

- на территории Вологодской области будут созданы лесной и машиностроительный кластеры. При этом опорными технологиями, развиваемыми предприятиями машиностроения будут являться технологии для производства оборудования нового поколения для молочной промышленности, разработки технологий в области совершенствования общественного транспорта. Лесной кластер будет формироваться на основе технологий малоэтажного деревянного домостроения;

- число предприятий, воспользовавшихся услугами Центра кластерного развития, к 2022 г. составит 700 организаций (накопленным итогом);

- предприятиями-участниками Центра кластерного развития будет разработано порядка 100 инновационных технологий;

- снизится ориентация региона на сырьевое производство, будут развиваться высокотехнологичные отрасли, что приведет к увеличению показателей экономического развития Вологодской области;

- реализация проекта в ближайшие 10 лет позволит увеличить объем выпускаемой продукции более чем на 1140 млн руб. в фактически действующих ценах;

- дополнительные налоговые поступления в бюджеты всех уровней составят за 10 лет составят 266,1 млн руб.

Как нам видится, формирование производственных кластеров должно стать одним из приоритетных направлений обеспечения перевода промышленности региона на инновационный путь развития, а в качестве одного из эффективных инструментов достижения поставленных задач является ЦКР.

Литература

1. Агаметова, О.Н. Тенденции развития региональной инновационной инфраструктуры / О.Н. Агаметова // Экономика. Управление. Право. – 2012. – № 10 (34). – С. 29.
2. Гулин, К.А. К вопросу о социально-экономической модернизации российских регионов / К.А. Гулин // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2012. – № 4. – С. 51.
3. Журавлева, Н.Ю. Инновация как экономическая категория / Н.Ю. Журавлева // Вестник СПбГУ. – 2006. – № 4. – С. 138.
4. Ильин, В.В. Роль кластерных систем в инновационном развитии промышленности региона / В.В. Ильин // Федерализм. – 2009. – № 4. – С. 204.
5. Мазиллов, Е.А. Промышленная политика как механизм регионального развития / Е. А. Мазиллов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2013. – № 1.
6. Москвина, О.С. Определение уровня технологического уклада в экономике региона / О.С. Москвина // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 2 (183). – С. 52 – 58.
7. Официальный сайт Евростата. – URL: http://epp.eurostat.ec.europa.eu/portal/page/portal/science_technology_innovation/data/main_tables
8. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. – URL: <http://www.gks.ru>.
9. Российская кластерная обсерватория. – URL: <http://cluster.hse.ru/centers>
10. Теребова, С.В. Структура промышленности региона: состояние и проблемы целенаправленного изменения / С.В. Теребова, Е.А. Мазиллов // Современные исследования социальных проблем. – 2012. – № 3 (11). – URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/3/mazilov.pdf>
11. Ускова, Т.В. Производственные кластеры и конкурентоспособность региона: Монография / [Т.В. Ускова и др.]. – Вологда, 2010.
12. Science and Engineering Indicators – 2008. Washington: NSA, 2008. – URL: <http://www.nsf.gov/statistics/seind08/pdfstart.htm>.

УДК 08.00.05

Н.И. Морицина

Научный руководитель: доктор экономических наук, профессор Е.П. Панкратов

СТАНДАРТИЗАЦИЯ РИЭЛТЕРСКИХ УСЛУГ НА СОВРЕМЕННОМ РЫНКЕ ЖИЛОЙ НЕДВИЖИМОСТИ

В статье рассматриваются основные направления повышения качества функционирования риэлтерских агентств на современном рынке жилой недвижимости, также автором производится подробный анализ на примере крупных компаний, характеризующих современную ситуацию в сфере риэлтерских услуг. Таким образом, автором определены основные принципы стандарта оказания риэлтерских услуг.

Рынок риэлтерских услуг, агентства недвижимости, сделка, стандарт, лицензия, сертификат.

The article considers the main directions of improving the quality of functioning of real estate agencies in today's real estate market. The author made a detailed analysis on the example of large companies, describing the current situation in the field of real estate services. Thus, the author defines the basic principles of the standard of providing the real estate service.

Market of real estate services, real estate Agency, deal, standard, license, certificate.

Рыночный механизм представляет собой сложную систему связей, обеспечивающую уравнивание многочисленных индивидуальных свободно выбранных решений продавцов товаров и услуг, с одной стороны, и покупателей – с другой. Руководствуясь ГК РФ, риэлтерская деятельность представляет собой предпринимательскую деятельность по оказанию посреднических и информационных услуг при совершении операций с объектами недвижимости, это профессиональная деятельность, осуществляемая на постоянной основе по оказанию другим лицам за вознаграждение услуг при совершении операций с объектами недвижимости.

Риэлтерские услуги, предоставляемые риэлторами, в настоящее время вызывают множество нареканий. Риэлторы оказываются виноваты во всем: и в неэтичном поведении, и в срыве сделок, и в обмане, и в завышении цен, и в несоблюдении договоренностей, и в «обогащении на клиентах». Нехорошее впечатление оставляют как частные маклеры-одиночки, так и агенты крупнейших компаний.

Требовательность людей, которые платят за услуги «специалистов по недвижимости» тысячи долларов, понятна. Однако риэлтерские компании пока не в силах поднять качество обслуживания на «недосягаемую» высоту, хотя в стремлении сделать это им не откажешь, и успехи на этом направлении с каждым годом все больше. Компании вводят новые форматы оформления сделок, помогающие избежать разногласий с клиентом (особенно при альтернативных сделках), тщательно документируют все процессы, страхуют заключенные сделки, обучают персонал.

Чтобы сократить возможности недобросовестного поведения агентов, Московская Ассоциация Риэлторов предложила своим членам ввести изменения в порядок проведения сделок и применять новые механизмы финансирования при их заключении. Например, обмениваться офертами с указанием стоимости услуг и квартиры между покупателем и продавцом (агентами покупателя и продавца), заключать предварительные договора, в случае проведения альтернативных сделок применять краткосрочное кредитование и т.д.

В компании «Инком-Недвижимость», чтобы повысить качество обслуживания, продолжают внедрять клиентоориентированный подход, идеалом которого является фраза «Клиент всегда прав», что на практике означает, что интересы клиента превыше интересов компании и уж тем более превыше личных интересов ее сотрудников. Однако сотрудники компаний не могут взять и утром проснуться клиентоориентированными по команде руководства. Изменения происходят постепенно, порой слишком медленно, чтобы их заметили клиенты. Однако все действия с клиентом фиксируются в протоколе сделки, который к ее окончанию превращается в небольшой том и может стать поводом для «работы над ошибками».

В компании «БЭСТ-Недвижимость» для контроля работы агентов с клиентами ввели систему письменной отчетности по сделкам и проводимому с клиен-

том общению, в том числе письменные отчеты готовятся и для самих клиентов еженедельно. Однако в компании неожиданно столкнулись с тем, что клиенты не хотят подписывать предоставляемые им отчеты, а между тем это необходимо, чтобы быть уверенными, что отчет передан и клиент в курсе последних предложений риэлтора и его аргументов по различным аспектам проведения сделки.

А вот Ростовская компания «Титул», чтобы обеспечить «спокойствие» покупателей, ввела систему гарантийных обязательств – сертификатов надежности. Клиенту, получившему такой сертификат, компания гарантирует не только оплату защиты права собственности на купленный объект в суде, но и возмещение убытков в случае расторжения сделки в размере полной рыночной стоимости объекта [9].

Предлагаем ввести еще один путь повышения доверия клиентов к работе риэлтерских компаний, который заключается в работе агентств по принципу «открытой» комиссии, когда покупатель знает, сколько денег получил продавец квартиры, а сколько сам агент и, наоборот, когда продавец знает, сколько заплатил покупатель. Это позволит избежать громких скандалов, когда продавец вдруг узнает, что его квартиру продали по баснословной цене, а разницу агент положил в карман (в кассу компании) и, наоборот, покупатель узнает, что, несмотря на то, что агент постоянно ссылаясь на повышение цены продавцом, ничего подобного не происходило и все «повышение» оказалось в руках у агента (в кассе).

Для дальнейшей активизации рынка жилой недвижимости необходимо расширять и совершенствовать системы по повышению квалификации риэлторов [2].

В настоящее время отсутствуют государственные стандарты качества риэлтерских услуг и государственные требования по их поддержанию. В 2002 г. в России было отменено обязательное лицензирование риэлтерских услуг. В связи с этим особое значение приобретает система добровольной сертификации качества риэлтерских услуг. Российская гильдия риэлторов (РГР), объединяющая профессионалов рынка недвижимости по всей стране, разработала и зарегистрировала национальный стандарт деятельности по сертификации риэлтерских услуг. Этот стандарт включает в себя обобщенный позитивный опыт риэлторов России за много лет существования РГР. Система добровольной сертификации услуг на рынке недвижимости была зарегистрирована Госстандартом России Постановлением от 8 февраля 2002 г.

В 2012 г. на общем съезде РГР было принято решение, что для членов гильдии сертификация будет обязательной. На сегодняшний день только Нижегородская область решила на 100 % претворить это решение в жизнь.

Отличие лицензии от сертификата:

Лицензия – документ, разрешающий осуществлять услуги на рынке недвижимости.

Сертификат – документ, подтверждающий квалификацию и надежность агентства недвижимости. Лицензию может получить каждый способный к

бизнесу новичок, а сертификат может получить только достойный профессионал.

Система сертификации риэлтерских услуг сконцентрировала в себе все, что существовало в системе лицензирования риэлтерской деятельности, а именно: обучение, повышение квалификации, профессиональная переподготовка персонала, разработанные учебные программы, страхование профессиональной гражданской ответственности. В основе системы сертификации риэлтерской деятельности заложен национальный стандарт профессиональной деятельности «Социально ответственный бизнес. Риэлтерская деятельность. Услуги брокерские на рынке недвижимости. Общие требования».

По-нашему мнению, следует ввести Единую Концепцию Сертификации риэлтерских услуг (ЕК-Сру). ЕКСру будут формировать Управленческий Центр и его региональные представительства, учрежденные в соответствии с правилами, зарегистрированными в Госстандарте России. Схематично Единую Концепцию Сертификации риэлтерских услуг можно представить следующим образом (см. рисунок).

Для получения сертификата агентство недвижимости должно пройти тщательную юридическую проверку внутренней документации и деятельности и системы организации своей деятельности. С этой целью она предоставляет в Орган по сертификации целый пакет документов, в ее офис выезжают эксперты. Риэлтерские фирмы, получившие Сертификат соответствия, имеют право на использование специального знака Единого национального стандарта.

По мнению специалистов, сертифицированные риэлтерские компании получают больше преимуществ на рынке вследствие более высокого качества оказания услуг. Именно высокое обслуживание заставит клиента приходить чаще и покупать у сертифицированной риэлтерской фирмы больше. Согласно исследованию Американской ассоциации менеджмента (American Management Association), постоянные клиенты, которые покупают у фирмы снова и снова, потому что им нравится обслуживание, обеспечивают в среднем 65 % оборота компании.

Исследования показывают, что для многих риэлтерских компаний повышение качества сервиса становится более эффективным инструментом увеличения объема продаж и прибыли, чем маркетинг, продвижение или реклама [4]. По нашему мнению, в агентствах недвижимости, где разработаны продуманные, грамотные стратегии работы с клиентами, это направление деятельности приносит больше чистой прибыли, чем маркетинговые исследования, внедрение новых риэлтерских и финансовых продуктов, широкий ассортимент услуг, продажа в кредит и любые другие стратегии.

Главной особенностью системы сертификации [8] является то, что она является единой и общерегиональной. Единый реестр сертификатов соответствия, реестр аттестованных специалистов по недвижимости (брокеров, агентов), которые прошли обучение и экзаменовались по единым методикам, единые требования к страхованию профессиональной ответ-

ственности. Система сертификации определяет качество риэлтерских услуг и является гарантом соответствия услуги принятым стандартам качества.

Рисунок. Единая концепция и функции Управленческого Центра по сертификации риэлтерской деятельности¹

Следует подчеркнуть, что помимо системы сертификации, созданной Российской гильдией риэлторов, еще одна система добровольной сертификации, разработанная по инициативе правительства г. Москвы (утв. руководителем СДС КРУ 12.04.2002), показала свою жизнеспособность. На данный момент осуществляются необходимые работы по объединению этих систем в Единую систему добровольной сертификации риэлтерской деятельности.

Если проанализировать деятельность некоммерческого партнерства «Российская гильдия риэлторов» и ряд других некоммерческих объединений, можно сделать вывод, что как раз ни одно из этих учреждений не может являться сертифицирующим органом, так как они заинтересованы в поддержке интересов именно своих участников, т.е. профессиональных участников рынка недвижимости. Следует вспомнить, что система сертификации риэлтерских услуг направлена на максимальное вовлечение количества хозяйствующих субъектов [1].

Считается целесообразным создать Независимый Сертификационный Центр для осуществления процедур сертификации, который бы не был связан ни профессиональными, ни имущественными отношениями с риэлтерскими агентствами. А именно предлагается возложить процедуру сертификации риэлтерской деятельности на органы Госстандарта или НИИ, занимающиеся вопросами недвижимости.

¹ Разработка автора.

Кроме того, считаем необходимым разработать концепцию урегулирования споров внесудебного характера с участием в качестве посредника независимого лица – медиатора (процедуры медиации) – в целях содействия развитию партнерских деловых отношений и формированию этики делового оборота, гармонизации социальных отношений.

Далее следует рассмотреть вид деятельности, направленный на достижение оптимальной степени упорядочения в определенной области посредством установления положений для всеобщего и многократного использования в отношении реально существующих или потенциальных задач, т.е. речь идет о стандартизации [3].

В крупных городах, например, в г. Москве известные риэлтерские фирмы уже длительное время выстраивают свою деятельность на основе профессиональных стандартов. Ключевым моментом в стандартизации риэлтерской деятельности выступают стандарты взаимной ответственности и организации совместных сделок. То есть в процессе совершения сделок купли – продажи и при проведении совместных сделок между риэлтерскими организациями эти стандарты призваны регулировать отношения между риэлтерскими компаниями и их клиентами [6].

Существующие стандарты риэлтерской деятельности формировались на основе многолетнего изучения законодательных документов и практической деятельности. Принцип «прецедентного» права – это основа создания вышеуказанных стандартов, представляющие собой результат осмысления недоработок договорной базы риэлтерских фирм. Здесь нашли свое отражение типичные упущения, вызывающие большое число конфликтов с клиентами или с коллегами, также приводившие к срыву запланированных сделок, т.е. стали толчком к созданию и разработке общих письменных правил [1].

Как уже отмечалось ранее, в России разработан Национальный стандарт профессиональной деятельности «Социально ответственный бизнес. Риэлтерская деятельность. Услуги брокерские на рынке недвижимости. Общие требования», утвержденный решением Национального совета Российской Гильдии Риэлторов от 23.03.2007 г. и введен в действие с 26.03.2007 г. Вышеуказанный стандарт носит добровольный характер для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, оказывающих брокерские услуги. Одновременно стандарт носит обязательный характер для юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, которые владеют сертификатом соответствия, выданного в соответствии с требованиями Стандарта.

Стоит подчеркнуть, что альтернативным вариантом данного документа является стандарт, разработанный Московской Ассоциацией Риэлторов, который является обязательным для фирм – членов Ассоциации (МАР). Ассоциацией (МАР) принято решение о создании Комитета по защите прав потребителей риэлтерских услуг, призванного рассматривать споры между фирмами МАР и физическими лицами при наличии договорных отношений.

Практическим выражением тезиса, декларируемого концепцией развития МАР, что «Московская Ассоциация риэлторов является объединением фирм, стремящихся к созданию основанного на законе рынка недвижимости, надежного и удобного для клиентов», является добровольное принятие фирмами на себя обязательств, регламентируемых «Едиными стандартами профессиональной деятельности для фирм, входящих в МАР». Вопросами стандартизации риэлтерской деятельности занимается Комиссия МАР по организационным вопросам, которая ведет обобщающую работу по созданию пакета стандартных договорных документов, разрабатывает требования к стандартному риэлтерскому офису, обеспечивающему создание на фирме условий для безопасного и комфортного обслуживания клиентов [7].

Вышеперечисленные стандарты регламентируют порядок осуществления сделок с недвижимым имуществом.

По нашему мнению, изложенные стандарты имеют некоторые недостатки, такие как:

1. Отсутствие четкого разграничения задач, выполняемых в процессе совершения сделки брокером, агентом, риэлтором. В связи с этим невозможно отражение фактических взаимоотношений и внутри фирмы, и между клиентом и фирмой.

2. Отсутствие четкого определенного размера имущественной ответственности виновников сложившейся неблагоприятной ситуации (сотрудников риэлтерской компании) перед клиентом; отсутствие определенного размера страхования гражданской ответственности риэлтора, а именно: неизвестен порядок страхования, т.е. могут страховаться отдельные сделки и страховаться вся деятельность, может принимать участие вся компания в погашении убытков, а может весь размер ответственности ложиться на страховщика (франшиза).

3. Отсутствие в стандартах детально прописанных пошаговых действий риэлтора с начала первого контакта с клиентом до окончательного расчета с компанией. Также считается целесообразным ввести четкое определение понятия «маклер» в соответствии с нормами, так как на бирже это понятие имеет совершенно другой смысл.

4. Отсутствие детально прописанного договора, в котором бы были максимально учтены интересы обеих сторон.

5. Отсутствие прописанного порядка досудебного урегулирования споров и порядка действий обеих сторон при подаче рассмотрения дела в суде.

6. Ряд других недостатков.

По нашему мнению, если речь идет о стандарте практики, то он должен иметь более полное рассмотрение всех возможных ситуаций в пошаговом режиме осуществления сделки.

Предлагаем внести в стандарт следующую последовательность пошаговых действий риэлтора при совершении сделки:

1. Дать экспертную оценку продажной цены недвижимости на основе данных мониторинга и опыта в сфере недвижимости.

2. Проинформировать клиента о наличии на рынке объектов; осуществить поиск интересующей клиента недвижимости и предложить ему имеющиеся варианты; привести к результативной сделке, подписав акт осмотра объекта.

3. Собрать необходимые правоустанавливающие и другие документы для выставления на продажу объекта недвижимости.

4. В случае, если будет найден необходимый вариант, то следует установить порядок взаиморасчетов участников сделки.

5. Установить порядок заключения предварительного договора купли – продажи с внесением задатка.

6. Уточнить порядок процедуры регистрации перехода права и передачи объекта до регистрации прав и окончательного расчета или после.

7. Отчитаться перед клиентом об оказании услуги, по всем затратам и передать клиенту документацию.

Необходимо определить основные принципы стандарта оказания риэлтерских услуг, которыми, по нашему мнению, могут быть:

1. Информационная конфиденциальность – ведение переговоров с клиентом в отдельных специализированных аудиториях. Цена сделки, порядок и время расчетов и другие не должны разглашаться.

2. Полное соответствие риэлтерских услуг требованиям письменного договора между клиентом и агентством.

3. Оптимальное исполнение законных требований клиента наряду с деликатным и тактичным поведением.

4. Отсутствие заинтересованности риэлтора в размере суммы сделки, а именно: пропорциональность оплаты риэлтора в зависимости от масштаба и качества выполненной услуги.

5. Полная ответственность риэлтора, определенная договором в отношении подлинности, целостности, секретности и качества выполненных услуг. Обязательное страхование имущественных рисков при потере недвижимости по вине риэлтора.

6. Полная гарантия в отношении клиента со стороны риэлтора рассмотрения возможных споров путем альтернативных форм разрешения правовых конфликтов.

Следует отметить, что современный рынок недвижимости осуществляет свое развитие достаточно

быстрыми темпами, следовательно, специалисты в данной области должны иметь очень глубокие познания в области психологии, искусства продаж, управления и др. Необходимо риэлтерским агентствам в регионах присоединиться к обязательной профессиональной подготовке своего персонала. Так как только увеличение профессиональных участников рынка недвижимости позволит, применяя современный опыт, упростить шаблонность работы и получить максимальную прибыль.

Можно заключить, что главными направлениями повышения качества функционирования риэлтерского агентства могут выступать:

– модернизация процедуры обучения персонала риэлтерской компании;

– гарантия повышения мастерства и распространения опыта;

– укоренение материально-технической базы путем использования информационных технологий;

– обязательная стандартизация деятельности риэлтерской компании с учетом разработанных наилучших стандартов;

– обязательная сертификация риэлтерских агентств с целью гарантии единой высококачественной работы риэлторов.

Литература

1. Арташина, И.А. Проблемы развития рынка риэлтерских услуг / И.А. Арташина, Е.Л. Ступин // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. – Н. Новгород, 2006. – Вып. 2 (9). – С. 513.
2. Дубровская, И.А. Справочник риэлтера / И.А. Дубровская. – М., 2006.
3. Зубков, В.А. Стандартизация и техническое нормирование, сертификация и испытание продукции в строительстве / В.А. Зубков, В.Н. Свиридов. – М., 2003.
4. Морозова, Ж.А. Риэлтерская организация: бухгалтерский учет и налогообложение / Ж.А. Морозова. – СПб., 2005.
5. Профессиональные стандарты риэлтерской деятельности Российской Гильдии риэлторов. – URL: <http://www.rgr.ru/Sertifikaciya/Sertifikaciya/Standard/default.aspx>
6. Сертификация риэлтерской деятельности. – URL: www.yarsn.ru
7. www.magr.ru/about/
8. www.rgr.ru
9. www.RWAY.Ru

УДК 330.342.146

Е.Д. Разгулина

Научный руководитель: доктор экономических наук, заместитель директора ИСЭРТ РАН по научной работе Т.В. Ускова

К ВОПРОСУ ОБ ИНВЕСТИРОВАНИИ КОМПАНИЯМИ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

В статье рассматриваются направления инвестиций компаний в социально-экономическое развитие территорий. Выделена категория «социальные инвестиции» как необходимое условие регионального развития. Дана характеристика социальных инвестиций для современной российской экономики и выявлены негативные тенденции социального инвестирования.

Представлен механизм социального инвестирования и предложен ряд направлений стимулирования социальной деятельности компаний, реализация которых позволит повысить роль бизнеса в региональном развитии.

Инвестирование, социальные инвестиции, региональное развитие, бизнес-структуры.

The article considers the directions of companies' investment in socio-economic development of the territories. The category of «social investments» as a precondition for regional development is pointed out. The characteristic of social investment for the modern Russian economy is given and the negative trends of social investment are identified. The paper presents the mechanism of social investment and directions to stimulate enterprises' social activity, its implementation will enhance the role of business in regional development.

Investment, social investment, regional development, business structure.

Инвестиции играют основополагающую роль в процессах воспроизводства, структурных преобразований, решения многих социально-экономических проблем. В общей структуре инвестиций особое место занимают социальные инвестиции, которые в самом общем виде определяются как вложения в человеческий или социальный капитал. Потребность в социальных инвестициях обусловлена необходимостью решения в российских условиях задач построения социально-ориентированной рыночной экономики, перехода на инновационный путь развития, а также социально-экономического развития территорий [3], [11]. Очевидно, что без достижения баланса между экономической эффективностью и социальной справедливостью решение данных задач невозможно.

Изучению и поиску решения проблем формирования социальных инвестиций посвящены многие труды российских и зарубежных авторов. Предметом их исследований стали мотивы и направления благотворительной деятельности бизнеса (Беляева И.Ю., Эскиндаров М.А., Деревянченко А.А., Тульчинский Г.Л.), социальная ответственность бизнеса (Абалкин Л.И., Благов Ю.Е., Литовченко С.Е., Кричевский Н.А., Гончаров С.Ф., Либоракина М.И., Фридман М., Боуэн Г., Вуд Д., Девис К., Оуэн Р., Уолтон К.), социальные налоги (Киреева Е.Ф., Евстигнеев Е.Н., Соколов Я.В., Мамбеталиев Н.Т.) влияние социальных инвестиций на имидж компаний и региональное развитие (Гаркавенко А.Н., Лосева Е.Ю., Пилюгин Е.А., Андреева Е.Л., Капферер Жан-Ноэль, Темпорал П., Траут Джек), социальные программы компании (Благов Ю.Е., Корсаков М.И., Перегудов С.П., Литовченко С.Е.).

В настоящее время под социальным инвестированием большинством авторов понимается вложение средств в объекты социальной среды. В широкой трактовке социальные инвестиции – это вложения, направленные на усиление социальной ориентации экономической системы с целью достижения экологической безопасности, стимулирования экономического роста, обеспечения гарантированного уровня образования и медицинской помощи, питания и др. Зачастую социальные инвестиции отождествляются

с корпоративной социальной ответственностью (КСО). В частности, доклады о социальных инвестициях, подготавливаемые Ассоциацией менеджеров России, в основном посвящены роли бизнеса в общественном развитии и оценке состояния социальных инвестиций российских компаний.

Однако нельзя в полной степени согласиться, что социальные инвестиции российского бизнеса являются формой финансовой помощи, выделяемой компанией на реализацию долгосрочных и, как правило, совместных партнерских программ, направленных на снижение социального напряжения в регионах присутствия компании и повышение уровня жизни и человеческого потенциала различных слоев общества. Доказательством служит количество реализуемых социальных программ российскими компаниями по направлениям инвестирования, зафиксированное на I полугодие 2013 г. (табл. 1).

Как показывает анализ, наибольшее внимание российские компании уделяют вопросам социальной политики в отношении работников: повышение квалификации и образование, система мотивации, охрана здоровья и улучшение условий труда, добровольное медицинское страхование, корпоративные пенсионные фонды и пр. Что касается их участия в развитии территорий присутствия, то оно осуществляется через инвестиционные программы технической модернизации, экологические программы, а также благотворительность и спонсорство. Следует подчеркнуть, что вклад компаний в социально-экономическое развитие территорий остается пока крайне малым, предпринимательский сектор пока явно недостаточно участвует в обеспечении социальных потребностей общества [10].

Следовательно, для российской экономики характерен дефицит социального капитала, и, как следствие, происходит интенсификация процесса инвестирования в социальный капитал микроуровня. Поэтому, с содержательной точки зрения, российская модель социального инвестирования пока далека от стандартов зрелой практики.

Исследование Ассоциации менеджеров выявило существенную отраслевую дифференциацию социальных инвестиций российского бизнеса (табл. 2).

Практика российских компаний в области реализации социальных программ

Отраслевая принадлежность компаний	Количество компаний	Программы			
		Всего	Направленные на работников компании	Направленные на внешнее сообщество	Кодексы, политики, стандарты
Нефтегазовая	17	51	22	17	12
Энергетика	19	30	14	10	6
Металлургическая и горнодобывающая	18	44	28	13	3
Производство машин и оборудования	18	26	20	3	3
Химическая, нефтехимическая, парфюмерная	9	18	8	4	6
Деревообрабатывающая, целлюлозно-бумажная	1	1	1	–	–
Производство пищевых продуктов	4	14	6	4	4
Телекоммуникационная	5	7	3	4	–
Финансы и страхование	8	17	6	6	5
ЖКХ и бытовое обслуживание	2	4	1	1	2
Розничная торговля	2	3	2	1	–
Транспорт и дорожное хозяйство	10	22	13	3	6
Общественное питание, гостиничное хозяйство	1	1	1	–	–
Строительство	3	6	3	3	–
Сельское и лесное хозяйство	3	5	2	3	–
Образование, наука, культура	2	2	1	1	–
Прочие виды услуг	4	5	4	1	–
Итого	126	256	135	74	47

Источник: [6].

Таблица 2

Социальные инвестиции российских предприятий различных отраслевых групп по направлениям использования

Отрасль экономики	Величина социальных инвестиций на одного работника, тыс. руб.	Структура отраслевых социальных инвестиций, %					
		Развитие персонала	Охрана здоровья	Ресурсо-сбереже-ние	Деловая практика	Развитие местного сообщества	Другое
Сырьевой сектор							
Топливный комплекс	135,9	37,0	17,5	0,0	0,0	31,1	14,3
Металлургия	61,1	51,0	7,6	2,8	0,2	17,8	20,5
Электроэнергетика	62,7	66,1	8,9	0,8	0,2	11,5	12,5
Всего	X	54,8	9,7	1,6	0,2	17,4	16,3
Перерабатывающий сектор							
Лесная промышленность	124,8	24,2	7,4	0,0	0,4	10,8	57,1
Машиностроение	14,3	69,0	19,3	0,2	0,7	6,7	4,0
Производство потребительских товаров	59,7	71,5	2,4	0,1	2,0	23,0	1,1
Химическая промышленность	27,2	22,9	10,0	1,3	0,2	7,5	58,0
Всего	X	44,9	12,5	1,3	1,0	9,4	30,9
Сфера услуг							
Финансовый сектор	2,9	58,3	3,2	4,7	1,1	29,5	3,2
Профессиональные услуги	23,7	27,2	23,7	3,7	4,3	25,9	15,2
Сервис	46,8	11,7	10,2	3,9	2,8	3,8	67,7
Телекоммуникации	92,7	17,3	7,0	71,0	2,6	1,6	0,5
Торговля	н.д.	73,0	11,1	9,5	3,2	3,2	0,0
Транспорт	21,9	87,4	4,8	2,8	0,0	4,3	0,7
Всего	X	46,3	8,5	16,8	2,0	15,3	11,0

Составлено по: [2], [7].

Исходя из представленных данных, стоит отметить, что достойное внимание социальным программам уделяют компании машиностроения. В остальных отраслях имеет место режим жесткой экономии на затратах в программы различного уровня. Еще одной особенностью нынешнего этапа формирования социальных инвестиций в России является то, что на развитие территории присутствия в большей степени ориентированы топливный комплекс (31,1 % в структуре социальных инвестиций), финансовый сектор (29,5 %), профессиональные услуги (25,9 %) и производство потребительских услуг (23,0 %).

Как отмечает доктор экономических наук, профессор Е.В. Балацкий, трудоемкие отрасли ориентированы в основном на «внутренние» социальные инвестиции, в то время как энерго- и материалоемкие – на «внешние». Данный факт раскрывает тезис о зависимости величины социальных инвестиций от «технологии» компании в широком смысле: «легкие» отрасли ориентированы в основном на работу с собственными сотрудниками, в то время как «тяжелые» вынуждены нести дополнительные статьи затрат, связанные с экологией и ресурсосбережением [1].

Базовые отрасли экономики, являясь основными донорами федерального, региональных и местных бюджетов, обеспечивают могущество страны, включая социально-экономическое развитие, социальную защиту и гарантии обеспечения жизненного уровня работников. Значит, от осуществления социальных инвестиций в данных отраслях зависит реализация социально-экономических программ, сохранение уровня социально-экономической защищенности работников и недопущение обострения социальной напряженности. Следовательно, необходимо привлекать крупный бизнес к решению проблем социально-экономического развития территорий.

В этой связи необходимо выработать ряд стратегических направлений, реализация которых позволит повысить роль российского бизнеса в региональном развитии. В частности, со стороны государства нужно обеспечить контроль за выполнением всеми субъектами рынка социальных, налоговых и иных фискальных обязательств, оказывать поддержку развитию институтов гражданского общества. Со стороны бизнеса – в полном объеме выполнять установленные законом обязательства, расширять сложившийся круг ключевых стейкхолдеров [5].

Необходимость институционализации социальных инвестиций как формы регионального развития связана также с глобализацией, усиливающей влияние крупных компаний на экономическое развитие. Национальные государства постепенно утрачивают способность независимо формировать внутреннюю социально-экономическую политику, уступая место транснациональным корпорациям. Негативные для устойчивого развития территорий социальные и эко-

логические последствия деятельности мощных транснациональных структур можно предотвратить только путем согласованных действий власти и бизнеса, направленных на постепенное формирование социально ориентированных моделей их поведения [9], [12]. Использование бизнесом и органами власти преимуществ совместной работы и принятие, с одной стороны, инвестиционного подхода к финансированию социальной сферы, а с другой, – инновационного подхода к управлению региональными программами, приведут к повышению эффективности совместных действий в улучшении социально-экономической сферы территорий.

Социальные программы бизнеса, направленные на развитие территорий присутствия, более эффективными может сделать, во-первых, ориентация на достижение значимого социального результата при соблюдении бизнес-интересов компании или так называемого «бизнес-эффекта». Необходима разработка и реализация социальной программы в результате совместной работы компании, органов государственной власти и регионального самоуправления, основанная на принципах социального партнерства, а не в качестве отклика на «просьбы из территорий». Требуется использование инновационного подхода, направленного на поддержку новых социальных технологий и современных механизмов управления, прежде всего, конкурсное распределение средств, доленое финансирование, мониторинг и оценка социальных и экономических результатов [4], [8].

Таким образом, социальное инвестирование как важнейший инструмент реализации задач социально-экономического развития территорий включает в себя следующие элементы: субъекты, формы, инструменты и направления социальных инвестиций (см. рисунок).

Следовательно, государственно-частное партнерство и социальное партнерство, основанное на принципах социальной ответственности, должны стать активными элементами реализации проектов развития территорий, а для этого необходимо создание прозрачных, взаимовыгодных механизмов сотрудничества власти и бизнеса, пересмотр сложившихся стереотипов поведения бизнес-структур и способов их участия в развитии социальной сферы. С одной стороны, для этого требуется политическая воля со стороны администраций, с другой, – новый подход бизнеса к пониманию своей роли и социального инвестирования, повышение интереса к развитию территории присутствия. Только в этом случае можно будет говорить о переходе на новый эволюционный этап развития российской модели социальных инвестиций, которая создаст комфортные условия для функционирования бизнеса и позволит повысить эффективность использования бюджетов, выделяемых для обеспечения устойчивого развития регионов.

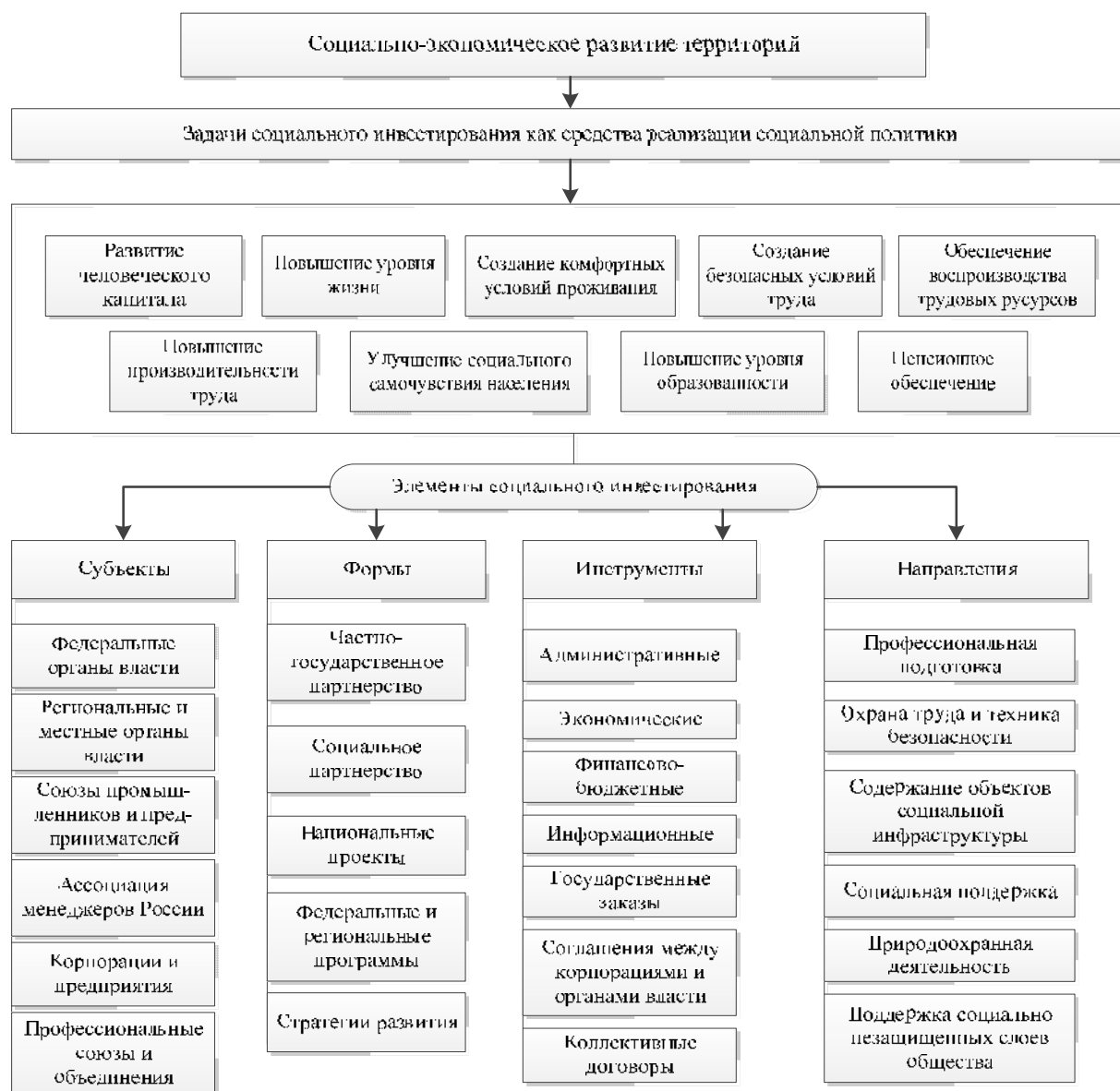

Рисунок. Механизм социального инвестирования как инструмент реализации задач социально-экономического развития территорий

Составлено по: [3, с. 39].

Литература

1. Балацкий, Е. Социальные инвестиции компаний: закономерности и парадоксы / Е. Балацкий // Экономист. – 2005. – № 1. – С. 64 – 80.
2. Благоев, Ю.Е. Доклад о социальных инвестициях в России – 2008 / [Ю.Е. Благоев и др.]; под общ. ред. Ю.Е. Благоева, С.Е. Литовченко, Е.А. Ивановой. – М., 2008.
3. Гаркавенко, Н.И. Организационно-экономические механизмы социального инвестирования в базовых отраслях промышленности / Под общ. ред. А.И. Татаркина. – Екатеринбург, 2009.
4. Кравцова, Т.В. Технология социального инвестирования и рост социальной ответственности регионального бизнеса / Т.В. Кравцова // Terra Economicus. – 2010. – Т. 8. – № 4 – 3. – С. 125 – 129.
5. Ломовцева, О.А. Социальные инвестиции как форма реализации социальной ответственности предприятия / О.А. Ломовцева, С.Ю. Соболева // Известия Волгоградско-

го государственного технического университета: Межвузовский сб. науч. ст. № 5 (14). – Волгоград. – 2005. – С. 146 – 153.

6. Национальный Регистр корпоративных нефинансовых отчетов [Электронный ресурс]. – URL: <http://xn--o1aabe.xn--p1ai/simplepage/476>.
7. Официальный сайт Ассоциации менеджеров России. – URL: <http://www.amr.ru/>
8. Разгулина, Е.Д. Особенности социальной ответственности бизнеса в контексте регионального развития / Е.Д. Разгулина // Социальный капитал как ресурс модернизации в регионе: проблемы формирования и измерения: материалы Межрегиональной научно-практической конференции, г. Череповец, 16 – 17 октября 2012 г.: в 2 ч. Ч. 2. – Череповец, 2012. – С. 113 – 121.
9. Разгулина, Е.Д. Модели взаимоотношений бизнеса и власти на региональном уровне / Е.Д. Разгулина // Materiały IX Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji «Nauka: teoria i praktyka – 2013». – V. 3. – Ekonomiczne nauki.: Przemysł. – Nauka i studia. – P. 62 – 64.

10. *Разгулина, Е.Д.* Участие бизнеса в решении социальных задач развития территорий / Е.Д. Разгулина // Современные научные исследования и инновации. – 2013. – Сентябрь – № 9. – URL: <http://web.snauka.ru/issues/2013/09/26334>

11. *Uskova, T.V.* Social responsibility of Russian business: theoretical vision and practical implementation / T.V. Uskova, E.D. Razgulina // Transfer inovácií. – 2013. – 26. – P. 9 – 12.

12. *Uskova, T.V.* Theoretical and methodological aspects of socio-economic systems stability / T.V. Uskova // 20th International Scientific Conference CO-MAT-TECH 2012 Global Crises – Opportunities and Threats October 10 – 12, 2012 Trnava, Slovak Republic. – P. 117 – 122.

УДК 80

У.А. Борецкая

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор М.Я. Блох

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ЖАНРА АНГЛИЙСКОЙ БАЛЛАДЫ

В статье рассматривается баллада как тип поэтического творчества, отличающийся собственной сюжетностью и характерным выбором выразительных средств. Совокупность этих признаков позволяет назвать этот тип творчества особым жанром. Жанр английской баллады показан в своем становлении и развитии в двух основных реализациях – лирико-эпической и лирико-драматической.

Баллада, канцона, жанр, балладная строфа, стихотворение, песня, стилистика, интермедия.

The paper considers the ballad as the type of poetry characterized by its own plot and the choice of expressive means. The combination of these features enables us to regard this type of literary work as a special genre. The English ballad genre is demonstrated in its formation and development in two varieties of realization: lyric-epic and lyric-dramatic.

Ballad, canzone, genre, ballad strophe, rhyme, song, stylistics, interlude.

Европейская баллада как литературный жанр зародилась в конце первого тысячелетия нашей эры и прошла сложный путь развития. Нельзя свести ее происхождение к одному источнику. Истоки и генезис этого жанра можно найти и в мифологии, и в фольклоре, и в средневековом героическом эпосе.

Термин *ballad* происходит от латинского глагола *ballare*, что в переводе означает «плясать». Поэтому песня, сопровождавшая танец, называлась в Провансе *ballada* (XIII в.) [6, с. 13]. Из Франции баллада переходит в Италию (итальянская *balata*), где она теряет связь с плясовой народной песней под влиянием канцоны.

Со временем термин *ballad* свое значение меняет. В XIV в. французская “*ballade*” представляет собой «литературный жанр, имеющий определенную метрическую форму и чисто лирическое содержание» [3, с. 105]. XIV в. в истории Англии является переходным – периодом национального возрождения страны. Это время отмечено бурным подъемом и расцветом английской литературы. Появляются совершенно новые течения. Одним из тех, кто открывал новые горизонты и обогащал английскую литературу новыми жанрами, был Джеффри Чосер. Именно он ввел французскую балладу в английскую поэзию, используя опыт современных ему итальянских и французских поэтов.

«Нужно думать, что ранее XIII века в Англии баллад еще не существовало; попытки отдельных ученых узнать фрагменты их в некоторых случайно сохранившихся записях XII–XIV вв. не привели к бесспорным результатам» [1, с. 220]. Однако существуют свидетельства, что «баллады» были известны в Англии уже в XIV столетии. Например, Джон Барбор в своей патриотической поэме «Брюс» рассказывает о войне шотландцев. Их борьба изобилует героическими эпизодами, которые украшены народ-

ной молвой, легендами и песнями. Это хоровые песни-баллады, которые были сложены на основе подлинных исторических событий.

Нельзя не указать аллегорическую поэму Уильяма Лэнглэнда «Видение о Петре Пахаре». В поэме вместе с реальными персонажами – людьми всех званий и сословий: бедняками, ремесленниками, купцами, рыцарями и монахами, – ходят и беседуют также аллегорические фигуры: Церковь, Правда, Обман, Совесть, Разум и др. Они наделены реальными человеческими чертами. Колоритная Леньость «вся в грязи и со слипшимися веками» хвалится своими знаниями: она знает песни о Робин Гуде и Рандольфе, Графе Честерском, хотя и не сильна в знании церковных молитв. Это первое письменное упоминание о самом популярном герое английских баллад. Таким образом, становится очевидным, что баллады о Робин Гуде были известны уже в XIV столетии [1, с. 113].

Первые в Англии внимание к балладе как к определенному жанру имело место в позднем Средневековье и заключалось оно в собирании и публикации баллад, т.е. к ним начинают относиться как к произведениям особого рода. Длинные баллады выходят в виде книг, например, «Повесть о Гамелине» (“The Tale of Gamelyn”), «Адам Белл» (“Adam Bell”) и «Деяния Робин Гуда» (“The Big Geste of Robyn Hode”). Но на данном этапе еще не происходит целенаправленное изучение текстов. Функция составителей такого рода книг заключается в отборе текстов на основании общих признаков, в том числе и тематических, которые в свою очередь позволяют отнести те или иные тексты к одному жанру.

Однако относительно «одного жанра» стоит сделать оговорку. Первоначально термин *ballad* не употреблялся в том значении устного жанра английской народной поэзии, который в английском лите-

ратуроведении сейчас называют: *ancientballad*, *popularballad*, *traditionalballad*, иногда – *ChildBallad* (по имени американского ученого Френсиса Джеймса Чайлда, издавшего в 1882 – 1898 гг. собрание английских и шотландских народных баллад, позже ставшее классическим).¹ В XIV – XVI вв. старинные народные баллады назывались *songs* (иногда *tales* или *ditties*). Исполнители особо не выделяли их из своего обширного репертуара.

Стоит отметить, что уже в XIV в. имело место разграничение литературной баллады (в основном, французской) и народной лироэпики. Конечно, четкой границы между ними еще не существовало, она прослеживалась только на уровне отдельных фраз. Также имело место разграничение среди баллад английского происхождения – между собственно *popular* и *street ballads*. Так, например, в интермедии Джона Растелла «Дух четырех элементов» (“Nature of the Four Elements”, около 1519 г.) под балладой подразумевается сатирическое произведение, т.е. скорее *street ballad* нежели *popular*. Позже Шекспир, Драйден и Свифт будут выделять *street ballad*, *stall ballad*, *broad sheet* и *broad side*.²

С XVI в. слово *ballad* означало бесхитростные, анонимные злободневные стихи. Их распространяли на городских улицах, на ярмарках в виде печатных летучих листов и лубочных изданий по низкой цене. Тематика так называемой уличной баллады (*street ballad*) была чрезвычайно разнообразна. В первую очередь это отражение различных чудес, катастроф, преступлений. Большой популярностью пользовались уличные баллады, которые назывались “Good night”. В них описывалась последняя ночь преступника перед казнью. Он, вспоминая все совершенные им грехи, просил истинно верующих христиан не подражать его дурному примеру. В балладах такого рода могли сводиться личные счеты: в комедии Шекспира «Генрих IV» (1596) Фальстаф смеется над своими собутыльниками, угрожая сочинить про каждого из них балладу с музыкой, чтоб ее могли распевать на каждом перекрестке. Уличная баллада не имела недостатка в сюжетах, исполнители заимствовали их из рыцарских романов, исторических хроник, фэблио. Имели место и комические баллады, грубые и непристойные.

Отношение к уличной балладе было противоречивым. В то время уличная баллада была неотъемлемой частью городской культуры. Ученый Джон Сельден писал: «Ничто так не передает дух времени, как баллады и пасквили». Однако бытовало и другое отношение к данному жанру. Драматург, поэт, литературный критик Бен Джонсон отмечал: «Поэт дол-

жен питать отвращение к сочинителям баллад».

Уличная баллада, сопровождавшая важные политические события XVI – XVIII вв., стала мощным орудием агитации среди народных масс. В годы гражданской войны (1640 – 1660) парламент запретил печатание баллад. В 1688 г. под аккомпанементы баллады «Лиллибурлео» король Яков II был изгнан. В 1704 г. поэт Джон Флетчер писал: «...если бы кому-либо разрешили писать все баллады в стране, то ему уже было бы безразлично, кто творит законы». С 1557 по 1709 гг. по частичным данным лондонского перечня книготорговцев было напечатано свыше 3000 изданий. Печатная баллада проникает и в сельскую Англию, вытесняя старинные устные песни. При этом многие произведения фольклора попадают в печать.

Английская уличная баллада просуществовала почти до XX в. Она была вытеснена бульварной газетой, которая переняла у нее тематику и некоторые детали оформления, а также крикливую манеру подачи материала.

И здесь возникает вопрос: как два совершенно различных жанра – изысканная, сложная по стилистике, придворная французская баллада и уличная баллада лондонского простонародья – могли обозначаться одним термином *ballad*. Вопрос, связанный с переносом названия с одного жанра на другой, давно занимает ученых. Некоторые ученые считают, что и французская, и английская баллады были связаны с танцем, но такие объяснения признаются недействительными.

А.Б. Фридман, американский ученый, дал свое объяснение этого парадокса. Он считает, что связующее звено между французской и английской балладами это так называемая «псевдобаллада», которая была одним из главных жанров английской поэзии XV в. В Англии французская баллада подвергается значительным изменениям: ее строгая форма изменяется, ее стиль упрощается, появляется «балладная строфа» (*ballad stanza*), которая была широко распространена в английской народной поэзии³. «Баллада о Лютере, попе, кардинале и землепашце» (“Aballade of Luther, the pope, a cardinal and husbandman”) (1530) – одна из первых печатных уличных баллад, дошедших до наших дней, обнаруживает связь с псевдобалладой. Таков был, возможно, путь трансформации французской придворной баллады в уличную английскую.

В начале XVIII в. в английской литературе произошло так называемое «балладное возрождение» (*Ballad Revival*). Широкий общественный интерес к народной песне начал просыпаться на фоне повышенного внимания к истории, к народному прошлому. Литературный статус баллады возрастает. Издаются многочисленные сборники баллад, среди которых огромную роль сыграл сборник Дж. Аддисона (1723). Баллады на данном этапе не только издаются, но и изучаются.

В середине XVIII в. старинные баллады заново

¹Под *Child ballade* нередко понимается особая разновидность баллады, а именно: баллада XVII – XVIII вв. песенного типа, с наличием четко обозначенных куплетов и припева (*burden*).

²В словарях термины *broadside*, *broadsheet* обычно считаются синонимами, но в узкоспециальной библиографической терминологии *broadside* – это текст, напечатанный на одной стороне листа, а *broadsheet* – текст с продолжением на обороте. В советском литературоведении для этой разновидности уличной баллады был предложен термин «городская баллада».

³*Ballad stanza* – четверостишие, в котором чередуются строки четырехстопного и трехстопного ямба с рифмовкой по схеме *abac*.

«открываются», их выделяют из общей массы народных песен, признают их высокие художественные достоинства. Заслуга в этом принадлежит шотландскому поэту Алану Ремзею и его сборнику шотландских песен и баллад «Беседы за чашкой чая» (“Tea-Table Miscellany, 1724 – 1732), а также священнику, поэту и любителю старины Томасу Перси. Его сборник «Памятники старинной английской поэзии» (“Reliques of ancient English poetry”, 1765) включал в себя много старинных народных баллад, например, “Sweet William”, “The Ballad of Chevy Chase”, “The Battle of Otterburn”, “The Dragon of Wantley”, “Sir Patrick Spens” и несколько текстов о Робин Гуде. В этом сборнике явно проведено разграничение между словами *ballad* и *song*. Еще при его подготовке, в переписке между Перси и поэтом Уильямом Шенстоном, последний писал, что он предпочитает называть балладой то стихотворение, которое «описывает или подразумевает какое-либо действие», а песней то, которое «содержит лишь выражение чувства»¹. Перси согласился с Шенстоном. Аналогичное мнение высказывал еще один собиратель баллад – Дж. Ритсон. Разграничение данных понятий отражало практику употребления этих слов, сохранившееся до сегодняшнего дня.

«Возрождение баллады в эпоху романтизма имело решающее влияние на все дальнейшее развитие английской поэзии» [4, с. 104]. Оттолкнувшись от опыта Перси, поэты-романтики обратились к народному творчеству, при этом они обогатили поэзию новыми образами и формами. («Я не думаю, – писал Вордсворт, – что существует хотя бы один современный поэт, который не гордился бы тем, что и он многим обязан сборнику Перси». Скотт, вспоминая о своем первом знакомстве с балладами Перси, говорил о них как о самом сильном поэтическом впечатлении своих детских лет.) Так в 1798 г. вышло первое издание сборника У. Вордсворта и С.Т. Кольриджа «Лирические баллады» (“Lyrical ballads”), в основе которого лежало устное народное творчество. Сборник был написан, по мнению Вордсворта, «для всех, языком, доступным каждому». Интересно, что название сборника заключало в себе некоторую путаницу в понимании. С понятием «баллада» связывалось представление о повествовательном, а не о лирическом жанре. Но все объяснялось тем, что согласно предварительной договоренности, Вордсворт должен был писать лирические произведения на повседневные темы, а Кольридж – «баллады» на необычные сюжеты. Но последний не закончил поэмы «Кубла Хан» и «Кристабель». В итоге четыре стихотворения Кольриджа вошли в сборник, а «лирическая» составляющая, автором которой был Вордсворт, преобладала над «балладной», повествовательной. Произведения, вошедшие в этот сборник, зна-

комили широкий круг читателей с красотой окружающей природы, говорили о добрых делах и искренних чувствах простым и естественным языком. В этих произведениях нет границы между традиционной эпической формой баллады и лирическим жанром. Фактически это и утвердило литературную балладу в своих правах.

Вордсворт и Кольридж не были, конечно, единственными поэтами, обратившимися к жанру баллады. В течение всего XVIII в. появлялись сборники народной поэзии. Романтики имели в своем арсенале целую сокровищницу в виде сотен томов народных баллад.

Преобразившись в творчестве выдающихся поэтов-романтиков, сюжеты народной баллады, ее образы и стилистика стали общим достоянием английской поэзии. При этом балладная форма стала способом олицетворения новых чувств и идей. С другой стороны, понятие «баллада» не получило строго однозначного выделения как определенной разновидности поэтической речи. Если произведение называли балладой, это означало, что оно своим размером, образным строем, стилистическими приемами, тематикой или направленностью вызывало у автора лишь ассоциации с одним из тех видов баллад, которые были распространены в то время: народная баллада, уличная, романтическая и др.

Литература

1. Алексеев, М.П. История зарубежной литературы. Средние века и возрождение / [М.П. Алексеев и др.]. – М., 1987.
2. Аринштейн, Л.М. Вступительная статья / Л.М. Аринштейн // Английская и шотландская народная баллада. – М., 1988. – С. 11 – 28.
3. Елина, Н.Г. Развитие англо-шотландской баллады / Н.Г. Елина // Английские и шотландские баллады. – М., 1973. – С. 104 – 131.
4. Жирмунский, В.М. Английская народная баллада / В.М. Жирмунский // Английские и шотландские баллады. – М., 1973. – С. 87 – 103.
5. История английской литературы. Т. I / Под ред. М.П. Алексеева, И.И. Анисимова, А.К. Дживелегова, А.А. Елистратовой, В.М. Жирмунского, М.М. Морозова. – М., 1943.
6. Freidman, A.B. The Ballad Revival / A.B. Freidman. – Chicago, 1967.

¹“I consider a Ballade as containing some little story either real or invented” (письмо Т. Перси от 24 апреля 1761 г.) // Letters of William Schenston. Ed. By Duncan Mallam – Minneapolis, 1939. P. 409 – 410. И далее: “...to call a Ballade which describes or implies some Action; and I term that a Song which contains only an Expression of Sentiment” (op. cit., p. 436).

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОБСТВЕННО НАУЧНОЙ СТАТЬЕ

В данной статье анализируются эмоционально-оценочные фразеологические единицы с точки зрения их структуры, семантики и функционирования в ядерном жанре научного стиля – собственно научной статье. Выделяются наиболее продуктивные для жанра научной статьи структурные модели, описываются эпидигматические свойства и парадигматические связи, выявляются закономерности функционирования фразеологизмов.

Фразеологическая единица, собственно научная статья, структурная модель, эпидигматика, парадигматика, функции фразеологизмов, стилистическая норма.

The article analyzes the emotional and evaluative phraseological units in terms of their structure, semantics and functioning in nuclear genre of the scientific style – the scientific article. The paper emphasizes the structural models that are most productive for the genre of science articles, describes the epigrammatic properties and paradigmatic communication as well as principles of functioning of phraseological units.

Phraseological unit, scientific article, structural model, pragmatics, functions of phraseological units, stylistic norm.

В данной работе анализируются фразеологические единицы с точки зрения их структуры, семантики и функционирования в ядерном жанре научного стиля – собственно научной статье. Предметом анализа стали не клишированные фразы и специальная фразеология, а эмоционально-оценочные фразеологизмы, указывающие на отношение говорящего к явлению, понятию.

В результате анализа научных статей, изданных в журналах «Русский язык в школе», «Филологические науки», «Вопросы языкознания» и «Вестник Московского Университета», выделены наиболее продуктивные для жанра научной статьи структурные модели. Это фразеологизмы, по своему строению представляющие собой то или иное сочетание слов.

Назовем наиболее типичные и регулярные модели построения фразеологизмов в научных текстах:

1. Фразеологические обороты, которые восходят к модели «прилагательное + существительное»: *Значительная часть критиков стали все чаще обвинять русскую классику едва ли не во всех смертных грехах* (ФН. 2004. № 2. С. 33).

2. Фразеологические обороты, восходящие к модели «глагол + существительное»: *Сведения о назначении и стилистических возможностях одноставных предложений мы собираем по крупицам из урока в урок при изучении темы* (РЯШ. 2005. № 4. С. 21).

3. Фразеологические обороты, которые восходят к модели «существительное + существительное в родительном падеже»: *И не только в лексике – часто выходящей за все пределы дозволенного – корень зла* (ФН. 2006. № 6. С. 15).

4. Фразеологические обороты, представляющие собой конструкции с сочинительными союзами: *Корреспонденты быстро читают тексты с одинаковой интонацией за здоровье и за упокой* (ФН. 2006. № 6. С. 13).

5. Фразеологические обороты, представляющие собой конструкции с подчинительными (сравнительными) союзами: *Очень беспокоит рост населения в целом и в Англии, в частности, где при таком росте*

спустя восемь десятков лет население будет набито, как сардины в бочке (ФН. 2007. № 1. С. 40).

Субстантивные фразеологизмы в жанре научной статьи преобладают над глагольными, что объясняется предметным, а не динамическим характером научной речи.

В исследуемом материале зафиксирована вариативность формы фразеологических единиц. Например, наблюдается замена словарных компонентов фразеологизма, изменение порядка компонентов. Сравним:

Попасть в тон – попать в темп: *Чтобы попать в темп, требовалось вернуться к началу, а осознание этого вело назад, к национально-культурным основам временных представлений, к «былинному» и «летописному» времени* (ФН. 2008. № 4. С. 74).

Режет слух – режет ухо: *Если говорить только о языковой норме, то и здесь природные носители языка иногда не в состоянии объяснить иностранцу, почему то или иное выражение кажется неправильным, «режет слух»* (ФН. 2006. № 2. С. 94). – *По оценке В.И. Чернышова, «местное произношение в прилагательных окончаний -гий, -кий, -хий» характерно для «книжного петербургского произношения», что «режет русское ухо»* (РЯШ. 2007. № 3. С. 83).

Топор в каше – топор в щях: *Роль Марра в развитии советской науки о языке, если отвлечься от всех ненаучных обстоятельств, с ними связанных, чем-то похожа на роль топора в щях, которые варил солдат в известной сказке* (ВЯ. 2008. № 2. С. 49).

Т.Г. Крапотина отмечает: «Изменения в составе оборота приводят к выявлению имплицитных свойств компонентов оборота, что не только порождает определенную степень его абстрагированности, но и приводит к появлению метафорической ассоциации. А это позволяет включить фразеологизмы в состав ресурсов языковой образности и экспрессивности» [2, с. 83]. Обновление состава фразеологизмов усиливает их экспрессивную окраску и способ-

ствуется привлечению внимания адресата.

Эпидигматические свойства фразеологизмов.

Большинство исследованных фразеологизмов являются однозначными: *камень преткновения* (помеха, затруднение, на которое кто-либо наталкивается в каком-либо деле, занятии [4]), *проливать свет* (разъясняя, делать понятным что-либо [4]), *грызть гранит науки* (набираться знаний [4]), *заложить фундамент* (начать какое-то дело, основать что-то [4]) и др.

Например:

Одним из «*каменной преткновения*» для подростков (и тех, кто старше) в немецком языке является род имен существительных (ВЯ. 2006. № 5. С. 95).

К сожалению, данные континентальных кельтских языков не *проливают света* на нашу проблему, а скорее, запутывают ее еще больше (ВЯ. 2007. № 2. С. 32). А теперь обратимся к эмпирическому материалу, наблюдения над которыми *проливают свет* на то, почему в рамках имеющихся концепций задача установления границ, в пределах которых употребление компенсированных форм вполне законно, трудновыполнима (ФН. 2008. № 2. С. 15). Однако важно, что сборник *проливает свет* на противопоставление прямой и непрямого каузации, каузации с агентивным и с пациентивным каузируемым, которые ранее редко получали точное определение (ВЯ. 2006. № 6. С. 98). Каждый из ликов *проливает свет* на образ героя романа доктора Живаго и в целом на роман (ФН. 2003. № 5. С. 42).

Грызть гранит науки призвал молодежь Л. Троцкий – об этом помнят только авторы словарей современных цитат (ВЯ. 2007. № 2. С. 32). В советские времена учителя школ буквально призывали учеников «*грызть гранит науки*» (РЯШ. 2007. № 1. С. 22).

«В его решении они *заложили фундамент* многоуровневого изучения» (ВМУ, сер. 9. 2007. № 7. С. 128). «Уже в повестях раннего периода мыслитель *закладывает фундамент* своей эстетики» (ВМУ, сер. 9. 2007. № 6. С. 131).

Многозначные фразеологические единицы в научных статьях последовательно используются в одном значении: *золотые руки*, *приходить на ум*, *быть себе на уме*, *сдать в архив*, *в поле зрения*, *играть роль* и др.

Сравним:

В мире Петра, построенном «*золотыми руками*» безымянных челоубитчиков, возникают великие причины для народного возмущения, олицетворенного в тексте поэмы Невой, подступающей к подножию памятника (ФН. 2008. № 4. С. 40).

Золотые руки – 1. Мастер своего дела. 2. Умеет сделать все, за что ни возьмется. 3. Умение искусно делать что-либо [4].

Современные газетные тексты *играют* большую роль в оценке правильности использования некодифицированной лексики в СМИ (РЯШ. 2007. № 5. С. 74).

Играть роль – 1. Иметь то или иное значение.

2. Сильно воздействовать на что-либо.

3. Притворяться, не быть самим собой [4].

С точки зрения соотносительности с формами мыш-

ления выделяются фразеологизмы с предметно-понятийным значением, предметно-предикативным и предикативным [6, с. 9]. В научном стиле преобладают фразеологизмы с предметно-предикативным значением: *роковой день* (переломный момент в жизни кого-либо), *золотые руки* (мастер своего дела), *приходить на ум* (возникать в сознании кого-либо), *быть себе на уме* (кто-либо скрытен, хитер, не обнаруживает своих мыслей) [4] и др.

Парадигматические свойства фразеологизмов.

Для фразеологии научного текста характерны синонимия и антонимия.

В синонимические отношения вступают фразеологизмы, восходящие к словосочетаниям разных типов, например:

Докопаться до сути (доискаться до истины [1]) – **рассмотреть под лупой** (изучить в мельчайших подробностях, преодолев трудности [4]): По мнению писателя, *докопаться до сути* человек духовный, «герой нашего времени», скромный и мирный человек российский... (ФН. 2006. № 2. С. 9) – Буквально «*под лупой*» *рассмотрены* русские личные и указательные местоимения (ВЯ. 2006. № 5. С. 134).

Рассмотреть под лупой (изучить в мельчайших подробностях, преодолев трудности [4]) – **пройти тернистый путь** (перенести много трудностей, выдержать тяжелые испытания [4]): Буквально «*под лупой*» *рассмотрены* русские личные и указательные местоимения. (ВЯ. 2006. № 5. С. 134) – За наши 10 лет Россия прошла *тернистый путь* от традиционного понимания русской души (ФН. 2007. № 4. С. 64).

Поставить точку – выйти из игры: Чейф трактует эту ситуацию следующим образом: сперва говорящий решает закончить предложение и *поставить все точки*, но затем ему приходит в голову что-то еще (ВЯ. 2008. № 1. С. 99) – Позже Ирэна понимает, что знает так много, что просто так ей не дадут «*выйти из игры*» (Вестник Самарского Университета. 2007. № 5. С. 197).

Идти в ногу – идти рука об руку: Если еще вчера ты считал себя вполне грамотным человеком, то сегодня можешь почувствовать, что *идешь «не в ногу»* со всеми (РЯШ. 2006. № 4. С. 91). – Художник *идет рука об руку* с ценителем, потому что последний есть тот же художник, только не объективирующий своих образов, а находящий их готовыми (РЯШ. 2005. № 4. С. 11).

Вихрь событий – калейдоскоп событий: Вовлеченные в небывалый *вихрь событий*, люди решительно, безоглядно, порой стремительно меняли места своего пребывания... (ФН. 2006. № 2. С. 9). – У скомороха и его жены жизнь – *калейдоскоп событий*, итог ее непредсказуем (ФН. 2006. № 5. С. 24).

С точки зрения – через призму: С точки зрения хронологической стратификации, инфинитивные предложения... (ФН. 2007. № 4. С. 60). – Автор изображает прошлое *через призму* настоящего, сопоставляя Рим IX в. с тем, каким видят город его современники (ФН. 2008. № 5. С. 34).

Уходить корнями – брать истоки: Возможно ли оспаривать тот факт, что филология *уходит корнями* в классику науки и образования (ФН. 2007. № 4.

С. 75). – *Картины степной природы проходят через ряд произведений Чехова – от ранней прозы к зрелому творчеству – и берут, очевидно, свои истоки в глубинах еще детского и отроческого мировосприятия писателя* (ВМУ, сер. 9. 2007. № 5. С. 61).

Синонимичные устойчивые сочетания, используемые в научной речи, разделяются на однотипные и разнотипные. К структурно однотипным относятся те, которые имеют одинаковую грамматическую оформленность, т.е. построенные по одной синтаксической модели: *вихрь событий – калейдоскоп событий, с точки зрения – через призму идеи, уходить корнями – брать истоки, с чистого листа – на пустом месте*.

Структурно разнотипными являются синонимы, имеющие неодинаковую грамматическую оформленность, т.е. построенные по разным синтаксическим моделям: *докопаться до сути – пройти тернистый путь, поставить точку – выйти из игры*.

В научном стиле возможно нанизывание синонимов, что выполняет уточняющую функцию. Например: *«Когда ребенок учится говорить, он формирует свою языковую и коммуникативную норму на пустом месте, с чистого листа»* (ФН. 2006. № 2. С. 94).

Фразеологическая антонимия распространена в научном стиле не так широко, как лексическая. Авторы научных статей используют разные виды противоположности: и контрарную, и комплементарную.

Контрарные антонимы: *рациональное звено – недостающее звено* (*Призыв советского исследователя, отмеченный печатью идеологической заданности, содержит в себе и рациональное зерно* (ФН. 2006. № 6. С. 25). – *В определении рода роман де Исна – недостающее звено* (ВМУ. 2007. № 6. С. 75)).

Комплементарные антонимы: *выйти из игры – быть в ходу* (*Позже Ирэна понимает, что знает так много, что просто так ей не дадут «выйти из игры»* (Вестник Самарского университета. 2007. № 5. С. 197). – *Одновременно с классическим безударным вокализмом, указанным А.А. Потемной, было в ходу и разговорное произношение согласных с заместительной слоговостью* (РЯШ. 2007. № 3. С. 80)).

Рассмотреть под лупой – определять на глазок (*Буквально «под лупой» рассмотрены русские личные и указательные местоимения* (ВЯ. 2006. № 5. С. 134). – *Очень важно научить детей определять границы корня слова не «на глазок», а только путем соотнесения родственных слов...* (РЯШ. 1999. № 6. С. 17)).

Заложить фундамент – поставить точку (*В его решении они заложили фундамент многоуровневого изучения* (ВМУ, сер. 9. 2007. № 7. С. 128). – *Чтобы поставить точку в этимологии слова «бурка», необходимо установить происхождение загадочного топонимического деривата* (РЯШ. 2003. № 2. С. 89)).

Комплементарные антонимы распространены среди глагольных фразеологизмов.

Векторные антонимы: *идти в ногу – идти вразрез* (*Если еще вчера ты считал себя вполне грамот-*

ным человеком, то сегодня можешь почувствовать, что идешь «не в ногу» со всеми (РЯШ. 2006. № 4. С. 91). – *Осемнадцатое столетие, по-видимому, шло вразрез с эстетическими стереотипами своего времени* (ФН. 2004. № 2. С. 71)).

Идти в ногу – забегать вперед (*Если еще вчера ты считал себя вполне грамотным человеком, то сегодня можешь почувствовать, что идешь «не в ногу» со всеми* (РЯШ. 2006. № 4. С. 91). – *Забегая вперед, заметим, что основное значение второго слабо представлено среди названий животных* (ВЯ. 2007. № 2. С. 51)).

В зависимости от структурно-грамматической оформленности фразеологические антонимы подразделяются на структурно однотипные (*рациональное звено – недостающее звено, выйти из игры – быть в ходу, заложить фундамент – поставить точку*) и структурно разнотипные (*забегать вперед – идти в ногу*). В научных статьях преобладают двучленные антонимы первого типа.

Выделяются фразеологические антонимы, компонентный состав которых абсолютно различен (*выйти из игры – быть в ходу, набирать оборот – поставить точку, рассмотреть под лупой – определить на глазок*) и фразеологические антонимы, имеющие в своем составе один или несколько общих компонентов (*идти в ногу – идти вразрез, рациональное звено – недостающее звено*).

В научных текстах выделяются «антонимосинонимические ряды» [6, с. 103] – группы фразеологических единиц, объединенных одновременно антонимическими и синонимическими отношениями. Например: *набирать оборот – набирать силу – поставить точку; идти рука об руку – идти в ногу – идти вразрез – забегая вперед*.

Идти руку об руку (действовать сообща) – *идти в ногу* (действовать наравне с кем-либо) – *идти вразрез* (действовать наперекор) – *забегая вперед* (делать что-либо преждевременно): *Художник идет рука об руку с ценителем, потому что последний есть тот же художник, только не объективирующий своих образов, а находящий их готовыми* (РЯШ. 2005. № 4. С. 11). – *Если еще вчера ты считал себя вполне грамотным человеком, то сегодня можешь почувствовать, что идешь «не в ногу» со всеми* (РЯШ. 2006. № 4. С. 91). – *И эту уже четкую картинку приходится постоянно менять из-за добавляющихся по ходу деталей, идущих вразрез с образом* (ВМУ, сер. 9. 2007. № 1. С. 22). – *Забегая вперед, заметим, что основное значение второго слабо представлено среди названий животных...* (ВЯ. 2007. № 2. С. 51).

Функции фразеологизмов в научном тексте:

1. Информативная функция: фразеологизм делает ясным то или иное доказательство, подчеркивает главное. Например: *Автор и рассказчик во многих произведениях XX – нач. XXI веков идут рука об руку* (ФН. 2007. № 2. С. 15).

2. Коммуникативная функция: использование фразеологизмов служит более эффективному общению в научной сфере.

Т.Н. Мальчевская отмечает: «Использование фразеологии там, где она употребляется в меру и на со-

ответствующем уровне текста, способствует повышению коммуникативности высказывания, а авторская переработка фразеологических единиц повышает их стилистическое воздействие» [3, с. 170].

3. Активизация внимания читателей.

4. Эмоционально-оценочная функция.

Эмоционально-экспрессивные фразеологизмы научного стиля могут быть представлены как группы со своеобразной стилиевой окраской:

1) фразеологизмы с иронической коннотацией: *Действительно, до юристов с одним высшим им далеко, как до Китая пешиком* (ВМУ. 2008. № 2. С. 121);

2) фразеологизмы с книжной коннотацией: *Далее идут воспоминания о «золотых временах» и рассуждения о том, что пора сродниться с мыслью, что сапоги приходится надевать самолично* (ВМУ. 2007. № 3. С. 96);

3) фразеологизмы с разговорной коннотацией: *Кандидат юридических наук Александр Пехтерев полагает, что, как бы ни трудились служители российской Фемиды, расхлебывать кашу, заваренную на финансовом рынке, им придется не один год* (ВЯ. 2007. № 5. С. 74).

5. Уточняющая функция.

Фразеологизм уточняет ту или иную информацию высказывания: *Он стоял в глубине двора, как бельмо на глазу, мрачный, почти всегда в тени* (ФН. 2007. № 4. С. 93); *Одинаково и положение в них героя, он находится вне, а не внутри картины, двигается мимо нее, по касательной* (ВМУ. 2007. № 4. С. 67).

6. Функция экономии языковых средств.

М.П. Сенкевич считает, что «легкая воспроизводимость готовых речевых единиц и связанная с этим экономия мыслительных усилий и времени облегчает и ускоряет процесс научной коммуникации» [5, с. 130].

Фразеологизмы обладают текстообразующими функциями, участвуют в логическом членении текста, организуют связность научного текста.

С этой точки зрения классифицируем фразеологизмы на следующие группы:

1. Обороты, служащие приведению логического вывода при аргументации: *Чтобы поставить точку в этимологии слова «бурка», необходимо установить происхождение загадочного топонимического деривата* (РЯШ. 2003. № 2. С. 89).

2. Фразеологизмы, которые используются при сопоставлении разных данных или аргументов: *Особняком стоит продуктивный суффикс субъективной оценки* (РЯШ. 2007. № 3. С. 12).

3. Фразеологические обороты, служащие для ус-

тановления порядка следования аргументов: *Забегая вперед, заметим, что основное значение второго слабо представлено среди названий животных* (ВЯ. 2007. № 2. С. 51).

4. Фразеологизмы, служащие выражению взгляда или мнения автора: *Каждый из ликов проливает свет на образ героя романа доктора Живаго и в целом на роман* (ФН. 2003. № 5. С. 42).

Итак, первоначальная гипотеза о том, что фразеология не характерна для ядра научного стиля, не подтвердилась в ходе работы. Конечно, употребление фразеологизмов с эмоционально-оценочной коннотацией в той или иной степени ограничено рамками научного функционального стиля. Все-таки в письменной научной речи преобладают фразеологические обороты, называющие то или иное явление объективной действительности (номинативные). Но выделяются и фразеологические единицы, выполняющие функцию усиления речи (номинативно-коммуникативные). Материал показывает, что использование фразеологизмов связано как с научными темами, так и с непосредственным истолкованием, аргументацией и обоснованием рассматриваемой научной теории, концепции, гипотезы.

Тот факт, что фразеологические единицы активно используются в ядре научного стиля, говорит не только о богатых возможностях фразеологических единиц, но и об изменении стилистической нормы в области научного функционального стиля (проникновение эмоционального в научную литературу). В связи с этим особый интерес приобретает вопрос об общих традициях и перспективах развития стиля научной прозы с точки зрения возможного использования субъективной оценки в научном изложении.

Литература

1. Быстрова, Е.А. Фразеологический словарь русского языка / Е.А. Быстрова, Н.М. Шанский. – М., 1996.
2. Крапотина, Т.Г. К вопросу о семантической и структурной трансформации фразеологизмов / Т.Г. Крапотина // Русский язык в школе. – 2001. – № 2. – С. 83 – 85.
3. Мальчевская, Т.Н. Характер и особенности употребления коннотаций в современной английской научной литературе / Т.Н. Мальчевская // Язык и стиль научного изложения. – М., 1977. – С. 160 – 175.
4. Молотков, А.И. Фразеологический словарь русского языка / А.И. Молотков. – М., 1994.
5. Сенкевич, М.П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений / М.П. Сенкевич. – М., 1984. – С. 126 – 136.
6. Сидоренко, М.И. Парадигматические отношения фразеологических единиц в современном русском языке / М.И. Сидоренко. – Л., 1982.

ФОРМООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ИННОВАЦИИ ОТ 2 ДО 3 ЛЕТ: ЛОНГИТЮДНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

В данной статье рассматриваются формообразовательные глагольные инновации русскоязычного ребенка в возрасте от 2 до 3 лет. Анализируются окказионализмы в формах настоящего, будущего и прошедшего времени, а также в формах инфинитива, императива и причастий. Предметом отдельного анализа являются случаи неверного употребления вида глагола.

Освоение языка, грамматика, глагол, конструирование основы, вид глагола, свехгенерализации.

The article deals with inflectional verb innovations of a Russian-speaking child aged from 2 till 3 years. Attention is focused on forms of present, future and past tenses. The forms of infinitives, imperatives and participles are analyzed as well. The cases of incorrect use of the verb aspect are the subject of a separate analysis.

Language acquisition, grammar, verb, base morpheme construction, verb aspect, overgeneralization.

Начальному глагольному лексикону русскоговорящего ребенка посвящены работы многих исследователей [1], [2], [3], [4], [5]. Общие закономерности усвоения грамматики ребенком и конкретные типы формообразовательных инноваций подробно проанализированы в работах С.Н. Цейтлин. В последней монографии автор дает общую характеристику глагольных словоизменительных инноваций и подробный анализ каждого типа [6, с. 272 – 284].

Материалом настоящего исследования служат систематические дневниковые записи речи одного ребенка – Лизы Елисеевой 1996 года рождения. Анализировался фрагмент дневника от 2 до 3 лет. Ранее были просмотрены все типы формообразовательных инноваций, которые были зафиксированы в речи Лизы до 2 лет (первая отмечена в 1,9,7). Общее их количество – 54, причем параллельно происходило нарастание количества и субстантивных (всего – 30) и глагольных инноваций (всего – 24) [3, с. 66]. Половина формообразовательных инноваций от 2 до 3 лет – глагольные (112) – рассматриваются в настоящей статье. Показалось интересным анализировать инновации исходя из тех глагольных форм, в которых они реализовались. Как и предполагалось, типы ошибок одинаковы во многих формах, но их количество различно.

В форме инфинитива (9):

Окказиональное конструирование основы глаголов 3 класса – вокализация закрытой основы путем усеечения j (4): Просит меня: *Саик, саик наисутъ (шарик нарисутъ=нарисовать) 2,3,5; *Изу, Изу наисутъ! (Лизу, Лизу нарисутъ=нарисовать) 2,3,20; *Надо позуть (пожуть=пожевать) 2,5,8; Я целую Лизу, она держит в руках мышонка. *И мисянка надо потниуть (И мышонка надо поцелуть=поцеловать) 2,6,25.

Окказиональное конструирование основы непродуктивных глаголов – вокализация основы путем добавления гласных (5): Просит, чтобы я постригла ей ногти, увидев, как я стригу ногти Алеше (на правой руке): *Пастрижать, пастрижать себе 2,3,25; *Япатку не найдес. Тойко мама исить мозет (Лопатку не найдешь. Только мама ищить (искать) может) 2,5,2; *Макаку, макаку пагизить (морковку, мороковку погрызть=погрызть) 2,6,6; *Надо его гонить

на пай (Надо его гонить на пол) – о ежике, который "писает" после ванны. 2,8,21; – Давай сначала прополощем (носки). – *Нет, не надо паясить (полощить) 2,9,6.

В форме настоящего времени (43):

Окказиональное конструирование основы глаголов 3 класса – консонантизация открытой основы путем добавления j (7): *Кияит (клевают) – воробушки рябину 2,0,5; *Исунки асяям (Рисунки рисуем) 2,2,3; *Матик асяит яитьку (Мальчик рисовал ёлочку) – на картинке. 2,4,17; *Ват мисанак. Ват ютька. Идись? Ясяит мисанак (Вот мышонок. Вот ручка. Видишь? Рисовал мышонок) 2,6,25; *Мы носки все пакываем. Кываит носки маминь – игрушечные кошки «клевают» (клюют) мои тапки. 2,11,14; *Котята ядаваюца (Котята радуются) 2,11,18; *Ты так кьеваес эти каетьки (Ты так клеваешь эти колечки) 2,11, 30.

Окказиональное конструирование основы непродуктивных глаголов путем йотовой корреляции открытой основы или образования основы настоящего / будущего времени от основы императива (20): *Какаит (скакает=скачет) 2,1,1; О себе: *Она па ясика икаит (Она про ослика ищет=ищет) 2,1,21; *Питисаим (причесаим=причесываем) 2,1,28; *Типася сясь таяит (Степаша сейчас встает) 2,2,24; О себе: *Тебя памия и питисает мама (Тебя помыла и причесает мама) 2,3,24; *Ютькой махает (Ручкой махает=машет). Я не говорю так, но не исключено, что она слышала эту форму от кого-нибудь другого) 2,4,17; *Мама питисаица (Причесается=причесывается) 2,4,23; *Я питисаю пинку. Это масас (Я причесаю спинку. Это массаж.) 2,4,24; *Я да-таваю кабасу (я доставаю=достаю колбасу) 2,8,7; *Я узе таваю (я уже вставаю=встаю) 2,8,7; В поезде Прага – Дрезден: *Я ана тут атанусь (я одна тут останусь) – около купе у окна. *Я атаваюсь (оставаюсь) 2,8,8; О себе: *Ти писяись (пищайшь) – играет на дудочке. 2,8,22; О пуделе: *Мати, сосает (Смотри, сосает=сосет). Устойчивое. 2,8,26; Долго и тщательно полола, вырывая даже крошечную травку под деревом. – Что ты делаешь? – *Паяю (полою) 2,9,26; Я ему даваю 2,10,17; *Ой, ястигнуась басаназитька! Она ястигнуица (расстегнется=расстегивается) 2,11,8.

Отдельно отметим ошибки в разноспрягаемых глаголах, употребленных в форме настоящего времени: Едѣт- ест 2,0,5; *Идѣт, тазя мисютка идет ("едит" – тоже мишутка едит, т.е. ест) 2,0,22; *Как миська идет (Как мышка едит=ест) 2,1,6; *Безат (бежат=бегут) 2,4,3; Снимаю оболочку с сосиски. Лиза комментирует: *И иса не едит... Не ест. И вайки не... някают казюю. И медведи не едят скуятинку (и лиса не едит) 2,10,27.

Устранение беглых гласных и чередования согласных внутри парадигмы (6): *Тиясь на тайки (Терѣшь на терке) 2,5,8; Рвѣт листьа малины и говорит: *А(х), какая капива меня згят! (Ах, какая крапива меня жгѣт=жжет) 2,8,25; *Находу (нахожу) 2,9,4; *Гйаду (гладу=глажу) 2,9,6; Я сидѣ (сiju) 2,9,6; *Я безу бистья! (Я бежу быстро!) – действительно бежит быстро по дороге 2,9,18.

Ошибки в окончаниях глаголов (неверный выбор флексии 1/2 спряжения или унификация ударения в окончании) (4): *Ита зяйти идут (Это зайцы едѣт = едят) – о капусте 2,2,23; *Тут гизят макаку (Тут грызят=грызут морковь) 2,5,20; Звенут – звенят. 2,6,26; *Абизана дизѣт – обезьяна держИт – кажется, от «держИ» в Алешиной речи 2,4,29.

В форме будущего времени (21):

Окказиональное конструирование основы глаголов 3 класса – консонантизация открытой основы путем добавления j (7): *Паясаяим. Мантика наясаять (Это палочка. Порисоваем. Монстрика нарисовать) 2,5,2; *Маму дайя наясаяю (нарисаю=нарисую – ударение на Ю) 2,5,6; *Саик наясаяю (шарик нарисаю – непонятное мне ударение на последнем слоге) 2,5,20; *Я паясаяю (порисоваю=порисую) 2,5,29; *Сяс они патяиваит (поцеловают) – о лягушатах, которые поцелуют меня. 2,11,11; *Мы носки все пакъиваим. Къиваит носки мамины – игрушечные кошки «клевают» (клюют) мои тапки. 2,11,14; Поет: *Паюбавайтись на игуску... (Полюбовайтесь на лягушку) 2, 11,27.

Окказиональное конструирование основы непродуктивных глаголов – консонантизация основы путем добавления j (1): Часто говорит *поискаем, *поискаю, хотя я исправляю, и она повторяет правильно 2,8,22.

Устранение чередования согласных или беглых гласных внутри парадигмы (15): У бабушки: *зямю (взямю=возьму) 2,2,30; После ванночки: *Итиимся. Сихие будем (Вытеремся=вытремся. Сухие будем) 2,5,20; *Мы када засатим гиять... (Мы когда захочем гулять...) 2,5,24; *Ися пайдись (еще поедешь = поешь) 2,5,28; Каткий зиямии ни зиям?... Каткий маза зать (Трактор взѣм=возьмѣм или не взѣм? Трактор можно взять) 2,7,3; *Пакетик зиям собой (взѣм=возьмем) 2,8,25; *Нет, я мимаска пасидю (немножко посидю=посижу) 2,8,25; *Витиимся без мамы, сами... (Вытеремся без мамы, сами) 2,9,0; *Мнага зи япатак не зиям (Много же лопаток в садик не взѣм=возьмем) 2,9,20; – Донесешь? Или ты уронишь? – *Уяну (урону). 2,9,4; *Паскаку (поскачу). Есть и *паскастю. 2,9,6; Съела кусочек яблочка: *Дать ябитька. Я дала, она говорит: *Исити опять сись, я ися тебе даду (Если ты опять съешь, я еще тебе даду=дам) 2,9,15; *Иси я увижу там бйатика, ан

надует нам (Если я увижу=увидю там братика, он надует нам) 2,9,22; *Таибис я взямю 2,10,15; *Давай Степаске застыгнем пугавитьки (застыгнем). Ударение на Я. 2,10, 27; *Этого фена выгну из къявати (Этого фена=этот фен выгну=выгнью из кровати) 2,11,21.

Унификация ударения (1): – Пострижем ногти. – *Каябик сяс патѣдит натъки (Кораблик сейчас пострижет ногти) 2,9,0. Любопытно, что ребенок не воспользовался формой, предложенной взрослым в диалоге – отталкивался от других нормативных форм, имеющих ударение на основе.

В форме прошедшего времени (15):

Окказиональное конструирование основы глаголов 3 класса – вокализация закрытой основы путем усеечения j (1): – Иди полюбуйся. – *Я паибуюсь. Я узе паибуюсь. А, какие батинатъки тюдесные! – Иди полюбуйся. – *Я полюбуюсь. Я уже полюбулась. А, какие ботиночки чудесные!

Окказиональное конструирование основы непродуктивных глаголов – вокализация закрытой основы путем добавления гласных, устранения чередования согласных и унификации ударения (10): *Батик гизял... (Братик грызѣл=грыз) 2,1,1; *Ват банан наисуа (нарисула=нарисовала) 2,3,5; Стала вставлятъ ключик в замок дверцы моего стола: *Назьмая я (нажмала=нажала я) 2,6,26; *Игуську такую типатитюю найдая (игрушку такую симпатичную найдала=нашла). Перед этим и после – *наса (нашла) 2,7,2; *Я узе назмая... Итю я назмю капатьку. Фся, назмая (Я уже нажмала=нажала... Эту я нажму кнопочку. Всѣ, нажмала) 2,9,2; *Попадия (попадила=попала) 2,9,2; *Они тут зазмай стуйтик (зажмали=зажали стульчик) 2,9,15; «Стирает» носочки. – Потри их как следует. – *Фся, патгия (потрила=потѣрла) 2,10,1; *Визмая (выжмала=выжала) о носках. 2,10,1; 2,10,26; Виисмысонок. Я его подгѣния паятъкай (Вылез мышонок. Я его подгѣнила палочкой) 2,11,26.

Унификация ударения (4): Поела, попѣла 2,0,5; *Бѣя атаяся киськи (бѣла) 2,0,16; *Казинку я наса... Наса казинку ти. А то она бѣя на тае (корзинку я нашла. Нашла корзинку ты. А то она была на столе) 2,7,29; *Ядийся, ядийся... – Кто? – *Ядѣясь масынка (родѣлась машинка) 2,11,19.

В форме императива (8):

Неверный выбор суффикса: *Таѣ, итакиська (Стоѣ=стой) 2,1,13; *Искай Типасю! (Искай=ищи Степашу) 2,4,21; *Тайка не боись кятят (Только не боись=бойся котят) 2,5,2; *Маму наясаѣ (маму нарисови=нарисуй) 2,5,29; Винни-Пуху: *Стоѣ, стоѣ, не падай! 2,6,1; *На, Маска, паясаяй (На, Машка, порисовай=порисуй). Обращается ко мне, называя меня семейным прозвищем 2,8,26; *Не каться, бутѣйка (не каться=не катись, бутылка) 2,9,2; Разговаривает с кубиком: *Не хатит кампата. Ядам стои паста (Не хочет компота. Рядом стоѣ=стой просто) 2,10,17.

В форме причастия (4):

Неверный выбор суффикса и/или неверное образование основы: *Итя саматий туу (это сломатый=сломанный стул) 2,1,5; Подстригла ей ногти на правой руке, прошу: – Дай левую руку. – *А эта узе падизанина (пострижанена=подстрижена). 2,9,0; Вытирает тряпочкой американский дом с

животными. *Кукуска ися ни витина (Кукушка еще не вытрена) 2,11,1; О молнии: *Она расстегнута 2,11,21.

Ошибки в образовании видовой пары

Окказиональное образование видовой пары путем суффиксальной имперфективации или устранения супплетивизма (16): *Сяйки засияит Изитька (шарики засуяит=засовает, т.е. засовывает Лизочка. 2,2,2; *Накиять будем (наклеять=наклеивать) 2,4,25; *Я напишу какая-то и будись накийть задитьку (я напишу какая-то и будешь наклеять=наклеивать звездочку) 2,5,9; Несколько раз встречалось ложить, хотя у нас, конечно, никто так не говорит. *Надо сюда язить 2,6,2; *Я не буду язить гусеницу (я не буду ложить=класть гусеницу) 2,6,21; *Так закинаис (застегнаешь=застегиваешь) 2,6,28; Надевает колготки (*кайгатки*): *Засавайся туда, наська. 2,9,6; *Папа засаивает туда (засовает) – газету в сапоги 2,9,6; *Снатяя ее надо висусить. На стае тайка ее надо висусать (высушать = высушивать) 2,10,22; *Здеивая (сделивала) 2,11,4; Просит не застегивать пуговицу на фартуке. *Не надо застегивать!.. Застегнуть не надо 2,11, 26.

В подавляющем большинстве случаев ребенок использует суффикс А вместо -ИВА-/-ЫВА-. Это важно указать. Очевидно, это ее тактика на данном этапе: из двух конкурирующих способов она выбирает один – с суффиксом А. Интересны различные варианты окказионального образования видовой пары от глагола застегнуть с различными суффиксами: застегнаешь и застегиваешь. Наличие Н в последнем примере свидетельствует о самостоятельности образования этого глагола.

Отдельно следует отметить случаи своеобразного образования видовой пары – путем переосмысления нормативного глагола совершенного вида: *Питисаим (причесаим=причесываем) 2,1,28; О себе: *Тебя память и питисает мама (Тебя помыла и причесает мама) 2,3,24; *Мама питисаица (Причесает-

ся=причесывается) 2,4,23; *Я питисаю пинку. *Это масас (Я причесаю спинку. Это массаж.) 2,4, 24. Характерно, что это касается только одной лексемы.

Пример «сделивала» (вторичный имперфектив: делать – сделать – сделывать) нетипичен: окказиональный глагол несовершенного вида используется в форме прошедшего времени, что нехарактерно для детей раннего возраста [6, с. 242].

В безлично-предикативной конструкции с отрицанием: *Не надо застегивать!.. Застегнуть не надо* – две ошибки. Сначала путем суффиксальной имперфективации ребенок образует окказиональный глагол несовершенного вида, а потом, чувствуя, что здесь что-то не так, – исправляется, хотя опять-таки ошибаясь: неверно используя нормативный, но не подходящий в данном случае глагол совершенного вида. О подобных случаях написано С.Н. Цейтлин: автор рассматривает их не только как «естественный прайминг», но и как проявление тенденции превращения привативных оппозиций в эквиполентные [6, с. 244]. Заметим, что из 15 ошибочных употреблений только этот один связан с освоением плана содержания глагольного вида, что вполне соответствует известным в литературе данным: русскоговорящие дети практически не ошибаются в выборе вида, в отличие от инофонов [7].

Итак, наибольшее количество формообразовательных окказионализмов – в форме настоящего времени, на втором месте – в будущем, на третьем – в прошедшем. Гораздо меньше инноваций в форме инфинитива, императива и причастия. Окказиональное образование видовой пары частотно и встречается во всех глагольных формах. Типы ошибок по частотности располагаются следующим образом:

- 1) конструирование основы непродуктивных глаголов;
- 2) устранение чередования согласных и беглых гласных;
- 3) конструирование основы глаголов 3 класса;

Таблица

Неправильности в образовании форм глагола: от 2 до 3 (112)

	Окказиональное образование основы глаголов 3 класса	Окказиональное образование основы непродуктивных глаголов	Устранение чередования согласных и беглых гласных	Ошибки в окончаниях глаголов	Унификация ударения	Неверный выбор словоизменительного суффикса	Ошибки в образовании видовой пары	Итого
Инфинитив	4	5	-	-	-	-	3	13
Настоящее время	7	20	6	4	-	-	7	44
Прошедшее время	1	10	-	-	4	-	1	16
Будущее время	7	1	16	-	1	-	3	28
Императив	-	-	-	-	-	7	1	8
Причастие	-	-	-	-	-	4	-	4
Итого	19	37	21	4	5	11	15	112

- 4) ошибки в образовании видовой пары;
- 5) неверный выбор словоизменительного суффикса.

Ошибки в окончаниях и унификация ударения в основе очень немногочисленны.

Имеющийся в нашем распоряжении материал подтверждает то неоднократно отмечаемое разными исследователями обстоятельство, что ребенок осваивает язык творчески, поскольку в его инновациях проявляется ярко выраженная системность: однотипные в лингвистическом отношении лексемы сходным образом модифицируются, становясь элементами его индивидуальной языковой системы. Ребенок последователен в своих отклонениях от языковой нормы, о чем писал еще А.Н. Гвоздев. Поэтому анализ детских речевых инноваций помогает лингвисту выявить те языковые правила, которые реально управляют речевой деятельностью человека, пользующегося языком и этот язык осваивающего, а также обнаружить иерархическое устройство грамматической системы.

Литература

1. Ахапкина, Я.Э. Типы временной локализованности на раннем этапе речевого онтогенеза / Я.Э. Ахапкина // Семантические категории в детской речи. – СПб., 2007.
2. Гагарина, Н.В. Становление грамматических категорий русского глагола в детской речи / Н.В. Гагарина. – СПб., 2008.
3. Елисеева, М.Б. Развитие и взаимовлияние различных компонентов языковой способности ребенка раннего возраста (на материале лонгитюдного исследования) / М.Б. Елисеева // Путь в язык. Одноязычие и двуязычие. – М., 2011.
4. Князев, Ю.П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе / Ю.П. Князев. – М., 2007.
5. Пупынин, Ю.А. Усвоение русских глагольных форм ребенком / Ю.А. Пупынин // Вопросы языкознания. – 1996. – № 3. – С. 84 – 95.
6. Цейтлин, С.Н. Лингвистические этюды / С.Н. Цейтлин. – СПб., 2013.
7. Цейтлин, С.Н. Конструирование грамматического компонента языковой системы ребенком и инофоном / С.Н. Цейтлин // Вестник ЧГУ. – 2012. – Т. 4. – Т. 1. – С. 97 – 100.

УДК 81.119

М.Г. Исаева

СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ВНУТРИФРАЗОВЫХ ПЕРЕКЛЮЧЕНИЙ В АНГЛОЯЗЫЧНЫХ И РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЖУРНАЛАХ

Исследование выполнено при финансовой поддержке проекта РГНФ на проведение научных исследований: «Сопоставительное исследование кодовых переключений в русскоязычных и англоязычных журналах», проект № 13-34-01232

В статье осуществляется сравнительный анализ одного из структурных типов иноязычных единиц – внутрифразовых переключений в русскоязычных и англоязычных журналах. Самым частотным видом внутрифразовых переключений в русскоязычном и англоязычном материале являются острова гостевого языка (ГЯ). В англоязычных журналах функционируют внутренние острова двух типов – острова ГЯ, грамматически оформленные как пиджинизированные вкрапления, и острова, оформленные как голые формы.

Кодовое переключение, матричный язык, гостевой язык, внутрифразовое переключение, остров гостевого языка, внутренний остров, голая форма, пиджинизированное вкрапление.

In the article the comparative analysis of one of foreign units' structural types – intrasentential switches in English and Russian magazines is made. The most frequent type of the intrasentential switches in Russian and English data is the Embedded Language islands. In English magazines there are two types of internal islands: the ones that are grammatically formed like pidgin insertions and the ones that grammatically resemble bare forms.

Code-switch, Matrix Language, Embedded Language, intrasentential code-switch, the Embedded Language island, internal island, bare form, pidgin insertion.

Современные англоязычные и русскоязычные журналы интенсивно используют иноязычные единицы для реализации информативной и экспрессивной функций публицистического стиля. Одним из видов иноязычных единиц, которые журналисты используют в текстах журнальных статей и заголовков, являются кодовые переключения. Кодовые переключения – форма языкового взаимодействия, изучаемая в рамках контактной лингвистики наряду с заимст-

ованиями, интерференцией, креольскими языками, конвергенцией и т.д.

Кодовые переключения (КП) – центральное понятие данного исследования. Мы определяем КП следующим образом: КП – это структурная единица (морфема, слово, словосочетание, предложение, простое или сложное, часть сложного предложения, группа предложений) гостевого языка в высказывании на матричном языке, использование которой не

нарушает грамматику матричного языка; структура КП обусловлена конгруэнтностью со структурой, семантикой и прагматикой единиц матричного языка на глубинном уровне порождения высказывания [1, с. 170]. Термины **матричный язык** (язык, оформляющий предложение с точки зрения морфосинтаксических правил) и **гостевой язык**¹ (источник иноязычных единиц в предложении), которыми мы оперируем в данном исследовании, соответствуют в работах американского лингвиста К. Майерс-Скоттон терминам *Matrix Language* и *Embedded Language* [5], [6].

Далее в работе мы также используем термины «содержательная морфема» и «системная морфема», предложенные К. Майерс-Скоттон для анализа билингвального дискурса [5, р. 99]. Содержательные морфемы применительно к материалу настоящего исследования – корневые морфемы имен существительных, глаголов, качественных прилагательных, местоимений, которые их замещают, наречий, а также большинство предлогов; системные морфемы – артикли, флексии, детерминанты, притяжательные местоимения и притяжательные прилагательные, вопросительные слова, местоимения и местоименные наречия, выступающие в качестве формальных членов предложения, количественные прилагательные-местоимения, вспомогательные глаголы и глаголы-связки, предлоги, передающие значение притяжательного падежа [1, с. 72]. Все системные морфемы, согласно К. Майер-Скоттон, подразделяются на ранние системные морфемы, поздние соединительные и поздние внешние морфемы. Ранние системные морфемы – напрямую избираемые морфемы, которые активизируются вместе с содержательными морфемами и дополняют их семантику; поздние системные морфемы служат для построения более сложных структур: поздние соединительные участвуют в построении словосочетаний, поздние внешние – предложений [7, р. 4].

КП, функционирующие в англоязычных и русскоязычных журналах, обладают различными структурными (грамматическими) характеристиками.

Целью настоящего исследования является сравнительный анализ внутрифразовых переключений, наиболее частотного структурных типов КП, в англоязычных и русскоязычных глянцевого журналов.

Материал исследования – 1902 случая употребления КП, извлеченных методом сплошной выборки из 69 журналов (35 – на русском языке, 34 – на английском): “Elle”, “Cosmopolitan”, “Vogue”, “Обучение за рубежом / Study and Training Abroad”, “Иностранные языки и учеба за рубежом”, “GEO”, “MINI”, “Yes!”, “Glamour”, “Harper’s Bazaar” за 1999 – 2013 гг.

Внутрифразовые переключения – один из структурных типов КП, согласно классификации переключений по месту появления в высказывании. Данная классификация была разработана отечественным исследователем Г.Н. Чиршевой для анализа морфосинтаксических особенностей иноязычных единиц в устной и письменной билингвальной речи. Первоначаль-

но Г.Н. Чиршева выделяла три структурных типа КП, соотносящихся с определенной степенью билингвальности говорящего:

1. **Выбор кода.** Данный тип реализуется при смене реплик, одна из которых произносится на одном языке, вторая – на другом. Выбор кода предполагает невысокую степень билингвальности говорящего и, следовательно, коммуникации в целом: для диалога достаточно рецептивного билингвизма. В данном случае каждый собеседник говорит только на одном языке.

2. **Межфразовые переключения**, т.е. переключения в пределах высказывания между предложениями. Межфразовые переключения допускают два варианта общения: а) один из говорящих – рецептивный билингв, другой – продуктивный билингв; б) оба коммуниканта – продуктивные билингвы.

3. **Внутрифразовые переключения** реализуются в пределах предложения: а) между компонентами сложного предложения, в обособленных оборотах, в присоединенных частях; б) между лексическими единицами в простом предложении. Внутрифразовые переключения характеризуют речь сбалансированного билингва / эквилингва [2, с. 75 – 77].

В более поздних исследованиях Г.Н. Чиршева уточняет структурный тип внутрифразовых переключений, выделяя в его рамках два подтипа: 1. «...**вкрапления**, которые представляют собой «одиночную лексическую единицу (морфему или слово) ГЯ, подчиняющуюся грамматическим правилам матричного языка; фонетически или графически вкрапления могут быть оформлены по правилам ГЯ или МЯ, они не включают служебных слов и флексий из ГЯ; 2. **островные переключения** состоят из одной или нескольких лексических единиц и сочетающихся с ними системных морфем» [3, с. 66].

В свою очередь на основе работ К. Майерс-Скоттон о стратегиях реализации системных морфем в билингвальном высказывании [5], [6], а также исследований Г.Н. Чиршевой [3], [4], [5] мы подразделяем вкрапления на собственно вкрапления, пиджинизированные вкрапления и голые формы (*bare forms*). **Собственно вкрапление** – содержательная морфема ГЯ, не подразумевающая использования системных морфем МЯ или ГЯ. **Пиджинизированное вкрапление** – лексическая единица ГЯ, интегрированная в морфосинтаксическую структуру высказывания при помощи системных морфем МЯ. Обычно пиджинизированные вкрапления – это графически и фонетически ассимилированные КП. **Голая форма** – содержательная морфема ГЯ, лишенная системных морфем МЯ, которые необходимы для интегрирования иноязычной единицы в морфосинтаксическую структуру предложения [1, с. 90 – 91].

В исследуемом русскоязычном и англоязычном материале преобладают внутрифразовые переключения между лексическими единицами, а именно: островные переключения и собственно вкрапления (сравните: 44,6 % островов ГЯ и 41 % собственно вкраплений – в русскоязычных журналах, 49 % островов ГЯ и 28 % собственно вкраплений – в англоязычных журналах). Рассмотрим примеры данных структурных типов КП в исследуемом материале:

¹ Далее МЯ – для «матричный язык», ГЯ – для «гостевой язык».

1. «При этом проблема анорексии, булимии и других **eating disorders**, приводящих к нулевому размеру, появляется все чаще» (Cosmopolitan 2007, № 11, с. 208). МЯ – русский, ГЯ – английский. КП – остров ГЯ, состоящий из 2 содержательных морфем (**eating, disorder**) и одной системной морфемы с грамматическим значением множественного числа (-s). Также внутри КП соблюдается порядок слов ГЯ.

2. «Удлиненный топ и **skinny**-джинсы – отличная пара» (Cosmopolitan 2009, № 2, с. 274). МЯ – русский, ГЯ – английский. Структурный тип КП – собственно вкрапление, так как данное переключение состоит из одной содержательной морфемы ГЯ и изначально не подразумевает оформления при помощи системных морфем МЯ и ГЯ для интегрирования в морфосинтаксическую структуру русского предложения.

3. “**La parisienne** which also gave the addresses of the favourite boutiques in the city of light” (Vogue 2013, № 4, с. 271). МЯ – русский, ГЯ – французский. КП – остров ГЯ, состоящий из одной содержательной морфемы (**parisienne**) и одной ранней системной морфемы (определенного артикля *la* с грамматическим значением ж.р., ед.ч.).

4. “The idea of getting dressed is to look more beautiful,” Herrera told me in a phone conversation. “I want to see women dress very feminine, very **soigné**” (Elle 2012, № 3, с. 200). МЯ – английский, ГЯ – французский. КП – собственно вкрапление, состоящее из содержательной морфемы. Переключение не подразумевает в данном морфосинтаксическом контексте использования системных морфем МЯ или ГЯ.

5. “If one part of Trotter’s design comes from an innate understanding of the style **zeitgeist**” (Vogue 2013, № 4, с. 181). МЯ – русский, ГЯ – немецкий. КП – собственно вкрапление, состоящее из содержательной морфемы ГЯ и не подразумевающее использования системных морфем МЯ или ГЯ.

Голые формы ГЯ представлены в количественном плане в русскоязычных и англоязычных журналах примерно одинаково: 2 % от общего числа КП – в журналах на русском языке, 3 % КП – в журналах на английском. Голые формы в контексте русского предложения – это переключения без соответствующих падежных флексий русского языка. Например: «Толпы иностранцев тратят тысячи долларов и кучу времени, подвергаются риску стать жертвами мошенника, но всё равно упрямо едут навстречу своим русским **«герлфренд»**, которых знают только по фотографии» (Cosmopolitan 2001, № 9, с. 117). КП на английский язык – голая форма. В структуре русского предложения содержательная морфема ГЯ используется без соответствующей падежной флексии -ам, выражающей грамматическое значение множественного числа, дательного падежа). Голые формы в контексте английского предложения – это переключения без соответствующих артиклей английского языка. Например: “Instead of looking like I’m carrying small fanny pack around my waist, my new interest in Pilates has given me sleek **minaudière** of a tummy” (Elle 2011, № 7, с. 110). КП на французский язык – голая форма, выраженная именем существительным, которое для интеграции в морфосинтаксическую

структуру предложения должно сопровождаться артиклем.

Пиджинизированные вкрапления ГЯ в англоязычном материале более частотные, чем в русскоязычном (сравните: 10 % КП – в журналах на русском языке, 15 % КП – в журналах на английском). Анализ данного структурного типа КП в журнальных публикациях показал, что в предложении, где МЯ – русский, пиджинизированное вкрапление – это содержательная морфема ГЯ в сопровождении поздних внешних системных морфем русского языка, а именно флексий со значением падежа, рода и числа. Необходимо также отметить, что пиджинизированные вкрапления в русскоязычном материале – это графически и фонетически ассимилированные иноязычные единицы. Рассмотрим примеры типичных пиджинизированных КП в русскоязычных журналах. 1. «Собрание **кэжуала** с налетом парижского шика» (Elle 2009, № 8, с. 276). КП представлено пиджинизированным вкраплением: содержательная морфема ГЯ «кэжуал» интегрирована в морфосинтаксическую рамку русского предложения при помощи системной морфемы МЯ «-а» со значением ед.ч., р.п., м.р., 2 скл. 2. «Только за 1978 год Кельвин Кляйн собственноручно продал двести тысяч сделанных собственными руками пар, сдобив их обезоруживающе **обсессиивным** ароматом Obsession» (MINI 2007, № 9, с. 147). Содержательная морфема ГЯ интегрирована в структуру русского предложения при помощи системной морфемы «-ым» со значением ед.ч., д.п., м.р. В образовании пиджинизированного вкрапления в данном случае участвует словообразовательный суффикс МЯ – «-н».

В предложениях, где МЯ – английский, пиджинизированное вкрапление – это содержательная морфема ГЯ, которая интегрирована в структуру предложения при помощи ранних системных морфем. Например: 1. “An **émigré** from Hungary” (Vogue 2012, № 7, с. 101). В данном примере МЯ – английский, ГЯ – французский. Содержательная морфема ГЯ интегрирована в морфосинтаксическую структуру английского словосочетания при помощи ранней системной морфемы – неопределенного артикля. 2. “She was a good **mere**” (Cosmopolitan 2012, № 11, с. 70). Как и в предыдущем примере, в данном случае содержательная морфема ГЯ используется в сопровождении ранней системной морфемы – неопределенного артикля МЯ.

Одним из наиболее интересных с точки зрения грамматики случаев использования КП в письменном дискурсе является «внутренний остров». Впервые данный термин был использован К. Майерс-Скоттон: внутренний остров ГЯ ведет себя в рамке МЯ как голая форма, лишенная необходимых грамматической рамке высказывания морфем. С точки зрения МЯ, это голая форма, с точки зрения ГЯ – цельнооформленный остров.

Анализ исследуемого материала показал, что необходимо уточнить понятие «внутренний остров» для русскоязычного и англоязычного грамматического контекста. В предложениях, где русский язык обладает статусом МЯ, в формировании внутренних островов участвуют предлоги. Именно они вводят

остров в ГЯ в морфосинтаксическую структуру предложения. Например: 1. «Внутри **stately homes** часто выставлены экспозиции предметов, которые могут рассказать об истории зданий...» (Иностранные языки и учеба за рубежом 2005, № 9, с. 36). В данном предложении МЯ – русский, ГЯ – английский. КП – остров ГЯ, состоящий из двух содержательных морфем (*stately*, *home*) и одной системной морфемы с грамматическим значением множественного числа (-s). В островном переключении сохраняется порядок слов ГЯ. Переключение выполняется в предложении синтаксическую функцию обстоятельства места и занимает соответствующую позицию – после предлога МЯ со значением местоположения («внутри»), т.е. в данном случае именно предлог предписывает острову ГЯ позицию в высказывании и образует словосочетание с иноязычной единицей.

2. В следующем примере островное переключение содержит две содержательные морфемы (МЯ – русский, ГЯ – французский) – имя существительное и определяющее его имя прилагательное: «Неужели у **femme fatale** нет сегодня шансов?» (Glamour 2007, № 11, с. 308). Дополнительным показателем острова ГЯ является порядок слов ГЯ: прилагательные во французском языке в большинстве случаев занимают позицию после определяемого существительного. Это также внутренний остров ГЯ: предлог «у» предписывает островному переключению синтаксическую функцию дополнения и образует вместе с ним словосочетание. В обоих примерах островные переключения используются без сопровождения системных морфем МЯ. В русскоязычном материале подобные внутренние острова составляют 4 % от общего числа выявленных КП.

В англоязычном материале было определено два дополнительных типа внутренних островных переключений: 1. Острова ГЯ, которые ведут себя в морфосинтаксической структуре МЯ как голые формы (внутренние острова). 2. Острова ГЯ, которые интегрированы в морфосинтаксическую структуру предложения МЯ при помощи системных морфем как пиджинизированные вкрапления. В обоих случаях островные переключения находятся под контролем МЯ, определяющего их место в высказывании согласно грамматическим правилам порядка слов.

Рассмотрим несколько примеров внутренних островных переключений: 1. “Most notably, however, a woman with **voix brune** could be brash without seeming unfeminine” (Elle 2012, № 10, с. 326). В данном случае КП на французский язык – внутренний остров ГЯ, состоящий из двух содержательных морфем и сохраняющий порядок слов ГЯ (прилагательное располагается за определяемым существительным). Остров ГЯ ведет себя в морфосинтаксической структуре предложения как голая форма, так как не сопровождается неопределенным артиклем, необходимым с точки зрения грамматики английского языка. Предлог *with* образует, в свою очередь, с иноязычной единицей словосочетание и, тем самым, интегрирует его в морфосинтаксическую структуру предложения. 2. “Were she in **Bureau de poste**” (Vogue 2012, № 8, с. 81). МЯ – английский, ГЯ – французский. КП –

внутренний остров ГЯ, состоящий из двух содержательных морфем (*bureau*, *poste*) и одной системной морфемы с грамматическим значением родительного (притяжательного падежа (*de*)). Внутри островного переключения соблюдается порядок слов ГЯ. Данное островное переключение ведет себя в морфосинтаксической структуре предложения как голая форма, так как не сопровождается артиклем, необходимым с точки зрения грамматики английского языка. Предлог *in* образует с иноязычной единицей словосочетание и интегрирует его в структуру высказывания. 3. “Denise Porcaro of Flower Girl NYC provided banana leaves for serving platters and orchids for centerpieces; and Lee Hanson and Riad Nasr, co – executive chefs at Balthazar and Minetta Tavern, whipped up appetizers such as huli – huli chicken pops and pineapple pizza, and – the **pièce de résistance** – a whole pig, roasted on the patio from the early afternoon until the first guests arrived at dusk” (Elle 2012, № 7, с. 54). КП на французский язык – внутренний остров ГЯ, состоящий из двух содержательных морфем (*pièce*, *résistance*) и одной системной (*de*). Островное переключение интегрировано в морфосинтаксическую структуру высказывания при помощи ранней системной морфемы МЯ – определенного артикля (*the*). Следовательно, КП ведет себя в предложении как пиджинизированное вкрапление. 4. “Bishop talks about the fashionable voice of the 30s and 40s, what she calls the **voix brune** – translated literally, “brunette voice” – epitomized by Hollywood stars such as Bette Davis and Joan Crawford” (Elle 2012, № 7, с. 326). КП на французский язык – внутренний остров ГЯ, состоящий из двух содержательных морфем. Внутри островного переключения соблюдается порядок слов ГЯ. Данный остров интегрирован в структуру английского предложения при помощи ранней системной морфемы – определенного артикля (*the*) и, таким образом, по грамматическому оформлению уподобляется пиджинизированному вкраплению.

Необходимо отметить, что внутренние острова в англоязычном материале интегрируются в структуру английского предложения при помощи ранних системных морфем: артиклей, предлогов, притяжательного падежа в форме *'s*, притяжательных местоимений. В журналах на английском языке внутренние острова достаточно частотны и составляют 25 % КП от общего числа выявленных иноязычных единиц.

Проведенный сравнительный анализ внутрифразовых переключений в журналах на русском и английском языках позволяет сделать выводы о том, что для письменного билингвального дискурса, в целом, характерно преобладание островных переключений. Анализ внутрифразовых переключений в русскоязычном и англоязычном материале также позволяет уточнить один из структурных типов КП в билингвальном дискурсе – внутреннее островное переключение ГЯ. Данное уточнение релевантно для КП в англоязычных журналах в силу грамматических особенностей английского языка как МЯ. Внутренние острова ГЯ могут быть двух видов: острова – голые формы и острова – пиджинизированные вкрапления

(острова – пиджины). Они различаются способом интегрирования иноязычных единиц в морфосинтаксическую структуру английского предложения: острова-пиджины сопровождаются системными морфемами МЯ, острова – голые формы, наоборот, лишены системных морфем, необходимых для полной грамматической интеграции в высказывание. Уточнение разновидностей внутренних островов требует дальнейшей проверки на новом материале. Еще одним важным различием в грамматическом оформлении внутрифразовых КП в русскоязычном и англоязычном материале связано с пиджинизированными вкраплениями: в русском предложении пиджинизированные единицы оформлены при помощи поздних внешних морфем, в английском предложении – при помощи ранних системных морфем. Возможно, данный факт объясняется тем, что английский и русский языки представляют собой разные морфологические языковые типы – аналитический и синтетический соответственно.

Литература

1. Исаева, М.Г. Кодовые переключения в письменных текстах СМИ (на материале русскоязычных журналов): дис....канд. филол. наук / М.Г. Исаева. – Ярославль, 2010.
2. Чиршева, Г.Н. Введение в онтобилингвологию / Г.Н. Чиршева. – Череповец, 2000.
3. Чиршева, Г.Н. Двухязычная коммуникация / Г.Н. Чиршева. – Череповец, 2004.
4. Чиршева, Г.Н. Кодовые переключения в общении русских студентов / Г.Н. Чиршева // Язык, коммуникация и социальная среда. Межвузовский сборник научных трудов. – Воронеж, 2008. – № 6. – С. 63 – 79.
5. Myers-Scotton, C. Duelling Languages. Grammatical structure in code-switching / C. Myers-Scotton. – Oxford, Clarendon Press, 1993.
6. Myers-Scotton, C. The Matrix Language Frame Model: Developments and Responses / C. Myers-Scotton // Codeswitching Worldwide II. – Berlin: Mouton de Gruyter, 2001. – P. 23 – 58.
7. Myers-Scotton, C. Testing the 4-M model: An introduction / C. Myers-Scotton, J.L. Jake // The International Journal of Bilingualism. Cross-Disciplinary, Cross-Linguistic Studies of Language Behavior. Kingston Press, London. – 2000. – V. 4. – № 1. – P. 1 – 8.

УДК 81'282.2

А.А. Ковшикова

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор Н.А. Волкова

ОСОБЕННОСТИ ВОКАЛИЗМА ГОВОРОВ БЕЛОЗЕРСКОГО РАЙОНА (НА МАТЕРИАЛЕ ГОВОРА СЕЛА АРТЮШИНО)

Данное исследование реализует попытку интерпретировать фонетический материал определенного региона в диалектном пространстве севернорусского наречия. В статье описываются особенности вокалической системы говора села Артюшино Белозерского района Вологодской области. Обсуждаются изменения, происходящие в данный момент в языке.

Северное наречие, нейтрализация гласных фонем, ударный вокализм, безударный вокализм, вариативное произношение.

The study interprets the phonetic material of a definite region in the northern Russian dialect space. The article describes the features of a vocalic system of a country dialect in the village of Artushino in Belozersk district, Vologda region. Changes taking place at the moment in the language are under consideration.

The Northern dialect, neutralization of vowel phonemes, stressed vocalism, unstressed vocalism, variable pronunciation.

Изучение говоров отдельных районов и населенных пунктов Европейской части России – это одно из актуальных направлений в современной диалектологии. На материале данных русских народных говоров в науке решаются не только вопросы формирования современных диалектных систем, но и изучаются процессы их трансформации. Исследователями отмечается, что необходима наиболее полная фиксация современного состояния диалектов [7, с. 42]. Записи диалектных текстов представляют собой бесценные памятники русской народной культуры, имеющие большое значение для изучения русского языка.

Настоящая работа представляет собой фонетическое исследование вариативности гласных, возникающей в речи жителей села Артюшино Белозерского района Вологодской области. Лингвистическое пространство данного района нуждается в дальнейшем изучении с целью создания наиболее конкретного описания языковой ситуации Вологодского се-

вера как части языкового пространства России.

В последние десятилетия сопоставительное изучение динамики диалектных явлений, связанных как со спонтанным развитием самого говора, так и с междиалектным и литературно-диалектным контактированием, остается одной из актуальных и далеко не до конца решенных задач современной диалектологии. Явным достижением диалектологии последних лет является отход от распространенного когда-то убеждения, что говоры неизбежно исчезнут, растворятся в литературной разговорной речи. Сегодня уже ясно, что развитие систем говоров – процесс сложный, противоречивый и длительный: развитие говора – это не просто замена одного явления другим, а иногда и коренная перестройка всей системы говора. Необходимость разностороннего обследования и описания диалектного материала диктуется современной лингвистической ситуацией, когда активно проявляется воздействие литературного языка

и одновременно наблюдается сокращение сферы функционирования говоров.

Исследование процессов развития русских говоров до сих пор остается малоизученной областью, несмотря на то, что диалектная речь представляет собой наиболее благоприятные условия для осуществления подобных исследований. Статистические же описания возрастных состояний (срез системы) диалекта, позволяющие выявить его динамику, вообще единичны.

Данная статья реализует попытку интерпретировать фонетический материал определенного региона в диалектном пространстве севернорусского наречия.

Работа проводилась на основе материалов, собранных в ходе личного исследования в с. Артюшино (беседа с жителями), а также на основе исследований М.И. Бувальцевой и И.В. Бегунц [2], [3], посвященных изучению говоров Белозерского района. В ходе работы была произведена обработка, систематизация, описание, анализ, сравнительная характеристика диалектного материала.

Характер фонетической системы языка и диалекта на том или ином этапе его исторического развития определяется типами позиционной мены звуков, на которых покоится эта система [1]. Под позиционной меной звуков понимается «такая закономерная, зависящая от фонетических, позиционных условий мены звуков, которая охватывает все слова, располагающиеся соответствующей позицией. Поэтому позиционная мена, в отличие от чередования звуков как грамматического средства, не ограничена пределами морфемы» [5, с. 76].

К.В. Горшкова отмечает, что в силу процесса интеграции при изучении фонетической системы диалекта исследователь регулярно сталкивается с сосуществующими вариантами элементов этой системы, вариантами, которые сложились в разное время, в силу различных причин и различными путями. «Задачей диалектолога является правильно установить взаимоотношение таких вариантов, так как таким путем и устанавливается последовательное развитие фонетической системы диалекта» [5, с. 77].

Характерным признаком севернорусского наречия до недавнего времени являлось отсутствие нейтрализации гласных фонем в безударных слогах. Но исследования последних лет ([4], [6]) свидетельствуют о развитии нейтрализации фонологических контрастов, основанных на признаках подъема и лабиализации. Одним из проявлений этого процесса является разрушение «оканья», т.е. развитие нейтрализации гласных нижнего и среднего подъема [а] и [о] после твердых согласных. Процесс этот становится все более очевидным, поэтому в некоторых говорах можно заметить, что полное различие этих фонем сосуществует с новыми системами, где обязательным является их нейтрализация в безударных слогах [8, с. 82]. Это дает возможность исследовать исторические изменения, используя фонетический материал, записанный от современных диалектоносителей. Известно, что именно в живой речи сохраняются те особенности, которые были характерны для языка прошлых эпох [2, с. 84].

В ходе данного исследования было проанализировано 10 аудиозаписей длительностью, в общей

сложности, 116 мин. Все информанты приблизительно одного возраста (около 80 лет), всю жизнь прожившие в Белозерском районе, но имеющие разный уровень образования (от 4-х классов до среднего специального образования).

Предметом специального наблюдения и анализа были безударный и ударный вокализм в говоре.

Рассматривая гласные [а] и [о] в безударных позициях, можно увидеть, какие изменения происходят в настоящее время с таким диалектным явлением, как полное оканье, характерное для большинства говоров Русского Севера.

При анализе диалектного материала нас прежде всего интересовала реализация гласных [а] и [о] в позиции абсолютного начала слова; 1-й предударной; 2-ой предударной и заударной позициях:

- [о]тс'уда, [о]ст'алос', [о]кул'т'ур'эно, [о]рх'анг'эл'ск'э, [о]тоб'рал'и;

- р[о]б'отала, к[о]р'ова, сн[о]б'ж'а'эт, д[о]л'ж'ны, см[о]т'р'у, пир[о]г'и, нас[о]б'и'рано, сн[о]б'ж'ает, мол[о]к'о;

- п[о]л'уч'ил, п[о]с'ад'ил'и, в[о]с'эм'нат'цат', г[о]вор'ит, заг[о]тов'ил'и, пр[о]вож'ал'и, п[о]л'тор'а, к[о]л'ок'ол'чик, б[о]с'ик'ом;

- јаг[о]д насоб'и'ран[о] мн'ог[о], г'умн[о], т'эл'он[о]к, тв'ор[о]гом, кл'ас[о]ф, сол'ом[о], ч'эрн'и'ч'н[о]в[о], в Арт'ушин[о] н'ад[ѣ] б'ыл[ѣ], ил'апк[о]к, т'ол'к[ѣ] (но встречается и т'ол'к[о]), к'илом'этр[о]ф, б'ыл[ѣ] (но встречается и б'ыл[о]), л'э[т]ом, мн'ог[ѣ] (и мн'ог[о]), п'ат'эр[о] (но встречается и п'ат'эр[ѣ]), д'э[т]ств[ѣ] (встретилось 1 раз).

В ходе исследования данного материала был сделан вывод о том, что для данного говора характерна нейтрализация безударных гласных [а] и [о] в заударных слогах. Указанное нами вариативное произношение в речи информантов (много и многѣ, было и былѣ, надо и надѣ, пятеро и пятерѣ, детство и детствѣ) не было отмечено в предыдущих исследованиях говоров Белозерского района – в работах М.И. Бувальцевой и И.В. Бегунц. Возможно, такие варианты указывают на развитие новых тенденций в области безударного вокализма в некоторых северных говорах.

Исследование этого фонетического явления подтверждает тезис о трансформации диалектной вокалической системы Русского севера: в современных говорах с. Артюшино, несмотря на его территориальную удаленность от центра, полное «оканье» не является неизбежным.

Кроме развития процесса нейтрализации гласных нижнего и среднего подъема [а] и [о] после твердых согласных в говоре наблюдается произношение [о] на месте [э] – жон'а, р'ан'шо, т'оп'ло, буд'ом, л'эп'ош'ок, пл'ат'т'о, д'эр'оу'в'он, волн'уш'ок, дал'ок'о, с'п'арн'ом, постр'о'ок, звон'ко'о, ново'о, дво'о, тро'о, т'ак'жо, ф'ст'ан'ом, м'ор'о. Это же явление было указано в работах И.В. Бегунц, исследовавшей говоры Белозерья по памятникам письменности XVII в.

Стоит отметить, что такая мена звуков в говоре наблюдается не у всех информантов и в единичных случаях, в основном только у малограмотных женщин. Непоследовательность указанной мены звуков отмечает и К.Ф. Захарова: «...говорам северного на-

речия не свойственно последовательное ёканье: в одних говорах [о] сосуществует с произношением [е] в тех же словах, в других – произношение [о] единично, а [е] постоянно, в третьих говорах ёканья вообще не отмечается» [6, с. 33].

В современных белозерских говорах на месте древнего **ѣ** перед твердыми согласными и на конце слова звучит «е», а перед мягкими согласными под ударением – «и». Материал письменных памятников Белозерья, которые исследовала И.В. Бегунц, позволяет сделать вывод о том, что Белозерским говорам XV – XVII вв. было присуще наличие *е* напряженно-го, закрытого, перед твердыми согласными и звука *и* перед мягкими согласными как в слогах под ударением, так и в безударных. Таким образом, исследование материала письменных памятников, состояния говора в середине XX в. и современного состояния белозерских говоров позволяет предполагать, что появление звука *е* открытого на месте древнего **ѣ** перед твердыми согласными и на конце слова – явление более позднее.

В материалах, собранных в Белозерском районе в середине прошлого столетия, бывший **ѣ**, который в северных говорах превратился в ударный [и], встречается довольно часто: *с'ѣл'и, н'ѣ см'ѣл'и, п'ѣл'и, п'ѣс'н'и, зач'ѣм, в л'ѣс'ѣ*. Однако у современных диалектоносителей это явление встречается крайне редко. Нам это явление встретилось в речи только одного информанта и всего в двух словах (*в л'ѣс'ѣ, п'ѣс'ѣнк'и*), т.е. можно сделать вывод о том, что это исчезающее явление.

Таким образом, развитие нейтрализации гласных нижнего и среднего подъема [а] и [о] после твердых согласных, старое спорадическое «ёканье», чередование *е* с *и* в ударной позиции, которое происходит на месте древнего **ѣ**, и составляют своеобразие вока-

лической системы данного говора.

Изучение вокализма белозерских говоров свидетельствует о сложности процесса интеграции говоров в современных условиях. На диалект, с одной стороны, оказывает влияние литературный язык, в результате чего утрачивается актуальность фонетических моделей диалекта, с другой, – новые черты формируются в результате более сложного процесса развития, органически связанного с развитием звукового строя диалекта по его внутренним законам.

Литература

1. Аванесов, Р.И. Очерки русской диалектологии / Р.И. Аванесов. – М., 1949.
2. Бегунц, И.В. Фонетический строй белозерско-бежецких говоров первой половины XVII в.: дис. ... канд. филол. наук / И.В. Бегунц. – М., 2006.
3. Бувальцева, М.И. Говоры Белозерского р-на Вологодской области в современном состоянии и истории: автореф. ... канд. филол. наук / М.И. Бувальцева. – М., 1955.
4. Ваахтера, Й. Эволюция системы гласных фонем в некоторых русских говорах Вологодской области / Й. Ваахтера. – Хельсинки, 2009.
5. Горшкова, К.В. Развитие вокализма в белозерских говорах Вологодской области / К.В. горшкова // Филологические науки. – 1958. – № 4. – С. 76 – 83.
6. Захарова, К.Ф. К вопросу о ёканье / К.Ф. Захарова // Диалектология и лингвогеография русского языка. – М., 1981. – С. 30 – 44.
7. Касаткин, Л.Л. Современная русская диалектная и литературная фонетика как источник для истории русского языка / Л.Л. Касаткин. – М., 1999.
8. Красовицкий, А.М. Развитие нейтрализации гласных в севернорусском говоре / А.М. Красовицкий // Фонетика сегодня: Материалы докладов и сообщений VI международной научной конференции (8–10 октября 2010 года). – М., 2010. – С. 82 – 84.

УДК 81-23

М.С. Кучерявенко

Научный руководитель: доктор филологических наук, доцент А.М. Аматов

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В КАМЕРУНЕ

В данной статье рассматривается проблема классификации камерунского общества, наличие которой объясняется историческими предпосылками. Выявлены и проанализированы причины специфической ситуации конкретной страны. На основе проведенного исследования автором предлагается модель дифференциации уровней камерунского социума и соответствующих им ступеней камерунского варианта английского языка.

Германские языки, социология, история, камерунский английский, вариант языка, пиджин.

The article considers the problem of classification of Cameroonian society, caused by historical background. The reasons of the peculiar situation of the particular country have been discovered and analyzed. The author suggests the model of differentiation of the levels of Cameroonian society on the bases of the research work and the corresponding levels of Cameroonian variant of the English language.

German languages, sociology, history, Cameroon English, language variant, pidgin.

Английский – это язык, который пересек не только национальные, но и континентальные границы и

пустил корни в различных частях мира, это континенты: Северная Америка, Австралия и Новая Зе-

ландия и Африка. Английский язык в Африке является колониальным наследием. Новые нации и постколониальные сообщества так же, как и язык, претерпели изменения под влиянием местных реалий. На всем протяжении пребывания английского языка в Африке его облик менялся, и стандартный английский приобрел новые черты. Наблюдая разницу между нормативным произношением и африканским, вполне естественно задаться вопросом: являются ли жители Африки носителями стандартного английского языка?

Но, говоря о «носителе языка», мы должны понимать, что значения «носитель языка» и «стандартный английский» должны быть определены и разъяснены с учетом того факта, что язык был принят и усвоен согласно контекстным реалиям тех наций, которые на нем говорят. Именно поэтому сегодня выделяют стандартный американский английский, стандартный канадский английский, стандартный австралийский английский и другие варианты.

В настоящее время любой может с уверенностью сказать, что английский язык, который адаптировался в различных постколониальных поселениях, передает окружение, социолингвистику и культуру, и, бесспорно, выражает национально-культурную специфику тех мест, в которых на нем говорят, являясь государственным языком этих стран. Следовательно, говоря о стандартном английском необходимо уточнить языковой вариант.

Если говорить о странах Африки, то примером служат стандартный нигерийский английский, стандартный камерунский английский, стандартный ганский английский и другие варианты. Изменение облика языка в странах Африки указывает нам на то, что английский здесь эффективно используется носителями. Носитель языка – это индивид, для которого конкретный язык является родным [1]. Продолжая эту мысль, мы можем назвать жителей Камеруна носителями английского языка. Но так как британский английский вобрал в себя новые черты, и этот вариант используется ведущими радио и телевидения, то английский приобрел статус стандартного камерунского.

Положение и восприятие английского языка в Камеруне менялись с общим жизненным циклом английского языка в британских колониях в Африке. Несмотря на то, что британцы, которые стояли во главе всех других европейцев, стали господствовать на камерунском побережье только в конце XIX в., Камерун уже ранее встречал англичан.

Фрэнсис Мбасси-Манга, доктор филологических наук, писал о том, что на португальских лодках, первое появление которых датируется 1472 г., когда португальцы «открыли» Камерун, присутствовали англичане. Другие государства, такие как Америка, Австралия, Новая Зеландия, также как и старые колонии, как например, Индия, которые приняли английский как родной, были основаны позже [2].

В течение всего долгого периода «перевозок и переселений» английский язык был просто иностранным языком, на котором говорило довольно малое количество британских моряков, купцов и торговцев. У него был такой же статус, как и у дру-

гих европейских языков на западноафриканском побережье, таких как датский, испанский, немецкий, французский и португальский – они выступали в роли лингва-франка на различных территориях. Долгое время на побережье эту роль играл португальский пиджин, но вскоре его место занял английский пиджин.

Согласно оксфордскому словарю, пиджин – это грамматически упрощенная форма языка, например, английского, датского, португальского, в котором часть элементов взята из местных языков; эта языковая форма используется для общения людей, говорящих на разных языках [8].

Изначальное нежелание британцев колонизировать африканские земли объясняется тем, что англичанам не требовалась территория для поселения. По словам Манфреда Горлака, профессора Гейдельбергского университета, единственной причиной их заинтересованности в Африке была торговля (дело в том, что этот континент мог играть роль опорного пункта на пути к Карибским островам, Индии и Австралии) [4].

Также одним из демотиваторов для британцев было присутствие на побережье москитов, которые являлись разносчиками малярии, ставшей причиной смерти большого количества европейцев. Исходя из этого, уже можно сделать выводы, что англичане не были заинтересованы не только в освоении африканских земель, но и в распространении английского языка.

Тем не менее, вскоре из Сьерра-Леоне, криос, как назывались потомки освобожденных рабов, расселились по различным частям Западной Африки, таким образом, криос вносили свой вклад в распространение форм английского языка.

Влияние на язык также оказывали миссионеры американской пресвитерианской церкви. Они достигли камерунского побережья и продвинулись вглубь страны, проповедуя «Божье слово» среди говорящих на раннем западноафриканском пиджине, который назывался «ВесКос» (Wes Kos) [5].

Следы креольского языка, языка лингва-франка на территории Сьерра-Леоне, могут быть найдены сегодня глубоко внутри страны и даже за пределами религиозного списка: *kasala* – cassava, *natin* – nothing, *hambok* – humbug, *tela* – tailor, *bunga* – fish. И так как стандартная форма английского языка редко использовалась среди местного населения до начала XX в., то господствующим языком общения стал английский пиджин.

По мнению камерунского лингвиста Августина Саймо Бобды, колониальный период начался в 1884 г., когда прошла Берлинская конференция, где Африка была разделена между несколькими колонизаторами. Это был год, когда Камерун получил свой первый опыт в качестве немецкой колонии, так как им был навязан договор о переходе побережья под протекторат Германии. Интересен тот факт, что немцы часто использовали английский во время оккупации, например, некоторые судебные заседания велись на английском языке [2].

Англо-французские войска оккупировали Камерун во время Первой Мировой Войны. Согласно

Версальскому мирному договору 1919 г., Восточный Камерун (большая часть страны) перешел к Франции, а Западный – в качестве подмандатных территорий – к Великобритании и административно вошел в состав колонии Нигерия [3]. Эти годы колонизации совпали с периодом институционализации. Английский язык, тогда предполагалось, присвоит себе роль второго языка, территория использования его станет обширней, и к нему, соответственно, будет больше доступа. Но в практике оказалось, что во время Британской колонизации, английский сохранил позицию иностранного языка и использовался эмигрантами и небольшой местной элитой. Сами же британцы старались сохранить этот статус и, соответственно, даже не подталкивали местное население к овладению стандартной формы их языка, фактически иногда, наоборот, препятствовали этому [2].

В 1920 – 30-х гг. начались антиколониальные выступления африканского населения, которые охватили обе части страны, после чего возникли политические организации, возглавившие вооруженную борьбу против колониальных властей, и вскоре под нажимом международного сообщества Франция предоставила независимость восточной части страны. После создания независимого государства Нигерия (октябрь 1960 г.) в обеих частях Камеруна по решению ООН был проведен плебисцит, в результате которого южные области страны, находившиеся под управлением Великобритании, были воссоединены с Республикой Камерун. И 1 октября 1961 г. была образована Федеративная Республика Камерун (ФРК) [9].

Проследив историю вторжения англичан и английского языка на территорию Камеруна, мы можем видеть события, которые объясняют, почему английский язык все еще на пути приближения по своим грамматическим, лексическим и фонетическим особенностям к британскому английскому.

Сегодняшний стандартный камерунский английский является результатом безразличия британцев к образованию в Камеруне на всем протяжении их колонизации. Такое отношение вело к развитию английского пиджина наравне с местными языками Камеруна. Как англичане, так и немцы относились к английскому пиджину как к «негритянскому английскому». Их пренебрежение закрепило позицию английского пиджина как линва-франка среди камерунского населения, а потому не стоит удивляться тому, что английский пиджин используется гораздо чаще, чем стандартный камерунский английский.

В XXI в. Камерун – это страна, говорящая на двух государственных языках: английском и французском. В то время, как уровень грамотности на французском языке значительно выше во франкоговорящих городах, грамотность в английском языке в англоговорящих городах относительно низкая, об этом писал Августин Саймо Бобда. Он также отметил, что большая часть населения в англоговорящих городах говорит на английском пиджине [2].

На протяжении нескольких веков статус и восприятие английского языка менялись. В начале третьего тысячелетия его восприятие населением Камеруна продолжает оставаться неоднозначным.

Например, этнический англофон видит английский как символ колониального прошлого, и в тоже время, как символ объединения этнических групп, которые используют английский язык для того, чтобы высказывать и защищать свои интересы в политической, социальной, инфраструктурной и других сферах жизни. То есть патриотизм не играет никакой роли в изучении английского языка, оно несет в себе личный интерес, так как английский язык дает больше образовательных и профессиональных возможностей, особенно при выезде за границу.

Несмотря на то, что государство настаивает на том, чтобы модель «родного английского» стала целью в процессе обучения английского языка как иностранного и второго иностранного языка в Камеруне, никто не считает особенности стандартного английского языка престижными. Некоторые, наоборот, относятся к этому как к чему-то недостойному: профессор университета города Яунде Пол Нкад Мбангвана рассказывает о том, что камерунцы относятся к изучению английского как родного языка с малым энтузиазмом [7].

В этой ситуации, когда стандартный английский, который официально продвигают в камерунское общество, не воспринимается большинством говорящих как престижный вариант языка, возникает вопрос: возможно ли говорить о социальной дифференциации английского языка. Прежде, чем ответить на этот вопрос, необходимо описать социальную структуру Камеруна.

Каждое общество имеет конкретную социально-экономическую ситуацию, которая не может быть рассмотрена в другой обстановке. Понятие социального статуса, которое четко отражает западное общество, для Камеруна является чуждым. Фактически такие выражения, как «крупная буржуазия», «интеллигенция», «аристократия», «рабочие» и др. нечасто используются для того, чтобы отнести говорящего к определенной группе общества. Если попробовать применить модель профессора Ланкастерского университета Мухаммеда Мунзали Джибрила, которую он называет социально-экономической классификацией: основание пирамиды, которым является остаточная масса на дне пирамиды, суб-элиты – середина пирамиды и элиты – верхушка пирамиды, то станет очевидно, что эта модель не является убедительной в отражении социальной структуры Камеруна, так как не существует четких критериев, которые могут разместить говорящих на разных ступенях социальной лестницы [7]. Дело в том, что ни род занятия, ни богатство не являются определяющими факторами.

Африканское общество характеризуется nepoтизмом, военной диктатурой и кумовством (фаворитизмом). В такой атмосфере существует тенденция к тому, что люди занимают такие должности, как директора и менеджеры больших корпораций, не имея при этом необходимого образования, а соответственно, и навыков. Общепринятым является то, что многие люди с высшим образованием являются безработными и не надеются получить какую-либо значимую работу в ближайшем будущем. Это может быть результатом того, что у них нет покровителей, как часто говорят, которые могли бы поспособство-

вать их попыткам в поиске работы, которая бы соответствовала их образованию. Вместо этого люди с высшим образованием зарабатывают на жизнь физической силой, а не интеллектуальными способностями.

Таким образом, те, кто являются носителями стандартного камерунского английского, а в основном это образованная часть населения, могут занимать различные социальные статусы, наравне с носителями пиджина.

Если применить к камерунской социальной структуре теорию профессора Пеннсильванского Университета Уильяма Лабова «О типах речевого поведения», согласно которой, люди, заинтересованные в восходящей мобильности, воспринимают нормы и речевые особенности группы с более высоким социальным статусом, то становится очевидным, почему область использования стандартного камерунского английского не расширяется. Все дело в том, что в каждом пласте общества могут находиться как владеющие стандартным английским, так и пиджином, т.е. конкретного примера для подражания и стремления у жителей Камеруна нет [6].

Поэтому Нгефак предлагает использовать модель социальной структуры, которая отражает действительную ситуацию в Камеруне, основанную на уровне образования, а не на роде занятия, как предлагает теория У. Лабова, чтобы выделить в обществе слои.

Следует отметить, что образование в Камеруне – это важный источник силы. Те, кто достигли определенного уровня образования, вне зависимости от того работают они или нет, пользуются уважением и почетом. Выражение «Знание – сила» часто используется большинством камерунцев, которые считают, что образование значительно влияет на позицию, занимаемую в обществе. Это говорит о том, что модель социальной структуры, определяемая уровнем образования, в действительности отражает структуру общества Камеруна. Поэтому неудивительно, когда камерунцы стараются узнать уровень образования человека, занимающего высокую должность.

Модель социальной структуры, основанная на уровне образованности населения, состоит из 6 классов (см. рисунок).

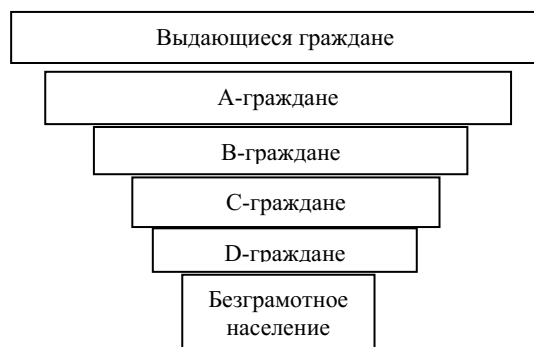

Рисунок. Модель социальной структуры, основанная на уровне образованности населения

Социальный класс с самым высоким статусом называется «выдающиеся граждане». Те, кто входят в

эту категорию, имеют докторскую степень или квалификацию эквивалентную ей. В этом случае можно быть привилегированными или малоимущими выдающимися гражданами.

Следующая социальная категория в нисходящем порядке – это А-граждане. Те, кто входят в эту категорию, имеют степень бакалавра или магистра.

Категория В-граждан – это следующая ступень после «категории А». В нее входят граждане, имеющие аттестат об общем образовании или диплом бакалавра о полном среднем образовании (для франкоговорящих камерунцев).

Нижеследующей является категория С-граждан. Минимум, который должен иметь тот, кто в нее входит, это аттестат зрелости или диплом об окончании средней школы (для франкоговорящего населения).

Следующая социальная ступень – это D-граждане, имеющие свидетельство об окончании начальной школы.

И последняя социальная ступень в этой модели – это «безграмотное население», которую составляют камерунцы, не получившие никакого образования.

Таким образом, мы видим, что уровень образования является показателем, на основе которого выделяются категории людей, разбросанные по различным экономически обусловленным ступеням общества. И если в Европе знание английского языка характерно для людей с высоким статусом и это знание является престижным, то в Африке английский язык знают представители всех ступеней общества, но уровень владения языком разный. Выделить специфику какой-то отдельной группы невозможно, потому что английский язык социально не дифференцирован: в каждой группе людей, как выяснилось, владеющие английским пиджином и стандартным камерунским английским смешаны.

История английского языка, которая показала многолетнее пренебрежение англичан не только к населению, но и к языку, объясняет, почему английский язык оказался в немилости у камерунцев, почему они так и не приняли этот язык как родной, и, соответственно, он не стал признаком дифференциации ни одной из социальных групп.

Литература

1. Жеребило, Т.В. Термины и понятия лингвистики: Общее языкознание Социоллингвистика Словарь-справочник / Т.В. Жеребило. – Назрань. – 2011.
2. Bobda, A.S. Varying Statuses and Perceptions of English in Cameroon A diachronic and synchronic analysis/ A.S. Bobda // Internet-Zeitschrift für Kulturwissenschaften. – 2001. – № 11. – URL: <http://www.inst.at/trans/11Nr/bobda11.htm>
3. Ehiedu, E.G. The colonization of Africa Africana Age / E.G. Ehiedu // Hunter college. – URL: <http://exhibitions.nypl.org/africanaage/essay-colonization-of-africa.html>
4. Gorlach, M. More Englishes // M. Gorlach // John Benjamins Company. – Amsterdam, 2002.
5. Hilde, A. Missionaries and Colonization - The Lecture and Culture of Zimbabwe / A. Hilde // University of Oslo. – URL: <http://www.postcolonialweb.org/zimbabwe/religion/arntsen3.html>
6. Labov, W. The Social Stratification of English in New York City / W. Labov // Washington D.C. – 1996. – URL: <http://www.stanford.edu/class/linguist62n/labov001.pdf>

7. Ngefаc, A. Linguistic Variants as Signals of Social Hierarchy: The Ambiguous Situation of Cameroon/ A. Ngefаc // Philologie im Netz. – 2006. – URL: <http://userpage.fu-berlin.de/~phin/phin35/p35t2.htm>

8. Oxford Dictionaries. – URL: <http://oxforddictionaries.com/>

9. Salikoko, S.M. Colonization, Globalization and Language Vitality in Africa: An Introduction / S.M. Salikoko, B. Céile // Continuum Press. – London. – 2008. – URL: http://humanities.uchicago.edu/faculty/mufwene/publications/Colonization_Globalization_Lg_Vitality_in_Africa.pdf

УДК 001.4

Н.С. Лебедева

«АРГУМЕНТ» КАК ТЕРМИН И ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Понятие «аргумент» – одно из ключевых в науке. Необходимые свойства аргументов по-разному определяются теоретиками формальной логики и ораторского искусства в связи с тем, что к ходу доказательства в научных исследованиях и в политике, юриспруденции предъявляются неодинаковые требования. В обиходе слово «аргумент» не менее популярно, чем в науке. Здесь оно теряет терминологическую точность, приобретает новые оттенки смысла. Проблема многозначности слова «аргумент» анализируется в данной статье.

Термин, общеупотребительное слово, полемика, логический аргумент, риторический прием.

The notion "argument" is considered to be the key one in the science. The word is polysemantic and it's used in different means in theoretical works of philosophy, logic and rhetoric, in political polemic and legal proof. In common parlance the word "argument" is not less popular than in science. Here it loses the terminological accuracy and gets new shades of meaning. The problem of polysemy of the word "argument" is analyzed in this article.

Term, common word, polemic, logical argument, rhetorical speech.

«Аргумент» – это термин в нескольких гуманитарных науках, а в бытовом общении терминологическое значение этого слова сменяется общеязыковым, менее строгим. Б.Н. Головин и Р.Ю. Кобрин называют следующие характерные признаки терминологии: «Значение слова-термина соотносит его прежде всего не с отдельным предметом, а с их классом», «значение слова-термина соотносит его с профессиональным научным или техническим понятием», тогда как «значение слова-нетермина соотносит его не только с бытовым понятием или общим представлением, но и с эмоцией, волевым импульсом, эстетическим переживанием» [4, с. 43]. Кроме того, термин требует дефинирования, слово-нетермин допускает дефинирование, но не требует его. И, наконец, термины чаще обозначают отвлеченные от действительности понятия. Эти признаки рассматриваются лингвистами в разных аспектах. Свойства терминов, «которые именно сближают их с обычными словами и словосочетаниями, – подверженность семантическим процессам, неопределенность и размытость семантических границ, зависимость смыслового содержания от условий функционирования» [3, с. 4]. При этом «стилистическая нейтральность терминов подвергается сомнению на основе фактов их функционирования», а «наличие дефиниции у термина не является его специфическим свойством, так как присуще и словам общеупотребительного языка» [3, с. 65]. С.Н. Виноградов заключает: «Может лишь говорить о некоторых тенденциях, отличающих терминологическое значение от общеупотребительного, терминологическую дефиницию от толкования слова...» [3, с. 65].

Применительно к понятию «аргумент» проблема разграничения свойств термина и общеупотребительного

слова особенно интересна, поскольку термин «аргумент» употребляется в разных науках и профессиональных сферах деятельности: в формальной логике и философии, в риторике и психологии, в политике и юриспруденции. Кроме того, слово «аргумент» часто встречается в повседневном общении. Терминологическое значение в данном случае приобретает и теряет разные семантические оттенки и когда понятие «аргумент» используется в профессиональной среде, и когда используется как общеупотребительное слово.

История термина «аргумент» связана с развитием философии и ораторского искусства, в частности, – полемики и ораторского искусства в Древней Греции. Теория аргументации разрабатывалась еще Протагором в трудах «Противоположные аргументы» и «Истина». Довольно быстро в учениях об ораторском искусстве сформировались две противоположные точки зрения. Софисты утверждали, что мудрость – это умение убеждать, каждый имеет право отстаивать свою позицию, используя разнообразные уловки. Другие философы, в частности, Платон, Аристотель, порицали споры, в которых целью не является поиск истины, в которых собеседники дорожат только своим мнением или даже пытаются обмануть друг друга. Соответственно, софисты рекомендовали в спорах больше внимания обращать на убедительность, а их противники – на логичность доказательства. В философских трудах древнегреческих мыслителей были сформулированы требования к логическому рассуждению. В ходе дискуссии или полемики выдвигается тезис – положение, которое требуется доказать, затем тезис обосновывается с помощью аргументов – положений, истинность которых уже доказана. В современных словарях философских и логических

терминов даются определения, по смыслу близкие к следующему: «Аргумент (лат. *Argumentum* – логический довод, основание доказательства) – мысль, истинность которой проверена и доказана практикой и которая поэтому может быть приведена в обоснование истинности или ложности другого положения» [5, с. 49].

Авторы пособий по риторике подчеркивают, что во время дискуссии или полемики участники при всем желании не могут опираться только на законы формальной логики. Дело в том, что аргументы в ходе спора могут дополняться, уточняются и изменяются. «При оценке аргументации приходится обращаться к вероятностным способам рассуждений (индукция, аналогия, статистика)» [9, с. 42]. Кроме того, обычно аудитория изначально настроена согласиться с тезисом или опровергнуть его. В ходе спора от этого обстоятельства зависит количество и доказательность аргументов. Когда оратор выступает перед аудиторией, участвует в полемике, «помимо установления истинности положения, которое аргументируется, обосновывается также целесообразность его принятия, его важное значение в данной жизненной ситуации...» [1, с. 18]. В связи с этим очевидно, что значение термина «аргумент» в риторике шире, чем в логике. В логике аргумент – только доказательство того, что тезис соответствует реальности. Выступающий стремится собеседников «сделать своими единомышленниками, сопричастными жизненным программам и действиям, вытекающим из доказываемого тезиса» [1, с. 11].

Нужно отметить, что специалисты в области ораторского искусства по-разному определяют объем и содержание понятия «аргумент». К.Г. Павлова подчеркивает, что термин «аргумент» уместен только в том случае, если положение, выдвигаемое в качестве аргумента, соответствует всем требованиям формальной логики. В книге «Искусство спора: логико-психологические аспекты» сказано: «Убедительное рассуждение может быть недоказательным... Аналогия не аргумент, но психологическое воздействие ее несомненно...» [7, с. 47]. К.Г. Павлова отдельно рассматривает софистические споры, в которых «вывод не следует из посылок, и потому является ложным или недоказанным» [7, с. 44]. В таких спорах используются «психологические nepазволительные приемы». К ним автор относит «ссылку на авторитет», «палочный прием», суть которого – угрозы, «доказательство к публике». Участники софистического спора «вызывают чувство гнева, сострадания, насмешки, паники и прочее и на этом фоне приводят слушателей к заданному выводу...» [7, с. 59].

Приемы воздействия на слушателей, которые К.Г. Павлова называет «nepазволительными», в некоторых современных учебных пособиях определяют как «психологические аргументы». Например, в учебнике «Русский язык и культура речи» Л.А. Введенской, Л.Г. Павловой, Е.Ю. Кашаевой сказано: «Необходимо учитывать, что психологические аргументы могут быть использованы недобросовестными людьми в качестве уловок и спекуля-

тивных приемов» [2, с. 138]. В качестве таковых авторы называют «аргумент к силе», «аргумент к выгоде», «аргумент к состраданию» и др. Слова «аргумент» и «довод» авторы этого пособия употребляют в одном значении: «Психологические доводы практически могут затрагивать любые чувства, помогая добиться желаемого результата» [2, с. 138]. В учебнике О.В. Петрова «Риторика» значение терминов трактуется по-другому: «Довод» в логике – это аргумент, «довод» в риторике – это не только аргумент, но и обоснование целиком» [8, с. 206]. Г.А. Брутян обращает внимание на то, что не только в житейских ситуациях, но и в профессиональной, политической полемике аргументы, доводы не обязательно соответствуют определениям, данным в учебных пособиях по логике или риторике. В некоторых ситуациях аргумент бывает выражен даже невербально: «Не только сила, но и всякое иное действие может не только придать убедительность аргументам, но и само выступать в роли аргумента...» [1, с. 23]. Таким образом, на данный момент ученые не пришли к единому мнению, обозначая дефиницию термина «аргумент». Как правило, в зависимости от контекста актуализируется одно из двух значений: 1. Аргумент – необходимое положение в логическом доказательстве. 2. Аргумент – стимул к принятию какого-либо решения, к действию.

Слово «аргумент» в разговорной речи воспринимается как общепотребительное. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова дается определение: «Аргумент... – 1. Довод, доказательство. 2. В математике: независимая переменная величина, от изменения которой зависит изменение другой величины (функции)» [6, с. 27]. Анализ разнообразных устных высказываний убеждает в том, что слово «аргумент» употребляется не только в этих значениях. Пример из студенческой самостоятельной работы: «Футбол лучше, чем другие виды спорта. Эта игра требует прекрасной физической подготовки, развивает интеллект. Кроме того, это командная игра, она учит работать в коллективе». В этом доказательстве автор приводит логические аргументы. Довольно часто в разговорной речи используются приемы психологического воздействия. Пример: «Разве вас не учили, что бросать мусор нужно в урну? Люди, посмотрите на него, он мусорит!» По сути, это известный с античных времен «аргумент к публике». Интересно, что нередко в неформальных речевых ситуациях аргументом называют просто собственное мнение, которое не содержит логического доказательства и, в то же время, не является ни одним из действенных психологических приемов, рекомендуемых в учебных пособиях по риторике. Например, в автобусе два пассажира говорят о выборах: «Знаешь, Василий, надо голосовать за коммунистов! Это сильная партия, она нам даст стабильность...» – «Отстань от меня! Мне не нравится то, что ты говоришь! Не хочу и не пойду голосовать!». Позже один из собеседников поясняет, что «не хочу и не пойду» – это аргумент в споре. В Интернете помещен отзыв посетительницы парфюмерного магазина, в котором есть такие слова:

«Естественно, сразу нашлось много аргументов в пользу покупки помады. Во-первых, скоро зима, нужно защищать губы от ветра. Во-вторых, цвет красивый. И самый главный аргумент – «Хочу эту помаду!» Оказывается, довольно часто в повседневном общении в качестве аргумента высказывают просто собственное пожелание. Это отличает употребление слова «аргумент» в разговорной речи.

Таким образом, рассмотренные примеры дефинирования термина и общеупотребительного слова «аргумент» в научной сфере и в повседневном общении показывают, что представления о необходимых свойствах аргументов и, соответственно, о системе доказательства многообразны, на них влияют традиции формальной логики, философии, риторики, психологии. Проведенный анализ словоупотребления помогает определить качества аргумента как логической категории и избежать двусмысленности, логических ошибок в ходе доказательства.

Литература

1. Брутян, Г.А. Аргументация / Г.А. Брутян. – Ереван, 1984.
2. Введенская, Л.А. Русский язык и культура речи / Л.А. Введенская, Л.Г. Павлова, Е.Ю. Кашаева. – Ростов н/Д., 2005.
3. Виноградов, С.Н. Термин как средство и объект описания (на материале русской лингвистической терминологии) / С.Н. Виноградов. – Н. Новгород, 2005.
4. Головин, Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – М., 1987.
5. Кондаков, Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – М., 1975.
6. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М., 1985.
7. Павлова, К.Г. Искусство спора: логико-психологические аспекты / К.Г. Павлова. – М., 1988.
8. Петров, О.В. Риторика: Учебник / О.В. Петров. – М., 2009.
9. Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – М., 2001.

УДК 409.35

О.В. Мурашова, С.А. Соловьева

КОММУНИКАТИВНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ И ВИРТУАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Настоящая статья представляет собой попытку ответить на вопросы: можно ли рассматривать виртуальную коммуникацию подростков как альтернативную среду общения, способствует ли она формированию необходимых для реального общения коммуникативных компетенций ребенка.

Коммуникативная компетенция, виртуальная коммуникация, Skype-коммуникация, игровое общение, виртуальная языковая личность, ролевое поведение подростков.

In this article we tried to answer several questions: if it is possible to consider teenagers' virtual communication as an alternative communication environment; whether it helps to form communicative competence required for face-to-face communication or not.

Communicative competence, virtual communication, skype-communication, game chatting, virtual linguistic identity, teenagers' role behavior.

Активное лингвистическое изучение электронной коммуникации началось совсем недавно, однако, уже намечены определенные направления в рассмотрении графических, лексических и текстовых характеристик компьютерного дискурса (Л.Г. Антонова, М.Б. Бергельсон, Е. Брейдо, Е.Г. Буторина, А.Е. Войскунский, Е.Н. Галичкина, Е.И. Горошко, О.И. Ермакова, Е.С. Жуленова, Е.А. Земская, Л.А. Капанадзе, О.А. Кармызова, П.В. Лихолитов, Е.В. Лушникова, Н.Л. Моргун, Г.П. Нешищенко, Н. Петрова, Г.Н. Трофимова, Е.И. Шейгал и др.).

Неоспоримым фактом является сегодня то, что Интернет – это колоссальный источник информации из всех, которые знало человечество. Но такие его возможности, как оперативность, быстрота и доступность связи между пользователями на дальних и близких расстояниях, позволяют использовать Интернет не только как инструмент для познания, но и как инструмент для общения.

Общение посредством Интернета имеет свою

специфику. Зачастую пользователи презентуют себя с иной стороны, чем в условиях реальной социальной нормы, проигрывают не реализуемые в повседневной жизни, в деятельности вне сети роли, сценарии ненормативного поведения [2, с. 63].

Основными причинами обращения к Интернету как инструменту общения для взрослых и детей являются: 1) недостаточное насыщение общением в реальных контактах; 2) возможность реализации качеств личности, проигрывания ролей, переживания эмоций, по тем или иным причинам фрустрированных в реальной жизни. Подобная возможность обусловлена такими особенностями общения посредством сети, как возможная анонимность, нежесткая нормативность, своеобразие процесса восприятия человека человеком, а также желанием переживания тех или иных эмоций [2, с. 64].

Накопление детьми и подростками опыта разнообразного ролевого поведения способствует формированию навыка владения языком в различных ком-

муникативных условиях. Приобретение и применение этого опыта возможно в игровой деятельности, в условиях которой реализуется весь усвоенный ребенком ролевой репертуар, а, следовательно, и его коммуникативные умения и навыки. Так популярные сегодня среди подрастающего поколения Интернет-игры дают ребенку огромные возможности «примерить» на себя разные роли, ощутить себя в различных образах. Однако Интернет-игра уже предполагает заложенные в нее разработчиками определенные роли и способы их распределения, поэтому, выбирая для себя образ того или иного героя, ребенок, с одной стороны, действует в рамках определенной поведенческой модели; с другой стороны, выбор этой модели осуществляется им вполне осознанно, в соответствии с личностными потребностями в самореализации.

Участие в Интернет-игре происходит в совокупности с формированием виртуальной картины мира, в том числе и языковой, отражающей жизнь в пространстве Интернет с ее специфическими особенностями:

1. Меняется характер группового общения.
2. Происходит изменение ценностей – компьютерное образование ценится больше языкового, поэтому считается особым шиком изъясняться упрощенным языком, противоречащим нормам обычного общения.
3. Использование специфической компьютерной лексики становится «средством самовыражения участников коммуникации и служит укреплению корпоративного единства» [3, с. 57].
4. Внутри пространства образуются более мелкие сообщества, в которых проявляется языковая личность в разных ипостасях. Как и в реальной жизни, пользователь исполняет ряд ролей, но эти роли находят иное выражение.
5. Специфически проявляется нарушение допустимых норм поведения, в том числе и языкового [6, с. 37].

Таким образом, новая коммуникативная среда влечет за собой и появление нового типа языковой личности – виртуального.

Обратимся к особенностям виртуальной коммуникации младших школьников в ходе Интернет-игры с использованием Skype. Материалом для исследования послужили текстовые материалы Skype-коммуникации учеников четвертого класса школы № 21 г. Череповца. Сбор материала проводился в течение года. Единицей анализа стали диалогические единства Skype-коммуникации, зафиксированные в виде письменных текстов. Особый интерес для нас представили записи, сопровождающие процесс включения участников в игру и выход из нее.

Коммуникация при этом рассматривается нами как направленная связь, процесс передачи информации от одного лица другому и ее восприятия последним. Это принципиально симметричный процесс, который автоматически подразумевает состояние, при котором мнение, ценности, ассоциативные ряды другого воспринимаются как собственные. Эффективность коммуникации определяется изменением поведения или установки человека.

В ситуации Skype-коммуникации у коммуниканта имеется возможность видеть собеседника, разговаривать с ним устно и одновременно отправлять ему письменные сообщения. Уникальность подобного рода общения заключается в том, что ребенок, находясь в условиях живого общения со сверстниками, может одновременно не просто вести диалог, но и играть в Интернет-игру. Таким образом, моделируется общее коммуникативное пространство, в которое погружено несколько игроков, общающихся не только посредством самой игры на уровне распределения ролей, но и вербально. Ребенок находится в условиях глубокого погружения в виртуальный игровой коммуникативный процесс, испытывая воздействие информации на все каналы восприятия (слуховой, зрительный, тактильный).

Язык Интернета, сочетая в себе признаки устной и письменной формы речи, отличается от обеих из них. Это средство коммуникации может делать то, что другие средства делать не могут, следовательно, его надо рассматривать как новый вид коммуникации. Так, например, в Skype коммуникация осуществляется в реальном времени, что позволяет провести аналогию с устной беседой, участники которой излагают свои мысли в письменной форме. Письменная речь традиционно обладает целым рядом особенностей по сравнению с устной: она более подготовлена, развернута, средства организации внутритекстовой связи имеют для нее важное значение. В Интернете же письменный текст, по сути, начинает обслуживать устное общение коммуникантов.

Исследователь Д. Кристал охарактеризовал сущность этого вида коммуникации оригинальной формулой: «устная форма речи + письменная форма речи + признаки, опосредованные компьютером» [Цит. по: 5, с. 133]. Это средство общения больше, чем просто гибрид письма и речи. Электронные тексты не похожи на другие тексты. Они обнаруживают непостоянность, синхронность (будучи доступны на многих компьютерах сразу), они обладают проницаемыми границами (из-за возможности текста быть объединенным внутри других текстов или содержать ссылки на другие тексты). Все эти особенности накладывают отпечаток на язык, и вместе с признаками, свойственными устной и письменной форме речи, делают язык Интернета настоящим третьим средством общения [1].

Письменный канал связи в нашем случае не только обеспечивает коммуникацию между игроками, но и служит целям конспирации и защиты, так как, во-первых, сетевое игровое общение школьников осуществляется преимущественно поздно вечером и не поощряется старшими, а устная форма общения юных игроков привлечет внимание их родителей и приведет к преждевременному окончанию игры; во-вторых, подростки прекрасно понимают, что недоверие взрослых может вызвать и сам язык компьютерного общения. Таким образом, коммуниканты являются не просто соучастниками игры, а в некотором смысле – заговорщиками, обладающими общей тайной и общим кодом общения, что лишь усиливает их интерес к игре.

Приведем пример сетевого общения четверо-

классников (текст приводится без изменений и правки).

16.04.2013 21:06:10 пропущенные звонки от Андрей

21:08:58 Андрей: позвонит можеш ?

21:25:10 Андрей: алё, алё

16.04.2013 21:27:11 Кирилл: сплю

16.04.2013 21:29:11 Андрей: Drprover

16.04.2013 21:30:01 Кирилл:) прива

16.04.2013 21:32:12 Андрей: играеш?

16.04.2013 21:34:11 Кирилл: yess

16.04.2013 21:39:01 Андрей: зайдеш в майл

16.04.2013 21:40:03 Кирилл: да у дома

16.04.2013 21:40:11 Андрей: у миня железный шит есть

16.04.2013 21:55:19 Кирилл: :)

16.04.2013 22:11: 20 Андрей: блин

16.04.2013 22:29:11 Кирилл: Кидай прогу

22.29:13 Ау

22.29: 15 Что с ней делать?

16.04.2013 22:29:18 Андрей: ХЗ

16.04.2013 22:29:20 Кирилл: dbltj cvjnh. (набрано на латинице видео смотри)

Ок. сплю.

16.04.2013 22.29:24 Андрей: О_о_О пок.

Это лишь одна из целостных коммуникативных ситуаций, композиционно вполне соответствующая классическим требованиям. Вероятно, все высказывания в условиях Skype-коммуникации можно считать полноценными речевыми актами, включая и те, которые направлены на виртуальные (игровые) объекты. Возникающий дискурс, понимаемый в данном случае как текст, погруженный в ситуацию игрового общения, характеризуется наличием семантических, синтаксических, лексических и интонационных внутритекстовых связей. Безусловно, в потоке речи, особенно спонтанной, становятся актуальными такие показатели связности речи, как компрессия, редукция. Степень контроля за собственным речевым поведением игроков становится минимальной, в то время как вовлеченность в процесс максимальна.

Оставляя за рамками данного исследования нормативный языковой аспект сетевых диалогов, обратим внимание на их коммуникативный аспект.

Интересным фактом является использование здесь одним из коммуникантов сокращения общенного выражения. Его адресат охотно принимает на себя роль «переводчика» и «шифровальщика» и в качестве реакции на эту реплику предлагает свой вариант «загадки» – кодированное написание русских слов в режиме набора латиницей. С одной стороны, первая реплика данного диалогического единства обусловлена тем, что игра, вероятно, заканчивается поражением, отсюда негативная реакция первого коммуниканта и быстрая утрата интереса к игре второго; с другой – налицо желание игроков усложнить задачу, связанную не только с поиском необходимой информации, но и с необходимостью раскодировать текст послания, иными словами – расширить игровое пространство за счет привлечения языковой игры.

Коммуникативный процесс происходит в данной ситуации на грани реальной и виртуальной реальностей. Каждый выход в программу Skype уже можно рассматривать как проявление коммуникативной интенции говорящего, составляющей основу речевого процесса. Причем момент включения в игру воспринимается участниками коммуникации как осознанный акт:

16.04.2013 21:39:01 Андрей: зайдеш в майл

16.04.2013 21:40:03 Кирилл: да у дома

Использование локатива В.п. в майл в контексте глагола *зайдеш* формирует у отвлеченного существительного вполне конкретное значение, усиливающееся в контексте реплики собеседника *да у дома* (место игрового старта).

Если обратить внимание на временные промежутки между последующими репликами, то видно, что коммуникативная ситуация развивается достаточно спокойно. Распределение ролей между участниками игры вполне прозрачно. Это отражается и на графическом уровне (использование смайлика как проявление снисходительности).

Ситуация накаляется с 22:29:11. Реплики становятся более частыми, эмоциональными.

16.04.2013 22:29:11 Кирилл: Кидай прогу

22.29:13 Ау

22.29:15 Что с ней делать?

16.04.2013 22:29:18 Андрей: ХЗ

16.04.2013 22:29:20 Кирилл: dbltj cvjnh. (набрано на латинице «видео смотри»)

Ок. сплю.

Интенсивность речевых реакций возрастает, как видно из содержания диалога, после момента вступления коммуникантов в игру. Меняется и эмоциональная нагруженность их лексики. Появляются смайлики, инвективы.

Анализ приведенного выше и других текстов, явившихся результатом игрового Skype-общения школьников, демонстрирует и разнообразные формы выражения интенциональных направленностей подростков, которые ими уже хорошо усвоены в реальном общении:

1. Заинтересованность в общении, установление контакта (играеш? поиграем? Что делаешь?).

2. Захват инициативы, противостояние, нежелание учитывать интересы партнера:

Flower: Кирилл, я стобой никогда не буду больше играть, общаться, общаться в школе, и т.д.

Кирилл: Я знаю

Кирилл: Я знаю, так что ты имей ввиду...

Flower: М н е пофиг... Вот это

3. Инициативное поведение, выдвижение правил, организация совместных действий:

Пахан нархов: привет в варфейс будеш

Кирилл: я не буду

Пахан нархов: а чё

Давай играть в варфейс

4. Прекращение общения:

Пахан нархов: чё делаешь

Кирилл: давай завтра поиграем я спать)
 5. Согласие с партнером, мирное развитие событий:
 Кирилл: зайдешь? (в скайп)
 Flower: no
 Flower: заходила 15 минут назад...
 Кирилл: (
 Кирилл: прости
 Кирилл: простишь?
 Flower: o.o.
 6. Самозащита:
 Кирилл: завтра поиграем?
 Flower: завтра такого слова нету в русском языке, есть слово «Завтра»
 Кирилл: я знаю, я просто тороплюсь.

Таким образом, Skype-коммуникация, по сравнению с другими формами сетевого общения, не является фикцией или «иллюзией» [4], а максимально приближена к реальной коммуникации. Однако, несмотря на то, что современные технологии предоставляют огромные возможности для общения и с самого раннего возраста становятся доступны многим детям, говорить о существенном влиянии их на развитие коммуникативных компетенций ребенка считаем преждевременным.

Находясь в условиях виртуального пространства, ребенок испытывает определенные ограничения, связанные с темпом набора слов на клавиатуре, необходимостью переключения из одной системы знаков в другую, несформированностью навыков грамотного письма, неумением контролировать письменную речевую деятельность.

Скype-коммуникация подростков посредством видеокамеры может снять эти ограничения, однако существенно обедняет коммуникативную и речевую компетенции юных пользователей сети однород-

ность их общения, связанная с особенностью мотивации – поиграть, а не пообщаться.

Отсутствие активной речевой практики в различных средах затрудняет полноценное формирование коммуникативных компетенций подростка. Считаем, что только живое, не виртуальное соприкосновение с различными коммуникативными средами может сформировать у ребенка языковое чутье, способствовать усвоению общепринятых коммуникативных норм и гибкости в выборе стратегий и тактик общения.

Литература

1. Ахренова, Н.А. Интернет-дискурс как глобальное межкультурное явление и его языковое оформление: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Н.А. Ахренова. – 2009. – URL: http://dibase.ru/article/24082009_akhrenova_na/3
2. Виноградова, Т.Ю. Специфика общения в Интернете / Т.Ю. Виноградова // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. – Казань, 2004. – С. 63 – 67.
3. Долуденко, Е.А. Англицизмы в русскоязычном компьютерном жаргоне / Е.А. Долуденко // Лингвистика. Перевод. Межкультурная коммуникация. – Пятигорск, 1999.
4. Завьялова, З.С. Интернет-технология – улучшенный способ конструктивного диалога или инструмент создания и умножения иллюзии коммуникативного акта? / З.С. Завьялова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. – № 4. – С. 62 – 68.
5. Иванова, Т.С. Речевое поведение Интернет-общения / Т.С. Иванова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 2: Филология и искусствоведение. – 2011. – № 3. – С. 132 – 136.
6. Леонтович, О.А. Проблемы виртуального общения / О.А. Леонтович. – 2000. – URL: [http://septemberfox.ucoz.ru/biblio/leontovich.html\(lfnt](http://septemberfox.ucoz.ru/biblio/leontovich.html(lfnt)

УДК 811.112.2

Е.А. Пудова

СИНОНИМИЧЕСКИЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ ЗАПАДНОЙ ГЕРМАНИИ

Работа посвящена анализу синонимических обозначений западной Германии. К анализируемым объектам относятся следующие лексемы: *Westen, West, Westdeutschland, alte Bundesländer, Bundesrepublik* и контекстуальные обозначения.

Западная Германия, значение, синоним.

The article is devoted to the analysis of synonymic naming of West Germany before and after the German reunification – 1990. The main objects of the article are the following lexemes: *Westen, West, Westdeutschland, alte Bundesländer, Bundesrepublik* and contextual designations.

West Germany, meaning, synonym.

Синонимические отношения слов отражают сложное восприятие человеческим мозгом объектов действительности, переработку информации о них на основе сравнения с другими объектами или с теми же самими, но в других условиях. Выбор того или иного синонима из синонимического ряда для обозначения одного и того же объекта отражает влияние

экстралингвистических факторов: ситуации, в которой человек сталкивается с объектом, его предварительных знаний об объекте, его собственных, а чаще навязанных ему стереотипов по отношению к объекту, его собственных особенностей восприятия. Единого, всех устраивающего определения синонимов (гр. *synonymos* – соименный, одноименный) нет.

Процесс появления синонимов тесно связан с осмыслением человеком окружающего мира, со способностью индивида воспринимать и номинировать сходства и отличия предметов и явлений, поэтому синонимическая структура языка представляет собой систему, существующую на основе тождества и отличий. Несмотря на большое количество исследований, нет общего понимания, что входит в само явление синонимии. Различие между синонимией и несинонимией весьма неопределенно (*vague*) [4, с. 266]. Первый и основной критерий выявления синонимических отношений у двух и более языковых и речевых единиц – совпадение значений. Долгое время синонимия рассматривалась как полная идентичность значений двух или более слов/словосочетаний, но такой подход подразумевает полную идентичность означаемых при несовпадении означающих, при этом вычислить, являются ли означаемые идентичными, представляется не всегда возможным, особенно если объект – абстрактное понятие. Более эффективным для исследования феномена синонимии представляется критерий не совпадения значений, а большей или меньшей их схожести. В.Г. Вилломан считает, что синонимы не бывают «абсолютно однозначными», они близки семантически и функционально, но «их эквивалентность всегда частична» [2, с. 74].

Синонимы, как и другие элементы языка, подчиняются принципу системности и образуют группы слов и словосочетаний – синонимические ряды. Синонимический ряд охватывает выражения, которые подчинены одному сверхпонятию, основой ряда выступает обычно слово-доминанта – наименее стилистически и экспрессивно окрашенный, наиболее частотный синоним, в структуру значения которого входит максимально возможный общий набор сем – компонентов значения. Все остальные компоненты синонимического ряда располагаются на большем или меньшем удалении от доминанты – в зависимости от большего или меньшего количества совпадающих компонентов значения.

Существует разряд синонимов, которые относятся скорее к плану речи, чем к плану языка, на основании чего некоторые исследователи предлагают вообще не рассматривать их в теории синонимии (см., например: [1, с. 216 – 248]). Такие слова и словосочетания становятся синонимами только в определенном контексте, это так называемые контекстуальные (авторские, окказиональные, ситуативные) синонимы. Коммуникация может стать источником синонимии в том случае, когда слова отождествляются не по закрепленным за ними в языковой системе значениям, а «по употреблению ... в процессе коммуникации, в речи» [3, с. 29]. Основным отличием синонимического факта речи от синонимического факта языка является фиксация вторых в словарях и отсутствие таковой у первых [2, с. 51 – 52].

Данная статья посвящена анализу синонимических обозначений территории Западной Германии, т.е. Федеративной Республики Германии до объединения с Германской Демократической Республикой и так называемых «старых (федеральных) земель»: Баден-Вюртемберг, Бавария, Бремен, Гамбург, Гес-

сен, Нижняя Саксония, Северный Рейн-Вестфалия, Рейнланд-Пфальц, Саар после объединения. Цель исследования – сбор и анализ синонимических обозначений западной Германии, построение синонимических рядов, выявление их доминант.

Источниками анализируемого материала являются журналы “Der Spiegel” – в дальнейшем Sp и “Superllu.de” (электронный ресурс) – в дальнейшем SI.

После Второй мировой войны на территории Германии в 1949 г. были образованы два независимых государства, которые объединились лишь в 1990 г. Исторические события подобного масштаба привели к появлению большого количества новых слов и словосочетаний, обозначающих две части разделенной Германии. В данной работе анализируется 566 случаев употребления обозначений западной Германии (248 Sp, 318 SI), собранные методом сплошной выборки из всех изданий указанных журналов за 2005 – 2006 гг.

Лексема *Westen*

Самой высокой частотностью среди обозначений ФРГ до объединения и западной части объединенной Германии («новых федеральных земель») в анализируемых текстах обладает лексема *Westen* – 242 (131 SI, 111 Sp) случая употребления. Из них в 91 (45 SI, 46 Sp) случае лексема *Westen* имеет значение «ФРГ до объединения» и в 151 (86 SI, 65 Sp) – «западная Германия после 1990 г., новые федеральные земли»; определить, какое значение реализуется в данном контексте, можно по определенным текстовым маркерам:

- использование в тексте дат (основной маркер):
Sehr früh, schon im Sommer 1977, verließ Krug die DDR. Er wurde auch im Westen ein beliebter Schauspieler (Sp 44/2006: 199);
- атрибуты со значением «бывший, ранее существовавший»:
..., wie er jahrzehntelang im **alten Westen** Erfolge feierte. Es ist der Typus Helmut Kohl... (Sp 37/2006: 24);
- употребление лексемы *Westen/West* вместе с обозначением исторических реалий, которые не существуют с момента объединения:
Die DDR hat ihre besseren Wirkungen im Westen entfaltet, weniger bei uns (lacht) (SI 10.05.2006 www.superllu.de/aktuell/superstory_unter_79632.html – Проверено 26.03.2013);
- употребление лексемы *Westen* в контексте «происхождение человека/предмета из ФРГ»: *Müller kommt aus dem Westen, er ist in Oldenburg geboren ...* (Sp 4/2006: 68).

В таблице в конце статьи представлены количественные данные реализации значений лексемы *Westen* (всего примеров – 242).

Лексема *West*

Лексема *West* употребляется в 157 анализируемых контекстах, различия между ней и лексемой *Westen* в основном структурные и функциональные: *West* является структурно связанной лексемой, кото-

рая в большинстве случаев употребляется в качестве определения в постпозиции, в сочетании с предлогом и с лексемой *Ost*, обозначающей «ГДР до объединения» или «новые федеральные земли». Все случаи такого употребления можно разделить на несколько групп, в зависимости от функции лексемы *West* в предложении:

1. Контексты, в которых лексема *West* употребляется в значении «Западная Германия» или «новые федеральные земли». Во всех анализируемых контекстах *West* употребляется в паре с лексемой *Ost*, эти лексемы соединяются по единой схеме: предлог + союз. Были зафиксированы три типа реализации этой схемы:

1) предлог *zwischen* (*Ost*) + союз *und* (*West*):

... „einen noch schärferen Wettlauf um Fachkräfte“ voraus – vor allem zwischen Ost und West (Sp 38 /2006:51);

2) предлог *aus* (*Ost*) + союз *oder/und* (*West*):

...es reicht jetzt langsam mit nostalgischen Erinnerungen der zwischen 1960 und 1975 in ein sattes Deutschland hineingeborenen Autoren, egal, ob aus Ost oder West (Sp 11/ 2006: 163);

3) предлог *von* (*Ost/West*) + союз *und* или предлог *nach* (*West/Ost*):

16 Jahre nach der Vereinigung von Ost und West können wir immer noch die Nachwirkungen einer anderen politischen Kultur sehen (Sp 25/2006: 39);

... denn vier Prozent des Bruttosozialprodukts fließen als Transfers von West nach Ost (Sp 26/2006: 54).

2. Контексты, в которых *West* употребляется в постпозиции в качестве определения:

... Deutschland-West übten noch, „Deutschland“ zu sagen (Sp 42 /2006: 210).

Das Leben der anderen (West) wurde... (Sp 21 /2006: 14).

... den Trainingsdrill Ost mit dem Freiheitsstreben West zu versöhnen (Sp 8/2006: 164).

В таблице ниже представлены значения лексемы *West* (всего примеров – 157).

Анализ контекстов подтверждает, что лексема *West* является структурно связанной и не может употребляться самостоятельно.

Лексема *Westdeutschland*

Двусоставная лексема *Westdeutschland* имеет два значения: «ФРГ до объединения» и «западная часть Германии после объединения».

Из 38 (20 SI, 18 Sp) анализируемых контекстов 13 случаев употребления в значении «ФРГ до объединения», 25 – в значении «западная Германия после объединения» соответственно. Определить, какое значение реализуется в данном контексте, можно по определенным маркерам, которыми являются:

– указание дат:

... aus Angst vor Enteignung bis 1953 ihren Sitz nach Westdeutschland (Sp 1/2006: 46);

...deren Anteil 1968 in Westdeutschland noch bei über 75 Prozent lag... (Sp 31 /2006: 47);

– упоминание исторических событий:

Vielen Eltern in Westdeutschland war solche Vorsicht nicht genug: Tausende flohen mit ihren Kindern

nach Südeuropa, um sie vor den Folgen des Fallouts zu bewahren, manche blieben dort (Sp 17/2006: 3). (Fall-out – катастрофа на Чернобыльской АЭС).

В таблице отражены количественные данные о реализации значений лексемы *Westdeutschland* (всего примеров – 38).

Словосочетания

alte (Bundes)länder, westliche (Bundes)länder

Словосочетание *alte Bundesländer* является неологизмом периода объединения Германии, возникшим из-за необходимости наименования федеральных земель, которые входили в состав ФРГ до объединения.

В анализируемых источниках зафиксировано 11 случаев употребления словосочетания *alte Bundesländer*, 5 – *alte Länder*, 6 – *westliche Länder/Bundesländer*.

Употребление словосочетания *alte Bundesländer* может подчеркивать желание автора указать статус территории («федеральные земли»). Прилагательное *alt* подчеркивает, что это не все федеральные земли, что существуют еще другие, «новые»:

..., ob sie in den neuen oder alten Ländern wohnen (SI 03.01.2006 www.superillu.de/ratgeber/Von_ALG_II_bis_Zivi_28121.html – Проверено 24.03.2013).

Количество зафиксированных примеров употребления свидетельствует о том, что словосочетания *alte Bundesländer*, *alte Länder*, *westliche Länder / Bundesländer* не являются частотным для обозначения западной Германии.

Лексема *Bundesrepublik*

В качестве официального обозначения ФРГ до объединения продолжает употребляться лексема *Bundesrepublik* (эллипс от *Bundesrepublik Deutschland*). Эта лексема для обозначения западной Германии стала употребляться после образования в 1949 г. в западной части Германии из «тризонии» (трех зон оккупации – американской, французской и английской) нового государства – Федеративной Республики Германии. В 1948 г. название еще несуществующего государства стоит в статье журнала Sp в кавычках:

Der Entwurf soll für eine „**Bundesrepublik Deutschland**“ gelten (Sp 18/1948: 5).

В 1949 г. слово *Bundesrepublik* употребляется без кавычек в значении «Федеративная Республика Германия»:

Wenn die Mützenicher bei Deutschland bleiben, wird ihre Akte den kommenden Verfassungs-Gerichtshof der westdeutschen Bundesrepublik zum Anlaufen bringen (Sp 24/1949: 6).

Определить, какое значение («Федеративная Республика Германия до 1900 года» или «объединенная Германия») реализуется в контексте можно по определенным маркерам:

– указание дат:

1989 erwirtschaftete die alte Bundesrepublik sogar einen ... Überschwing (Sp 14/2005: 39);

– упоминание исторических событий:

... 1954 seien die Nationalmannschaft des damals autonomen Saarlands und die der damaligen **Bundesrepublik** in der gleichen Gruppe gewesen (Sp 22/2006: 165). (Победа в Чемпионате мира по футболу в 1954 г. стала началом возрождения немецкой нации);

– атрибуты со значением «бывший, ранее существовавший» (*alt(e), früher(e)*):

Der Verletzung sakraler Gefühle kommt daher eine andere Bedeutung zu als in der früheren Bundesrepublik (Sp 07/2006: 121);

... ein traurig-verzweifelter Roman aus der alten **Bundesrepublik** (Sp 07/2006: 166).

Данные о количестве контекстов, в которых была встречена лексема *Bundesrepublik* представлены в таблице (всего примеров – 11).

Такая низкая частотность объясняется изменением означаемого. Значение «ФРГ до объединения» является историзмом.

Аббревиатура **BRD**

Данное обозначение Западной Германии употреблялось в качестве такового в речи чиновников в 1950-е и 60-е гг. в самой ФРГ, но, после того, как аббревиатура *BRD* в качестве официального названия западного соседа стала употребляться в ГДР, в Бонне в 1974 г. был принято решение больше не использовать эту аббревиатуру. Причиной такого решения было нежелание признавать равноправие и государственную независимость ГДР [6, с. 441].

В рассматриваемых контекстах из 43 обнаруженных употреблений встретилось всего 9 примеров, где данная аббревиатура употребляется в значении «ФРГ после объединения», что доказывает, что аббревиатура *BRD* до сих пор является «нежелательным» официальным обозначением ФРГ. Обозначения «Федеративной Республики Германии после объединения» не являются объектами данного исследования.

В обоих источниках было встречено 34 случая употребления рассматриваемой аббревиатуры в значении «ФРГ до объединения, Западная Германия». Определить, в каком значении употребляется данная лексема в рассматриваемом контексте можно по следующим маркерам значения:

– упоминание в тексте статьи даты (16 случаев):

Es war im Ost-Berlin des Jahres 1968... "Chausseestraße 131", das erste Album Wolf Biermanns, ..., erschien nur in der BRD... (Sp 06.11.2006 <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-49450867.html> – Проверено 22.04.2013);

– противопоставление с ГДР (словами обозначающими «ГДР» – 25 случаев):

Damals trafen sich Handelsvertreter Ost und West, Sportfunktionäre von BRD und DDR ... (Sp 03.07.2006 <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-47441158.html> – Проверено 22.04.2013).

В обоих источниках встретилось 8 примеров, где маркером значения одновременно является и упоминание даты, и противопоставление с ГДР:

Eine etwaige Krise in der "BRD" sollten die DKP-Leute mit Sabotageakten anheizen... Stasi-Chef Erich Mielke persönlich genehmigte 1974 jeweils "3000-4000 Schuss"... (Sp 19/2006 // <http://www.spiegel.de/spiegel/print/d-46847735.html> – Проверено 23.04.2013).

Подробные данные по употреблению аббревиатуры *BRD* приведены в таблице ниже.

Контекстуальные обозначения Западной Германии

К контекстуальным синонимам, встреченным в анализируемых контекстах, относятся:

Конструкции с основой *–land/länder*: словосочетания *westliche Länder* (4) и *westdeutsche Länder* (2), и сложное слово *West-Länder* (3 употребления):

Die westlichen Bundesländer haben mittlerweile im Durchschnitt pro Kopf mehr als 5700 Euro Schulden (Sp 8/2006: 75).

Bei der Wirtschaftskraft mit 24646 Euro Schlusslicht unter den West-Ländern (SI 28.01.2008 www.superillu.de/aktuell/Niedersachsen_535212.html – Проверено 25.03.2013).

... *Westländer in der Regel für den Osten* (Sp 30/2006: 37 – Проверено 25.03.2013).

Также были зафиксировано одно сложное слово с первым компонентом *West-* и вторым – обозначением (федеральной) земли: *West-Land* (в нейтральном контексте):

Sie sind Ministerpräsident eines wohlhabenden West-Landes... (SI 06.09.2006 www.superillu.de/aktuell/Kurt_Beck_125012.html – Проверено 26.03.2013).

К контекстуальным синонимам также относится словосочетание *der westdeutsche Staat*:

Im Jahr 1970 erklärte die ...Terrortruppe dem westdeutschen Staat den Krieg (Sp 38/2006: 44).

Это словосочетание употреблено автором соответствующей статьи, описывающей деятельность террористической группы *Rote Armee Fraktion*.

Для обозначения западной Германии используются наречия *drüben* и *hüben* (они также могут обозначать восточную Германию, их значение в конкретном контексте зависит от местонахождения и происхождения автора):

...und gerechter Strafe harren kleine und große Nazis hüben wie drüben (Sp 1/2006: 43).

Один раз встретилось обозначение западной Германии словом *Schlaraffenland*, которое обозначает сказочную страну, в которой живут люди, которым для того, чтобы хорошо жить, ничего делать не нужно. Это слово выражает несколько презрительное отношение к жителям обозначаемой таким образом местности:

Als Kind kam mir das alles vor wie das Schlaraffenland... (SI 17.05.2006 www.superillu.de/aktuell/Jugend_aus_der_DDR_84163.html – Проверено 27.03.2013).

В таблице представлены количественные данные реализации рассматриваемых слов и словосочетаний в обоих значениях.

Таблица

Количественные реализации
рассматриваемых слов и словосочетаний

Лексема / словосоче- тание	Всего в данном источнике		В значении «ФРГ до объедине- ния»		В значении «Западная Германия после объе- динения»	
	SI	Sp	SI	Sp	SI	Sp
<i>Westen</i> (всего 242)	131	111	45	46	86	65
Всего в указанном значении			91		151	
<i>West</i> (всего 157)	108	49	22	16	86	33
Всего в указанном значении			38		119	
<i>West- deutschland</i> (всего 38)	20	18	4	9	16	9
Всего в указанном значении			13		25	
<i>Bundesre- publik</i> (всего 11)	3	8	3	8	0	0
Всего в указанном значении			11		0	
<i>BRD</i> (всего 44)	8	36	8	27	0	9
Всего в указанном значении			35		9	

Синонимический ряд со значением «Западная Германия после объединения» можно представить следующим образом:

1. *Westdeutschland* (доминанта) > 2. *Westen* > 3. *West* > 4. *Alte Bundesländer* > 5. *Bundesrepublik* > 6. Контекстуальные обозначения.

Синонимический ряд со значением «Западная Германия до объединения» будет выглядеть следующим образом:

1. *BRD* (доминанта) > 2. *Westen* > 3. *West* > 4. *Westdeutschland* > 5. *Bundesrepublik* > 5. Контекстуальные обозначения.

Выводы: проведен анализ синонимических обозначений Западной Германии до и после объединения, определены синонимические ряды, выявлены их доминанты. Доминантой синонимического ряда со значением «Западная Германия после объединения» является лексема *Westdeutschland* – данное слово имеет одно значение, оно наиболее нейтрально. Доминантой синонимического ряда со значением «Западная Германия до объединения» является аббревиатура *BRD* – в данном значении из всех исследуемых синонимов оно находится на втором месте по частотности, но имеет меньше значений, чем лексема *Westen*, находящаяся по частотности на первом месте.

Литература

1. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Т. 1. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М., 1995.
2. Виллюман, В.Г. Английская синонимика. Введение в теорию синонимии и методику изучения синонимов / В.Г. Виллюман. – М., 1980.
3. Уфимцева, А.А. Некоторые вопросы синонимии / А.А. Уфимцева // Лексическая синонимия. – М., 1967. – С. 26 – 38.
4. Cruse, D. Lexical Semantics / D. Cruse. – Cambridge. – 1986.
5. Duden. Das große Wörterbuch der deutschen Sprache. 12 Bände. – Mannheim, Leipzig, Wien, Zürich: Dudenverlag. – 1999. – Band 10. – S. 752.
6. Herberg, D. Schlüsselwörter der Wendezeit: Wörter-Buch zum öffentlichen Sprachgebrauch 1989/90 / D. Herberg, S. Doris, E. Tellenbach. – Berlin ; N.Y., 1997. – S. 521.

УДК 811.111'37

Н.С. Сергеева

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор О.Г. Чупрына

ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА
СО ЗНАЧЕНИЕМ “HOT” / “WARM” КАК СРЕДСТВО ОБОЗНАЧЕНИЯ
ТЕМПЕРАТУРНЫХ ОЩУЩЕНИЙ ЧЕЛОВЕКА

Статья посвящена изучению семантических и функциональных особенностей имен прилагательных со значением “hot” / “warm”, используемых для обозначения температурных ощущений человека. В ходе исследования были рассмотрены 4292 случая употребления прилагательных в пределах обозначенной темы и выявлены тематические группы слов, которые образуют комбинации с исследуемыми языковыми единицами.

Имя прилагательное, семантический признак, сема, лексическое значение, горячий, холодный, сочетаемость.

The article considers semantic and functional peculiarities of adjectives with the meaning “hot” / “warm” which are used for denoting temperature sensations of humans. The analysis of 4292 contexts of usage allows to single out thematic groups of words with which the given adjectives combine and to examine the cases of their functioning.

Adjective, semantic component, seme, lexical meaning, hot, cold, combinability.

Последние десятилетия в лингвистике характеризуются возросшим интересом исследователей к изучению семантических полей, включающих в себя лексические единицы, которые актуализируют различные признаки предметов. Исследование лексем со значением температурного признака, который объективирует тепловые ощущения субъекта, представляет собой одну из областей данного направления, рассмотрению которой посвящено значительное количество работ. Обозначение субъективных ощущений тепла и холода на материале русского, английского, шведского, финского, японского, немецкого, французского, армянского, грузинского, польского, сербского, чешского в сравнительно-сопоставительном аспекте изложено в исследовании М. Kortjevskaja-Tamm (2011) [11]. Из лексем английского языка в работе рассматриваются прилагательные *“hot”*, *“warm”*, *“cold”*, *“freezing”* с точки зрения их семантических и функциональных особенностей. Анализ морфосинтаксического способа обозначения ощущения тепла или холода, выполненный на материале языка оджибве, одного из индейских языков Канады, представлен в работе S. Vejdemo (2010) [22]. В труде J.V. Lee (2009) [12] рассматривается, каким образом сочетание наречий с адъективами в английском, японском и корейском языках обозначают температурные ощущения субъекта. Исследователем составлена шкала, представляющая собой количественную оценку признака «теплый» / «холодный», деления которой обозначены лексемами английского языка *“hot”*, *“warm”*, *“cool”*, *“cold”*, на основе значений которых исследуется семантика двух упомянутых выше восточных языков. Особое внимание обращает на себя изучение лингвистом Cutler A. (2009) [8] внутренней формы прилагательных *“cool”* и *“warm”* в английском и немецком языках при сочетании данных лексем с существительными, вербализующими предметы одежды. Автор работы указывает на то, что в предложениях типа *“This coat is warm”* речь идет вовсе не о температуре пальто, а о чувстве тепла субъекта, которое возникает при ношении данного вида одежды. Анализ литературы по проблеме исследования лексических единиц со значением «температура» свидетельствуют о том, что отсутствуют работы, в которых проводится комплексный анализ прилагательных английского языка, которые объективируют термальные ощущения субъекта.

Цель статьи – исследовать семантические и функциональные особенности прилагательных *“boiling”*, *“burning”*, *“roasting”*, *“snug”*, *“toasty”* при обозначении ими температурных ощущений субъекта.

Адъективы *“boiling”*, *“burning”*, *“roasting”*, *“snug”*, *“toasty”* были отобраны методом сплошной выборки из словарей ([5], [6], [9], [13], [14], [16], [21]) на основании наличия в дефинициях прилагательных признаков семантических признаков *“warm”*, *“warmth”*, *“hot”*, а также на основании данных из British National Corpus [4] и TheFreeLibrary.com [20]. Лексемы *“boiling”*, *“burning”*, *“roasting”*, *“snug”*, *“toasty”*, объединенные на основе наличия в толкованиях данных слов ядерных

компонентов *“hot”* и *“warm”*, составляют семантическое поле «высокая температура». В синтаксическом плане адъективы *“boiling”*, *“roasting”*, *“snug”*, *“toasty”* выполняют только функцию именной части сказуемого. Для прилагательного *“burning”* характерна синтаксическая роль определения и именной части сказуемого. С семантической точки зрения, наличие в определениях адъективов *“boiling”*, *“burning”*, *“roasting”*, *“snug”*, *“toasty”* семантических признаков, актуализирующих эмоционально-оценочное отношение субъекта к воспринимаемому им тепловым ощущениям, позволяет разделить данные прилагательные на три группы. Первая группа представлена лексическими единицами *“snug”* и *“toasty”*, в толкованиях которых присутствуют семы *“comfortably”* и *“pleasantly”*, обозначающие положительную оценку термального ощущения реципиента. В толкованиях прилагательных *“boiling”* и *“burning”* отсутствуют признаки, вербализующие эмоциональную оценку температуры, что позволяет отнести данные слова ко второй группе. Третья группа представлена адъективом *“roasting”*, в дефиниции которого компонент *“uncomfortable”* объективирует отрицательное восприятие высокой температуры субъектом. Рассмотрим то, каким образом информация о температурных ощущениях субъекта представлена в семантике прилагательных данных трех групп.

Адъективы первой группы *“snug”* и *“toasty”* обозначают признак «теплый», который представлен в их дефинициях семантическим компонентом *“warm”*. Прилагательное *“snug”* толкуется следующим образом: *“(of a person) feeling warm, comfortable and protected”* [5]. Признак «теплый» эксплицируется семантическими компонентами *“warmth”* [5], *“warm”* [6], [13], [14], [21], *“warmly”* [9], *“cozy”* [9], [21]. Семы *“protection”* [5], *“protected”* [13], [16], *“safe”* [6], *“well-protected”* [6] вербализуют данные о чувстве защищенности. Семантические признаки *“comfort”* [5], *“comfortable”* [9], [13], [14], [16], *“comfortably”* [6] актуализируют положительную эмоциональную оценку воспринимаемой температуры. Рассматриваемое прилагательное используется при описании чувства тепла и комфорта человека, его защищенности. Предполагаем, что семы *“protection”*, *“protected”*, *“safe”*, *“well-protected”*, присутствующие в определении анализируемого слова, объективируют некоторое ограждение от влияния внешнего воздуха, возможность сохранения ощущения тепла субъекта в закрытом пространстве. Контексты современного употребления прилагательного *“snug”* свидетельствуют о том, что лексема используется для обозначения ощущения приятного тепла человека, если реципиент находится в замкнутом пространстве. В собранных примерах были выделены следующие виды замкнутого пространства, в котором находится субъект: объятие (*“arms”*), постельные принадлежности (*“bed”*, *“blanket”*, *“leaves”*, *“pram”*), предметы одежды (*“boots”*, *“suit”*, *“zip”*), транспортные средства (*“car”*, *“carriage”*, *“balloon”*), жилищные постройки и их части (*“house”*, *“home”*, *“nest”*, *“porch”*, *“room”*). Обозначая ощущение тепла, которое испытывает субъект,

лексема “*snug*” одновременно актуализирует наличие некоторой внешней «оболочки», которая сохраняет теплоту. В следующем отрывке мы получаем информацию об ощущении тепла и комфорта субъекта из семантики слова “*snug*”: “*The wind's dropping a bit, anyhow, and she'll be all safe and snug in Halfway House*” [18, с. 7]. Рассматриваемое прилагательное также вербализует чувство приятного тепла субъекта, который находится внутри дома. Положительные температурные ощущения, обозначенные адъективом “*snug*” указывают на то, что ощущение тепла человека сохраняется в закрытом пространстве и находится вне досягаемости постороннего воздействия.

Адъектив “*toasty*” определяется как “*comfortably and pleasantly warm*” [5]. Повышенная температура объективируется семами “*warm*” [5], [9], [13], [14], [16], [21]. Семантические признаки “*pleasantly*” [5], “*comfortably*” [5], [9], [14], “*comfortable*” [13], [16], “*cosily*” [9] репрезентируют положительное восприятие нагретого воздуха субъектом. Контексты современного употребления лексемы “*toasty*” в словарях ([5], [6], [9], [13], [14], [16], [21]), в британском национальном корпусе [4], в примерах из классической литературы [20] свидетельствуют о низкой частотности употребления данного слова. Анализ примеров позволил установить, что адъектив “*toasty*” объективирует признак «приятно теплый» относительно: 1) частей тела (“*feet*”, “*body*”): “*It was an old argument between us, but she was probably right, for his bare feet were toasty*” [13]; 2) общего состояния человека: “*We've just had half an hour in Jubilee park, extremely brisk walk, I feel jolly toasty now*” [2]. Выделенные два случая указывают на то, что признак «теплый», обозначенный прилагательным “*toasty*”, может быть свойственен отдельной части тела или всему организму.

Адъективы “*boiling*” и “*burning*”, образующие вторую группу, объективируют признак «горячий», который актуализируется в их дефинициях семантическим компонентом “*hot*”. Имена прилагательные “*boiling*”, “*boiling hot*” определяются как “*extremely hot*” [5] и могут быть рассмотрены как синонимы ввиду того, что имеют одну дефиницию [5], [6], [13], [14]. Информация о высокой температуре актуализируется семантическими признаками “*hot*” [5], [13], [14], [16], [21], “*warm*” [6], “*heated*” [9]. Семы “*very*” [5], [6], [13], [21], “*extremely*” [14], [16] объективируют высокую интенсивность температурного признака. Анализ контекстуального употребления лексем “*boiling*” и “*boiling hot*” позволяет выявить три группы ситуаций, когда ощущение тепла человека обозначается данными лексемами. Первую группу составляют ситуации, связанные с плохим самочувствием субъекта, которое сопровождается состоянием, когда человеку жарко: “*You're boiling. You were icy a while back. You're ill*” [17]. Ко второй группе относятся случаи, когда человек находится в закрытом помещении с высокой температурой внешнего воздуха, в результате чего у человека появляется чувство жара: “*We got the worst damn place anybody could ... You was boiling with sweat before you started work. Was this three miles inside the pit? Underground*” [15]. Третья группа представлена случаями, когда

чувство жара, которое испытывает субъект, является следствием действия на человека знойной погоды: “*Why do I do music. Get a note or go home I just don't do it. Why? It can be alright sometimes you know. When it's this hot Alex. Don't you like doing games when it's alright weather? You either you either get too hot you get boiling hot and just too hot to do anything*” [1]. Данные случаи свидетельствуют о том, что лексемы “*boiling*” и “*boiling hot*” могут быть применимы к описанию температурных ощущений человека, которые вызваны высокой температурой воздуха, характеризующего погоду или закрытые пространства, плохим самочувствием.

Прилагательное “*burning*” толкуется как “*feeling very hot*” [13]. Семантический признак «горячий» актуализируется во внутренней форме данного слова как “*hot*” [5], [9], [13], [14], [16], “*blazing*” [21]. Признак высокой интенсивности температурного свойства репрезентируется наречием “*very*” [5], [9], [13], [14], [16]. Семантические компоненты дефиниций прилагательного объективируют очень высокую температуру. Примеры из лексикографических источников и литературы свидетельствуют о том, что данная лексема функционирует при описании чувства жара в частях тела (“*face*”, “*cheeks*”, “*forehead*”, “*ears*”, “*body*”, “*skin*”). Анализ контекстов употребления лексемы “*burning*” позволяет выделить четыре группы ситуаций, в которых используется данный адъектив для характеристики чувства жара, испытываемого субъектом. Первая самая многочисленная группа представлена ситуациями, в которых индивид испытывает состояние повышенного нервного напряжения, сопровождающееся появлением ощущения жара: “*Her cheeks were burning and her heart hammered against her ribs as though trying to escape. She felt elated and furious, and trembled with nervous energy. She could hardly believe what she'd just done*” [10, с. 24]. Вторую группу составляют ситуации, когда субъект ощущает жар, обозначенный прилагательным “*burning*”, в результате болезни: “*He touched her burning forehead with firm, cool hands, put a thermometer between her dry lips and later pulled down her nightgown to tap her bare chest with two fingers of each hand*” [23, с. 225]. В приведенном контексте посредством адъектива “*burning*” температура тела описывается как повышенная, вербализуется состояние озноба, которое испытывает субъект. Третью группу составляют ситуации, когда горячее состояние тела или частей тела возникает в результате действия на человеческий организм знойной погоды: “*I watch you freewheeling along a vine-wrapped colonnade, and pause under an archway wrought in stone and lovely with purple flowers ringing in the new light. On this high hill, the wind whips your face chill; the wind drops and your cheeks are burning; you can see the patchwork of seven counties sweeping and dissolving to misty far green at your feet, rising again to heather-blue mountains melting to pure white cloud*” [7, с. 11]. К четвертой группе относятся ситуации, когда чувство жара на определенном участке тела возникает в результате действия на организм определенных веществ, лекарств: “*I wasn't about to give up. Love Hearts might be a cynical attempt to rip off the drug-*

obsessed rave scene, but there must be a host of other legal substances that might do the trick. While my skin was burning away in the foyer of the Floral Hall" [19, с. 11].

Прилагательные "roasting" и "roasting hot", обозначающие третью группу, имеют следующее определение: "very hot and dry" [16]. Семы "hot" [5], [6], [9], [13], [14], [16], [21] и "scorching" [9] репрезентируют повышенную температуру. Высокая интенсивность температурного признака актуализируется компонентами "very" [5], [13], [16], "extremely" [6], "exceedingly" [9]. Семантические признаки "dry" [16] и "uncomfortable" [13], [14], присутствующие в толкованиях слова, эксплицируют информацию о сухости и отсутствии комфорта соответственно. Языковые единицы "roasting", "roasting hot", репрезентирующие высокую температуру тела: " 'Are you cold or...?' 'Cold? No. Or if I am now, I won't be later. I'll be roasting. Have you any idea how hot it gets in my little solitary nest on the O.P. side?' " [3, с. 45].

Анализ семантических и функциональных особенностей прилагательных "boiling", "burning", "roasting", "snug", "toasty" позволил выявить особенности обозначенного ими температурного признака, их функционирование в предложении, а также ситуации их использования. Данные адъективы характеризуются следующими особенностями употребления:

1) признак «приятно теплый», свойственный общему состоянию субъекта в пределах замкнутого пространства, актуализируется лексемой "snug";

2) признак «приятно теплый», свойственный субъекту или частям тела, актуализируется лексемой "toasty";

3) признак «жаркий», свойственный общему состоянию субъекта во время болезни или действия знойной погоды, актуализируется лексемами "boiling", "boiling hot", "burning";

4) признак «жаркий», свойственный общему состоянию субъекта в условиях высокой температуры внутреннего воздуха, актуализируется лексемой "boiling";

5) признак «жаркий», свойственный общему состоянию субъекта, испытывающего сильные эмоции, актуализируется лексемой "boiling";

6) признак «жаркий», свойственный общему состоянию субъекта или частей тела в результате действия на организм какого-либо вещества, актуализируется лексемой "burning".

Литература

1. 9 conversations recorded by 'Alex' (PS4YX) with 7 interlocutors / London: University of Oxford. [1992]. – URL: <http://bnc.bl.uk/BNCbib/KN.html#KNY> (дата обращения: 10.01.2013).

2. 228 conversations recorded by 'Chris' (PS05X) between 31 May and 1 June 1991 with 8 interlocutors / London: University of Oxford. [1991]. – URL: <http://bnc.bl.uk/BNCbib/KB.html#KBK> (дата обращения: 10.01.2013).

3. Brett, S. Murder unprompted / S. Brett. – UK: Futura Publications Ltd, 1984.

4. British National Corpus / London: University of Oxford. [2013]. – URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/> (дата обращения: 10.01.2013).

5. Cambridge Advanced Learner's Dictionary / Cambridge University Press. [2013]. – URL: <http://www.dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 10.01.2013).

6. Collins English Dictionary / HarperCollins Publishers. [2013]. – URL: <http://www.collinsdictionary.com/> (дата обращения: 10.01.2013).

7. Cooper, F. Jay loves Lucy / F. Cooper. – London: Serpent's Tail, 1991.

8. Cutler, A. A note on a reference by J. D. McCawley to adjectives denoting temperature / A. Cutler // Linguistics: An interdisciplinary journal of the language sciences / ed. by A. Johan. – Boston: Mouton de Gruyter. – 2009. – V. 10. – №. 87. – P. 47 – 49.

9. Dictionary.com / LLC. [2013]. – URL: <http://dictionary.reference.com/> (дата обращения: 10.01.2013).

10. James, D. Bay of rainbows / D. James. – Richmond, Surrey: Mills & Boon. [1993]. – URL: <http://bnc.bl.uk/BNCbib/H7.html#H7W> (дата обращения: 10.01.2013).

11. Koptjevskaja-Tamm, M. "It's boiling hot!" On the structure of the linguistic temperature domain across languages / M. Koptjevskaja-Tamm // General Linguistics. – Stockholm: Gunter Narr Verlag. – 2011. – P. 379 – 396.

12. Lee, J.V. Warm or slightly hot? Differences in linguistic dimensions describing perceived thermal sensations / J.V. Lee [et. al.] // Journal of psychological anthropology / ed. by B. Bertelsen. – Aarhus: University of Aarhus. – 2009. – № 28. – P. 37 – 41.

13. Longman Dictionary of Contemporary English / Pearson Education Limited. [2013]. – URL: <http://www.ldoceonline.com/dictionary> (дата обращения: 10.01.2013).

14. Macmillan English Dictionary / Macmillan Publishers Limited. [2013]. – URL: <http://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 10.01.2013).

15. Nottinghamshire Oral History Project: interview (Leisure) / <http://bnc.bl.uk/BNCbib/FY.html#FYE>. [2013]. – URL: London: University of Oxford (дата обращения: 10.01.2013).

16. Oxford English Dictionary / Oxford University Press. [2013]. – URL: <http://oxforddictionaries.com/> (дата обращения: 10.01.2013).

17. Pulsford, P. Lee's ghost / P. Pulsford. – London: Constable & Company Ltd, 1990.

18. Stewart, M. Stormy petrel / M. Stewart. – London: Coronet Books, 1992.

19. The Face. – London: Nick Logan, 1992.

20. TheFreeLibrary.com / Farlex Inc. [2013]. – URL: <http://thefreelibrary.com/> (дата обращения: 10.01.2013).

21. Thesaurus.com / LLC. [2013]. – URL: <http://thesaurus.reference.com/> (дата обращения: 10.01.2013).

22. Vejdemo, S. "There is no thermostat in the forest" – Talking about temperature in Anishinaabemowin (Ojibwe) / S. Vejdemo [et. al.] // Santa Barbara papers in linguistics / ed. by D. Rosenblum. – 2010. – №. 21. – P. 97 – 114.

23. Wright, D. Never such innocence / D. Wright. – London: Michael Joseph Ltd, 1991.

К ВОПРОСУ О ФАКТОРАХ ВЫБОРА СТРАТЕГИИ ВХОЖДЕНИЯ В ЯЗЫК

Данные лонгитюдных исследований детей с двумя синдромами речевого дизонтогенеза сопоставляются с характерными признаками двух стратегий освоения языка нормально развивающимися детьми. Доказывается, что стратегия вхождения в язык определяется конфигурацией сохранных и дисфункциональных механизмов порождения высказывания.

Формирование языковой системы, референциальные и экспрессивные дети, синдромы речевого дизонтогенеза, процессы речепорождения.

Data of longitudinal studies of children with two SLI syndromes are compared with the characteristics of the two strategies of language acquisition by normally developing children. It is proved that the strategy of language acquisition is defined by configuration of safe and dysfunctional mechanisms of speech generation.

Language acquisition, referential and expressive children, SLI syndromes, generation of speech.

Многочисленные исследования, касающиеся освоения родного языка в детском возрасте, подтверждают, что, при всей вариативности этого процесса у разных детей, он все же поддается типологизации. Исследователи как нормального, так и отклоняющегося речевого развития выявили основания для дифференциации двух основных путей вхождения в язык. Нормально развивающихся детей оказалось возможным разделить по этому признаку на две категории: референциальную и экспрессивную. При речевом дизонтогенезе отечественные исследователи также выделяют две группы детей – носителей специфических симптомов недоразвития языковой системы. Авторы дифференцируют два симптомокомплекса для случаев наиболее глубокого речевого дизонтогенеза, затрагивающего все уровни функционирования языковой системы. Так, Р.А. Белова-Давид выделяет эфферентную и афферентную моторные алалии [3]. Е.Ф. Собонович – группы детей с недоразвитием преимущественно синтагматического аспекта речевой деятельности или парадигматической системы языка [10], А.Н. Корнев – синдром синтаксического («переднего») дисграмматизма и синдром морфологического дисграмматизма [6].

Необходимо отметить, что выявление двух различных стратегий освоения родного языка у детей с нормальным и отклоняющимся речевым развитием происходило на разных основаниях: референциальный и экспрессивный тип выделены на базе особенностей формирования различных языковых систем; подобные основания легли в основу классификации Е.Ф. Собонович. В свою очередь, симптомокомплексы, выделенные Р.А. Беловой-Давид и А.Н. Корневым, дифференцируются на основании различий в нейрофизиологических механизмах, обеспечивающих процессы речепорождения.

Нами был предпринят анализ закономерностей становления языковой системы у детей, особенности высшей нервной деятельности которых соответствовали выделенным логопатологами симптомам. Затем закономерности становления языковой системы у детей с двумя типами речевого дизонтогенеза сопоставлялись с особенностями освоения языка референциальными и экспрессивными детьми. Был выявлен определенный параллелизм языковых особенностей,

характерных для стратегий нормативного освоения языка и для симптомокомплексов речевого дизонтогенеза. Полученные данные дают основания утверждать, что важным фактором, определяющим выбор стратегии вхождения в язык, являются особенности высшей нервной деятельности. Нейрофизиологические механизмы, обеспечивающие порождение высказывания на различных уровнях его реализации, накладывают известные ограничения на возможности освоения всего разнообразия родного языка. Важно, что эти ограничения имеются не только у детей с недоразвитием речи, но и у нормально развивающихся детей, и конфигурация сохранных и дисфункциональных механизмов порождения высказывания, определяя возможности носителя языка в каждом отдельном речевом акте, в конечном итоге определяют в целом стратегию его вхождения в язык. Данный постулат доказывается путем сравнительного анализа особенностей становления языковой системы у референциальных детей и детей с определенным родом отклонениями в речевом развитии, а также у экспрессивных детей и детей с другим типом речевого дизонтогенеза.

Особенности референциальной стратегии освоения языка обнаруживают общность с проявлениями симптомокомплексов эфферентной моторной алалии и синдромом синтаксического («переднего») дисграмматизма. Хорошая артикуляция, являющаяся характерным признаком референциальных детей [3], [14], на первый взгляд вообще исключает их из разряда детей с речевыми проблемами. Однако, согласно описанию детей с эфферентной моторной алалией (ЭМА), к 1–1,5 годам они так же осваивают несколько простых слов «упрощенной, итеративной структуры» [3, с. 32], т.е. слов, состоящих из двух одинаковых слогов. Необходимо отметить, что именно такой структурой обладает большинство слов начального лексикона. Таким образом, на самом раннем этапе развития дети с эфферентной моторной алалией способны на произнесение таких же артикуляционных структур, как и их нормально развивающиеся сверстники, т.е. среди детей с речевой патологией такие дети являются обладателями вполне удовлетворительной артикуляции.

Среди первых слов референциальных детей вы-

сок процент существительных [14]. Словарь детей с ЭМА характеризуется значительным снижением количества глаголов, в более старшем возрасте у детей с синтаксическим аграмматизмом отмечается пропуск глагола во фразе. Для референциальных детей основной функцией языка является констатация наличия объекта и его классификация с помощью названия. На ранних этапах развития, когда контекст организует взрослый, этого может быть достаточно для общения. Если же превалирование такой стратегии сохраняется надолго, то речь перестает быть средством общения с окружающими, поскольку ребенок не может сформулировать просьбы, побуждения, что и отмечается для детей с ЭМА: «имея словарь, насчитывающий несколько десятков слов, (дети) практически остаются безречевыми» [3, с. 32].

Для референциальных детей характерно длительное использование неизменяемых слов [5], [14], т.е. функционирование грамматической системы у них инициируется позже, чем у экспрессивных сверстников. Это явление свойственно и для детей с ЭМА [13, с. 389 – 390], для них характерны в дальнейшем наиболее трудно поддающиеся коррекции сбои в функционировании грамматической системы. Наконец, для синдрома синтаксического дисграмматизма характерны как дефицит синтаксирования, так и морфологические аграмматизмы, в то время как детям с синдромом морфологического дисграмматизма свойственны лишь ошибки выбора морфем при сохранности синтаксирования [6].

Известно, что некоторое отставание в развитии грамматической системы у референциальных детей компенсируется впоследствии способностью к морфологической сверхгенерализации: освоив правило, референциальные дети последовательно применяют его, и даже в тех случаях, когда необходимо переключиться на другой способ грамматического маркирования. Понятие «переключение» является ключевым словом для описания особенностей становления языковой системы у референциальных детей и детей с ЭМА. Необходимо отметить, что нарушение переключения в процессе построения артикуляционной программы высказывания, связанное с дисфункцией премоторной области передней, лобной, коры головного мозга, является основным проявлением ЭМА [3]. Недостаточная способность к переключению у таких детей, как представляется, затрудняет освоение грамматического маркирования. Начальный лексикон состоит из односложных слов или двусложных слов единообразной слоговой структуры. Однако далее при освоении словоизменения детям необходимо в большинстве случаев отказаться от односложного или тавтологического фонетического оформления единиц высказывания. При формообразовании необходимо в односложных словах добавить к освоенной структуре гласный-флексия, который далеко не всегда совпадает с гласным в корне (ср. *нос* – *носа*); в двусложных словах флексия косвенного падежа также не совпадает с гласным в корне, следовательно, необходимо произнести не два одинаковых слога, но последовательность слогов с различными гласными (ср. *nana* – *nany*). Возможно, именно эта сложность привела Женю Гвоздева к вы-

бору нетипичной формы косвенного падежа **мака* в качестве основного именования: в этой словоформе, в отличие от начальной *мьлако*, гласные более сходны в произношении – в большинстве же случаев картина строго противоположная: именно форма косвенного падежа требует переключения с одной артикуляционной установки на другую. На этом этапе и возникает первая проблема с переключением, что заставляет референциальных детей и детей с ЭМА придерживаться освоенных неизменяемых форм: при их произнесении нет необходимости гибко переключаться от одной артикуляционной установки к другой, отличающейся.

Той же причиной, вероятно, обусловлена и выявляемая у референциальных детей способность имитировать лишь те элементы языка, которые имеются в их спонтанной речи [5]: любой новый языковой материал требует переключения с выработанных, освоенных артикуляционных последовательностей на иные, в большей или меньшей степени отличающиеся от уже воспроизводившихся.

Та же неспособность переключиться на более позднем этапе развития мешает сменить освоенный способ грамматического маркирования на иной для несистемных случаев. У референциальных детей в связи с описанной особенностью отмечаются грамматические сверхгенерализации [5], а дети с ЭМА, освоив наиболее системные способы грамматического маркирования, оказываются неспособными в течение длительного периода развития освоить дифференцированные способы формообразования, относящиеся к «периферии» грамматической системы [11]. И нормально развивающиеся дети, и дети с отклоняющимся развитием испытывают при формообразовании трудности в переключении с освоенного стереотипного способа действия, как правило, действительно уместного в большинстве ситуаций, к более тонкому анализу ситуации и контекста, необходимого для выбора несистемного грамматического маркера.

Таким образом, референциальные дети и дети с ЭМА более склонны воспроизводить знакомое, касается ли это артикуляционных структур или способов грамматического маркирования, чем осваивать и конструировать действительно новое.

Относительно позднее появление личных местоимений в речи референциальных детей [5], [14] также может быть объяснено трудностью переключения. Релятивность личных местоимений требует тонкого учета роли говорящего и собеседника как в ситуации, так и в контексте, обозначение участников ситуации личными местоимениями постоянно требует переключения с одного именования на другое в зависимости от целого ряда факторов. Предметная отнесенность личного имени гораздо надежнее и отнюансов ситуации и контекста не зависит. Кроме того, в инпуге ребенок при назывании своего имени всегда с уверенностью определяет, что речь идет о нем, и воспроизведение подобной конструкции не требует никаких преобразований в отличие от обращенной к ребенку фразы с личным местоимением. Поэтому для референциального ребенка, более склонного, как указывалось выше, воспроизводить,

чем самостоятельно конструировать, более надежным является использование-воспроизведение личных имен, чем релятивных личных местоимений.

Наконец, для референциальных детей характерно раннее использование прилагательных. По нашим наблюдениям, цветные и размерные прилагательные также присутствуют в начальном лексиконе детей с эфферентной моторной алалией [12], [13], причем эти лексемы близки к конвенциональным (если не учитывать особенности их фонетического оформления). В этот же период развития глаголы представлены в речи детей почти исключительно ониматопеями.

Сопоставим выявленные особенности с набором функций, обеспечиваемых при порождении речи задними зонами коры головного мозга, а также с симптоматикой наблюдаемых у взрослых дисфункций различной степени тяжести, при которых пораженными оказываются преимущественно передние зоны коры (задние зоны, соответственно, в большей или меньшей степени сохранены).

Согласно модели, предложенной Т.В. Ахутиной, задние отделы коры головного мозга на всех этапах порождения высказывания обеспечивают *выбор* единиц того или иного уровня, заполняющих «слоты фрейма» [2] – позиции в развертываемой программе. Задние (теменные и височные) отделы коры обеспечивают выбор слов по значению, затем выбор слов по форме, и, наконец, выбор артикулем, включаемых в моторную программу высказывания. Четкая артикуляция референциальных детей и относительно адекватное фонетическое оформление специфического начального лексикона эфферентных моторных алаликов обеспечивается нормальным функционированием операций выбора отдельных артикуляционных элементов. За кинетическое программирование целостного высказывания отвечает передняя речевая зона коры (лобные доли) [2]; недостаточность функционирования именно этой зоны коры ведет к проблемам с переключением [3], в данном случае – на артикуляционном уровне.

Как указывалось выше, проблемы переключения затрагивают и уровень грамматического оформления высказывания, причем функция *выбора* формы слова, как правило, не нарушена: если высказывание сформулировано взрослым, ребенок может выбрать адекватную форму слова, чтобы закончить высказывание. Эта операция касается заполнения слота, позиции для единицы. Однако в этой ситуации вполне вероятно и влияние сверхгенерализации, приводящее к ошибочному грамматическому оформлению под влиянием прайма, предшествующего контекста [11]. Трудности у детей с эфферентной моторной алалией, «передним» дисграмматизмом возникают при самостоятельном порождении высказывания, причем в этой ситуации, как отмечал А.Н. Корнев, страдает и синтаксическое развертывание, и морфологическое оформление, т.е. в целом дисфункция грамматической системы оказывается более глубокой именно при недоразвитии передних зон коры мозга [6]. Такого рода недоразвитие речи классифицировано Е.Ф. Собонович как недоразвитие преимущественно синтаксического аспекта речевой деятельности [10].

Наконец, у здоровых взрослых с функциональной слабостью передних отделов коры отмечается сравнительно малая длина синтагм [1].

Согласно модели Т.В. Ахутиной, именно передние зоны коры обеспечивают развертывание смысловой программы высказывания и грамматическое структурирование – те параметры порождения высказывания, которые неполноценны у детей с эфферентной моторной алалией. Что касается референциальных детей, то процесс синтаксического развертывания у них, вероятно, осуществляется на основе богатой базы грамматикона – готовых синтаксических структур, целостно хранящихся и актуализируемых, подобно единицам лексикона, по мнению М. В. Рукавовой [7]. Хранение такого рода единиц, как и единиц лексикона, обеспечивается, вероятно, задними отделами коры. Наконец, у группы взрослых с функциональной недостаточностью передних отделов коры выявлен низкий индекс прономинализации, т.е. доли местоимений по отношению к доле существительных в речи [1]. Этот показатель прямо соотносится с большей склонностью референциальных детей к использованию существительных, а не местоимений.

Таким образом, и на фонетическом, и на лексико-грамматическом уровне порождения высказывания, а также на уровне смыслового программирования у референциальных детей и у детей с тяжелыми нарушениями речи, определяемыми как эфферентная моторная алалия, «передний» дисграмматизм или недоразвитие синтаксического аспекта речевой деятельности, последовательно выявляются признаки, характерные для нормального функционирования задних отделов коры и недостаточность функций, обеспечиваемых передними ее отделами. Так же, как и у взрослых с функциональной недостаточностью передних отделов коры, у референциальных детей такое положение дел не ведет к возникновению патологии, а лишь формирует особый путь освоения языка. При более серьезной дисфункции возникает тяжелое нарушение речи указанного выше типа.

Особенности становления языковой системы у экспрессивных детей сопоставимы с характеристиками детей с афферентной моторной алалией (АМА) и синдромом морфологического дисграмматизма. Плохая артикуляция, являющаяся характерной особенностью ранней стадии овладения языком у экспрессивных детей [5], [14], отмечается также и у детей с афферентной моторной алалией [5]. У последних эта особенность обусловлена недоразвитием артикуляционного праксиса, обеспечиваемого постцентральной зоной теменной коры. Неспособность точно воспроизвести артикуляционную позу, необходимую для произнесения того или иного звука речи, приводит к непостоянным звуковым заменам, неустойчивому фонетическому образу слова. При этом дети с АМА способны адекватно воспроизводить структурные характеристики произносимого слова: количество слогов и ударный гласный.

Согласно модели Т.В. Ахутиной, моторная *программа* высказывания, т.е. фрейм, «контур» слова, предложения оформляется посредством функционирования передних отделов коры [2]. Этот параметр

фонетического уровня порождения высказывания у детей с АМА, как видно из описания, соответствует нормативному. Страдает *выбор* артикуляционной установки для каждого из элементов программы – а выбор на различных уровнях порождения высказывания, как указывалось выше, обеспечивается функционированием задних отделов коры. Важно отметить, что «мышечное ощущение, т.е. ощущение сокращающейся мышцы, само по себе до чрезвычайной степени неопределенно и слабо; по выразительности оно далеко уступает даже любому обонятельному и вкусовому. Стало быть, в развитии его характерности... должны принимать участие какие-нибудь посторонние моменты» [9, с. 92]. И.М. Сеченов считал, что формирование мышечного чувства невозможно без активного участия слуха и зрения. В.И. Бельтюков подтвердил, что формирование адекватных артикуляционных укладов невозможно без стимулирующего влияния слухового анализатора. Согласно полученным В.И. Бельтюковым данным, на начальных этапах становления языковой системы ребенок в силу незрелости артикуляционного аппарата часто оказывается неспособным воспроизвести тот или иной образец звука, воспринятый в речи окружающих. «Поэтому ребенок заменяет искомый звук одной из тех близких артикуляций, которой он уже владеет» [4, с. 88]. При этом акустически замещающий часто оказывается контрастным звукообразу. Именно это обстоятельство стимулирует ребенка к дальнейшему поиску артикуляционной установки до тех пор, пока акустический контраст не будет устранен. Указанный поиск артикуляции в онтогенезе представлен цепочкой звуков-субститутов, которыми в речи нормально развивающегося ребенка на каждом из этапов развития заменяются сложные в артикуляционном отношении звуки. Способность воспринимать и оценивать акустический контраст между воспроизводимым и воспринимаемым звуком, таким образом, является необходимым условием для своевременного продвижения ребенка по всем «звеньям» цепочки [4]. Следовательно, значительное отставание в развитии этого процесса в онтогенезе, вероятно, обеспечивается недостаточностью функционирования не только артикуляционного праксиса, но и функции слухового контроля за произношением. И первая, и вторая функции обеспечиваются задними отделами коры – соответственно, теменной и височной.

Наши наблюдения за детьми с АМА выявили, что недостаточность восприятия обращенной речи также имеется в структуре описываемого дефекта; в первую очередь она проявляется в относительно низкой способности к дифференциации формообразующих аффиксов [12]. Соответственно, в исследованиях Т.В. Ахутиной указывается, что при афазиях, связанных с дисфункцией задней речевой зоны, характерно нарушение как экспрессивной, так и импрессивной речи [8]. Таким образом, дисфункция, связанная с задними отделами коры головного мозга, вероятно, влияет на восприятие, как артикуляционных поз, так и обращенной речи. Именно с этой особенностью связана, вероятно, склонность экспрессивных детей воспроизводить не только значимые,

но и бессмысленные звукокомплексы, а также наличие в их начальном лексиконе многокомпонентных «замороженных» структур, воспроизводимых без анализа составляющих структуру элементов. Адекватное функционирование передних зон коры обеспечивает порождение высказывания, на первых порах, разумеется, воспроизводимого из инпута. Но недостаточная способность анализировать значение звукокомплексов инпута приводит, вероятно, к не всегда адекватному членению речевого потока на значимые отрезки. В случае частотного воспроизводимых речевых штампов ребенок использует адекватную готовую языковую структуру, соотнося возможность ее употребления с соответствующей ситуацией, но не анализируя ее состав. Коммуникативного сбоя в этом случае не возникает. Вероятно также, что в некоторых случаях речевой поток был проанализирован неточно, ошибочно определены словесные границы и мнимая «единица» речи извлечена неверно. Учитывая артикуляционные особенности речи детей на ранних этапах становления, представляется маловероятным точное воспроизведение всех артикулов этой мнимой «единицы», поэтому взрослые носители языка квалифицируют ее как бессмысленный звукокомплекс [13].

Важнейшим отличием экспрессивных детей является склонность к раннему использованию местоимений. Высокий индекс прономинализации выявлен Т.В. Ахутиной у взрослых с функциональной слабостью задних отделов коры [1]. Наблюдавшиеся нами дети с АМА также довольно рано начали использовать не только личные, но и притяжательные, и указательные местоимения, причем в их речи имелись соответственно маркированные различные родовые и падежные формы последних (**моя-моё; та-каа-такуу* (=такая-такую)) [12]. Объяснение этому факту также может быть найдено при обращении к перечню функций, обеспечиваемых при речепорождении передними и задними отделами коры. Развертывание программы высказывания обеспечивается передними речевыми зонами, а заполнение позиций в программе – задними. Если имеется дисфункция задних отделов коры, обеспечивающих выбор единицы для заполнения фрейма, затруднен точный выбор лексемы. Однако позиция должна быть заполнена, и дети быстро осваивают предлагаемую языком возможность – использование указательного местоимения (такой, это), сопровождающееся указательным жестом. Фактически, указательное местоимение и является этим жестом, выделяющим некий объект, для точного именованного которого у ребенка пока недостаточно языковых средств. Эту же функцию может выполнять и притяжательное местоимение, заполняя позицию объекта в высказывании, в котором сам объект может быть и не назван: **Во еще мои. Мама купи мне* (показывает свои новые ботинки) [13]. Необходимо отметить, что местоимения используются детьми с АМА в рамках синтаксических структур той или иной степени развернутости, заполняя позиции объектов и субъектов. Такая картина вполне сопоставима с характерным для экспрессивных детей низким процентом существительных в начальном лексиконе – последние с успехом

заменяются местоимениями. Количество местоимений не так велико, как существительных – конкретных именований объектов окружающего мира, но использование местоимений дает возможность порождать развернутые синтаксические структуры, заполняя в них позиции, для которых в лексиконе нет конкретного языкового средства.

Наконец, отмеченная склонность детей с АМА общаться посредством развернутых высказываний, а не голофраз или именования объектов соотносима с особенностями функционирования грамматической системы у детей с синдромом морфологического дисграмматизма: последние допускают ошибки в грамматическом маркировании словоформ, но порождают высказывания адекватной синтаксической структуры [6]. Экспрессивные дети также уже на ранних этапах речевого развития используют неоднословные конструкции [5], [14]. Здоровые взрослые с функциональной слабостью задних отделов коры демонстрируют более высокий показатель длины синтагм [1]. Указанные факты свидетельствуют в пользу того, что у представителей перечисленных групп нормально функционируют передние речевые зоны, обеспечивающие развертывание целостного высказывания. При этом задние речевые зоны, ответственные в том числе и за выбор словоформ, в той или иной степени отстают в развитии. У детей с речевой патологией рассматриваемого типа эта особенность приводит к сбоям в функционировании системы морфологии [6], а у экспрессивных детей проявляется в непоследовательном использовании грамматических правил при более раннем, чем у референциальных детей, появлении грамматического маркирования в речи [5], [14]. Склонность к порождению высказываний по необходимости раньше инициирует грамматическую систему, но ее функционирование строится на принципе проб и ошибок, поскольку систематизация воспринятых и используемых словоформ в парадигматические системы – это функция задних отделов коры, которые, согласно приведенным сопоставлениям, вероятно, отстают в развитии у детей указанного типа. Соответственно, в классификации Е.Ф. Соботович вторая разновидность недоразвития речи обусловлена преимущественной неполноценностью парадигматической системы языка [10].

Сопоставление особенностей, присущих процессам формирования языковой системы у экспрессивных детей, а также детей с морфологическим дисграмматизмом и недоразвитием парадигматической системы языка позволяет сделать вывод о сравнительно сохранном функционировании передних и функциональной недостаточности задних отделов коры головного мозга [1]. У экспрессивных детей незначительный функциональный дисбаланс ведет к выработке специфической стратегии освоения языка, при более серьезном отставании в формировании функций задних отделов коры возникают особые формы речевой патологии.

Таким образом, функционально сходные процессы, обеспечивающие порождение высказывания на различных его уровнях – фонетическом, лексическом, грамматическом, – в конечном итоге оказыва-

ют влияние на формирование стратегии освоения языка в детском возрасте. Выявляется, что в процессе развития языковой системы в каждом высказывании дети опираются на возможности полноценно функционирующих механизмов порождения высказывания, при этом последовательно проявляют недостаточную успешность в реализации иной, противопоставленной группы функций. В результате особенности путей освоения языка могут быть описаны как превалирование развития одних функционально сходных процессов над другими, также функционально сходными применительно к различным уровням речепорождения. Прослеживается корреляция между отставанием в развитии функций, обеспечиваемых передней речевой зоной, и своевременным становлением процессов, связанных с задними отделами коры головного мозга у референциальных детей, а также детей с эфферентной моторной алалией и синдромом «переднего» дисграмматизма. Подобным образом функции задних отделов коры оказываются недостаточно развитыми при более адекватном возрастном формировании тех аспектов речевой деятельности, которые обеспечиваются передней речевой зоной у экспрессивных детей, детей с эфферентной моторной алалией и морфологическим дисграмматизмом.

Возможность становления языковой системы, речевой деятельности обеспечивается работой мозга как «распределенной системы с параллельным процессированием» [2, с. 195], и участие двух основных блоков этой системы, обеспечивающих комбинирование (передние речевые зоны) и выбор элементов (задние речевые зоны), не может быть абсолютно симметричным, равновесным. В силу тех или иных причин один из блоков у каждого индивида оказывается более функционально сохранным, чем другой. При этой асимметрии сохраняется возможность протекания процессов, обеспечиваемых совместным функционированием обоих блоков системы. Но, поскольку функции сохранного блока формируются своевременно, а функционально отстающего – с запаздыванием, становление языковой системы у любого нормально развивающегося ребенка идет по референциальному или экспрессивному типу в зависимости от относительной функциональной слабости передней или задней речевой зоны. Нормы развития описывают среднестатистического ребенка, и часть возрастных норм присуща референциальным, часть – экспрессивным детям, но, вероятно, никогда все нормативные показатели не обнаружатся у одного конкретного ребенка. Патология становления языковой системы, соответственно, не предполагает наличия неких специфических механизмов, формирующих языковую систему, или особых правил ее функционирования. Речевой дизонтогенез возникает при значительном функциональном дисбалансе между двумя блоками, обеспечивающими процессы речепорождения. Своеобразие становления языковой системы в этих случаях вызвано тем, что процессы речепорождения и формирования языковой системы в целом обеспечиваются нормальным (или относительно более сохранным) функционированием одного из блоков при значительном отставании в разви-

тии функций другого блока. Разумеется, и на фонетическом, и на лексико-грамматическом уровне такое функционирование языковой системы будет еще более значительно отличаться от среднестатистической нормы, чем процессы речепорождения у референциального или экспрессивного ребенка. Но моделирование причин возникновения того или иного проявления речевой патологии с большой долей вероятности обнаружит не некий специфический механизм, а дисбаланс между стандартными процессами речепорождения. Таким образом, значительный дисбаланс в их функционировании ведет к речевой патологии. Но в большинстве случаев языковая система, функционирование которой обеспечивается двумя блоками, имеет достаточный запас прочности и высокие шансы нормального формирования при отклонениях в развитии функций одного из блоков.

Литература

1. Ахутина, Т.В. Нейролингвистика нормы / Т.В. Ахутина // I Международная конференция памяти А.Р. Лурия: Сб. докладов / Под ред. Е.Д. Хомской, Т.В. Ахутиной. – М., 1998.
2. Ахутина, Т.В. Порождение речи: Нейролингвистический анализ синтаксиса / Т.В. Ахутина. – М., 2007.
3. Белова-Давид, Р.А. К вопросу систематизации речевых расстройств у детей / Р.А. Белова-Давид // Нарушение речи у дошкольников. – М., 1969.
4. Бельтюков, В.И. Взаимодействие анализаторов в процессе восприятия и усвоения устной речи (в норме и патологии) / В.И. Бельтюков. – М., 1977.
5. Доброва, Г.Р. Онтогенез персонального дейксиса (личные местоимения и термины родства) / Г.Р. Доброва. – СПб., 2003.
6. Корнев, А.Н. Основы логопатологии детского возраста. Клинические и психологические аспекты / А.Н. Корнев. – СПб., 2006.
7. Русакова, М.В. Именная словоформа флексивного языка (согласование в русском атрибутивном словосочетании): дис. ...канд. филол. наук / М.В. Русакова. – СПб., 2001.
8. Рябова (Ахутина), Т.В. Механизм порождения речи по данным афазиологии / Т.В. Рябова (Ахутина) // Вопросы порождения речи и обучения языку / Под ред. А.А. Леонтьева, Т.В. Ахутиной. – М., 1967.
9. Сеченов, И.М. Избранные произведения / И.М. Сеченов. – М., 1958.
10. Соболев, Е.Ф. Речевое недоразвитие у детей и пути его коррекции: дети с нарушением интеллекта и моторной алалией / Е.Ф. Соболев. – М., 2003.
11. Сизова, О.Б. Порождение именных форм в речи детей дошкольного возраста: взаимодействие синтагматического и парадигматического аспекта: дис. ...канд. филол. наук / О.Б. Сизова. – СПб., 2009.
12. Сизова, О.Б. Пути становления языковой системы при отклоняющемся речевом развитии / О.Б. Сизова // Онтолингвистика – наука XXI века: Материалы международной конференции, посвященной 20-летию кафедры детской речи РГПУ им. А.И. Герцена. – СПб., 2011.
13. Сизова, О.Б. Пути формирования лексикона и грамматической системы при речевом дизонтогенезе / О.Б. Сизова // Проблемы онтолингвистики – 2013: Материалы международной научной конференции 26–28 июня 2013 г., Санкт-Петербург. – СПб., 2013.
14. Цейтлин, С.Н. Язык и ребенок: Лингвистика детской речи / С.Н. Цейтлин. – М., 2000.

УДК 801.73

А.Ф. Юлдашбаев

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор И. В. Чекулай

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СВОЙ / ЧУЖОЙ» В РЕЧЕВОЙ ЭКСПЛИКАЦИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ВОЕННЫХ ФИЛЬМОВ «АПОКАЛИПСИС СЕГОДНЯ», «ПЕРЛ ХАРБОР», «ВЗВОД», «СПАСЕНИЕ РЯДОВОГО РАЙАНА»)

В данной статье рассматриваются способы вербализации противоположных концептов «СВОЙ» и «ЧУЖОЙ» с учетом особенностей речевой экспликации в военном жанре, как в диалогической речи, так и в авторской.

Оппозиция, репрезентация, вербализация, концепт «СВОЙ / ЧУЖОЙ», концепт «ВРАГ».

The article considers the ways of verbalizing the opposing concepts OWN/ALIEN, with registration of peculiarities of the explicational speech in the military genre, both in dialogue speech and in the author's speech.

Opposition, representation, verbalization, concept OWN/ALIEN, concept ENEMY.

В настоящее время в русле когнитивного подхода существует значительное количество работ, посвященных исследованию различных концептов. Прежде всего, внимание исследователей привлекают основополагающие концепты, и концепт «СВОЙ – ЧУЖОЙ» относится к их числу. Ю.С. Степанов пишет: «Это противопоставление, в разных видах, пронизывает всю культуру и является одним из главных концептов всякого коллективного, массового, народного, национального мироощущения» [4, с. 126].

Весьма значительным, если не самым главным показателем живого языка в настоящее время является кинематограф, поскольку в фильмах используется живой язык для передачи духа времени. Киноиндустрию можно рассматривать как этнокультурный фон нашей жизни. Живой язык проникает на большой экран, а слова и фразы, произнесенные героями с экрана, начинают использоваться современниками в повседневной речи.

В связи с этим для лингвистической науки пред-

ставляется актуальным исследовать жанр кинематографа с целью выявления особенностей современного разговорного языка. В данной работе освещаются варианты вербализации концепта «СВОЙ / ЧУЖОЙ» в военных лентах, так как любая война разделяет противников на «своих» и «чужих». Для рассмотрения и анализа оппозиции «СВОЙ – ЧУЖОЙ» в рамках нашего исследования нами были отобраны несколько американских военных фильмов конца XX в.

В настоящей статье мы, соглашаясь с академиком Д.С. Лихачевым, будем понимать под концептом, «совокупность всех значений и понятий, возникающих при произнесении и осмыслении данного слова в сознании индивидуальной личности, а также систему представлений, образов и ассоциаций, рождающихся при сознательном или бессознательном механизме восприятия и ассоциирования...» [1, с. 3 – 9].

Представляется целесообразным отметить некоторые принципиально важные для нашей статьи характеристики, которые демонстрируют сущность и природу концепта.

1. Разнообразие типов репрезентаций, участвующих в вербализации концепта.

В нашей статье искомые концепты вербализуются прямо и завуалировано, с помощью относительно нейтральной и эмоционально окрашенной лексики, на разных языковых уровнях (лексический, словосочетание, предложение, сверхфразовый).

2. Условность и размытость. Нефиксированная структура, проницаемость границ.

Концепты «СВОЙ» и «ЧУЖОЙ» содержат моменты перехода друг в друга, т.е. когда *свое* становится *чужим*, а *чужое* – *своим*.

3. Интегративность: взаимодействие и взаимосвязь концепта с другими концептами.

В данном исследовании исследуемый концепт «СВОЙ / ЧУЖОЙ» пересекается и взаимодействует с концептом «ВРАГ». В связи с этим целесообразно упомянуть работу О.Е. Похаленкова, в которой автор рассматривает следующие основные значения концепта «враг»:

а) «военный противник» – значение, реализующее концепт образами тех героев, которые в текстах прямо характеризуются как враги, однако фактически становятся врагами лишь в условиях войны;

б) «идейный враг» – значение, в котором концепт воплощается в образах героев, подразумеваемых автором врагами, но прямо ими не называемых [3].

Также представляется уместным отметить статью В.Ю. Орлова, который в своей работе пишет, что понятие «враг/enemy» в русском и английском языковом пространстве в значительной мере совпадает. Врагом автор считает человека или группу людей, которые ненавидят субъекта или же вызывают его ненависть и намереваются нанести ему вред. Исследователь делает вывод, что необходимо быть бдительным по отношению к врагу, даже если он кажется незначительным и безобидным, и также нельзя выпускать врага из вида. Кроме того, В.Ю. Орлов подчеркивает, что врагом может стать даже друг, в связи с этим, и с другом нужно быть осторожным. Также В.Ю. Орлов добавляет, что человек собствен-

ной персоной, может стать себе врагом, если не будет контролировать свои слова и поступки [2].

Рассмотрим данные положения на конкретном языковом материале.

CHARLIE: “I don't like automatic weapons. They jam. I saw a friend of mine get ripped open because he flicked his M-16 to automatic, and it jammed. How much money did the contractors make on the M-16?” (APOCALYPSE NOW)

В приведенном примере представлены оба концепта: «СВОЙ» и «ЧУЖОЙ». Концепт «СВОЙ» реализуется на уровне словосочетания (a friend of mine), в то время как концепт «ЧУЖОЙ» вербализуется сразу на двух уровнях: лексическом (the contractors) и уровне предложения-высказывания. Следует отметить, что в первом предложении концепт «ЧУЖОЙ» реализуется с помощью непосредственной оценки (I don't like). Во втором предложении идет пояснение причины, по которой герой не любит автоматическое оружие (They jam), из этого нам становится понятно, почему Чарли не включает данный класс оружия в разряд своего.

В обыденной жизни свое и чужое присутствуют постоянно практически в каждом деле, событии или явлении, точно так же обе противоположности перекрещиваются в одном предложении. Друга Чарли (СВОЙ) убили из-за того, что заклинила винтовка в автоматическом режиме (ЧУЖОЙ). Как известно, если нечто нехорошее произошло с кем-то своим, то подобное событие человек относит к классу «чужое». Разберем вербализацию концепта «ЧУЖОЙ» с помощью лексемы *contractors*. В данном случае разделительной чертой своего и чужого к этой ситуации будут деньги. И подрядчики, которые их зарабатывают на жизнях других людей, по мнению героя, относятся к категории «ЧУЖОЙ».

Рассмотрим следующий пример.

Willard notices the CIVILIAN on the street has glanced in the bar, then enters and sits down at a table by the doorway. (APOCALYPSE NOW)

В описанном примере Виллард видит штатского, входящего в бар, в котором находится персонаж. Наш герой – военный, поэтому у него специфическое отношение к гражданским. Виллард не причисляет последних к кругу *своих*. Кстати в тексте дополнительно присутствует графическое выделение (CIVILIAN), видимо, для усиления эффекта некоего подозрения или неприятия. Здесь имеет место реализация концепта «ЧУЖОЙ» на лексическом уровне.

An INFANTRY CAPTAIN enters the bar, buys a couple of drinks and approaches Willard's table.

CAPTAIN: How about a drink ?

WILLARD: Sure, thanks. (APOCALYPSE NOW)

В данном примере происходит реализация концепта «СВОЙ». Вербализация происходит на уровне словосочетания (infantry captain). Приведенный пример является как бы продолжением предыдущего.

Здесь в тот же бар, где сидит Виллард, входит армейский капитан и приближается к столику Вилларда. Герой соглашается с ним выпить. Здесь мы можем проследить отношение Вилларда к представителю одного с ним класса, к военным. Герой считает их *своими*, поэтому так легко принимает капитана в круг своих. Диалог героев этого эпизода сопровождается соответствующей интонацией, мимикой и другими невербальными средствами, которые невозможно показать в тексте.

В двух приведенных примерах мы имеем возможность увидеть субъективность деления на «своих» и «чужих».

Переедем к анализу следующего примера.

Flying over American heartland. We see the earth through the pilot's perspective... (PEARL HARBOR)

В данном примере принятие своего осуществляется с помощью единения себя со своей нацией. В данном случае «сердце Америки» для тех, кто создавал этот фильм, и, разумеется, для рядовых американцев, представляется чем-то своим, близким и знакомым. Происходит реализация концепта «СВОЙ». Наш концепт вербализуется на уровне словосочетания (American heartland).

Данный пример продолжает предыдущий.

Up into a crystalline blue sky where sunshine pours like honey over family farms stretching to the horizon. Maybe it's not heaven, maybe it's just Tennessee. But as long as there's been an America, men have fought and died for this place -- as volunteers. (PEARL HARBOR)

Летит самолет и зритель может ассоциировать увиденное на экране со своим домом, местом неподалеку, или, возможно, местечком, в котором бывал когда-то. И даже если никогда не был, то может ощущать гордость только потому, что это прекрасное родное местечко находится в его стране. Далее, как бы подытоживая всю эту картину, автор сравнивает увиденный пейзаж, из штата Теннесси, с небесами. Почти с раем. Таким образом, *свое* становится еще роднее и ближе. Реализация происходит на текстовом уровне.

Рассмотрим другой пример.

WILLARD: "I don't even know if I remember all of it. I can't remember how it ended, exactly -- because when it ended I was insane". (APOCALYPSE NOW)

В приведенном примере Виллард рассказывает о том, что он не помнит, как закончилась война во Вьетнаме, потому что был безумен. Здесь концепт «СВОЙ» содержит момент самоотрицания, когда герой *не-свой* даже для себя самого (I was insane). Реализация концепта происходит на уровне целого высказывания.

Перейдем к рассмотрению следующего примера.

Willard ducks into a bar. Not much in this place -- a bar, linoleum flooring, a few tables and chairs, and a

juke box. The lounge is fairly crowded. (APOCALYPSE NOW)

В данном примере реализуется концепт «ЧУЖОЙ» на уровне высказывания (Not much in this place). Чужеродность места создается и подчеркивается за счет указательного местоимения *this*. Виллард входит в бар. Вид бара ему не очень нравится. И мы видим его не совсем положительное отношение к этому месту.

More AMERICANS appear; unexplainably, out of the growth. It is now that we fully SEE the bizarre manner in which they are dressed. Some wear helmets, others wear strange hats made from feathers and parts of animals. Some of them have long savage-looking hair; other crew-cut or completely shaved; they wear bandoliers, flak jackets, shorts and little else. They wear Montagnard sandals or no shoes at all, and their bodies and faces are painted in bizarre camouflage patterns. (APOCALYPSE NOW)

В приведенном примере вербализуется концепт «ЧУЖОЙ». Реализация происходит на уровне текста. В данном тексте описывается появление американских солдат. То, как они одеты, производит отрицательное и отталкивающее впечатление. В тексте, кстати, есть прямое на это указание *bizarre manner in which they are dressed*.

Весь фильм красной нитью содержит концепт «ЧУЖОЙ». Реализация идет на уровне целого фильма. Так как задумка фильма состоит в том, чтобы показать бессмысленность и жестокость войны, что война — это плохо, и что она находится явно не в интересах прямо участвующих в ней.

Рассмотрим следующий пример, показывающий переход одного концепта в другой.

WILLARD: "You know, I can remember once, getting back below the DMZ -- and the first Americans we ran into were a track squadron. I just couldn't believe how much water they had. We'd been chewing bamboo shoots for almost a week, and before that, for two weeks, we'd been drinking anything -- rain water, river shit, stuff right out of the paddies. And there were these guys standing by their trucks spilling water all over. I could've killed them. (solemnly)". (APOCALYPSE NOW)

В приведенном примере реализуется концепт «ЧУЖОЙ». Вербализуется на текстовом уровне. Словосочетание *these guys*, само по себе нейтральное, в данном контексте приобретает явно негативную окраску. Эффект усиливается благодаря противопоставлению *We* и *these guys*. Для героя эти парни невероятно отчуждаются, так как пока дивизион Вилларда остро нуждается в воде, они тратят воду нещадно. Дополнительно ярко негативное отношение героя видно по фразе *I could've killed them*. То есть они для Вилларда словно враги, хотя сражаются номинально на одной стороне. Таким образом, видно как *свой* легко может стать *чужим*.

Рассмотрим следующий пример, в котором реализация нашего концепта происходит на текстовом уровне.

The barn is unpainted except for hand lettering that says "McCawley Crop Dusting". Another plane noise, this one made by kids, brings us to TWO BOYS, sitting in the shell of an old plane propped on crates, scavenged of it's engine, seats, and wheels.

The boys sit in it's cockpit, butts crowded onto the nail keg they've replaced the seat with. They've even attached a 2x4 as propeller, as if their imaginations needed any help. They wear overalls and have bowl haircuts: RAFE and DANNY, 10 years old.

Rafe looks at Danny in shock -- then they both laugh and go right back into their game, manufacturing their own machine gun and engine sounds. (PEARL HARBOR)

В данном примере автор на уровне целого текста реализует концепт «СВОЙ». Трудно выделить какие-то конкретные слова или фразы, помогающие создать этот эффект. Отдельные словосочетания не реализуют наш концепт. В первых двух абзацах подробно описывается, как мальчики превратили обычную рухлядь в амбаре в нечто близкое и приятное им. Наделили старые вещи смыслом, и последние приобрели для них личную или внутреннюю ценность (так как эти вещи никакой другой ценности не представляют). В то время как остальные обитатели этого места, вероятно, воспринимают этот старый самолет просто объективно, т.е. для них он не представляет ровным счетом ничего. А мальчики воспринимают всю эту обстановку субъективно. Видимо, как гласит известная пословица *Self done – good done*, человеку свойственно воспринимать сделанное собой как свое, и разумеется, как все свое, оно не может быть плохо сделанным. В последнем абзаце можно заметить реализацию концепта «СВОЙ» на лексическом уровне. Здесь использованы словосочетания *their game* и *their own machine gun*, которые как бы подводят итог вышесказанному.

Рассмотрим следующий пример диалогической речи.

RAFE *It's Germans!*
DANNY *Kill the bastards!*
RAFE *Good shooting, Danny!*
DANNY *Good shooting, Rafe!*
RAFE *Land of the free...*
DANNY *Home of the brave! (PEARL HARBOR)*

В данном диалоге между Денни и Рейвом в каждой реплике вербализуется концепт «СВОЙ» (1 и 2 реплики) или «ЧУЖОЙ» (3–6 реплики). Действие разворачивается в 1923 г. Совсем недавно прошла Первая Мировая война. Дети в своей игре «воюют» против немцев, которые представляются врагами, а, следовательно, плохими и «ЧУЖИМИ». Реализация концепта «ЧУЖОЙ» происходит на лексическом уровне.

В последних двух высказываниях выражается положительная оценка своей страны. Таким образом,

на уровне словосочетания вербализуется концепт «СВОЙ». Кстати во всех репликах содержится оценка «СВОЕГО» и «ЧУЖОГО».

Продолжение анализа диалогической речи в следующем примере.

RAFE: *I'll bust you open, you...German!*
DANNY'S FATHER: *I fought the Germans. (PEARL HARBOR)*

В данном диалоге Рэйв угрожает отцу Денни, усиливая свои слова обращением *you... German*. Рейв оскорбляет, но одновременно успокаивает разбушевавшегося отца Денни этой фразой. Так как это самое последнее и нехорошее обращение. Этим самым Рейв обезчеловечивает и отчуждает его. Отец Денни воевал с немцами и поэтому прекрасно понимает, что его сравнивают с «ЧУЖИМ», так как он поступает как «ЧУЖОЙ». Осознание факта чужеродности самого себя приводит его в замешательство.

Переедем от анализа диалогической речи к речи монологической.

EARL: *"You absolute mother-fuckin' son of a bitch! You shot one of my planes!" (PEARL HARBOR)*

В данном примере происходит реализация концепта «СВОЙ» посредством местоимения *my*. Эрл ругает противников, так как они сбили один из его самолетов. До того как действие происходило чуть дальше круга, который он воспринимает как «СВОЙ», это были просто самолеты. А за эти машины Эрл нес ответственность и чувствовал их принадлежность.

Рассмотрим следующий отрывок.

RAFE: *"Get rolling as fast as you can. Stay low! We'll use the topography to separate them and then we can take 'em [Zeros] one on one." (PEARL HARBOR)*

В данном примере реализуется концепт «ЧУЖОЙ» на лексическом уровне. Рейв призывает разделить вражеские самолеты и сразиться с ними один на один. Можно проследить логическую цепочку: Они – японские истребители «Зеро» – враги, «чужие».

Перейдем к примеру, характеризующему авторскую речь.

Heads directly into a nightmare. MASSIVE EXPLOSIONS from German artillery shells and mined obstacles tear apart the beach. Hundreds of German machine guns, loaded with tracers, pour out a red snowstorm of bullets. (SAVING PRIVATE RYAN)

В описанном примере на уровне словосочетания (German artillery, German machine guns) реализуется концепт «ЧУЖОЙ». Немцы становятся врагами и соответственно, *чужими* лишь в условиях войны. Наименование противника носит нейтральный характер. Ключевым критерием становится нация врага.

В следующем примере говорящий нам не известен.

Voice from bridge: «*KISS MY ASS, FRITZ.*» (SAVING PRIVATE RYAN)

В приведенном примере происходит вербализация концепта «ЧУЖОЙ». Реализация происходит на лексическом уровне (употребление сленговой клички врага FRITZ). В данном примере враг именуется уже с ярким эмоциональным оттенком. Авторское выделение текстом, а также соответствующая интонация помогают подчеркнуть отношение к противнику.

Следующий пример показывает авторскую речь.

Three EXPLOSIONS rip out into the night – and one of the ENEMY is caught in a brief instant looking like an X-ray, his body lifted and swirling in the air, then enveloped in swirls of smoke. (PLATOON)

В описанном примере на лексическом уровне (ENEMY) реализуется концепт «ЧУЖОЙ». В приведенном примере идет повествование, и поэтому противника именуют относительно нейтрально – enemy/враг. (Здесь и в остальных примерах авторское выделение текстом сохранено. – Ю.А.)

Рассмотрим пример.

TONY: “*What the fuck you want - she's a dink.*” (PLATOON)

В приведенном примере реализуется концепт «ЧУЖОЙ». Вербализация происходит на лексическом уровне (dink). Здесь кроме эмоционального оттенка, выбора ненормативной лексики, и интонации можно просмотреть еще и личное отношение персонажа к врагу. «Dink» согласно Webster Online Dictionary – пренебрежительное прозвище вьетнамцев.

Еще пример.

BARNES swings his mashed M-16 full into the FACE of an enemy SOLDIER who screams and goes down, Barnes chopping at him with his club. His helmet is gone, his shirt ripped to shreds, his shoulder bleeding, making his last stand against the hated Gooks. (PLATOON)

В данном случае реализуется концепт «ЧУЖОЙ».

Вербализация на уровне словосочетания (enemy SOLDIER, hated Gooks). Здесь присутствуют как значение «военный противник», так и «идейный враг». Webster Online Dictionary дает следующую дефиницию «Gook» – usually offensive: a nonwhite or non-American person; specifically : asian. Герой предполагает, что его противники не просто соперники по ту сторону фронта, а настоящие идейные враги.

Таким образом, в настоящей статье освещены некоторые особенности вербализации концептов «СВОЙ» и «ЧУЖОЙ» в американских военных фильмах. Рассмотрев примеры, мы пришли к выводу, что в данном контексте концепт «ЧУЖОЙ» пересекается с концептом «ВРАГ». В своей работе О.Е. Похаленков приходит к выводу, что на войне «чужой» и «враг» – контекстуальные синонимы. В нашей работе мы с ним полностью соглашаемся. Во время военных действий все воспринимается через призму бинарной оппозиции «свое – чужое», «свой – враг». Концепты «СВОЙ» и «ЧУЖОЙ» субъективны и зависят от индивидуального мировосприятия. Можно увидеть, как военный принимает другого военнослужащего, хотя и незнакомого, за своего. В то время как по отношению к гражданским лицам проявляется некое пренебрежение на грани с презрением. В бою противник называется нелитературными лексемами с негативным значением. Хотя обнаружились и примеры, где номинальный враг называется вполне нейтрально (enemy или же согласно национальной принадлежности Germans, Japanese).

Литература

1. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – М., 1993.
2. Орлов, В.Ю. Понятие «враг/enemy» в русском и английском языковом пространстве / В.Ю. Орлов // VII Студенческая международная заочная научно-практическая конференция «Научное сообщество студентов XXI столетия» гуманитарные науки 2013. – URL: <http://sibac.info/index.php/2009-07-01-10-21-16/5867--lenemyr>
3. Похаленков, О.Е. Концепт «враг» в творчестве Эриха Марии Ремарка и советской лейтенантской прозе 1950 – 1960-х гг.: дис. ... канд. филол. наук / О. Е. Похаленков. – Смоленск, 2011.
4. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М., 2004.
5. Webster Online Dictionary. – URL: <http://www.merriam-webster.com/dictionary/dink>

СОВРЕМЕННЫЕ ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ И ФАКТОРЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОБЛАСТИ БЕЗОПАСНОСТИ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматриваются некоторые методологические основы подготовки специалиста образования в области безопасности жизнедеятельности.

Безопасность жизнедеятельности, образование, внешние и внутренние факторы, образовательная область.

Some methodological bases of training the education specialist in the field of life safety are considered in the article.

Life safety, education, external and internal factors, educational area.

Современный этап социально-экономического развития российского общества ознаменовал коренные изменениями системы образования, функция которой состоит не в формальном «кадровом» обеспечении экономики и политики, а в их социогуманитарном опосредовании. Именно поэтому все более отчетливым становится понимание образования как сферы стратегического развития России.

В данном контексте вполне закономерными являются становление новой философии образования, перестройка его концептуальных и идеологических оснований, смена образовательной парадигмы с установкой на гуманизацию, демократизацию, вариативность и непрерывность образования. Квинтэссенцией этих трансформаций послужило подписание Россией Болонской декларации (2004 г.), подразумевающее интеграцию российского высшего образования в международное образовательное пространство с учетом национальных образовательных традиций и обеспечении диалектического единства традиционного и инновационного, выступая в качестве одного из важнейших императивов модернизации российского образования.

Максимально отчетливо это проявляется в сфере высшего педагогического образования в области безопасности жизнедеятельности, где, наряду с диверсификацией образования, а также модификацией его содержания на основе современных тенденций и закономерностей, наблюдается совершенствование его структуры.

Это предполагает, в первую очередь, рассмотрение вопросов подготовки специалистов в образовательной области безопасности жизнедеятельности в русле современных методологических подходов к высшему педагогическому образованию. В данном контексте значимым становится определение стратегии и осуществление логико-методологического анализа содержания целей подготовки специалиста в образовательной области безопасности жизнедея-

тельности с учетом современных общих тенденций в условиях реформирования высшей школы [6]:

1. Тенденция глобализации высшего педагогического образования, отражающая международные перспективы интеграции учебных планов или профессиональных образовательных программ, являющаяся одним из наиболее перспективных направлений развития педагогической теории и практики, позволяющим осуществить подготовку учащихся к адаптации в сложном, постоянно меняющемся современном мире с его многочисленными политическими, экономическими, экологическими, социальными и другими проблемами. Глобализация образования, предполагающая, по существу, универсальность и целостность в качестве основных своих принципов, создает благодатную почву для синтеза всех аспектов гармоничного развития личности.

2. Тенденция интернационализации, определяющая международное измерение качества высшего учебного заведения по следующим показателям: преподавание, научная деятельность и оказание образовательных услуг. Образование под влиянием всеобъемлющего процесса интернационализации жизни становится все более открытым для международного сообщества. Интернационализация образования сопровождается усилением международной составляющей развития его отдельных элементов — национальных, региональных образовательных систем. В процессе интернационализации происходит формирование новой международной образовательной среды, где в наиболее эффективных формах могли бы реализовываться национальные интересы действующих в ней участников и осуществляться совместный поиск решения проблем, имеющих жизненно важное значение для человеческой цивилизации в целом.

3. Тенденция европеизации, позволяющая осуществлять сохранение национальной системы высшего образования на основе общеевропейского под-

хода к профессиональной подготовке педагога. Тенденция европеизации высшего профессионального образования в области безопасности жизнедеятельности направлена на осуществление интеграции национальных систем образования в единое европейское образовательное пространство, основанное на такой самостоятельности (независимости) национальных систем образования, которая, базируясь на национальной идентичности и своеобразии, включает в качестве компонента европейское самосознание.

4. Тенденция регионализации, обеспечивающая формирование учебных планов и образовательных программ (стандартов – норм качества) с учетом региональных запросов к подготовке специалиста в области безопасности жизнедеятельности. Под влиянием процесса регионализации образовательный процесс строится с ориентацией на сохранение этнокультурных приоритетов развития и социально-политической независимости различных регионов Российской Федерации. Итогом регионализации должно быть формирование системы образования, оптимально отражающей своеобразие образовательной ситуации каждого российского региона Российской Федерации с учетом конкретного спектра опасностей и угроз данного региона.

На структуру и содержание системы педагогического образования в целом и подготовку специалистов в образовательной области безопасности жизнедеятельности, в частности, все большее воздействие оказывает влияние различных внешних и внутренних факторов среды, детерминированные перечисленными тенденциями.

В Большой Советской Энциклопедии понятие «фактор» определяется как причина, движущая сила какого-либо процесса, определяющая его характер, или отдельные черты [2].

Современное знание позволяет классифицировать и раскрыть внешние и внутренние факторы, влияющие на эффективность системы высшего профессионального педагогического образования в области безопасности жизнедеятельности.

Внешние факторы влияют на ориентацию системы высшего профессионального образования в области безопасности жизнедеятельности на основе социальных преобразований в стране и регионе, реформирования и модернизации образования в стране и мире, расширения автономии вузов, создания рынка образовательных услуг и возникновения конкурентной образовательной среды, новых мировых тенденций в теории и практике образования педагогов в области безопасности жизнедеятельности, достижений в науке и технике.

К числу внешних факторов мы относим:

- глобализация мира и глобализация образования, заключающиеся в развитии международных проектов и связей в области образования, а также интеграции системы высшего профессионального образования Российской Федерации в международное образовательное пространство, связанное, в частности, с переходом подготовки педагогов по уровневой системе образования с 2011 г.;

- социально-экономические и политические фак-

торы, обусловленные политическими, экономическими и социальными трансформациями в стране, принципиально изменяющие требования рынка труда к системе образования и ее продукту по содержанию и структуре подготовки. Эти факторы также выявляют меняющуюся финансовую ситуацию в стране, в первую очередь, связанную с сокращением бюджетного финансирования всех уровней, потребовавшую изменения структуры и схемы финансирования образования, поиска путей повышения эффективности затрат на образование;

- образовательная политика Российской Федерации, заключающаяся в государственной поддержке реформирования системы высшего профессионального педагогического образования в области безопасности жизнедеятельности: Приоритетный национальный проект «Образование» (2005 г.); Федеральные государственные образовательные стандарты третьего поколения (ФГОС ВПО); Федеральное законодательство по расширению самостоятельности учреждений (Федеральный закон РФ от 8 мая 2010 г. № 83-ФЗ) и др.;

- демографическая политика и тенденции, характеризующиеся пропагандой ценностей семьи, здорового образа жизни; ростом рождаемости; социально-психологической поддержки семьи в кризисных ситуациях направленных, кроме того, на обновление кадрового потенциала системы образования;

- социальная активность бизнеса, проявляющаяся в частных инвестициях в образование, заинтересованностью бизнеса в информированности о возможностях и потребностях образования, ожиданиями работодателей, реализацией действенных форм частно-государственного партнерства, что приводит к локальной поддержке привлекательных для бизнеса задач;

- активность средств массовой информации в сфере высшего профессионального образования в области безопасности жизнедеятельности, связанная с их высокой потенциальной готовностью в активной работе в образовательной сфере, изданием специализированных СМИ, ориентированных на педагогов и родителей, активностью государственной информационной политики в области образования безопасности жизнедеятельности;

- кадровая политика административных органов субъектов Российской Федерации в части педагогической профессии, традиционно выстроенной на основе взаимосвязи между работодателями и системой высшего профессионального образования, наличием спроса на педагогическую профессию педагога в области безопасности жизнедеятельности и возможности осуществлять совместные социально-обусловленные проекты (волонтерское движение по профилактике социальных опасных и чрезвычайных ситуаций, школьных наркологических постов, «Школы безопасности» и др.);

- технологические факторы, выражающиеся в значительной ориентации системы высшего профессионального образования в области безопасности жизнедеятельности на научные исследования и разработки, прежде всего – на фундаментальные иссле-

дования, а также в ее ориентации на современные направления науки, высокие технологии и инновационный сектор в экономике, науке, технике.

Внутренние факторы, влияющие на систему высшего профессионального образования в области безопасности жизнедеятельности – это такие факторы, которые находятся в рамках самой системы ВПО. Они оказывают постоянное и самое непосредственное воздействие на функционирование системы высшего профессионального образования в области безопасности жизнедеятельности.

К числу внутренних факторов мы относим:

- качество образования и его контроль, заключающийся в сформированности системы качества образования и его оценки в общем, направленный на создание таких условий подготовки специалистов образования в области безопасности жизнедеятельности, которые необходимы и достаточны для их успешной профессиональной деятельности. Данный фактор представляет собой многокомпонентное явление, включающее в себя не только качество образовательного процесса, но и качество (уровень) материально-технической базы и информационно-образовательной среды образовательного учреждения;

- кадровый потенциал, заключающийся в высокой квалификации педагогических кадров, а также традиции лидерства в образовательной системе РФ, направленный на ориентирование педагогов на современные рыночные условия, создание прочных отношений внутри педагогического коллектива и мотивирование к личностному и профессиональному росту. Данный фактор направлен на непрерывное повышение квалификации педагога; расширение вариантов его социальной поддержки и развитие педагогической профессии через гранты, премии, социальные выплаты, жилищные сертификаты, уменьшение доли работающих педагогов и руководителей пенсионного возраста, скорейшее воспроизводство педагогических и руководящих кадров;

- инфраструктура системы образования и ее безопасность, характеризующийся реализацией адресных программ капитального ремонта и строительства учреждений образования, расширением материально-технической базы и средств подготовки специалистов образования в области безопасности жизнедеятельности, увеличением средств на развитие инфраструктуры образования (спортивные сооружения, специальные учебные полигоны образовательных учреждений, лабораторные стенды, макеты, манекены, тренажеры и пр.);

- ценностные установки подрастающего поколения, заключающийся в ценностном росте образования в области безопасности жизнедеятельности, убежденности в зависимости жизненного успеха от собственных способностей и усилий, признании личностных профессиональных качеств человека основой карьерного успеха, формировании тенденций на здоровый образ жизни и качества личности безопасного типа поведения.

Рассмотренные факторы оказывают влияние на развитие системы высшего профессионального обра-

зования в области безопасности жизнедеятельности и определяют образовательные маршруты подготовки педагогов в области безопасности жизнедеятельности.

Таким образом, интегрированная система высшего профессионального педагогического образования, благодаря своей гибкой структуре и быстрой адаптации к изменяющейся конъюнктуре спроса на рынке труда, создает благоприятные условия для реализации индивидуальной целевой подготовки педагогов в области безопасности жизнедеятельности различных квалификационных уровней.

В современных исследованиях (В.П. Соломин, П.В. Станкевич и др.) в соответствии со стандартами третьего поколения выделяют следующие интегрированные системы получения высшего профессионального педагогического образования в области безопасности жизнедеятельности [4]:

- интегрированные системы двухуровневого функционально-ориентированного профессионального педагогического (бакалавр – магистр) и профессионального четырехуровневого образования с учетом послевузовского образования (бакалавр – магистр – кандидат наук – доктор наук);

- интегрированные системы непрерывного педагогического образования «школа – колледж – вуз» для продвинутого, сокращенного и ускоренного (сокращенные сроки освоения ООП (уровень бакалавриата) – 3 года по очной форме обучения и 4 года по заочной форме обучения) образования одаренных и профессионально-ориентированных абитуриентов.

Реализация различных типов образовательных программ возможна при условии изменения существующей системы ВПО, основанной на стандартах второго поколения (2005 г.). При этом необходимо провести ее реформирование, связанное с изменением системы высшего профессионального педагогического образования, затрагивающем содержательные, структурные, технологические, результативные элементы профессионально-образовательной системы, которые осуществляются по следующим основным направлениям:

- оптимизация структуры и совершенствование организации профессиональной подготовки специалистов в области образования (переходом на уровневую систему образования, на модульное построение учебного содержания и нелинейную организацию образовательного процесса подготовки студентов);

- реализация мотивационных механизмов в образовательном процессе, направленных на формирование стремления и способности к саморазвитию специалистов в области образования;

- реализация образовательных программ, в которых исследовательская деятельность является составной частью содержания, а способность ее выполнения на разном уровне – одним из ожидаемых результатов обучения (компетентностный подход к обучению студентов);

- научное и учебно-методическое обеспечение обновления систем уровневого высшего профессионального педагогического образования;

– личностная организация процесса обучения, на базе которого выстраивается система профессиональных знаний педагогов, в том числе, в области безопасности жизнедеятельности [3].

В целом, перечисленные факторы отражают устойчивые взаимосвязи между наукой и образованием, теорией и практикой, вузом и школой, что способствует интеграции таких наук, как философия, социология, биология, физика, химия, математика, экология, психология, педагогика и методика обучения безопасности жизнедеятельности в единый содержательный комплекс.

Научная область «Безопасность жизнедеятельности» в силу особенностей своего содержания, связанных с характером предметных знаний по безопасности жизнедеятельности (науки ноксологии), обладает мощным развивающим и воспитательным потенциалом. Изучение проблем природного, экологического, техногенного и социального характера на разных уровнях, угрожающих современной цивилизации в целом, их причин, возможных последствий и мер их предупреждения, определяет стиль формируемого нового мышления, важнейшими чертами которого являются: ноосферность, целостность восприятия мира с его многочисленными и всесторонними связями в целом и в том числе и по проблемам безопасности; гибкость и открытость личности, ее умение видеть альтернативные пути решения проблем безопасности жизнедеятельности человека в современном обществе; способность будущего педагога к установлению причинно-следственных, вероятностных, прогностических и других видов связей в системе «субъект – объект – система безопасности» [1], [2].

Специалист в образовательной области безопасности жизнедеятельности, профессионально подготовленный к работе в образовательных учреждениях, обладает не только системными ноксологическими знаниями, но и системой педагогических знаний, умений, навыков, компетенций, позволяющих ему на высоком уровне осуществлять профессиональную деятельность, которая определяется общими целями педагогического образования.

Литература

1. Абрамова, С.В. Ноксологический подход в содержании образования педагогов безопасности жизнедеятельности / С.В. Абрамова, Е.Н. Бояров // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 4. – С. 111 – 117.
2. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / Под ред. А.М. Прохорова. – М., 1977. – Т. 23. – С. 194.
3. Модернизация современного университетского образования в контексте инновационного развития: Учебно-методическое пособие / Под общ. ред. проф. Г.А. Бордовского, проф. С.А. Гончарова. – СПб., 2008.
4. Станкевич, П.В. Теория и практика подготовки бакалавра в системе многоуровневого естественнонаучного педагогического образования / П.В. Станкевич. – СПб., 2006.
5. Станкевич, П.В. Профессиональная подготовка бакалавра образования в контексте болонского процесса / П.В. Станкевич // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2006. – Т. 6. – № 14. – С. 205 – 218.
6. Шадриков, В.Д. Личностные качества педагога как составляющие профессиональной компетентности / В.Д. Шадриков // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Сер. Психология. 2006. – № 1. – С. 15 – 21.

УДК 316

Н.В. Гольцова

МИКРОРАЙОН КАК СФЕРА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательской работы «Прогнозирование угроз социального развития ребенка в микросреде жизнедеятельности», проект № 110601065а

В статье представлены результаты теоретического и эмпирического исследования микрорайона как сферы социального развития ребенка; предложен авторский вариант организации социально-педагогической работы в микрорайоне с целью конструирования развивающих условий жизнедеятельности учащихся в микрорайоне во внеурочное время.

Микрорайон, социальное развитие ребенка, функции микрорайона, программа социально-педагогической деятельности в микрорайоне.

The paper presents the results of theoretical and empirical research of neighborhood unit as the sphere of social development of a child. The author's variant of organization of social and pedagogical work in the neighborhood unit with the aim of constructing the developing conditions of pupils' vital activity after the lessons is offered in the paper.

Neighborhood unit, social development, functions of neighborhood unit, the program of social and pedagogical work in a neighborhood unit.

Место проживания – это та социальная среда жизни, которая существенно влияет на такие социальные роли человека, как семьянин, сосед, друг, товарищ, труженик, гражданин. Микросреда места жительства – территория гражданского общества, где формируется личность ребенка, она является школой становления будущего гражданина, где закладываются основы социализации личности, охватывает то место, где живет ребенок и его семья, где он реализует себя, где удовлетворяет свои интересы и потребности.

Местожителство учащихся обычно связано с определенным микрорайоном проживания. В своем исследовании мы понимаем микрорайон как часть городской территории, отличающуюся определенными природными свойствами, включающую совокупность человеческих действий и взаимных отношений, где имеют место человеческие поступки и взаимоотношения. Социальное взаимодействие внутри микрорайона зависит отчасти от таких переменных, как: возраст, социальная группа, этническая принадлежность, доход, раса, стиль жизни и обычаи проживающих в микрорайоне людей. Субъективно человек выражает свое отношение к микрорайону в словосочетании «мой микрорайон», что обычно означает место проживания, которое внушает ему человеческое чувство причастности к людям, человеческое восприятие себя как части общности, а не просто чувство своего наличия в обществе [6].

В педагогической науке есть ряд исследований (В.Г. Бочарова, В. Березина, Г. Ермоленко и др.) по определению функций микрорайона [1], [4], [5]. Наиболее развернутую характеристику функций дает Е.С. Новак. Исследователь считает, что микрорайон осуществляет пять основных видов функций: социальные, функция поддержки, структурно-организационные функции, экономические, политические [6]. Кратко опишем эти функции.

Социальные функции. Микрорайоны осуществляют ряд важных социальных действий для своих жителей: поддержка дружеских и соседских связей, способность жить в обществе, межличностное взаимодействие и социализация, взаимная помощь и неформальная поддержка. Они дают своим жителям психологическое чувство общности, обеспечивают поддержку со стороны значимых людей микрорайона и помогают инвалидам почувствовать свою сопричастность к общим делам на уровне микрорайона. Они играют важную роль в организации общения, в создании широких личных связей между людьми. Выделяют четыре основных типа взаимосвязей между соседями:

а) возможность быстрого и непосредственного участия, начиная с одолживания чашки сахара и заканчивая спасением соседа от огня или от других чрезвычайных ситуаций;

б) получение и улучшение качества услуг через участие в жизни микрорайона;

в) социализация (например, соседка может научить тому, что следует делать хорошей матери);

г) возможность обсудить с соседом личные проблемы или межличностные конфликты.

Функция поддержки. Неформальные системы поддержки (семья, друзья, соседи, коллеги по работе, естественные помощники и т.п.) всегда оказывали гораздо большую помощь нуждающимся людям, чем профессиональные работники социальных служб. Если бы неформальная система поддержки перестала действовать, то развалилась бы профессиональная система, поскольку не смогла бы справиться с дополнительной нагрузкой.

Неформальные системы поддержки на базе микрорайона могут:

а) поддерживать в людях чувство благополучия и правильности поведения;

б) частично принимать на себя тяжесть жизни и, тем самым, способствовать снижению негативных последствий жизненных стрессов для физического и психического здоровья;

в) предупреждать появление серьезных проблем, приходя людям на помощь;

г) оказывать услуги многочисленным группам, в том числе этническим и расовым меньшинствам, а также тем, которые не желают или не способны получать профессиональную помощь, или же тем, на кого профессиональная помощь не рассчитана;

д) предлагать помощь в приемлемой, с точки зрения культуры, форме, не заставляя людей испытывать чувство стыда и не ущемляя их самолюбия;

е) оказывать помощь людям таким образом, чтобы они сами признали свои трудности, слабость или болезни, не называя их клиентами или пациентами, что обязательно подразумевается при оказании помощи профессиональными специалистами.

Структурно-организационные функции. В микрорайоне сосредоточено много разных институтов и небольших местных организаций. Эти институциональные структуры часто не являются независимыми, принадлежат микрорайону, представляют собой части систем, действующих на уровне общины. Примерами таких институтов являются школы, социальные агентства, административные учреждения, общественные организации и др. Структурные организации микрорайона выполняют программы самого широкого назначения. Например, они обеспечивают рабочими местами жителей микрорайона, способствуют формированию у них чувства причастности к делам микрорайона, помогают жителям микрорайона приспособиться к нормам и ценностям общества, предоставляют возможности для участия в добровольческой деятельности – от преподавательской и религиозной до самосовершенствования и гражданского совершенствования. С другой стороны, они предоставляют широкий круг непосредственных услуг, включая образование, индивидуальное консультирование, экономическую помощь, и содействуют участию жителей в правительственных программах федерального и регионального уровней.

Добровольческие организации, расположенные в микрорайоне, представляют собой клубы или группы при церкви, этнические, братские и социальные организации, организации на базе школы, такие как: объединения родителей и учителей, клубы кварталов, союзы соседей и корпорации развития сосед-

ских сообществ. Таким образом, ясно, что некоторые виды добровольческих организаций, такие как школьные и церковные организации, возникли на базе институтов микрорайона, тогда как другие добровольческие организации являются независимыми.

Организации микрорайона стремятся изыскивать дополнительные ресурсы и воздействовать на принятие решений на государственном и частном уровне с целью улучшения жилищных условий, санитарного состояния школ, транспортного обслуживания и усиления контроля за состоянием преступности. Многие организации микрорайона участвуют в работе служб здравоохранения и психического здоровья, обслуживания престарелых, они участвуют в программах профилактики преступности, работе с молодежью и в борьбе с наркоманией.

Экономические функции. В экономическом плане микрорайоны могут выполнять рыночные и защитные функции. Деньги, которые жители микрорайона могут потратить на необходимые им товары и услуги, составляют их покупательную способность. Чем больше их покупательная способность, тем больше появляется магазинов и зон отдыха, некоторые из которых концентрируются в микрорайоне. Качество жилищного фонда в значительной мере также зависит от экономических возможностей жителей.

Политические функции. Микрорайоны являются важными политическими единицами. В прошлом это были кварталы политических организаций, т.е. именно эти организации обеспечивали свой микрорайон социальными службами, заботились о получении рабочих мест, доступе к городским службам, обеспечивали защиту интересов жителей. Хотя сфера обслуживания в большинстве городов больше не связана с деятельностью политических организаций, голосование до сих пор происходит по месту проживания, поэтому микрорайон остается сильной единицей в политике города [6].

Все эти функции опосредованно или непосредственно оказывают влияние на социальное развитие детей в микрорайоне, но в любом случае это влияние объективно и закономерно. Однако целенаправленную, специально организованную социально-педагогическую деятельность с детьми в микрорайонах по месту жительства осуществляют прежде всего социальные педагоги близлежащих школ. Основными видами их деятельности во внешкольной микросреде являются: диагностическая, организаторская, прогностическая, предупредительно-профилактическая и социально-терапевтическая, организационно-коммуникативная и охранно-защитная [2], [3]. Деятельность социального педагога школы в микрорайоне заключается: в изучении микрорайона проживания родителей и образования учащихся, в выявлении положительных и отрицательных факторов влияния микросреды микрорайона на развитие ребенка и на этой основе прогнозирование рисков социализации детей, во взаимодействии с родителями, соседями, органами правопорядка, учреждениями дополнительного образования, т.е. всей инфраструктурой жизнедеятельности ребенка.

В ходе изучения практического опыта работы социальных педагогов школ г. Череповца (выборка составила 23 общеобразовательных школы) нами был выявлен, что основными объектами деятельности социального педагога в микрорайоне являются семьи обучающихся школы. Приоритетным направлением в работе с семьей как институтом социализации и воспитания ребенка является работа с неблагополучными семьями. Основные усилия школ, классных руководителей и социальных педагогов направлены на профилактику угроз развития ребенка в такой семье, в целом ряде случаев социальные педагоги проводят реабилитационные мероприятия и с семьей, и с детьми совместно с социальными учреждениями, Комиссией по делам несовершеннолетних, детскими поликлиниками. Периодически в поле зрения школы попадают отдельные ситуации, угрожающие ребенку со стороны асоциальных жителей, компании сверстников. Вместе с тем, комплексной, специально организованной работы в микрорайоне как микросреде жизнедеятельности ребенка, противоречиво влияющей на социальное развитие личности, не ведется. Об этом говорят и сами социальные педагоги школ: по результатам анкетирования 70 % респондентов признают необходимость такой работы и отмечают отсутствие комплексного подхода к работе с населением микрорайонов. В то же время в ходе изучения теоретических оснований социально-педагогической деятельности и практического опыта работы социальных педагогов школ города был выявлен факт, что социальный педагог обладает определенными возможностями (в сравнении с возможностями классного руководителя, воспитателя группы продленного дня и других педагогов школы) в организации деятельности в микрорайоне. К таким возможностям относятся: влиять на внешкольную среду (изучать семьи учащихся и воздействовать на них, влиять на соседей, неформальные организации микрорайона), педагогизировать микросреду микрорайона, создавать новые организации в микрорайоне, представляющие интересы жителей микрорайона, организовывать взаимодействие с учреждениями дополнительного образования (спортивными, центрами детского творчества, библиотеками, музеями), средними профессиональными учебными заведениями (колледжами), центром занятости населения и другими организациями и людьми в интересах ребенка, содействовать созданию социально-правового центра (службы) в микрорайоне, создавать группы поддержки для одиноких матерей, детей из семей «группы риска», организовать работу волонтеров для решения задач социально-педагогической помощи и поддержки развития ребенка, конструировать общественно-ценную деятельность детей (акции, праздники, поисковая деятельность и т.д.) и педагогов.

Опираясь на закономерности влияния микрорайона на развитие ребенка, учитывая функции и возможности социального педагога в организации работы в микрорайоне, в ходе выполнения настоящего исследования мы разработали комплексно-целевую программу деятельности социального педагога в

микрорайоне школы по созданию условий социального развития ребенка подросткового возраста. Программа прошла апробацию на региональном научно-практическом семинаре «Обеспечение безопасного социального развития детей и учащейся молодежи в микросреде жизнедеятельности» (Череповец, 24 мая 2012 г.), совместном научно-методическом семинаре кафедры общей и социальной педагогики и школьных социальных педагогов и внедряется в деятельности социальных педагогов МБОУ СОШ № 31, 32, 12 г. Череповца. Формат статьи не позволяет представить всю программу полностью, поэтому ниже представим ее фрагмент.

При разработке программы мы исходили из трех основных положений:

1) микросреда по месту жительства представлена на разновозрастным составом, широкими социальными связями, неформальным характером взаимоотношений, добровольностью выбора целей, форм, видов деятельности;

2) ей свойственны противоречивость и стихийность, что потенциально провоцирует асоциальные и антисоциальные процессы и явления, выступающие причинами разнообразных девиаций в социальном развитии ребенка;

3) школа является той микросредой по месту жительства, которая способна выступать центром интегрирования положительного опыта жизнедеятельности взрослого и детского населения микрорайона на основе инициирования и конструирования совместной социально-полезной и индивидуально привлекательной деятельности всех субъектов социального воспитания.

Цель: создание развивающих условий жизнедеятельности учащихся в микрорайоне во внеурочное время на основе конструирования совместной социально-значимой и личностно привлекательной деятельности детей и взрослых.

Задачи:

1) организовать просвещение детского и взрослого населения микрорайона по вопросам социального воспитания, права, детско-родительских отношений и отношений между родителями в семье, профилактике зависимостей детей в условиях семьи;

2) на основе интерактивного взаимодействия с детьми и взрослыми спроектировать и реализовать социально-полезную, индивидуально привлекательную деятельность в микрорайоне;

3) оказать поддержку жителям микрорайона (одиноким матерям, детям из семей группы риска), попавшим в трудную жизненную ситуацию.

Субъекты деятельности: организатор и куратор программы – социальный педагог школы, педагог-психолог, классные руководители, директор школы, заместитель директора по учебно-воспитательной работе, инициативная группа жителей микрорайона, волонтерская студенческая группа из ЧГУ.

Принципы реализации программы: связь теории с практикой, последовательность и систематичность, принцип педагогической целесообразности, принцип педагогической целостности, принцип опоры на гуманистические ценности, принцип социальной активности личности.

Программа включает в себя констатирующий и преобразующий этапы деятельности.

Констатирующий этап. На этом этапе ведущим видом деятельности является диагностическая деятельность. Цель – сбор первичной информации об обучающихся, их родителях, соседстве и проблемах, возникающих во взаимодействии их друг с другом.

Задачи: изучить контингента жителей микрорайона, выявить семьи и детей «группы риска», выявить позитивные зоны и источники негативного влияния на детей в микрорайоне, сформулировать социально-педагогический диагноз: степень и направленность влияния микросреды на социальное развитие детей, особенности влияния семьи, соседской среды, групп сверстников, объединений взрослых на развитие подростков.

Методы исследования: тестирование, анкетирование, интервью, беседа, наблюдение.

Формы работы с жителями микрорайона: тематические встречи, «круглый стол» «Уважаю и берегу мир вокруг», тренинговые занятия для родителей и подростков на тему: «Мы вместе», коллективное творческое дело «Умный двор».

Преобразующий этап. На преобразующем этапе ведущими являются организаторская, прогностическая, предупредительно-профилактическая, социально-терапевтическая, организационно-коммуникативная, охранно-защитная деятельности социального педагога. Используются как традиционные формы работы, так и проектная деятельность.

Некоторые направления деятельности социального педагога в традиционных формах представлены в табл. 1.

Возможности социального педагога в условиях реализации разных проектов также структурируем (табл. 2).

Представим в качестве примера содержание образовательного проекта: «Школа умных родителей». Решаемая проблема: проблемы взаимоотношений и взаимопонимания родителей и подростков. *Цель проекта:* сформировать у родителей умения строить взаимоотношения с детьми подросткового возраста. Цель конкретизирована в *задачах:* пополнить знания родителей о возрастных особенностях подростков, познакомить родителей с навыками эффективного общения с подростками, организовать тренинг умений родителей устанавливать взаимоотношения с подростками, наладить взаимодействие между родителями микрорайона для обмена позитивным опытом общения с подростками.

Деятельность социального педагога в микрорайоне школы

Направление деятельности социального педагога	Цель	Форма работы	Субъекты деятельности
Прогностическое и организационно-коммуникативное	– организация социально значимой деятельности детей и подростков в открытой среде; – организация досуга детей, – прогнозирование процесса воспитания по мере развития ребенка и деятельности всех институтов по руководству социальным развитием личности; – включение населения микрорайона в воспитательную работу с подростками, в совместный труд и отдых, деловые и личные контакты; – создание инициативной группы подростков по организации социально-полезной деятельности в микрорайоне (социальный педагог становится ее руководителем, идейным вдохновителем, планирует работу и отвечает за ее результативность)	Лекции, беседы, индивидуальные и групповые консультации, организация досуга, изучение семей, работа с родителями, организация на базе школы целевых консультаций по профориентации	Социальный педагог, учреждение дополнительного образования (клуб «Романтик»), инициативная группа подростков, самоорганизованная группа взрослых (родители, работники социально-педагогических учреждений микрорайона и т.п.)
Предупредительно-профилактическое, социально-терапевтическое и охранно-защитное	– работа с подростковыми компаниями микрорайона (беседы, организация досуга, изучение их семей, работа с родителями; – организация социотерапевтической помощи нуждающимся; – обеспечение защиты прав детей и подростков; – оказание помощи в период социального и профессионального определения подросткам микрорайона; – содействие применению мер государственного принуждения и реализации юридической ответственности в отношении лиц, допускающих прямые или опосредованные противоправные воздействия на детей	Лекции, тренинги, беседы, индивидуальные и групповые консультации, организация досуга, изучение семей, работа с родителями, совместный план работы с милицией, комиссией по делам несовершеннолетних, управлением образования, проведение целевых консультаций по профориентации	Социальный педагог, методисты и специалисты управления образования, инспекторы по делам несовершеннолетних, участковый инспектор

Таблица 2

Реализация проектов в микрорайоне школы

Вид деятельности	Возможность	Название проекта	Цель проекта	Вид проекта	Срок проведения
Предупредительно-профилактический, организационно-коммуникативный	Педагогизация микросреды микрорайона	«Школа умных родителей»	Психолого-педагогическое просвещение родителей учащихся	Образовательный	12 занятий с октября по май
Предупредительно-профилактический, организационно-коммуникативный	Организация общественно-ценной деятельности детей (акции, праздники, поисковая деятельность и т.д.)	«Клуб веселых и находчивых», олимпиада «Семейный архив», «Люди в обществе, общество, в котором живут люди»	Вовлечение учащихся школы и микрорайона в общественно-полезную деятельность	Социально-педагогический	В течение года
Предупредительно-профилактический, охранно-защитный	Организация социально-правового центра в микрорайоне	«Имею право»	Социально-правовое просвещение учащихся, родителей и жителей микрорайона	Социальный	1 раз в квартал
Социально-терапевтический, охранно-защитный	Организация групп поддержки для одиноких матерей, детей из семей группы риска	«Мы вместе»	Социально-психологическая поддержка жителей микрорайона (одиноких матерей, детей из семей группы риска), попавших в трудную жизненную ситуацию	Социально-психологический	1 раз месяц

Актуальность проекта. Неумение выстроить конструктивные отношения с подростком и непонимание подростка могут привести к семейным конфликтам, к отчуждению ребенка от семьи, его девиантному поведению и др. Подросток испытывает постоянное давление со стороны взрослых и одновременно чувствует придирчивую оценку по шкале признания со стороны сверстников. Все, что происходит в это время, накапливается в его психологическом багаже и имеет огромное значение для того, какой станет его взрослая жизнь. Именно в этот период времени человек имеет максимальную психологическую неустойчивость к различным влияниям извне, он полон сомнений в себе, часто подвергается психологическому давлению со стороны взрослых, и его личность может быть разрушена настолько, что в будущем ее будет сложно (а иногда просто невозможно) восстановить.

Целевая группа: родители подростков – жители микрорайона.

Что даст участие в проекте его участникам? Родители уточнят и пополнят знания о подростковом возрасте, о способах эффективного общения с ребенком, о способах предотвращения конфликтных ситуаций. Благодаря использованию современных психолого-педагогических технологий родители смогут установить между собой контакт, наладить общение и смогут поделиться друг с другом позитивным и негативным опытом общения с подростками, а также получить консультации по волнующим вопросам у специалистов (социального педагога и психолога).

Субъектами проекта выступают: родители подростков, педагоги и / или сотрудники школы, отвечающие за подготовку работы «Школы умных родителей», контактные лица школы, на базе которой реализуется проект (социальный педагог, психолог, инспектор по делам несовершеннолетних, классные руководители, заместители директора), организации и инициативные группы людей, помогающие в проведении проекта (спонсоры, студенты-волонтеры, учителя и т.п.).

В процессе реализации проекта необходимо использовать различные методы: проблемно-поисковый, метод «мозгового штурма», метод примера, игровое моделирование. Обязательна диагностика и самодиагностика. Вышеназванные методы и приемы рекомендуется реализовать в следующих формах: практические занятия, ролевые игры, мини-лекция, дискуссия, беседа, тематические консультации, фотовыставка, сочинения, конкурсы, круглые столы.

Принципы организации проекта: принцип педагогизации микросреды жизнедеятельности подростка, принцип открытости воспитательной среды, принцип уважения личного достоинства участников, принцип добровольности.

Условия реализации проекта: эффективное сотрудничество и взаимодействие всех субъектов проекта, наличие объективной информации о социальных и психолого-педагогических проблемах родителей в микрорайоне, систематический мониторинг хода реализации проекта.

Описание проекта. Данный проект разрабатывается командой, состоящей из двух специалистов: социального педагога и психолога школы. Проект «Школа умных родителей» направлен на оказание помощи и поддержки родителям, дети которых находятся на пороге взросления. Дети – наша радость. Но не только: очень часто с ними возникают трудности и проблемы. Особенно сложно становится, когда дети вступают в подростковый период, так называемый переходный возраст. Родителям предстоит пережить это нелегкое время вместе с нами.

Этапы проекта включают подготовительный основной и заключительный этапы. Подготовительный этап включает подготовку и разработку проекта, проведение рекламы проекта, оповещение возможных участников проекта. Основной этап предполагает определение проблем родителей, планирование работы, групповых мероприятий, подготовка информационной базы (табл. 3).

Таблица 3

Содержание проекта «Школа умных родителей»

№	Блок	Тема занятия	Содержание	Количество занятий
1	2	3	4	5
1	Общение в семье	Беседа: «Наши дети повзрослели»	Знакомство родителей с особенностями подросткового возраста, его спецификой, сложностями, проблемами. Анализ памятки «Особенности возрастной психологии подростков и юношей». Тестирование родителей	3
		Родительский лекторий: «О родительском авторитете» из книги А.С. Макаренко «Лекции о воспитании детей»	Откуда берется авторитет? Как он организуется? Авторитет и послушание. Ложный авторитет. Анкета «Взаимодействие с подростком» (диагностика микроклимата в семье глазами родителя)	1
		Практическое занятие: «Ваш беспокойный подросток»	Шаг 1: Составление списка всего того, что беспокоит, что задает, беспокоит в поведении ребенка. Шаг 2: Выбрать из списка все то, что имеет последствия для ребенка, но не влияет на вас. Анализ	1

1	2	3	4	5
		Круглый стол: «В чем наши ошибки?»	Невольные и досадные ошибки воспитания: обещание больше не любить, безразличие, слишком много строгости, детей надо баловать, навязанная роль, деньги как откуп, наполеоновские планы, слишком мало ласки, ваше настроение, слишком мало времени для воспитания ребенка, рукоприкладство	1
2	Нервно-психическое здоровье подростка	Родительский лекторий: «Подростковая депрессия»	Нервно-психическое здоровье ребенка. Почему опасна депрессия? Особенности и причины подростковой депрессии. Как обнаружить депрессию? Симптомы подростковой депрессии. Опасные последствия. Как помочь подростку?	1
		Дискуссия: «Почему возникают конфликты?»	Деление на 3 группы. Раздаются сценарии, дается задание – разработать этапы выхода из конфликтной ситуации. В ходе дискуссии разработать памятку «Некоторые причины нарушения поведения подростка»	1
		Тематические консультации: «Вредные привычки»	Факторы, положительно влияющие на здоровье подрастающего поколения. Факторы риска. Алкоголизм и дети. Пивной алкоголизм. Чем опасно курение для детей? Что должны знать родители, чтобы уберечь своего ребенка от наркотиков? Как поговорить с ребенком о том, что вас тревожит?	1
		Ролевая игра: «Разговор с ребенком»		1
	Правовое государство	Родительский лекторий «Права и обязанности родителей и детей»	Система законов. Права несовершеннолетних. Границы свободы. Внешняя свобода. Внутренняя свобода. Посягательство на свободу. Долг, ответственность. Достоинство, честь	1
		Деловая игра для детей и родителей	Представление команд. Конкурсы: «Знаете ли вы закон?», «Преступление и наказание», «Мораль или право?», «Всегда ли права родители?»	1
	Разговор на тему: «Семья»	Разговор на тему: «Семья» (Дискуссия-размышление для детей и родителей)	Предварительная подготовка (сочинение размышление на тему: «Моя будущая семья», подбор пословиц и поговорок на тему «Семья»). Анализ предварительного опроса родителей. Формулировка выводов психологом. История слова «Семья». Исследования и выступления учащихся. Выводы. Немного статистики. Анализ сочинений. Тайное мнение. Подведение итогов дискуссии	1
		Семейная конкурсная программа «Неразлучные друзья – взрослые и дети»	Фотовыставка «Загляните в семейный альбом». Генеалогическое древо. Семейные традиции. Профессия. Знаю ли я своего ребенка? Знаю ли я своих родителей? Подведение итогов. Пожелания родителей и детей	1

На заключительном этапе осуществляется:

а) аналитическая деятельность – определение эффективности работы проекта;

б) подведение итогов и рефлексия.

Методы и формы деятельности: опрос участников проекта в начале и в конце реализации проекта, экспертная оценка, тестирование, рефлексия, наблюдение за участием родителей в мероприятиях, анализ результатов проводимых методик и тестов, отзывы родителей – участников проекта, отзывы заинтересованных лиц (классных руководителей и др.), проведение заключительного мероприятия.

Критерии эффективности проекта: овладение родителями навыками конструктивного общения с

подростками, вовлечение участников проекта в конструктивное взаимодействие со школой, возникновение у родителей «чувства команды».

Ожидаемые результаты. Создание «Школы умных родителей» предполагает его дальнейшее существование и совершенствование. Это позволит расширить поле родителей и специалистов во взаимодействии, наладить устойчивые контакты с родителями. Кроме того, это даст возможность оперативно решать проблемы родителей подростков.

Аналитико-обобщающий (заключительный) этап программы. Цель: проанализировать эффективность системы деятельности социального педагога в микрорайоне школы.

Направления деятельности: проведение диагностики, проектирование дальнейших направлений деятельности в микрорайоне. *Формы и методы:* анкетирование, тестирование, обобщение результатов.

Ожидаемый результат. Жители микрорайона демонстрируют заинтересованность в судьбе подростков, в их образовательной и социальной активности, нормализация взаимоотношений в семьях подростков, снижение количества семей группы риска в микрорайоне, сплочение жителей микрорайона, снижение количества противоправных действий взрослых и подростков в микрорайоне, тесная взаимосвязь жителей микрорайона со школой.

Критерии эффективности программы. Положительные отзывы жителей микрорайона, родителей обучающихся школы, самих обучающихся, снижение количества семей, поставленных на учет социального педагога, благоприятные взаимоотношения в семьях и в школе.

В заключении отметим, что описанный нами опыт – это систематическая деятельность. Как социально-педагогическая деятельность она требует мотивации всех участников программы: и педагогов-профессионалов, и жителей микрорайона, и предста-

вителей органов общественного самоуправления в микрорайоне, их заинтересованности в педагогизации внешкольной среды, которая минимизирует угрозы и риски социального развития детей всех возрастных групп.

Литература

1. *Березина, В.* Социальный педагог в школе / В. Березина, Г. Ермоленко // Воспитание школьника. – 1994. – № 2. – С. 25 – 36.
2. *Бочарова, В.Г.* Педагогика социальной работы / В.Г. Бочарова. – М., 1994.
3. *Бочарова, В.Г.* Социальная микросреда как фактор формирования личности школьника: автореф. дис. ... д-ра пед. наук / В.Г. Бочарова. – М., 1991.
4. *Бочарова, В.Г.* Школьник в микрорайоне / В.Г. Бочарова, М.М. Плоткин. – М., 1986.
5. Воспитание учащихся по месту жительства: Кн. для учителя / Под ред. В.Г. Бочаровой, М.М. Плоткина. – М., 1987.
6. Социальная работа за рубежом: Учеб. пособие / Сост. Е.С. Новак, Е.Г. Лозовская, М.А. Кузнецова. – Волгоград, 2001.

УДК 370.115

Т.В. Гудина

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЕТЕЙ-ИНВАЛИДОВ

Статья посвящена анализу проблем положения детей-инвалидов в социуме и возможности их реабилитации и интеграции, что позволяет скорректировать традиционные взгляды на процесс реабилитации как компенсирующее-развивающую систему не только медико-социального характера.

Дети-инвалиды, социокультурная реабилитация, независимая жизнь, ортобиоз.

The article is devoted to the analysis of the problems of children with disabilities in the society and the possibility of their rehabilitation and integration, allowing to adjust the traditional views on the rehabilitation process as compensating and developing system of not only medical - social character.

Children with disabilities, socio-cultural rehabilitation, independent living, orthobiosis.

Современное общество качественно трансформирует характеристики инвалидной среды, расширяя, с одной стороны, возможности жизнедеятельности инвалидов на основе современных технологий, с другой, ограничивая реальный доступ данной категории населения к современной рыночной экономической деятельности. Ряд «традиционных» для инвалидов видов экономической деятельности, основанных на относительно несложных технологиях, вытесняется массовым и технологически оснащенным производством. Не секрет, что современный бизнес не заинтересован, в силу объективных причин, использовать труд инвалидов (рост издержек, психологические факторы, низкий уровень производитель-

ности труда, необходимость обеспечения социальных гарантий и т.д.). В результате происходит определенная «геттоизация» и «невидимая геттоизация» (Л.Г. Ионин) данной категории населения, искусственно формируются базовые и сепаратные субкультурные ориентации данной социальной группы, характеризующиеся отчужденностью, обидой, чувством групповой и индивидуальной самоизоляции, бесперспективностью бытия и, как следствие, озлобленностью на социум и свою участь [3].

Вместе с тем, потребность инвалидов в самореализации, расширении ее форм и возможностей все более актуализируется, что заставляет скорректировать традиционные взгляды на процесс реабилита-

ции как компенсирующее-развивающую систему не только медико-социального характера.

По мнению Ю.С. Моздоквой, Д.В. Шамсутдиновой, осуществивших комплексные социально-педагогические исследования современной инвалидной среды социально-культурная деятельность во всем своем многообразии занимает достойное место в комплексе мер реабилитации, что позволяет выделить ее в отдельное направление – социально-культурную реабилитацию [4], [6].

Социокультурная реабилитация, безусловно, – сложный системный процесс, включающий такие компоненты и механизмы, как: адаптация – приспособление к окружающему миру; социализация – процесс введения человека в систему социального функционирования общества; инкультурация – процесс освоения системы ценностно-смысловых и нормативно-регулятивных установок культуры, критериев оценок и принципов отбора социально приемлемых форм и способов осуществления деятельности, принятых в обществе; ассимиляция – уподобление, отождествления с другими.

Социокультурная реабилитация рассматривается как процесс и комплекс мероприятий, имеющих целью помочь инвалиду достигать и поддерживать оптимальную степень участия в социальном взаимодействии и общении; как необходимый уровень культурной компетентности, что обеспечивает позитивные изменения в образе жизни и наиболее полную интеграцию в общество за счет расширения рамок его независимости [4].

Социально-культурная реабилитация выступает как особая разновидность и, в то же время, как симбиоз различных направлений реабилитационной деятельности. Основываясь на научных выводах Т.А. Зреловой, Т.Г. Киселевой, Ю.Д. Красильникова, Ю.С. Моздоквой, нами предлагается уточненная формулировка социокультурной реабилитации как специально организованного социально-педагогического процесса, подчиняющегося личностно-ориентированным целям, направленным на восстановление (или компенсацию) нарушенных функций организма, максимально возможной интеграции в социум, при которой последствия дефекта минимизируются, не являются фатальным препятствием ни инвалиду, ни окружающим в социальном взаимодействии. Данный подход призван снять проблему социально-психологического и культурного обособления инвалидов; минимизировать депривационность в самосознании личности, обусловить сферу и возможности самореализации инвалида вне профессиональной деятельности. Социокультурная реабилитация ориентирована на восполнение компонентов социальной и культурной недостаточности человека с инвалидностью посредством приобщения к активной творческой самореализационной деятельности.

Действующие нормативные документы, исследования ряда авторов (Г.В. Гавришиной, И.В. Дарманской, О.Н. Диановой, Т.В. Машаровой, Е.А. Ходыревой) и собственный практический опыт позволили разработать интегрированную модель социокультурной реабилитации детей-инвалидов, строящейся по блочному принципу и включающей: медико-психологический, социально-экономический, социально-культурный блоки (см. таблицу).

Одним из условий реабилитации является необходимость радикального изменения отношения общества к инвалидам как к потребителям общественных благ. Поиск способов продуктивного применения их потенциала (гражданского, социального, креативного, субкультурного, физического и др.) представляется наиболее перспективным направлением деятельности, обеспечивающий успешную реабилитацию и интеграцию инвалидов в общество и детей-инвалидов в частности.

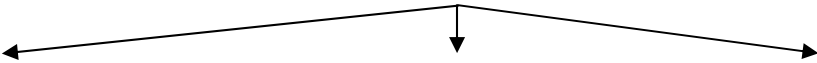
Среди мер, способствующих решению выше обозначенных проблем, большое внимание отводится качеству реабилитационного, адаптационного, интеграционного процессов, которые продолжают рассматриваться, прежде всего, с медицинской точки зрения.

Этот подход обладает определенной односторонностью, требует дифференцированного применения к различным категориям инвалидов (например, к инвалидам по слуху и зрению) не находит безоговорочной поддержки ни в инвалидной среде, ни среди лиц из ближайшего окружения инвалида.

Опыт зарубежных коллег из Германии показывает, что медицинские и социально-педагогические меры равнозначны по своему статусу в реабилитационной практике. Они взаимодополняются с соблюдением определенной автономии и невмешательства в осуществлении реабилитационного потенциала каждого направления.

Представляется целесообразным разумное использование зарубежного опыта, свидетельствующего в пользу разработки социокультурного направления реабилитационной деятельности. Социокультурная реабилитация в отдельных случаях по своему эффекту может преобладать над медицинским (медикаментозным) воздействием. Пример тому – эффективность реабилитационной деятельности Волгоградского Центра реабилитации «Вдохновенье».

Наиболее оптимальным представляется многоаспектный подход к реабилитации (медицинская + трудовая + психолого-педагогическая + социальная и социально-культурная), в процессе реализации которого инвалид получает возможность приобрести более высокий социально-культурный статус и принять на себя социальные роли, отвечающие его потребностям в самоутверждении личности.

Интегрированная модель социокультурной реабилитации детей-инвалидов		
		
Медико-психологический блок	Социально-экономический блок	Социально-культурный блок
Комплекс медицинских и психологических мер воздействия на ребенка-инвалида, направленных на восстановление нарушенных или утраченных психофизических функций организма, приведших к инвалидности. Цель – восстановление, поддержание и охрана здоровья инвалида. Содержание: – восстановление и лечение – мероприятия соответствующие потребностям инвалида – осуществляются в учреждениях здравоохранения, специализированных реабилитационных центрах; – санаторно-курортное лечение – имеет общеукрепляющее значение; – диспансерное наблюдение – проводится для динамического контроля состояния здоровья инвалидов и своевременной его коррекции; – медико-психологический экспертный контроль – осуществляется с целью динамической экспертной оценки состояния инвалида и своевременной его коррекции	Целенаправленные действия государства и общества, обеспечивающие инвалиду комплексное, разностороннее решение социально-экономических проблем, обусловленных социальными рисками. Механизмы: – законодательно определить социальное обеспечение независимо от расовой и национальной принадлежности, пола, языка, места жительства; – пенсионное обеспечение в предусмотренных законодательством случаях и жесткое исполнение его законодательной регламентации; – осуществление мер, направленных на профилактику инвалидности; – создание инвалидам условий, необходимых для развития творческих способностей, беспрепятственного доступа к социальной инфраструктуре; – достойное социальное обслуживание; – проживание в семье; – сохранение денежных сбережений и ценных бумаг; – реализация имущественных интересов	Основные направления работы: – информационно-просветительское – формирование культуры отношения к лицам с ограниченными возможностями здоровья в социуме, изменения устоявшихся стереотипов, ментальности в сфере межличностных и социальных отношений, информационный PR достижений детской инвалидной среды; – досуговое – удовлетворение духовных и физических потребностей инвалидов, использование досуга как сферы образования человека, формирования личностных качеств, воспитания социальной культуры, расширение культурного кругозора и межнационального обмена духовными ценностями. Выделяют три компонента структуры досуговой деятельности человека: психофизическая деятельность, социокультурная, интеллектуально-техническая; – коррекционное – полное или частичное устранение или компенсация ограничений жизнедеятельности, педагогические и воспитательные упущения: коррекционно-воспитательное воздействие, коррекционно-развивающее, коррекционно-образовательное; – познавательное – осознание явлений окружающего мира, применение знаний в практической деятельности; – лечебно-оздоровительное – формирование и поддержание положительного эмоционально-психологического фона; – эмоционально-эстетическое воздействие – ориентировано на эстетическое освоение человеком мира. Технологии социокультурной реабилитации (определенный способ достижения общественных целей): – анимационная терапия; – арт-терапия; – библиотерапия; – музыкотерапия; – эстетотерапия; – художественно-эстетическое воспитание театральной деятельностью; – терапия творческой фотографией; – гарденотерапия; – коммуникативные технологии; – сказкотерапия; – терапия физкультурой и спортом; – иппотерапия; – информационно-компьютерные технологии (ИКТ); – инклюзивное образование и др. Принципы: индивидуализации, адресности, непрерывности, последовательности, преемственности, системности подхода, своевременной коррекции дефекта, учитывая изменения психосоматического состояния инвалида и др.

Посильное включение инвалида в жизнедеятельность общества прослеживается в философии независимого образа жизни. Научное обобщение положений данной концепции дано в диссертационном исследовании Е.Н. Ким.

Основные принципы концепции можно выразить тезисами:

- человек с ограниченными возможностями здоровья имеет право на включение во все сферы жизни общества; на независимую жизнь, самоопределение, свободу выбора, равенство с другими людьми;
- равноправные отношения инвалидов и здоровых людей, активное функционирование в конкретной социальной среде.

«Философия независимой жизни» во всем мире определяется как возможность самостоятельно контролировать свою жизнь, сведение к минимуму зависимости от других людей в принятии решений и осуществлении повседневной деятельности. В Европе существуют организации инвалидов, которые занимаются вопросами продвижения идеологии и практики независимой жизни. Такие организации называются центрами независимой жизни, они появляются и в России [5].

Независимость человека с инвалидностью – понятие скорее психологическое, чем физическое; для этого необходима безбарьерная среда, технические средства, услуги персонального ассистента. В этой связи особое внимание заслуживает концепция Л.С. Выготского, основанная на замещающих, приспособительных, компенсирующих функциях организма, позволяющая минимизировать последствия дефекта [1].

Жизнь человека не ограничивается только медицинским диагнозом. В большей степени интеграционному процессу мешают физические, психологические и, как следствие, социальные барьеры. В педагогической практике и деятельности ряда учреждений все большую роль в последние годы обретает социальная модель реабилитации инвалидов (Т.А. Зрелова, Ю.С. Моздокова).

Стратегию современной социально-культурной реабилитации, ориентированную на успешную интеграцию, можно обозначить следующей формулой: от усилий государства, улучшающих жизнь населения (в нашем случае его группы – детей-инвалидов) – к самостоятельности и инициативе самого населения (детей-инвалидов), сознательному культурному росту.

Интересным представляется и опыт реализации теории ортобиоза, основными принципами которой являются: позитивное отношение человека к жизни (оптимизм); рациональная организация жизнедеятельности инвалида. Концепция ортобиоза позволяет человеку не только разумно, целесообразно строить, но и корректировать, самостоятельно изменять взаимодействие с социумом, выбирать собственный стиль отношений и поведения.

Обе концепции, опираясь на ресурсы социально-культурной деятельности, позволяют максимально развить и реализовать творческий потенциал детей с ограниченными возможностями здоровья, способст-

вуют их самореализации вне профессиональной деятельности, помогают приобрести социальный и культурный опыт.

В результате анализа научных работ в области медицины, социальной педагогики, социально-культурной деятельности, психологии, коррекционной педагогики, дефектологии выделены *принципы*, обеспечивающие эффективность реабилитационного процесса: толерантность, гуманизм, индивидуализация, адресность, непрерывность, последовательность, преемственность, системность подхода, принцип своевременной коррекции дефекта, учет изменения психосоматического состояния инвалида.

В создании условий, оптимизирующих процесс социально-культурной реабилитации инвалидов, особая роль принадлежит общественным объединениям, образуемых по инициативе самих инвалидов и с их участием. Эти объединения к решению жизненно важных проблем людей с ограниченными возможностями здоровья привлекают государственные структуры, общественность, бизнес-структуры. Задачами объединений является помощь инвалидам в области трудоустройства, образования, рекреации, досуга и т.п. За счет собственных средств они развивают производство, ведут жилищное строительство, содержат клубы и Дома культуры, самостоятельные и профессионально-творческие коллективы, санатории и базы отдыха, занимаются просветительской и издательской деятельностью, организуют спортивно-оздоровительную и досуговую деятельность, как своих членов, так и иных категорий инвалидов.

Бесспорен факт, что отношение к инвалидам и пожилым людям свидетельствует о зрелости, социальном и нравственном здоровье общества. Реализация такой политики предполагает определения ряда организационно-педагогических условий социокультурной реабилитации детей-инвалидов, взаимодействие системы социальных служб, ответственных за повышение качества жизни инвалидов. Вместе с тем, до сих пор нет четко сформулированной концепции взаимодействия учреждений образования и социальной защиты. Отсутствует координация межведомственной социально-педагогической работы, в которой участвовали бы органы и учреждения социального обслуживания, образования и культуры.

Характер реабилитационной деятельности определяется специфическими условиями, социокультурными особенностями каждой отдельной страны. Примером в этом отношении служит сравнение двух моделей социального обслуживания – европейской и американской. На европейском континенте для социального обслуживания характерна минимизация поддержки нуждающихся со стороны их ближайшего окружения. В Америке приоритетом выступает «опора на собственные силы», личную инициативу, поддержку инвалидов общественными объединениями и ограничение влияния государственных структур.

Проблемы инвалидов в Польше решаются социальными работниками совместно с трудотерапевтами. Главная цель трудотерапии – коррекция физического и психологического состояний инвалидов по-

средством специфической деятельности (трудовой), осуществляемой для оказания помощи и достижения независимости во всех аспектах повседневной жизни.

Одно из успешных направлений работы с данной категорией населения на Западе (США, Канаде, Великобритании) получило название «оккупациональной терапии». Оккупационная терапия (Occupational therapy) – терапия повседневными занятиями – форма профессиональной социальной работы, существующая в большинстве стран мира и занимающая важное место в социальной работе, здравоохранении, образовании. В российской практике опыт оккупационной терапии используется в практике социальной работы поскольку терапия «социальным окружением» является одной из технологий реабилитационной деятельности.

Трудотерапия, используемая как вид реабилитационной деятельности в российской практике, отлична от «оккупациональной терапии», имеющей две стороны: реабилитационную (продуктивная деятельность по собственному обслуживанию) и терапевтическую (восстановление утраченного навыка с помощью использования различных методов и специального оборудования). Значительное развитие «оккупационная терапия» получила в Великобритании и США.

В силу условий, созданных в обществе, люди с инвалидностью и дети-инвалиды в том числе, обладая объективными психофизиологическими свойствами, отличающими их от остальных граждан, не могут использовать весь свой потенциал для обеспечения собственного существования и содействия жизнедеятельности общества. В связи с этим возникает потребность в формировании особого социо-

культурного пространства, позволяющего осуществить полноценное включение детей с ограниченными возможностями здоровья в культурный социум, процессы создания новых общественных структур, которые призваны оптимизировать условия самореализации инвалидов вне профессиональной деятельности.

Обозначенная выше проблема актуализирует необходимость социально-культурной реабилитации и интеграции в социум людей с ОВЗ, принимая во внимание особенности их физического и психического статуса в выборе стратегии использования их потенциала в социальной и культурной жизни современного общества.

Литература

1. *Выготский, Л.С.* Собрание сочинений: в 6 т. Т. 5. Основы дефектологии / Л.С. Выготский. – М., 1983.
2. *Денисова, О.А.* Комплексное многоуровневое психолого-педагогическое пространство для социально-культурной интеграции лиц с сенсорными нарушениями / О.А. Денисова. – Череповец, 2007.
3. *Ионин, Л.Г.* Основания социокультурного анализа / Л.Г. Ионин. – М., 1996.
4. *Моздокова, Ю.С.* Коммуникативно-деятельностный подход к интеграции инвалидов: социально-культурный аспект: дис. ... д-ра пед. наук / Ю.С. Моздокова. – М., 2006.
5. Тольяттинская городская общественная организация инвалидов «Центр независимой жизни». – URL: <http://perspektiva-inva.ru/partners-togliatti.shtml>; <http://www.museum.ru/N34631> (дата обращения: 16.06.2009).
6. *Шамсутдинова, Д.В.* Социально-культурная интеграция личности в сфере досуга / Д.В. Шамсутдинова. – Казань, 2001.

УДК 371.927

Е.А. Жаркова

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННЫЙ ПОДХОД В ПРОЦЕССЕ КОРРЕКЦИИ НАРУШЕНИЙ ЧТЕНИЯ У ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА С СИНДРОМОМ ДЕФИЦИТА ВНИМАНИЯ С ГИПЕРАКТИВНОСТЬЮ В УСЛОВИЯХ ПОЛИКЛИНИКИ

Статья посвящена научно-теоретическому обоснованию и реализации дифференцированного подхода к коррекции нарушений чтения у детей младшего школьного возраста с синдромом дефицита внимания с гиперактивностью в условиях логопедического кабинета в соответствии с выявленными типологическими группами младших школьников с СДВГ с учетом уровня сформированности навыка чтения.

Стратегические направления, психолого-педагогические условия, реализация модели дифференцированной помощи.

The article is devoted to the scientific and theoretical basis and implementation of a differentiated approach to the correction of reading among primary school children with attention deficit disorder and hyperactivity in conditions of speech therapy room in accordance with identified typological groups of primary school children with ADDH taking into account the level of formation of reading skills.

Strategy trends, psycho-pedagogical conditions, realization of the model of differentiated assistance.

Проблема комплексной коррекции нарушений чтения – дислексии у младших школьников с СДВГ (синдром дефицита внимания с гиперактивностью)

на основе дифференцированного подхода является актуальной, теоретически и практически значимой в современных условиях модернизации и интенсифи-

кации российского образования. По данным исследователей, до 30 % учащихся общеобразовательных школ нуждаются в специально-организованной помощи логопеда, учителя, психолога по преодолению выраженных трудностей в овладении навыком чтения [2, с. 82]. Дислексия препятствует успешному обучению и отрицательно влияет на формирование всех уровней личностного развития: поведенческого, когнитивного и эмоционального, и, как следствие, приводит к хронической неуспеваемости младших школьников, среди которых значительную часть составляют дети с СДВГ.

В современных условиях СДВГ, с одной стороны, рассматривается в неотъемлемой связи с дислексией в структуре ее патогенеза; с другой стороны, СДВГ определяется как возможная причина неспецифических нарушений чтения при разграничении этих двух понятий, что предполагает существование одновременно нескольких качественно разных дисфункций [1].

Подход к дислексии как к комплексной полиморфной по клинической симптоматике проблеме представляется наиболее актуальным и отвечающим современным научным исследованиям. В аспекте данного подхода мы можем говорить о неоднородности и вариативности характера нарушений чтения у младших школьников с СДВГ, что детерминирует поиск эффективных и оптимальных путей создания модели дифференцированной коррекционной помощи данному контингенту детей, которая включает в себя образовательные, коррекционные, воспитательные, социальные цели. Одним из важнейших структурных компонентов в структуре модели дифференцированной помощи является диагностический этап работы.

С этой целью в условиях логопедического кабинета был проведен констатирующий эксперимент, в котором приняли участие 264 учащихся (по совокупной выборке) ООУ № 4, 30, 10, 27, 24, 17 г. Череповца для определения уровня сформированности навыков чтения и выявления характера и состава нарушений чтения у младших школьников с СДВГ. Обследование включало три основных диагностических блока: анализ анамнестических данных, изучение жалоб родителей; дифференциальное нейропсихологическое и логопедическое обследование (исследование сенсомоторных способностей, интеллектуальной деятельности, уровня сформированности механизмов произвольного внимания и навыков чтения).

Исходя из комплексной дифференциальной диагностики, нами были определены следующие критерии исследования: уровень сформированности функционального базиса чтения: сукцессивных функций, слухового и зрительного восприятия, динамического праксиса, пространственных представлений, зрительно-моторной координации и графических навыков; уровень сформированности навыков чтения: показатели скорости (КТЧ) и правильности чтения, наличия логопедических ошибок и ошибок, обусловленных проявлениями СДВГ, качества понимания прочитанного, качественных особенностей домини-

рующего способа чтения; уровень сформированности внимания на основе показателя концентрации внимания; характер, механизм и состав нарушенного чтения и резервные механизмы формирования навыка чтения в структуре дефекта; положительная динамика и компенсация в процессе комплексной дифференцированной коррекции нарушений.

На основе анализа результатов исследования нарушений чтения у младших школьников с СДВГ нами был обнаружен качественно неоднородный уровень и характер сформированности навыка чтения – от непатологических форм отставания в овладении навыком чтения до патологических форм нарушений чтения – дислексии. В соответствии с полученными результатами были выделены 3 типологические группы младших школьников с СДВГ: *первая группа* – младшие школьники со специфическими нарушениями чтения (первичной дислексией), проявляющейся стойкой избирательной неспособностью к слогослиянию и автоматизированному чтению целыми словами, характеризующейся несформированностью функционального базиса чтения и практически всех основных навыков чтения; *вторая группа* – младшие школьники с неспецифическими нарушениями чтения (вторичной дислексией), обусловленной клинической картиной СДВГ, как первичного дефекта – легкой формы церебральной патологии, и с более высокой способностью к усвоению чтения, не имеющего избирательного характера; *третья группа* – младшие школьники с отставанием в темпах овладения навыком чтения, что свидетельствует о непатологической и легко преодолимой способности к овладению навыком чтения при наличии оптимальных условий обучения.

Обобщенные результаты позволили нам представить дифференцированную характеристику уровня сформированности навыка чтения (использовались обобщенные показатели исследования: ФБЧ – функциональный базис чтения; КТЧ – коэффициент техники чтения; ПКВ-показатель концентрации внимания) в диаграмме 1.

Учитывая выявленный вариативный и неоднородный характер сформированности навыка чтения у младших школьников с СДВГ, затрудняющий усвоение школьной программы, нами был организован формирующий эксперимент, цель которого: коррекция несовершенного навыка чтения младших школьников с СДВГ в условиях логопедического кабинета с учетом комплексного, системного и разнонаправленного воздействия на основе дифференцированного подхода к коррекции нарушений чтения.

В экспериментальном обучении на базе логопедического кабинета БУЗ ВО «Череповецкая детская городская поликлиника № 2» приняли участие 25 младших школьников с СДВГ в соответствии с выделенными типологическими группами детей, при этом остальные дети с СДВГ обучались по традиционной программе ООУ. Логопедические занятия проводились индивидуально, 2 раза в неделю, в среднем 30 – 35 мин., с учетом клинической картины проявлений СДВГ (циклическостью интеллектуальной деятельности).

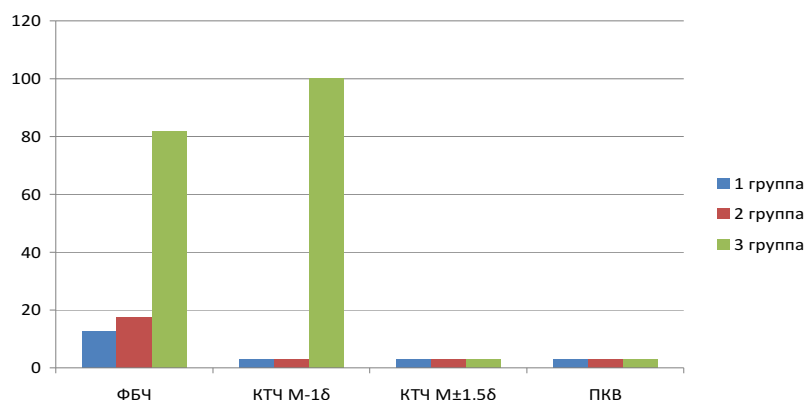

Диаграмма 1. Анализ результатов сформированности навыка чтения у младших школьников с СДВГ в типологических группах

В соответствии с реализацией целей и задач формирующего эксперимента была разработана *модель комплексной дифференцированной коррекционной помощи* в условиях логопедического кабинета, направленная на совершенствование работы по формированию навыка чтения у младших школьников с СДВГ в зависимости от уровня сформированности навыка чтения и состава нарушения чтения.

Структуру модели комплексной дифференцированной помощи младшим школьникам с СДВГ по преодолению нарушений чтения определяют *стратегические направления* (медикаментозная терапия и немедикаментозная коррекция (психолого-педагогическая и логопедическая коррекция)), которые опираются на фундаментальные принципы коррекционной педагогики и специальной психологии: учета симптоматики и степени выраженности нарушений; системного строения дефекта и его социальной обусловленности; оптимального сочетания «нормативности» развития с «личностными достижениями» личности, учета возрастно-психологических и индивидуальных особенностей детей; последовательности коррекционных воздействий с учетом «зон актуального и ближайшего развития»; уровневом принципе формирования навыка; комплексности и активности всех сторон, участвующих в коррекции.

Психолого-педагогическими условиями реализации модели дифференцированной помощи по коррекции нарушений чтения у младших школьников с СДВГ нами определены: взаимодействие специалистов, родителей при активном участии ребенка в условиях логопедического кабинета, школы и дома; дифференциация комплексного коррекционного воздействия с учетом неоднородности характера и состава нарушений чтения по результатам констатирующего эксперимента; формирование положительно-эмоционального отношения; вариативность методического содержания учебного материала по степени сложности и объему; гибкое изменение целей заданий, количества, времени и темпа занятий с учетом индивидуализации темпа, этапа и автоматизации навыка чтения; вариативность форм, методов и приемов работы с опорой на доминирование слухо-

вых или зрительных систем или дополнительной опоры за счет сохранных анализаторов; системность и многократность коррекционного воздействия; изменение условий восприятия учебного материала с учетом «гигиены среды» и психофизиологических особенностей детей; организация мероприятий по информированию и повышению компетентности специалистов, родителей о психофизиологических особенностях и причинах нарушений и путях их преодоления.

В структуре модели дифференцированного подхода к коррекции нарушений чтения у младших школьников с СДВГ в условиях логопедического кабинета нами было определено содержание логопедической и психологической коррекции, включающее три ведущие цели: коррекция и развитие психических функций, обеспечивающих формирование навыка чтения; формирование навыка чтения; формирование эмоционально-положительного отношения к процессу чтения. Соответственно, в зависимости от уровня сформированности навыка чтения и состава нарушения чтения у младших школьников с СДВГ в рамках дифференцированного подхода были определены основные цели и задачи для каждой типологической группы.

Для реализации образовательной цели предполагалась организация обучения с учетом психофизиологических, индивидуальных особенностей детей с СДВГ и учетом уровня сформированности навыка чтения; создание коррекционной программы с учетом вариативности содержания коррекционного учебного материала, вариативности темпов и этапов овладения навыком чтения, отбор методов и приемов коррекции. *Для реализации коррекционной цели* предполагалось изменение уровня сложности и объема учебного материала на основе дозированной помощи; варьирование учебного материала с опорой на онтогенетический принцип (от простого к сложному, от конкретного к абстрактному, от поэтапному к одновременному и др.); постепенный перевод сформированных умений на уровень автоматизированного навыка чтения; многократность и разнонаправленность предоставления учебного материала; использование дополнительных опор (до-

минирующих сенсорных каналов); гибкое изменение целей заданий, времени и темпа занятий; повышение учебной мотивации. Для реализации воспитательной цели предлагалось использование баланса упреждающих мер и мер реагирования с акцентом на позитивное подкрепление; повышение самооценки и снятие тревожности на основе вариативности применения системы поощрений и наказаний (введение знаковой, балльной, жетонной и др. систем поощрения; тактильной, зрительной, вербальной поддержки); обеспечения обратной связи в целях контроля за деятельностью. Для реализации социальной цели предлагалось обучение конструктивным и адекватным формам взаимодействия и навыкам общения с учителями, родителями и сверстниками; обучение навыкам самоконтроля с использованием приемов поведенческой терапии, нарративного подхода, игровой и системной семейной терапии.

Для оценки эффективности проведенной работы был проведен контрольный эксперимент, в котором участвовали 25 детей с СДВГ, прошедших комплексную коррекцию с учетом дифференцированного подхода в соответствии с уровнем сформированности навыка чтения.

Анализ результатов констатирующего и контрольного экспериментов, представленный в диаграмме 2, показал эффективность реализации разработанной нами модели дифференцированной коррекционной помощи по преодолению нарушений чтения у младших школьников с СДВГ, что подтверждено данными математической статистики.

С учетом комплексной дифференцированной помощи у 1/3 детей отмечена положительная динамика и компенсация проявлений СДВГ, при этом 28 %

детей сняты с учета невропатологом. Отмечено значительное улучшение психофизиологических показателей зрелости психических процессов, лежащих в основе функционального базиса чтения: сукцессивных функций, зрительно-моторной координации и оптико-пространственных представлений, слухоречевой памяти. Существенным показателем эффективности проведенной работы стало улучшение результатов овладения навыком чтения. Все дети освоили элементарную ступень овладения навыком чтения; в 2 раза возросло число детей со слоговым способом чтения; в 5 раз возросло число детей, освоивших синтетический способ чтения. В целом, более 50 % детей овладели автоматизированным навыком слогослияния, являющимся ключевым навыком при формировании чтения. В 2 раза вырос показатель низкой нормы овладения чтением, что так же свидетельствует о компенсаторных механизмах и положительной динамике. В связи с этим, почти в 2 раза снизилось количество ошибок в чтении. Более 90 % детей достигли качества понимания, что свидетельствует о функциональной адекватности навыка понимания прочитанного. У младших школьников с СДВГ, не принимавших участие в формирующем эксперименте, результаты были не столь значительны.

Таким образом, дифференцированный подход в обучении, являясь одним из эффективных и важнейших способов обучения и воспитания детей с СДВГ, испытывающими трудности в овладении навыком чтения, ориентирован на достижение положительных результатов в обучении и развития потенциала личности каждого учащегося.

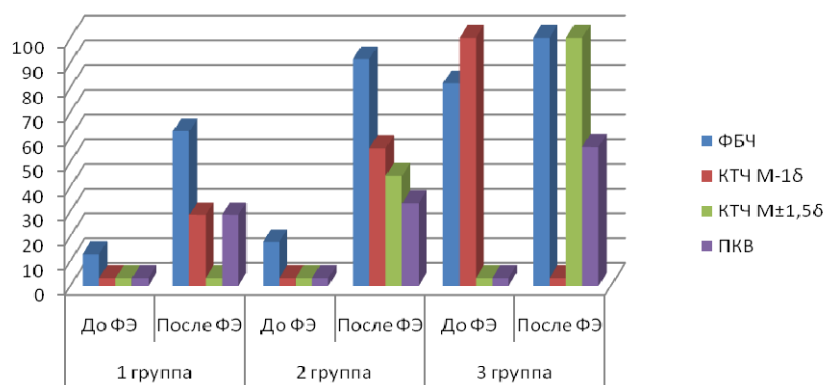

Диаграмма 2. Анализ результатов констатирующего и контрольного экспериментов у младших школьников с СДВГ в зависимости от уровня сформированности навыка чтения

Литература

1. Корнев, А.Н. Дислексия и дисграфия у детей / А.Н. Корнев. – СПб., 1995.

2. Русецкая, М.Н. Экспериментальное изучение когнитивных причин нарушений чтения / М.Н. Русецкая // Дефектология. – 2007. – № 1. – С. 82 – 91.

**РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА
СИСТЕМЫ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**

В статье представлен ретроспективный анализ развития системы непрерывного образования. С позиции культурологического подхода показано, что эволюция педагогических систем непрерывного образования и различных типов организации человеческой деятельности коррелирует с историко-культурным развитием цивилизации.

Автором подчеркивается значимость научения, социализации, инкультурации в процессе индивидуального развития личности. Также рассматриваются основные функции и тенденции развития социального пространства системы непрерывного образования в условиях постиндустриального общества.

Система высшего образования, тенденции прогностического развития социального пространства, вуз, социальное пространство, система непрерывного образования, социализация, инкультурация, научение.

The article presents a retrospective analysis of the development of the system of continuous education. From the position of culturological approach it is shown that the evolution of pedagogical systems of continuing education and various types of organization of human activity correlates with the historical and cultural development of civilization. The author emphasizes the importance of learning, socialization and inculturation in the process of individual development. The paper considers the basic features and trends of development of social space of the continuous education system in the conditions of postindustrial society.

The system of higher education, prognostic tendencies of development of social space, university, social space, the system of continuous education, socialization, inculturation, teaching.

Теоретическое представление о стратегии развития социального пространства системы отечественного образования целесообразно в историко-педагогическом контексте, оказывающем существенное значение на понимание особенностей развития социального пространства в современном социокультурном контексте.

Функции социального пространства с позиции его самодостаточности на современном этапе проявляются в новом качестве; при этом усиливается информационная функция, содержащая сведения о векторах образовательных траекторий и освоения исследовательской, эстетической, преобразовательной и других видов деятельности; обучающая, формирующая многонаправленность базовых и дополнительных умений и знаний в предполагаемой сфере жизненной, профессиональной деятельности; развивающая, способствующая развитию типологических свойств и качеств личности; социализирующая, обеспечивающая вхождение в социальную группу (среду) и адаптацию в ее структуре в плане социальных ролей, как личностное достижение в деятельности и во взаимоотношениях; корректирующая и релаксационная, обеспечивающая снятие психологических затруднений и барьеров.

Сущность образовательной деятельности в социально-институализированных образовательных структурах, под которыми понимаются социальные структуры, которые не являются образовательными, но имеют высокий образовательный потенциал (музеи, библиотеки, Центры образования и художественного творчества, др.), рассматриваемая в контексте ведущих идей педагогики развития означает приоритет развития личности и ее познавательных, интеллектуальных, информационных физических, творческих способностей.

При этом отметим, что отличительными особенностями социального пространства выступают: ва-

риативность, обусловленная многообразием образовательных программ, доступных для человека в соответствии с его жизненными и профессиональными намерениями; мобильность «входа» и «выхода» личности из образовательного процесса, обусловленная образовательными маршрутами личности.

Определяя тенденцию прогностического развития социального пространства системы непрерывного образования с позиции инновационно-социализирующей направленности отечественного образования, то она на современном этапе формируется как открытая социально-педагогическая компонента, которая создается обществом (как и другие социальные организации) и призвана осуществлять социальные цели и функции непрерывного образования, существенно влияя на потребность постиндустриального общественного развития.

Концептуальная идея о развитии современного социального образовательного пространства, широко интерпретируемая в историко-педагогическом контексте, позволяет отметить традиционную ориентацию на личностные потребности и стимулирование мотивов к образованию. И в этой связи отличительная особенность современного инновационно-социализирующего образовательного пространства должна проявиться в том, чтобы не столько личность адаптировалась бы к имеющимся условиям образовательного процесса, сколько образовательный процесс проектировался бы с учетом потребностей личности, общества, семьи, государства.

Особый интерес в историко-педагогическом контексте представляет развитие домашнего образования (самообразования как одного из ведущих способов развития социального образовательного пространства). Ретроспективный анализ развития домашнего образования как социально-институализированной структуры позволяет отметить первые попытки его формирования с 60-х гг. XX в., что яв-

ляется следствием развития альтернативных форм институциональному образованию (Дж. Холт). В качестве факторов развития этой формы явились две основные группы – практические и ценностные. Практические связывались с определенными проблемами (низкий уровень обучения, учебные страхи, невосприимчивость педагогической деятельности и др.). Ценностные соотносились с потребностью родителей существенным образом лично влиять на ребенка, передавать свои религиозные, философско-мировоззренческие убеждения. Американский исследователь Изабель Лиман определяет, например, такой значимый фактор, как «стремление к укреплению и углублению семейных основ» [4].

Ретроспективный анализ рассматриваемой проблемы показывает, что развитие социального образовательного пространства связано со становлением самодостаточности формы самообразования, включая занятия в образовательном учреждении и в домашних условиях, что находит свои истоки в Европе, постепенно приобретая стратегию развития, при этом не являясь стандартизированной формой образования. Исследование данной формы развития, например, в Швейцарии, Австрии, Великобритании свидетельствует о становлении этой формы как образовательной модели с учетом ее самодостаточности [4].

Ретроспективный анализ международной практики позволил дифференцировать подходы к становлению формы самообразования на следующие группы: во-первых, страны, в которых домашнее обучение было разрешено – Бельгия, Дания, Финляндия, Франция, Ирландия, Италия, Норвегия, Люксембург, Португалия, Великобритания; во-вторых, страны, в которых ранее не разрешалось эта форма образования – Австрия, Венгрия, Польша, Россия; в-третьих, страны, в которых отсутствует формальное разрешение, но оно допускается в отдельных случаях – Греция, Голландия, Испания; в-четвертых, страны, в которых существует обязательное посещение школы – Германия. При этом в Дании свободное решение родителей, в Швейцарии, Финляндии и Франции – эта норма является альтернативной массовой; в Греции и Испании – по причине неспособности по состоянию здоровья или другим причинам.

На основе выявленной сущности международной практики отметим, что форма домашнего образования, выступающая важным организационно-содержательным компонентом структуры социального пространства, является выражением основы природосообразности человека и согласуется с его потребностями, приобретая характер исторической социокультурной обусловленности.

С позиции системного подхода предпринятый социокультурный анализ развития социального образовательного пространства обуславливает возможность его рассмотрения как объекта:

- 1) с позиции его внутренней структуры, как органическое целое;
- 2) процесса, т.е. следующих друг за другом во времени совокупности исторических связей и зависимостей его внутренних составляющих;

3) как выявление и фиксирование качественных изменений в его структуре в целом;

4) как раскрытие закономерностей его развития, законов перехода от одного исторического состояния объекта, характеризующееся одной структурой к другому историческому состоянию и характеризующегося другой структурой (С.Ф. Егоров, М.В. Богуславский, И.З. Сковородкина, Т.Б. Игнатьева и др.).

Системный подход есть направление методологии научного познания и социальной практики, в основе которого лежит рассмотрение объектов как систем, позволяет возможным раскрыть целостность объекта исследования, выявить многообразие типов связей в нем и сведение их в единую теоретическую целостность [5]. Вследствие этого, учитывая историческую ориентированность образования на социальное становление человека с позиции уровней усвоения культуры в ходе онто- и филогенеза, важно представить разные аспекты единого процесса приобщения личности к образованию в контексте таких понятий, как научение, социализация и инкультурация (Б.Г. Корнетов, В.Г. Безрогов, А.А. Пелипенко, А.М. Розин и др.).

Исследователями отмечается, что посредством трансляции социального опыта в образовательном процессе в контексте смены исторических типов культуры происходит введение обучаемого в нормы и правила социальной жизни, обучение знаниям, умениям и навыкам в рамках осваиваемой им продуктивной образовательной деятельности. Из этого следует, что в детском и подростковом возрасте происходит процесс научения и первичной социализации, в ходе которой индивид впервые осваивает самые общераспространенные, жизненно важные элементы культуры. В зрелом возрасте процессы освоения новых навыков, знаний, социальных ролей определяется понятием вторичной социализации и проявляется в идее непрерывности процесса приобщения личности к обществу (образованию), что характеризуется процессом инкультурации.

Согласно определению Г.Б. Корнетова, инкультурацию следует принять как «усвоение норм и ценностей, регулирующих коллективную жизнедеятельность социальной жизни. Она способствует социальному воспроизводству сообщества. Инкультурация индивида в процессе воспитания и образования формирует его в качестве «продукта культуры» данного сообщества. Закладывает в его сознание оценочные и поведенческие стереотипы, культурные образцы в уже готовом к «употреблению» виде, а также формирует личность социально адекватную потребностям этого сообщества [3].

В целях уточнения функциональной сущности понятий научение – инкультурация – социализация, экстраполирующих на идею непрерывности и преемственности в эволюционном становлении образования, уточним сущность этих понятий. Вследствие этого инкультурация как освоение норм и правил коллективного «общества», осваиваемого личностью с рождения в процессе семейного воспитания и начального образования, обуславливает формирование личности как «продукта» и «потребителя» опре-

деленного типа культуры; вследствие чего социализация и инкультурация представляют две основополагающие функции образования и воспитания в соответствии с историческим типом культуры и определяются как два аспекта единого процесса приобщения индивида к социокультурной среде.

Иной взгляд на функции и взаимосвязь процессов социализации и инкультурации представлен в работах Б.М. Бим-Бада, где понятия научения, социализации и инкультурации относятся к синонимичным понятиям и рассматриваются все три процесса суммарно как единый процесс воспитания, отмечая, что участвуют они в процессе воспитания по-разному. Вследствие этого, научение рассматривается как процесс и результат самопроизвольного приобретения индивидуального опыта, происходящего вначале неосознаваемо для растущего человека. Роль скрытого научения особенно ярко проявляется в усвоении речи и при решении творческих задач; результат научения проявляется в форме инсайта – внезапных озарений и является первой ступенью в формировании условных рефлексов при освоении социального опыта. Оно происходит неосознанно, под действием стихийных жизненных обстоятельств. Социализация рассматривается как в целом процесс воспитания, которое называется спонтанным или непреднамеренным воспитанием, в ходе которого происходит очеловечивание ребенка [3].

Вследствие этого с позиции методологической основы трактовки рассматриваемой проблемы представляется возможным утверждать, что научение – социализация – инкультурация являются тремя исторически воспроизводимыми функциями образования и социального становления человека от рождения до старости (или тремя методическими системами). В детском возрасте воспитание осуществляется методом подражания и научения, носящего спонтанный, безусловно-рефлекторный, инсайтный характер. Результатом обучения в дошкольном обучении и начальной школе является первичная социализация и инкультурация – усвоение и принятие коллективных норм и правил поведения.

В общей, профессиональной и высшей школе – подготовка к профессии и жизненно важной адаптации, т.е. вторичная социализация; в зрелом возрасте человек как бы вновь повторяет качественно новый цикл научения, социализации, инкультурации, с учетом жизненного, профессионального опыта и физиологических возможностей организма. С позиции теоретико-методологического и логико-системного анализа исторических этапов общественного развития отметим определенные доминанты триады научение – социализация – инкультурация: научение выступает в качестве основного метода воспитания и образования в первобытном обществе и цивилизациях древности, когда формировалась тип традиционной культуры; инкультурация приоритетно соответствует Средневековью и ремесленной организационной культуре; социализация – Просвещению и современной эпохе, т.е. научному и проектно-технологическому типам организационных культур.

Формирование и развитие социального образовательного пространства системы непрерывного образования является частью общего социокультурного историко-педагогического процесса, что обуславливает определение сущности его становления в историко-педагогическом контексте – в рамках его традиций и новаторства, представленных в работах С.Ф. Егорова, М.В. Богуславского, И.З. Сковородкиной, Т.Б. Игнатъевой и др.

В контексте ретроспективного анализа видоизменения социального образовательного пространства как педагогического объекта под влиянием социально-политических, культурных, психолого-педагогических и иных условий необходима интерпретация трактовки его развития с позиции социокультурной сущности. Социально-педагогическое значение функций современной культуры в соответствии с ее историческим типом детерминирует основной тип формы организации деятельности человека и оказывает обусловленность целей и содержания образования культурными ценностями. В такой трактовке представляется понимание высказываний С.И. Гессена – выдающегося педагога-философа XIX в.: с появлением культуры можно говорить о появлении образования как системы приобретения социальных и культурных ценностей. Цели образования совпадают с целями культуры. Сколько видов культуры, столько видов образования (нравственное, эстетическое, религиозное). Задача образования – приобщить человека к культурным ценностям науки, искусства, нравственности, производства, хозяйства [3].

В трудах Питирима Сорокина отмечается: Всякая великая культура есть не просто конгломерат разных явлений, а есть единство всех составляющих ее частей, которые выражают одну (главную) ценность. Доминирующие черты философии, религии, науки, а значит и образования выражают главную ценность. Именно ценность служит основой и фундаментом всякой культуры [3].

С этих позиций важно отметить, что существенно значимый для рассматриваемой проблемы является современный тип формы организации человеческой деятельности – проектно-технологический, имеющий методологические предпосылки еще в социальных проектах-утопиях. Отметим, что проектный компонент человеческой деятельности присутствовал в работах Аристотеля, Т. Мора, Т. Компанеллы, Р. Оуэна как проекты идеальных образов породы людей, при этом идеал выступает род проекта-цели, воплощающий представление о совершенстве человека, устройства жизни. В педагогическом знании проектно-технологический тип деятельности существенно выражен Я.А. Коменским, что является важным для нас: основоположник теоретической педагогики высказал идею внесения в деятельность педагога исследовательского стимула для успешности обучения, которая активно может создаваться в социально-институализированных структурах общества.

Определяя эволюционное становление образования и тип организации деятельности как процесс трансляции социокультурного опыта через ценности, важно отметить, что ценности непрерывного образо-

вания заключаются в освоении современных социокультурных ценностей именно в многообразии организационных форм и структур образования, в условиях неограниченности времени, форм, места и разнообразия средств обучения. Таким образом, становление образования, исторически детерминированного социокультурной основой развития его институциональных и социально-институционализированных структур, согласуется с непрерывностью эволюционной связи их становления и развития, отражая сегодня стратегию отечественной и общемировой культуры в целом.

В ретроспективном контексте анализа развития социального пространства отметим, что с изменением социокультурного стереотипа изменяется общественная формация; переход к последующему историческому этапу развития общества изменяет общественные потребности в образовании, обуславливая новые цели, содержание образования, методы, формы, средства обучения. При этом цели, содержание обучения и воспитания, обусловленные особенностью социокультурного развития, обуславливают методы, средства обучения и новые формы развития социального образовательного пространства. Вследствие этого новая сущность современного образования с учетом логики исторического типа культуры XXI в. согласуется с переводом развития социального образовательного пространства на более интенсивные уровни форм его организации в условиях формирования системы непрерывного образования постиндустриального этапа.

Отметим, что идеи непрерывности образования человека в течение жизни согласуются с эволюцией социокультурного процесса и могут рассматриваться как проблема:

а) историческая (ибо она рассматривает педагогические феномены прошлого в процессе их генезиса и эволюции);

б) культурологическая (ибо она рассматривает их в контексте разных типов организационных культур);

в) социологическая (ибо она рассматривает их в контексте исторической динамики общественных институтов, социальных структур и отношений).

Отметим важность периода Средневековья, когда окончательно оформилась традиционная педагогическая система – система образования, соответствующая традиционной организационной культуре. Ее характерные особенности составляли: авторитарность, практическая целенаправленность, прагматизм, сословное содержание и сущность направленности образования, репродуктивные методы обучения, метод воспитания – принуждение. При этом в средневековой педагогике в полной мере проявились все основные черты традиционной системы образования как устойчивого социального института образования.

Современными исследователями научно обоснована интерпретация стратегически направленных социокультурных процессов, обуславливающих новые аспекты преемственности образовательного

процесса и развитие непрерывного образования с учетом всех методологических предпосылок развития институциональных и неинституциональных форм, среди которых существенное значение имеет развитие социального образовательного пространства.

Переход к концептуальной идее развития современной креативно-педагогической цивилизации согласуется с постиндустриальным типом культуры, отражая ее востребованность современным образованием, которое перестает быть знаниевым, «рационально-просвещенческим», упрощенно «зуновским», а становится механизмом «окультурации» человека и организации индивидуальной траектории развития человека и постоянно возобновляемого, непрерывного образования личности. Новая образовательная парадигма ассоциируется с углублением и развитием гуманитарно-культурологического начала, которое отражает признаки современной культурной эпохи и необходимость создания новой сущности образования, модели, которая конгруэнтна реальной информационной культуре. Вследствие этого, очевидна новая по своей социокультурной и общественной значимости образовательная модель, социообразно организующая человеческую деятельность в контексте истории человечества, прошедшем, как выделяют культурологи, три типа культуры или «три волны» (по О. Тоффлеру: сельскохозяйственная, индустриальная и постиндустриальная (информационная), выступающими основой социокультурных предпосылок непрерывного образования. Каждая из них определяла специфическую форму социального бытия людей и соответствующую ей форму всемирного исторического непрерывного педагогического процесса, репрезентированную в конкретной образовательной модели, в рамках которой формировался тип сознания, адекватный актуальной культуре.

Ретроспективное теоретическое исследование развития социального образовательного пространства, осуществленное с общих позиций логико-системного анализа, обусловило представление его развития на современном этапе в рамках методической системы – модифицированных процессов научения, инкультурации, социализации, проявление их методологической сущности с позиции проектно-технологического типа организационной культуры человеческой деятельности, ведущего на современном этапе. Существовая параллельно сегодня с другими формами организации человеческой деятельности, проектно-технологическая деятельность обусловлена современным способом освоения и трансляции типа современной культуры, в качестве которого выступают проекты, программы, технологии. Они становятся ведущей формой организации человеческой деятельности, мобильно организуемой в институциональных и неинституциональных структурах системы непрерывного образования. Поскольку в процессе смены социокультурных этапов, особенно в XIX в., наряду с теориями появились такие интеллектуальные организованности, как проекты и программы, а к концу XX в. деятельности по их созда-

нию и реализации стали приоритетными, широко осваиваемыми. Они обеспечиваются не только и не столько теоретическими знаниями, сколько аналитической работой, исследовательскими, творческими умениями: предшествующая профессиональная культура породила способы массового изготовления новых знаковых форм (моделей, алгоритмов), что сегодня является основой для новых технологий.

Современный социокультурный фактор целенаправленно обуславливает новое социальное становление человека, представленного идеей постиндустриального образования в новом его качестве и формах организации, в которых социальное образовательное пространство имеет свою ресурсную сущность и стратегию развития.

Литература

1. Бим-Бад, Б.М. Факторы и процессы развития человека / Б.М. Бим-Бад // Труды кафедры педагогики, истории образования и педагогической антропологии. Вып. 16. – М., 2002. – С. 15 – 17.
2. Колесникова, И.А. Педагогические цивилизации и их парадигмы / И.А. Колесникова // Педагогика. – 1995. – № 6. – С. 84 – 89.
3. Корнетов, Г.Б. История педагогики на пороге XXI века / Г.Б. Корнетов, В.Г. Безрогов. – М., 2000. – Ч. 1.
4. Прокоп, Й. Домашнее обучение как одна из современных моделей нынешнего образования / Йижи Прокоп // Известия Международной славянской академии им. Я.А. Коменского. – 2006. – № 4. – С. 220 – 225.
5. Невская, В.И. Теоретико-методологические характеристики обучения с позиции системного анализа / В.И. Невская. – Владимир, 2004.

УДК 371.96

В.Н. Поникарова

ДИАГНОСТИКА ГОТОВНОСТИ К ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ИНТЕГРИРОВАННОМ / ИНКЛЮЗИВНОМ ОБРАЗОВАНИИ

В статье представлена актуальная проблема – изучение готовности к осуществлению педагогической деятельности в интегрированном / инклюзивном образовании. Авторами раскрывается ценностно-мотивационный, когнитивный, операционно-деятельностный, аффективный компоненты готовности.

Интегрированного / инклюзивное образование, готовность, структура готовности.

This article considers the current problem of studying the preparedness for pedagogical activity in an integrated / inclusive education. The authors reveal the value-motivational, cognitive, operational-activity and affective components of readiness.

Integrated / inclusive education, preparedness, structure of readiness.

Для организации эффективного интегрированного / инклюзивного образования необходима специальная подготовка педагогических кадров. Ее целью является обучение педагогов-дефектологов и педагогов массовых школ и детских садов основам специальной психологии и коррекционной педагогики, освоение ими специальных технологий обучения, обеспечивающих возможность индивидуального подхода к нестандартному ребенку [1, с. 60].

В образовательной практике центральная роль отводится педагогу, от деятельности которого зависит эффективность проводимых реформ, что обуславливает необходимость качественного изменения подготовки будущих специалистов в области инклюзивного образования. Переход от традиционно принятой системы обучения к расширению спектра и улучшению качества образовательных услуг, в частности, в работе с детьми с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ), предъявляет повышенные требования к педагогу.

Идея интегрированного / инклюзивного образования предъявляет особые требования к профессиональной и личностной подготовке специалистов, которые имеют базовое коррекционное образование, и учителей с базовым уровнем знаний и специальным компонентом профессиональной квалификации. Под

базовым компонентом понимается профессиональная педагогическая подготовка (предметные, психолого-педагогические и методические знания, умения и навыки), а под специальным компонентом – следующие психолого-педагогические знания:

- представление и понимание того, что такое инклюзивное образование, в чем его отличие от традиционных форм образования;
- знание психологических закономерностей и особенностей возрастного и личностного развития детей в условиях инклюзивной образовательной среды;
- знание методов психологического и дидактического проектирования учебного процесса;
- умение реализовать различные способы педагогического взаимодействия между всеми субъектами образовательной среды (с учениками по отдельности и в группе, с родителями, коллегами-учителями, специалистами, руководством).

Можно отметить следующие группы профессиональных задач, отражающих компетентность педагогов в области инклюзивного образования:

- видеть, понимать и знать психолого-педагогические закономерности и особенности возрастного и личностного развития детей с ограничен-

ными возможностями здоровья, находящихся в условиях инклюзивной образовательной среды;

- уметь отбирать оптимальные способы организации инклюзивного образования, проектировать учебный процесс для совместного обучения детей с нарушенным и нормальным развитием;

- реализовывать различные способы педагогического взаимодействия между всеми субъектами коррекционно-образовательного процесса;

- создавать коррекционно-развивающую среду в условиях инклюзивного образовательного пространства и использовать ресурсы и возможности общеобразовательного учреждения для развития детей с ограниченными возможностями и нормально развивающихся сверстников;

- проектировать и осуществлять профессиональное самообразование по вопросам обучения, воспитания и развития детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивной образовательной среды.

Необходимым условием осуществления высоких учебно-воспитательных результатов является сформировавшаяся готовность педагогов к новым образовательным пространствам, в частности, к инклюзивной практике. Поэтому рассмотрение понятия готовности педагогов актуально на этапе внедрения и развития инклюзивного образования как основного фактора успешности в управлении процессом обучения детей с ОВЗ.

Готовность в прямом смысле имеет два значения. Первое – это согласие сделать что-нибудь, как добровольное и осознанное решение, направленное на деятельность; второе – как описание состояния, при котором все готово для чего-нибудь и которое обеспечивает выполнение решения.

Устойчивость, стабильность и качество профессиональной деятельности обуславливается именно особенностями психологической готовности специалиста. Психологическая готовность – это совокупность как внутренних, так и внешних условий, в первую очередь, это личностные качества специалиста-педагога: интеллектуальные, мотивационные, эмоционально-волевые, профессионально-ценностные, обеспечивающие готовность к профессиональной деятельности. Это некая внутренняя уверенность и решимость, состояние мобилизации, формирующаяся в процессе профессионального обучения и обеспечивающая успешность деятельности. Одновременно психологическая готовность – это условие эффективности профессиональной деятельности [4, с. 82].

Актуальным является вопрос о диагностике готовности к осуществлению педагогической деятельности в интегративном / инклюзивном образовании. Структура готовности может быть представлена следующими взаимосвязанными компонентами [6, с. 310].

1. *Ценностно-мотивационный* компонент содержательно включает в себя личностную ценность образовательной деятельности в инклюзивном образовании, осознанный выбор и сформированность мотивации как ясно выраженную устойчивую направленность интересов и потребностей субъекта

использовать профессиональные интересы, ценностные ориентации. Личностная ценность образовательной деятельности в инклюзивном образовании проявляется как во всей его профессиональной жизнедеятельности, так и в отдельных педагогических ситуациях, определяет его восприятие внешних событий и логику поведения. Отражает уровень мотивационных побуждений, влияющих на выбор важных ценностных ориентаций в образовательной среде, характеризует целенаправленный и сознательный характер действий. В состав данного компонента входят: мотивация инклюзивной образовательной деятельности, стремление к самосовершенствованию и самореализации в профессиональной деятельности, потребность в достижении цели.

2. *Когнитивный* компонент предполагает овладение общими теоретическими и прикладными педагогическими знаниями о сущности инклюзивного образования, вариантах его осуществления (исследовательская, проблемно-поисковая, творческая, проектная), педагогических средствах, обеспечивающих организацию в учебном процессе и вне учебной деятельности (технологии и техники обучения). *Когнитивный компонент* представляет собой совокупность знаний, необходимых педагогу в процессе профессионального саморазвития. Данный компонент содержит: знание теоретических основ профессионального становления, развитое критическое и логическое мышление.

3. Актуализация всей совокупности знаний, умений и навыков, соотнесение их с решением конкретных педагогических задач и трансформация в способы деятельности в связи с этим выделяется следующий компонент – *операционально-деятельностный*. Включает разнообразные умения и навыки: организационные, коммуникационные, прогностические, рефлексивные, проективные.

4. *Аффективный* компонент – это чувства, эмоции, переживания, обусловленные проблемной ситуацией; возможности регуляция переживаний, связанных с ее эффективным разрешением.

Для экспериментального изучения готовности к осуществлению педагогической деятельности в интегративном / инклюзивном образовании была разработана диагностическая программа.

Для изучения ценностно-мотивационного компонента были отобраны следующие методики: опросник «Оценка профессионально-значимых качеств педагога», анкета «Осознанность выбора педагогической системы», «Самоактуализационный тест», тест «Уровень субъективного контроля», опросник «Индикатор стратегий преодоления стресса».

Для изучения когнитивного компонента были отобраны: анкета для педагогов «Что вы знаете об инклюзивном образовании?» (по Н.А. Кузнецовой), опросник «Причины организационных трудностей в сфере инклюзивного образования» (по А.М. Гендину, А.А. Дмитриеву, М.И. Сергееву, Л.И. Дмитриевой), опросник «Причины профессиональных трудностей в сфере инклюзивного образования» (по А.М. Гендину, А.А. Дмитриеву, М.И. Сергееву, Л.И.

Дмитриевой), определение индивидуальных копинг-стратегий (по Э. Хайму).

Для изучения операционально-деятельностного компонента были отобраны: экспертная оценка типа поведения в профессиональной среде (по Schaarschmidt U., Fischer A.W., 1997), опросник «Особенности профессионального поведения и отношения к профессиональной деятельности» (по Schaarschmidt U., Fischer A.W., 1997), опросник «Когнитивно-поведенческие стратегии преодоления» (И.Г. Сизова, С.И. Филиппченкова).

Для изучения аффективного компонента были отобраны: методика О.С. Копиной, Е.А. Сусловой, Е.В. Заикина «Ваше самочувствие» (шкала психосоциального стресса Л. Ридера), самооценка психосоматических признаков эмоционального напряжения (по Т.А. Немчину), опросник на «выгорание» МВІ (по К. Маслач и С. Джексон, адаптация Н.Е. Водопьяновой).

Для изучения профессионально важных качеств педагога интегративного / инклюзивного образования был использован метод экспертной оценки. На основании обобщения диагностических показателей нами были определены следующие уровни готовности: оптимальный, продвинутый, минимальный.

Оптимальный уровень готовности к осуществлению педагогической деятельности в интегративном / инклюзивном образовании характеризуется успешным выполнением профессиональных обязанностей, отмечается полный объем освоения профессионально важных качеств с их творческим переосмыслением. Как правило, педагогам свойственна существенная значимость профессиональной деятельности, которая сочетается с высокой фрустрационной толерантностью. Предпочитаемая парадигма образования – личностно-ориентированная. Профессионально важные качества педагога интегративного / инклюзивного образования сформированы в полном объеме.

Продвинутый уровень готовности к осуществлению педагогической деятельности в интегративном / инклюзивном образовании характеризуется адекватным выполнением профессиональных обязанностей. Объем освоения профессионально важных качеств является достаточным для осуществления профессиональной деятельности, но не предполагает его творческого переосмысления и расширения. Значимость профессиональной деятельности – умеренная, фрустрационная толерантность при этом – средняя, с формированием явлений эмоционального и профессионального выгорания. Профессионально важные качества педагога интегративного / инклюзивного образования в целом сформированы, но нуждаются в дополнении, обобщении, уточнении.

Минимальный уровень готовности к осуществлению педагогической деятельности в интегративном / инклюзивном образовании характеризуется трудностями выполнения профессиональных обязанностей. Объем освоения профессионально важных качеств является недостаточным для осуществления профессиональной деятельности, не предполагает его переосмысления и пополнения. Значимость профессио-

нальной деятельности у этой группы педагогов – низкая и умеренная. Фрустрационная толерантность преимущественно снижена, с выраженными симптомами эмоционального и профессионального выгорания. Профессионально важные качества педагога интегративного / инклюзивного образования сформированы недостаточно.

В констатирующей части исследования участвовало 1460 испытуемых. Экспериментальную группу (950 человек) составили 200 студентов – будущих дефектологов и 750 педагогов-дефектологов, работающих в специальных (коррекционных) образовательных учреждениях.

Контрольную группу (510 человек) составили 150 студентов – будущих специалистов в области дошкольного и начального образования, 200 педагогов муниципальных дошкольных образовательных учреждений и 160 учителей муниципальных школьных образовательных учреждений.

Процедура обследования педагогов включала: изучение оценки профессионально-значимых качеств педагога, выбор педагогической системы в условиях перехода к инклюзивному образованию, фрустрационную толерантность, уровень субъективного контроля, уровень самоактуализации, оценку уровня освоения образовательных компетенций, доминирующих копинг-стратегий, стиля копинг-поведения, тип профессионального поведения, причины профессиональных и организационных трудностей интегративного / инклюзивного образования.

Анализ полученных данных позволяет сделать вывод, что по результатам экспертной оценки у педагогов специального образования совпадения с выбором профессионально важных качеств педагога интегрированного и инклюзивного образования имеются совпадения по 7 позициям, в то время как у педагогов массового образования – по 9.

Список профессионально важных качеств педагога интегрированного и инклюзивного образования, полученный по результатам констатирующего эксперимента, отличается от выбора экспертов по 6 позициям.

По результатам констатирующего эксперимента у педагогов специального образования совпадения с выбором профессионально важных качеств педагога интегрированного и инклюзивного образования имеются по 9 позициям, в то время как у педагогов массового образования – по 4.

Сравнительный анализ результатов показывает, что у педагогов специального и массового образования сходным является преобладание продвинутого уровня результатов. Можно отметить, что у педагогов специального образования эти показатели более высокие, чем у их коллег-педагогов массового образования. То же касается и уровня оптимальных результатов по всем блокам, за исключением аффективного. Следовательно, педагоги специального образования обладают более выраженной мотивацией осуществления профессиональной деятельности педагога интегрированного и инклюзивного образования, более широкими знаниями о специфике данного образования, в то же время показатели фрустрацион-

ной толерантности у них несколько ниже, чем у педагогов массового образования.

Наиболее значимые результаты получены при сравнении будущих педагогов и педагогов специального образования – $\chi^2 = 24,62$ значимо при $p \leq 0,001$.

Таким образом, нами были определены профессионально важные качества педагога интегрированного / инклюзивного образования, к которым отнесли направленность на работу в условиях инклюзивного образования, высокий уровень самоактуализации, личностно-ориентированная парадигма образования, доверительно-диалогический стиль общения, оптимальный тип поведения в профессиональной среде и др.

Наиболее высокие совпадения с оценкой экспертов отмечены у педагогов специального образования. Список профессионально важных качеств, полученный по результатам констатирующего эксперимента, значительно отличается от экспертной оценки и отражает реальную картину готовности педагогов к осуществлению интегрированного и инклюзивного образования. Выделенные качества не позволяют в полной мере осуществить профессиональную педагогическую деятельность в условиях интегрированного и инклюзивного образования.

Готовность к осуществлению профессиональной педагогической деятельности в условиях интегрированного и инклюзивного образования следует признать неудовлетворительной. Педагоги нуждаются в осуществлении психологического сопровождения и проведении развивающей работы.

Литература

1. Денисова, О.А. Феноменология инклюзивного образования детей с ограниченными возможностями здоровья / О.А. Денисова, В.Н. Поникарова // Актуальные проблемы коррекционной педагогики и специальной психологии: Материалы VII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, 16 – 17 апреля 2012 / Под ред. Л.А. Пепик. – Череповец, 2012. – С. 59 – 63.
2. Назарова, Н.М. Проблемы и перспективы подготовки психолого-педагогических кадров для работы в системе специального образования лиц с ограниченными возможностями / Н.М. Назарова // Инновации в российском образовании. Специальное (коррекционное) образование. – М., 1999. – С. 128 – 134.
3. Поникарова, В.Н. Дополнительное профессиональное образование педагогов для инклюзивного образования дошкольников с ограниченными возможностями здоровья / В.Н. Поникарова, О.А. Денисова, О.Л. Леханова // Психологическая наука и образование. – 2013. – № 3. – С. 119 – 127.
4. Поникарова, В.Н. Концептуальные основы подготовки педагогов инклюзивного образования / В.Н. Поникарова, О.А. Денисова, О.Л. Леханова // Дефектология. – 2012. – № 3. – С. 81 – 90.
5. Поникарова, В.Н. Сравнительное изучение профессионального копинг-поведения педагогов-дефектологов / В.Н. Поникарова. – Череповец, 2011.
6. Поникарова, В.Н. Психологические особенности совладающего поведения у педагогов-дефектологов в контексте проблем обеспечения безопасности профессионального развития личности / В.Н. Поникарова // Психологическая коррекция как фактор обеспечения развития личности / Под общ. ред. В.Г. Маралова. – Череповец, 2012. – С. 305 – 334.

УДК 376.352 – 376.37

Е.В. Севастьянова

Научный руководитель: кандидат педагогических наук, профессор Е.Ю. Рау

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЭМОТИВНОЙ ИНТОНАЦИИ У ДОШКОЛЬНИКОВ С НАРУШЕНИЕМ ЗРЕНИЯ

В статье представлены результаты экспериментального изучения развития эмотивной интонации детей старшего дошкольного возраста с функциональными нарушениями зрения. Дается сравнительная характеристика компонентов эмотивной интонации дошкольников со зрительной патологией и сохранным зрением. Описаны условные уровни сформированности эмотивной интонации.

Эмотивная интонация, дети с функциональными нарушениями зрения, особенности развития.

The article deals with the results of experimental study of development of emotive intonation of senior preschool children with functional disorders of vision. The comparative characteristic of the emotive intonation components of preschool children with visual disorders and safe eyesight is given. The conditional levels of formation of emotive intonation are described in the paper.

Emotive intonation, children with functional disorders of vision, features of development.

На современном этапе развития общества феномен интонации вызывает огромный исследовательский интерес представителей самых разных отраслей научного знания: психологов, лингвистов, психолингвистов, теоретиков коммуникации, физиологов, педагогов, акустиков, музыковедов, математиков, инженеров. Связано это с тем, что интонация является

эффективным средством общения, взаимодействия коммуникантов, фонетическим средством оптимизации речевого воздействия, а в экстремальных ситуациях становится инструментом распознавания психических, и прежде всего, эмоциональных состояний человека.

Успешность вступления в процесс коммуникации

в значительной степени зависит от умения адекватно воспринимать, интерпретировать и выражать эмоции в соответствующий момент и с надлежащей интенсивностью посредством паралингвистических характеристик речи, к которым относится, прежде всего, интонация. По Л.К. Цеплитис «выражение эмоций интонационными средствами называется эмотивной интонацией» [цит. по: 1, с. 273]. Уточняя данную формулировку, в соответствии с подходом Н.Д. Светозаровой [11], Л.А. Пиотровской [9], отметим, что это область восприятия и выражения конкретных эмоций, контролируемых говорящим, передающихся посредством интонационного тембра и определяющих коммуникативную цель высказывания. Базой эмотивной интонации является совокупность просодических компонентов: тона (мелодики), силы (интенсивности) и темпа речи [2], [6], [7].

В психолого-педагогических исследованиях детей с нарушением зрения учеными отмечен тот факт, что у данной категории испытуемых наибольшие трудности при общении связаны с пониманием и выражением собственного отношения к субъекту и объекту коммуникаций невербальными (паралингвистическими) средствами. Использование кинесических компонентов невербалики у дошкольников, школьников и взрослых людей с разной степенью нарушения зрения изучены и описаны достаточно подробно [4], [5]. Однако нет экспериментальных данных о состоянии и развитии фонационных паралингвистических средств общения, в частности, – интонации – у детей со зрительной патологией. Лишь совпадают утверждения тифлологов о том, что интонационная сторона речи воспитанников с нарушением зрения сформирована недостаточно, а это приводит к трудностям осуществления коммуникативной деятельности: снижению потребности и эффективности взаимодействия, ограничению коммуникативного потенциала [5], [10].

Целью данной статьи является описание результатов изучения развития эмотивной интонации у детей старшего дошкольного возраста с функциональными нарушениями зрения. Исследование проводилось на базах массового дошкольного образовательного учреждения (ДОУ), ДОУ комбинированного и компенсирующего вида для детей с функциональными нарушениями зрения гг. Архангельска и Северодвинска. Исследованием было охвачено 57 детей старшего дошкольного возраста с нарушением зрения. По заключению офтальмолога, все дети, участвующие в эксперименте, имели функциональные нарушения зрения (сосудистое косоглазие, сходящееся косоглазие и амблиопию различной степени, расходящееся косоглазие с разной структурой дефекта: при гиперметропии с дальнорезким астигматизмом, при миопии, при амблиопии различной степени) и находились на этапе лечебно-восстановительной работы (плеоптического лечения) и применения окклюзии. Все дети имели заключения специалистов о нормальном состоянии физического слуха и нормальном интеллектуальном развитии. Для проведения сравнительного анализа в экспери-

менте участвовало 30 детей того же возраста без зрительной патологии.

Исходя из сущности понятия эмотивной интонации и особенностей психофизического развития детей с нарушениями зрения, нами была разработана модель экспериментального исследования, включающая три блока диагностических заданий. Первый блок диагностических проб был направлен на изучение просодической базы развития эмотивной интонации. Учитывая двусторонность речевого процесса, включал задания на определение возможностей восприятия и воспроизведения тона, интенсивности и темпа неречевых и речевых звуков. Второй блок имел своей целью изучение эмоционального номинанта у дошкольников. Был направлен на исследование объема номинативного словаря эмоций респондентов, используемого для обозначения базовых эмоций и нейтрального эмоционального состояния. Третий блок диагностических заданий предполагал изучение эмоционального слуха (умений адекватно различать эмоции другого человека по интонации на основе моделирования эмоционального состояния) и умения самостоятельно выражать эмоции интонацией.

Для оценки сформированности эмотивной интонации использовали балльно-уровневую систему оценки. Результаты выполнения заданий были распределены по трем условным уровням для каждой диагностической пробы. При этом учитывались следующие критерии: количество правильных ответов, использование помощи педагога, время выполнения задания. Каждому условному уровню соответствовал свой балл: высокий уровень – 2 балла, средний – 1 балл, низкий – 0 баллов. Полученные по субтестам первого, второго и третьего блоков результаты для каждого исследуемого суммировались и соотносились с условной уровневой шкалой: высокий уровень развития эмотивной интонации – 28–40 баллов; средний уровень развития эмотивной интонации – 13–27 баллов; низкий уровень развития эмотивной интонации – 0–12 баллов.

Результаты разработанной и апробированной модели изучения эмотивной интонации позволили охарактеризовать особенности развития данного феномена у дошкольников с нарушением зрения в сравнении с нормально видящими сверстниками.

Наглядно результаты сопоставительного анализа развития эмотивной интонации у детей старшего дошкольного возраста с функциональными нарушениями зрения и нормально видящих сверстников представлены в таблице.

Таблица

Результаты сопоставительного анализа развития эмотивной интонации у детей старшего дошкольного возраста, %

Уровень Группа детей	Высокий	Средний	Низкий
Дети с нарушениями зрения	10,5	68,5	21
Нормально видящие дети	70	30	0

У нормально видящих детей условно высокий уровень развития эмотивной интонации составил 70 % (21 чел.), в то время как у дошкольников с нарушениями зрения этот показатель почти в 7 раз меньше – 10,5 % (6 чел.). Условно средний уровень развития эмотивной интонации отмечен также у испытуемых обеих групп. У детей с сохранным зрением он составляет – 30 % (9 чел.), у дошкольников со зрительной патологией – 68,5 % (39 чел.). Условно низкого уровня у нормально видящих воспитанников выявлено не было, а у детей с косоглазием и амблиопией этот уровень составил 21 % (12 чел.).

Представителям группы с условно высоким уровнем развития эмотивной интонации были характерны отсутствия: отказов от выполнения и повторной инструкции перед выполнением пробы. Дети самостоятельно приступали к заданию. В единичных случаях оказывалась стимулирующая помощь экспериментатора (касалось только дошкольников с нарушениями зрения). Отсутствовали затруднения при восприятии и воспроизведении просодических компонентов эмотивной интонации. В словаре, используемом для обозначения базовых эмоций и индифферентного состояния, было фиксировано употребление 5 эмоциональных модальностей (4 базовые эмоции и индифферентное состояние). При подборе ассоциативных рядов назывались более 3 вариантов слов и словосочетаний, схожих по смыслу с заданной модальностью эмоции. Дети смогли адекватно идентифицировать и воспроизвести до 4 базовых эмоций и нейтральное состояние посредством интонации.

Представителям группы с условно средним уровнем развития эмотивной интонации была необходима повторная инструкция перед выполнением задания, стимулирующая помощь экспериментатора, увеличение отведенного времени на выполнение задания. В основном это касалось заданий на восприятие и воспроизведение эмоций посредством интонации. Незначительные затруднения наблюдались при воспроизведении просодических компонентов (в основном высоты голоса и темпа произнесения). В словаре, используемом для обозначения базовых эмоций и индифферентного состояния, были фиксированы номинанты 3–4 эмоциональных модальностей. При подборе ассоциативных рядов назывались до трех вариантов слов и словосочетаний, схожих по смыслу с заданной модальностью эмоции. Дети смогли адекватно идентифицировать и воспроизвести 3–4 базовые эмоции посредством интонации. Смещение интонационных модальностей эмоций, близких по просодическим компонентам, наблюдались в единичных случаях (в основном к концу выполнения задания).

Для представителей группы с условно низким уровнем развития эмотивной интонации было характерно наличие отказов от выполнения диагностических проб. В основном это касалось заданий на воспроизведение просодических компонентов и эмоциональных модальностей посредством интонации, а также восприятия эмотивности по интонации. Дети нуждались в дополнительной помощи эксперимента-

тора в виде наводящих вопросов или предъявления образца выполнения заданий, увеличении времени работы. Значительные трудности наблюдались при воспроизведении просодических компонентов: высоты, интенсивности и темпа в равной степени. Был зафиксирован ограниченный номинативный словарь, используемый для обозначения базовых эмоций и индифферентного состояния. Значительные трудности дети испытывали как при обозначении эмоций словом (самостоятельно могли назвать не более двух модальностей), так и при подборе похожих по смыслу слов к заданной эмоциональной модальности (подбирали один – два подходящих номинанта либо не подбирали вовсе). Дети смогли адекватно идентифицировать и воспроизвести лишь 2 – 3 эмоции посредством интонации. Характерным явилось смещение интонационных модальностей эмоций, близких по просодическим компонентам, что указывает на недифференцированность акустических и динамических сигналов относительно разных вариантов эмоциональных модальностей.

Качественный анализ результатов выполнения заданий первого блока исследования позволил выявить ряд особенностей у детей с функциональными нарушениями зрения, которые проявлялись в следующем:

1. Трудности дифференциации неречевых звуков среднего и высокого тонов, в единичных случаях наблюдалось смешение сигналов низкого и среднего тонов. Характерны были диффузные ошибки в дифференциации интенсивности и темпа предъявления сигналов. Однако какой-либо закономерности в смешении по модальностям «громкий – средней громкости», «средней громкости – тихий», «быстрый – среднего темпа», «среднего темпа – медленный» не выявлено. Важным наблюдением явился тот факт, что смешение сигналов дошкольники допускали не сразу после начала выполнения пробы, а, в основном, после пятого сигнала. Можно предположить, что названные трудности связаны с особенностями замедленного восприятия разной модальности у данной категории дошкольников, а также с повышенной утомляемостью, и как следствие, снижением и рассеиванием внимания. На это своеобразие в развитии высших психических функций у детей с функциональными нарушениями зрения указывали в своих работах Л.А. Григорян, М.И. Земцова, Л.И. Плаксина, Т.П. Свиридюк и др.

2. Трудности дифференциации речевых звуков проявились в смешении в диадах «низкий – средний по высоте», либо «средний – высокий» звук, ошибок в дифференциации «низкий – высокий» допущено не было. Характерными явились диффузные ошибки в дифференциации интенсивности и темпа предъявления речевых сигналов.

3. Значительные трудности воспроизведения заданной тональности и интенсивности, темпа речи во фразе. Часть испытуемых после неудачной попытки (по их мнению) отказалась от выполнения заданий, аргументируя «неумением так говорить». Остальные дети после предъявления речевого образца и повторной инструкции воспроизводили фразу, допуская

отклонения от заданных модальностей. Отклонения наблюдались как в сторону повышения, так и понижения тональности либо интенсивности в равной степени. Что касается речевого темпа, то наибольшие трудности у дошкольников вызвала модальность медленного темпа. Дети воспроизводили ее собственным индивидуальным темпом.

4. Необходимость значительной помощи экспериментатора в виде дополнительных, наводящих вопросов, демонстрация образцов речевых высказываний с заданной просодической модальностью, повторение инструкции.

Качественный анализ результатов выполнения заданий второго блока исследования позволил выявить ряд следующих особенностей у детей с функциональными нарушениями зрения:

- маленький объем словаря эмоций дошкольников. Типичным показателем для испытуемых явилось то, что дети смогли назвать лишь по две – три модальности эмоций. В основном это касалось таких базовых эмоций, как радость и страх, на третьем месте по частоте упоминания стояла модальность печали, единичные варианты ответов соответствовали эмоциям гнева. Ни один ребенок из назвавших по две модальности эмоций не обозначил спокойного состояния;

- с точки зрения характера словаря эмоций, дошкольники заменяли название эмоций глаголами или прилагательными, иногда существительными, напрямую не обозначающими категорию эмоций: *любят, не любят, вредный, злой, храбрый, холод, добро*;

- значительные трудности в подборе слов, схожих по смыслу со словом, обозначающим заданную эмоциональную модальность. Дети называли по одному – два слова на каждую модальность, подавляющее большинство не смогли подобрать обозначений к модальности спокойствия. А также смогли составить ассоциативные ряды в основном для категорий «страх» и «радость», меньшая часть испытуемых справилась с категориями «гнев», а затем «печаль». В ассоциативных рядах детей часто присутствовали названия конкретных ситуаций: *страх (остался один дома, собака бежит и лает), радость (медаль вешают, мама говорит: «Молодец», едем с папой на машине), печаль (котенка не взяли домой, жалко!, мама не пришла на праздник), гнев (в гостях ничего не дали, папа ругается часто), спокойствие (рисовать или лепить что-нибудь, на диване сидеть)*.

Качественный анализ результатов выполнения второго блока заданий, во-первых, подтверждает своеобразие речевого развития детей со зрительной патологией: для старших дошкольников характерны низкие показатели объема лексических единиц в индивидуальном лексиконе, диффузность лексического значения, преобладание формальных связей над семантическими, что подтверждается исследованиями Л.С. Волковой, А.Л. Лукошевичене, Е.В. Шлай [12]. Во-вторых, позволяет сделать вывод о том, что отсроченный временной компонент в развитии высших психических функций является причиной того, что испытуемые однозначно привязывают эмоцию к вы-

зывающей ее ситуации. А это свойственно пятилетним детям, о чем свидетельствуют работы Н.Д. Былкиной [3], Л.В. Беткер, Д.В. Люсина, П. Харриса.

При качественном анализе результатов третьего блока исследования, направленного на изучение эмоционального слуха и умения выражать эмоции интонацией у старших дошкольников с функциональными нарушениями зрения, были выявлены следующие особенности:

- среди правильно опознаваемых эмоций были: радость, страх и индифферентное интонирование. Узнавание модальностей печали и гнева вызывало затруднения у испытуемых. Типичными ошибками при обозначении модальности радости явилось опознание ее как гнева, хотя в целом наименьшее количество ошибок относится именно к этой категории. Данный факт свидетельствует, что просодические признаки обозначенной эмоциональной модальности наилучшим способом воспринимаются испытуемыми. Наиболее частые ошибки при опознавании модальности страха отмечаются в смешении его с печалью, а модальности печали с нейтральной интонацией. Идентификация и смешение названных эмоциональных модальностей, возможно, связано со сходностью выражения их просодических параметров. Однако необходимо отметить, что выявленные тенденции лучшего распознавания модальности радости по сравнению с отрицательными (гнев, страх, печаль) и нейтральными состояниями, являются подтверждением ранее полученных данных в исследованиях А.А. Борисовой, Л.В. Беткер, В.П. Морозова, А.Х. Пашиной;

- низкие показатели в передаче заданной эмоциональной модальности в слове-стимуле и во фразе-стимуле. В основном это касалось модальностей страха и печали, которые дошкольники передавали, не изменяя просодических качеств нейтрального звучания, а также радость и гнев смешивались при интонировании;

- необходимость значительной помощи экспериментатора в виде демонстрации образцов интонированных высказываний с заданной модальностью, повторного аудирования, стимулирующей помощи.

Анализируя выполнение заданий третьего блока, направленного на изучение восприятия и воспроизведения эмотивной интонации, можно предположить, что дошкольники со зрительной патологией чаще опознавали и могли адекватно интонировать те эмоции, которые активно присутствовали в их личном опыте.

Обобщая результаты анализа экспериментальных данных можно сделать ряд выводов:

1. Трудности в процессе развития эмотивной интонации наблюдаются как у нормально видящих дошкольников, так и детей со зрительной патологией. Так, обеим категориям детей характерно:

- преобладание сложностей воспроизведения просодических элементов и эмоциональных модальностей интонации над сложностями их восприятия;

- недостаточный уровень развития номинативного словаря эмоций;

– смешение интонационных модальностей эмоций, схожих по просодическим характеристикам.

2. Статистически установлено, что дошкольникам с функциональными нарушениями зрения свойственно значительное отставание в развитии эмотивной интонации по сравнению с нормально видящими сверстниками, что отразилось в распределении детей по группам, учитывающим уровневые показатели развития эмотивной интонации.

3. Отставание в развитии эмотивной интонации у дошкольников со зрительной патологией затрагивает весь комплекс составляющих ее элементов, определенных в рамках нашего исследования: просодическая база эмотивной интонации, эмоциональный номинант, умения адекватно воспринимать и воспроизводить базовые эмоции посредством интонации.

4. Результаты экспериментального исследования послужат основой для разработки комплексной коррекционной модели психолого-педагогического воздействия, направленного на формирование эмотивной интонации у детей со зрительной патологией.

Литература

1. *Архипова, Е.Ф.* Стертая дизартрия у детей / Е.Ф. Архипова. – М., 2006.
2. *Брызгунова, Е.А.* Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи / Е.А. Брызгунова. – М., 1984.

3. *Былкина, Н.Д.* Развитие представлений детей об эмоциях в онтогенезе / Н.Д. Былкина, Д.В. Люсин // Вопросы психологии. – 1992. – № 5. – С. 38 – 48.

4. *Григорьева, Г.В.* Особенности владения невербальными средствами общения дошкольниками с нарушениями зрения / Г.В. Григорьева // Дефектология. – 1998. – № 5. – С. 76 – 87.

5. *Денискина, В.З.* Формирование неречевых средств общения у детей с нарушением зрения / В.З. Денискина. – Верхняя Пышма, 1997.

6. *Носенко, Э.Л.* Эмоциональное состояние и речь / Э.Л. Носенко. – К., 1981.

7. *Нушикян, Э.А.* Типология интонации эмоциональной речи / Э.А. Нушикян. – К., 1986.

8. *Морозов, В.П.* Невербальная коммуникация: экспериментально-психологические исследования / В.П. Морозов. – М., 2011.

9. *Пиотровская, Л.А.* Эмотивная функция интонации и проблемы моделирования речевой деятельности / Л.А. Пиотровская // Русская речь в современном вузе: Сборник материалов IV Международной научно-практической интернет-конференции. – Орел, 2008. – С. 32 – 38.

10. *Плаксына, Л.И.* Психолого-педагогическая характеристика детей с нарушением зрения / Л.И. Плаксына. – М., 1999.

11. *Светозарова, Н.Д.* Интонация в художественном тексте / Н.Д. Светозарова. – СПб., 2000.

12. *Шлай, Е.В.* Формирование лексикона у дошкольников с нарушением зрения / Е.В. Шлай, И.Н. Кошелева. – Архангельск, 2008.

УДК 316.614.6

Е.В. Яковлева

ДЕТСКИЙ ШКОЛЬНЫЙ КОЛЛЕКТИВ КАК УГРОЗА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательской работы РГНФ «Прогнозирование угроз социального развития ребенка в микросреде жизнедеятельности», проект № 110601065а

В статье представлены результаты экспериментального исследования детского коллектива как угрозы социального развития младших школьников, позволяющие определить перечень наиболее опасных факторов в данной микросреде жизнедеятельности детей.

Социальное развитие младших школьников, угрозы социального развития, микросреда, детский коллектив.

The article presents the results of experimental research of a group of children as the threat of social development of primary schoolchildren, allowing to define the list of the most dangerous factors in the micro environment of the life of children.

Social development of junior schoolchildren, threats of social development, microhabitat, group of children.

Социальное развитие личности в различные возрастные периоды происходит во взаимодействии и под влиянием социальной среды и определяется как процесс и результат социализации. В младшем школьном возрасте в процессе взаимодействия с другими людьми ребенок получает определенный социальный опыт, который, будучи субъективно усвоенным, становится неотъемлемой частью его личности.

Одним из базовых условий обеспечения социального развития личности ребенка младшего школьного возраста выступает социальная безопасность. Социальная безопасность ребенка младшего школьного возраста – такое его состояние, при котором его биопсихические возможности способствуют установлению равновесия с социальной средой путем интеграции и конструктивной активизации в ней, следуя нравственным социальным нормам. Социальная

безопасность – это состояние уравновешенности, гармонии личности и социальной среды. Безопасная социализация происходит в том случае, если у ребенка при взаимодействии с ближайшим социальным окружением возникает система межличностных отношений, которые вызывают у него чувство принадлежности – референтной значимости среды; убеждают младшего школьника, что он пребывает вне опасности (отсутствие угроз); укрепляют психическое здоровье. Содержание безопасной социализации – это условия, обеспечивающие безопасное становление, комфортное и безопасное существование ребенка.

Угрозы социального развития ребенка концентрируются в микросреде. Угроза – это опасность, которая носит вероятностный характер. Микросреда – объективная социальная реальность, представляющая собой совокупность материальных, идеологических и социально-психологических факторов, непосредственно взаимодействующих с личностью в процессе ее жизни и практической деятельности.

Для младших школьников важной, с точки зрения социального развития, является микросреда детского (школьного) коллектива, так как коллектив играет большую роль в развитии их личности. Угрозу социальному развитию ребенка в микросреде детского (школьного) коллектива мы рассматриваем как объективно существующую в ней ситуацию, предполагающую прямое либо косвенное насилие или жестокое обращение в отношении ребенка, прежде всего, со стороны сверстников (одноклассников), что представляет опасность для его социального формирования и дальнейшей социализации.

Показателем психологически безопасной среды детского школьного коллектива является переживание эмоционального благополучия и компетентности всеми субъектами общения, которое выступает в качестве необходимого условия эффективного личностного развития ученика.

Школьный (учебный) коллектив для младшего школьника является первой социальной группой, в которой дети объединяются общей деятельностью, направленной на достижение общей цели. Исследования психологов (Л.И. Божович, Я.Л. Коломинский и др.) свидетельствуют, что в младшем школьном возрасте особую значимость для ребенка приобретает его положение среди сверстников. Социальная активность, направленная на завоевание признания и уважения других и на самоутверждение, задает смысл всей его деятельности – у детей расширяется круг интересов и социальных контактов, общение со взрослыми и со сверстниками становится произвольным, опосредованным определенными правилами и носит внеситуативный характер, возникает обобщение собственных переживаний.

Обучение в школе предполагает не только особые отношения младшего школьника с учителем, но и специфические отношения с одноклассниками. Учебная деятельность по сути своей – деятельность коллективная, в ходе которой дети учатся деловому общению друг с другом, приобретают навыки успешного взаимодействия, выполняя совместные

учебные действия. Социальная активность младшего школьника в школе проявляется в поведении, направленном на поддержание и на выполнение правил, обязательных для обучающегося, в стремлении помочь выполнять эти правила своему сверстнику.

Отношения младших школьников в коллективе сверстников складываются в двух направлениях. Деловые отношения появляются благодаря общей, общественно-значимой деятельности – учебе. Эти отношения строятся во многом благодаря деятельности со стороны учителя. Они проявляются в общественном мнении, ценностных ориентациях, нравственных принципах, психологическом климате. Дети занимают в коллективе определенное место в зависимости от своих природных данных, уровня развития и социального опыта.

Система личных отношений возникает на базе симпатий и привязанностей, не имеет официально организованного оформления, ее структура складывается стихийно. На их формирование оказывают влияние многие факторы: содержание выполняемой деятельности, условия, в которых она осуществляется, способы организации общения и взаимодействия детей, их индивидуальные особенности и многое другое.

Ученический коллектив оказывает серьезное влияние на сознание и поведение обучающихся, от каждого требует подчинения общественному мнению. Чем более сплочен детский коллектив, тем сильнее его воздействие на отдельных младших школьников.

Способность ребенка реализовывать себя в этих отношениях не только определяет его место в учебном коллективе, но и создает условия для безопасного социального развития личности. Неудовлетворенность своим положением в группе в большинстве случаев тяжело переживается детьми, отражается на их эмоциональной и познавательной сферах.

С целью выявления угроз социального развития детей младшего школьного возраста в микросреде детского (школьного) коллектива было проведено экспериментальное исследование. Базой исследования явились МБОУ СОШ № 1, 12, 26, МБОУ НОШ № 41, 43 г. Череповца. Совокупная выборка составила 87 человек, (2 – 3 класс, 8 – 9 лет). С целью унификации условий эксперимента для исследования были выбраны дети из полных семей, находящиеся в детском коллективе с начала его образования и не переживающие воздействие нетипичных микросредовых факторов. Методика исследования включала вопросы закрытого и открытого типа. Исследование обучающихся осуществлялось с помощью индивидуальной беседы. Беседу под нашим руководством проводили студенты 4 – 5 курсов очного отделения специальности «Педагогика и методика начального образования» ЧГУ во время педагогической практики в школе.

Вопросы позволяли выявить субъективную оценку выраженности угрозы социального развития в детском (школьном) коллективе в сфере отношений со сверстниками.

В начале исследования мы попытались выяснить, как часто младшие школьники ощущают возникновение опасных ситуаций во взаимодействии со сверстниками в классе. Частота возникновения опасных ситуаций во взаимодействии с одноклассниками отражена в табл. 1.

Таблица 1

Частота возникновения опасных ситуаций во взаимодействии со сверстниками, %

Варианты ответа	Младшие школьники
Часто	15
Редко	45
Нет	27
Не знаю	13
Итого	100

Из таблицы видно, что ситуация в целом благоприятная, почти треть обучающихся ответили, что у них не возникает проблем со сверстниками в классном коллективе, 15 % младших школьников указывают, что такие ситуации возникают часто. Почти половина испытуемых отметили, что подобные ситуации возникают, но редко.

Далее мы проанализировали, какие же ситуации воспринимаются младшими школьниками как опасные при взаимодействии со сверстниками в школьном коллективе. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2

Выраженность субъективного восприятия младшими школьниками опасных ситуаций в сфере отношений со сверстниками в детском (школьном) коллективе, %

Варианты ответа	Младшие школьники*
1. Драки, физическая агрессия	45
2. Не принимают в коллективное дело, коллективную игру	20
3. Насмешки	17
4. Не прислушиваются к мнению	15
5. Несоответствие требованиям коллектива	25
6. Безразличие	10
7. Жалобы учителю	15

* указано количество свободных предпочтений в группе

Опасным источником социального развития младших школьников является прежде всего недоброжелательное отношение одноклассников. Больше всего дети боятся физического насилия (драки – 45 %), не соответствия требованиям группы (25 %), насмешек (17 %), жалоб учителю (15 %). А так же боятся ситуаций, когда одноклассники не прислушиваются к их мнению (15 %), не принимают в коллективное дело или коллективную игру (15 %).

Очевидно, данные результаты связаны с тем, что дети в школе заняты общей и важной для них деятельностью – учебной, что в свою очередь приводит к возникновению у них желания быть вместе, вместе

играть, трудиться, у них появляется интерес к мнению одноклассников, им хочется пользоваться их расположением, признанием с их стороны своих достоинств. И если этого не происходит, младшие школьники ощущают эмоциональное неблагополучие.

Вину за плохие отношения со сверстниками младшие школьники в основном перекладывают на других. Собственную вину в ссорах и размолвках с одноклассниками признают лишь 20 % младших школьников.

Для 60 % детей угрозу несет смена детского коллектива, влекущая за собой потерю дружеских отношений, статуса в межличностных отношениях, а около 30 % младших школьников не хотят менять класс ни при каких обстоятельствах. В ряде случаев этот страх вызван так же в первую очередь боязнью конфликтов со сверстниками, пониманием того, что в другом классе уже произошло «распределение сил» внутри его и потребуется немало усилий, чтобы завоевать уважение и доверие новых одноклассников. Особенно это характерно для эмоционально чувствительных детей.

Значимы для младших школьников и собственные эмоциональные переживания – стеснение, волнение, неуверенность в себе, страх (65 %). Ведь большинство младших школьников мечтают о школьных достижениях, которые были бы замечены не только учителями и родителями, но и одноклассниками. При смене детского коллектива дети также боятся трудностей в учебе (44 %), поскольку от успешности ребенка в учебной деятельности во многом зависит и отношение к нему одноклассников. Так около 70 % младших школьников позитивно относятся именно к тем одноклассникам, у которых заметны успехи в учебной деятельности и, наоборот, негативно к тем, у кого таких успехов нет.

Вместе с тем исследование показывает, что количество одноклассников, вызывающих ощущение опасности, невелико. Подавляющее большинство респондентов ответили, что таких сверстников в их окружении нет (55 %), но все же с такими сверстниками сталкиваются 30 % детей (причем, наличие «нескольких опасных одноклассников» выделяют 14 % детей, «одного» – 16 %).

Далее мы попытались выяснить, какими же характеристиками обладает «опасный одноклассник» в субъективном восприятии младших школьников. Результаты исследования отражены в табл. 3.

Как видно из табл. 3, «опасный одноклассник» обладает достаточно большим числом отрицательных характеристик и форм поведения. У него на первом месте по значимости обнаружились такие общие непривлекательные черты, прямо проявляющиеся в сфере общения, как: негативные особенности поведения («дерется», «дразнится», «обижает»). Далее следуют указания на плохую учебу и поведение на уроках, низкий уровень развития санитарно-гигиенических навыков (неаккуратность, неопрятность) и особенности внешности, неприятные привычки, и действия типа «берет без спроса чужие вещи». Встречаются у младших школьников в характере

ристике «опасного одноклассника» и мотивировки морального характера: «лентяй», «обманщик», «жадный».

Таблица 3

Характер действий одноклассника, вызывающего ощущение опасности, %

Варианты ответа	Младшие школьники*
Обижает	38
Дерется	45
Дразнится (оскорбляет)	27
Обманывает	8
Проявляет жадность	12
Плохо учится	19
Не умеет дружить	12
Плохое ведет себя на уроках	25
Имеет неприятные привычки	20
Имеет неприятную внешность, неаккуратный вид	18
Ленится	5
Берет без спроса чужие вещи	15

* указано количество свободных предпочтений в группе

Интересно отметить, что младшие школьники подчеркивают отрицательную роль проявления на-

званных действий и качеств не только в учебной деятельности, но и в коллективных делах и играх детей, которые являются главным содержанием их совместной деятельности вне уроков (не умеет дружить, обманывает и др.).

Таким образом, наибольшую угрозу социального развития младших школьников в детском школьном коллективе в их субъективном восприятии составляют страх физического насилия, боязнь не соответствовать требованиям коллектива, не быть принятым в группе сверстников, боязнь критики со стороны одноклассников, а также смена детского школьного коллектива.

Подводя итоги проведенного исследования, необходимо отметить, что в целом полученные результаты свидетельствуют о достаточно высоком уровне угроз социального развития детей в указанной микросреде. Неблагоприятные отношения в школьном коллективе способствуют возникновению у младшего школьника устойчивых отрицательных переживаний, потере чувства защищенности, повышению тревожности, исчезновению уверенности в себе и уменьшению способности и желания учиться. Опасность также заключается в том, что дефицит социального признания и общения в школьном коллективе дети нередко пытаются компенсировать поисками внешкольного круга сверстников, который может характеризоваться противоправным поведением и в свою очередь нести ряд угроз социального развития младших школьников.

РЕАЛИСТИЧЕСКИЙ ОБРАЗ ПРИРОДЫ В СОВРЕМЕННОЙ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЖИВОПИСИ

Исследуются особенности живописи региональных художников, имеющих большой опыт педагогической работы в высшем профессиональном образовании. Предметом анализа являются объективно-реалистические, лирические пейзажи, композиции из природных образов и деталей, имеющие объективно-реалистический или субъективно-пересоздающий характер.

Пейзаж, композиция, объективно-реалистическое изображение, импрессионистическое, лирическое начало.

Features of painting of the regional artists having an experience of pedagogical work on the maximum vocational training are studied in the paper. Objectively-realistic lyrical landscapes, compositions from natural images and the details, having objectively-realistic or subjective-recreating character are considered to be the subject matter of the analysis.

Landscape, composition, objective-realistic image, impressionist, lyrical beginning.

Предметом исследования данной статьи являются художественные работы преподавателей факультета искусств Сыктывкарского государственного университета, демонстрировавшиеся на различных художественных выставках. Они дают возможность через частное (региональная живопись преподавателей-художников, отражающая характер вузовского художественного образования) обнаружить общие тенденции в развитии современной живописи.

Ценным качеством российского художественного образования является сохранение в ряде государственных образовательных стандартов таких предметов, как: академический рисунок, академическая живопись и академическая скульптура, что обуславливает наличие важных для обучения реалистической живописи критериев: умение «изображать объекты предметного мира ... на основе знания их строения и конструкции», владение «методами изобразительного языка» этих предметов (ФГОС по направлению подготовки 072500 «Дизайн». Утвержден приказом Министерства образования и науки Российской Федерации 22 декабря 2009 г., № 780).

Рассматриваемые художники имеют многолетний опыт вузовского преподавания живописи, рисунка, композиции, скульптуры в рамках академической (реалистической) школы. Чтобы обучать студентов воссоздающему методу изображения, преподаватель сам, независимо от своих индивидуальных предпочтений, должен владеть и знаниями, и навыками такой школы. Уровень преподавания рисунка, живописи, графики на факультете искусств высок: на международном конкурсе современного искусства в Санкт-Петербурге в июле 2013 г. из 22 участников от университета призовые места получил 21 человек, из них 11 – первые места в различных номинациях.

Влияние педагогического опыта на индивидуальную манеру – гораздо более существенный элемент в региональной среде, чем в столичной, мегаполисной,

так как в последнем случае конкуренцию педагогическому опыту составляет активное культурное поле, дающее иные творческие установки – в целом их можно назвать постреалистическими.

Художники-преподаватели имеют разнообразное по географии образование (вузы Ленинграда, Москвы, Курска, Ижевска и др.), что создает ситуацию плодотворной конкуренции и взаимообогащения.

Самая многочисленная группа работ, представляемых на различных выставках, – это **пейзажи**. Характерное явление для группы анализируемых картин – тяготение авторов к так называемому **воссоздающему пейзажу**, в котором сохраняется реальное соотношение предметности и пространства, реальная цветность. По-другому это можно назвать **объективно-реалистическим, традиционным пейзажем**.

Наиболее представлен этот вид изображения в творчестве С. Бочарова. В его картинах изображаются различные уголки неброской русской природы и созданного в ней человеческого жилья («Гладь старинного пруда» (рис. 1), «Утренняя тишина»). Основной материал изображения – плоские пространства с небольшой рельефностью местности (преобладают мотивы поля, луга, небольшой водной глади), кроны деревьев фланкируют первый план или создают дальний. Масса деревьев, как правило, функциональна: она формирует перспективное изображение земного яруса на плоскости картины (лишь изредка отдельно стоящее дерево ставится на первый план и перекрывает дальний план).

Такую же роль в изображении небесной плоскости играет небо, закрытое облаками. Известно, что при формировании реалистического русского пейзажа, которое связывают с творчеством А. Саврасова, преобладало именно такое изображение неба, что потом сохранилось как традиционный элемент. У А. Саврасова же это объясняют тем, что он стремился отразить типические качества русской северной

природы. Изображение деревьев и неба выполняют также вторую важную в традиционном пейзаже роль – они создают эмоциональный фон.

Рис. 1. С.А. Бочаров. Гладь старинного пруда

В цветовом аспекте традиционный русский пейзаж выдержан в близкой цветовой гамме. Это мы видим и в картинах С. Бочарова. В работах этого художника жанрообразующей является **лиричность** изображения, которая выражается в передаче гармонии и тишины, природа изображается как родное теплое пространство человеческой жизни, отсутствует увлечение экзотикой, делается акцент на тихой красоте. Небольшие размеры картин поддерживают названную жанрово-стилевую доминанту.

Лирическое изображение природы наиболее удачно там, где есть чувственный опыт (насыщенно-интимное восприятие природы). Для С. Бочарова как художника-лирика наиболее близкой является природа среднерусской полосы, вероятно, вообще идеальная фактура для лирических пейзажей. Не случайно она отражена и в лирической живописи XIX – XX вв., и в прозе с лирическими интонациями (И.С. Тургенев, И.А. Бунин).

Лирическая жанрово-стилевая доминанта, как известно, конфликтует с эпичностью, масштабностью, повествовательностью. Не случайно поэтому в картинах С. Бочарова эпическое выражено минимально. Удачны именно камерные изображения с небольшим количеством предметных образов и локальным пространством («Одинокая сосна»).

Для лирического пейзажа характерны утренние виды, потому что лирическое чувство преимущественно связано со светом, покоем, оно, как правило, дистанцируется от какой-либо конфликтности (внешней или внутренней), от трагизма восприятия жизни (это достаточно часто отражают вечерние пейзажи, связанные с темой «ухода», смерти).

В рамках лирического пейзажа и как зависимое от него качество в картинах С. Бочарова обнаруживаются элементы импрессионистического изображения, в целом же базовая установка художника – объективность восприятия и изображения.

Эпическое начало в объективно-реалистическом пейзаже выражено в картинах Л. Юшиной «Гребешок», «На реке Сухоне». Эти с виду скромные пейзажи на самом деле имеют свои «водяные знаки»

(этот термин широко используют применительно к писателям русского Зарубежья; имеется в виду наличие в тексте скрытого идейного пласта – интенсивно осмысляемой и чувствуемой темы России). У Л. Юшиной, уроженки Коми Севера, это – исторический, может быть, мифолого-исторический аспект. Во всяком случае, картины оставляют ощущение того, что изображаемое являет собой не только материальную современную данность, но и скрытое давнее национальное прошлое. Вероятно, это можно назвать родовой памятью.

Таким образом, рассмотренные картины С. Бочарова и Л. Юшиной созданы на основе традиционалистского подхода к изображению природного мира, реализуют возможности лирического пейзажа и природных видов с выраженным эпическим началом. Такой подход к изображению природы предполагает уважение к объективному миру, изучение его свойств.

Импрессионистическое начало (в данном случае речь идет о существовании его на базе сохраняющегося реализма) основывается на выраженной субъективности восприятия и частичном пересоздании наблюдаемой картины, так как задача художника приобретает скорее психологическое значение: передать свое восприятие видимого, а не само видимое в его полноте и конкретике. Импрессионизм в изобразительном искусстве многолик, как и его тенденции в различных творческих мирах. Однако даже с учетом этого тезиса нельзя сказать, что у кого-то из представленных художников ясно и чисто выражено импрессионистическое начало. Художники, о которых идет речь, живут в период, когда искусство очень широко использует «архив» – художественные открытия различных исторических периодов и национальных школ. Иногда это можно назвать эклектикой, иногда, в более серьезных и ответственных случаях, – стилевым синтетизмом, который предполагает творческую переработку художественных установок предшественников.

Импрессионистическое начало с различными другими вкраплениями выражено в картинах С. Бутаковой («Август», «Зимой в парке», «Осеннее настроение», «Туман»), Н. Заболотней («После дождя»), В. Белоусовой («Весна. Усть-Вымь»).

Художники работают не только в жанре пейзажа, но и создают **композиции из природных образов и деталей**. Это букеты цветов, композиции из цветов, веток, ягод, фруктов. Называть эти композиции натюрмортами не хочется, так останавливает противоречие между названием (мертвая природа) и сутью (живая материя). Конечно, многие термины условны и не следует их трактовать буквально, и все же в данном случае следует пользоваться термином композиции.

Преобладает в этих картинах, как и в пейзажах, объективно-реалистическое изображение.

Трудно найти новое художественное решение традиционного жанра, которому в истории живописи отдали дань все национальные школы и стили. Посмотрим, как справились с этой задачей художники факультета искусств.

Обращают на себя внимание две композиции Л. Юшиной: «Букет из пижмы» (рис. 2) и «Яблоневый цвет».

Рис. 2. Л.В. Юшина. Букет из пижмы

Первую можно назвать декоративно-живописной, и разработана она великолепно. Во-первых, создана сложнейшая декорация вокруг букета, которую образуют ткани разных расцветок, фактуры и рисунка и сосуд, как бы отражающий в своей форме и поверхности колористическое окружение. Во-вторых, грамотно сочетаются по большим плоскостям и перекликаются по конкретным деталям многочисленные оттенки синего, сиреневого, зеленого, коричневого, желтого цветов, используются цветные тени; краски сгармонизированы за счет рефлексов и валеров и их сдержанности. Именно это прежде всего придает региональный колорит картине, а совсем не экзотическое для других областей России растение – пижма. В-третьих, достигнуто объемное и цветовое равновесие природных деталей – букета пижмы и фруктов. Эту направляющую тонко поддерживают линии скоса стола и края платка, гармонизируя между собой горизонталь и вертикаль, динамику и статику изображения. В-четвертых, при полной реалистичности всех деталей декорация вокруг букета оставляет легкое ощущение висения, парения – освобожденности материи от силы притяжения, это подчеркивает грациозность изображения. Замечу, что большой размер полотна (60х90), на мой взгляд, усложнял решение творческих задач.

«Осеннее цветение» В. Белоусовой (рис. 3) интересно другими особенностями. Изображение имеет иное колористическое и композиционное решение: почти вся плоскость картины (кстати, немаленькой по своим размерам – 100х60) густо закрыта цветами и стеблями на основе сложного ритма, образованного на жестком пересечении горизонтали и вертикали.

Краски, плотные, непрозрачные, создают ощущение жизненной силы природы. Главное содержание этой картины имеет не художественный (эстетический), а философский смысл: живописный аспект, при всей его выразительности, помогает более глубоко воспринять изображение как картину натурфилософского характера.

Рис. 3. В.В. Белоусова. Осеннее цветение

Какая же натурфилософская идея скрывается в этом изображении? Обратим внимание на то, что у цветов нет декоратора, во всяком случае, не подчеркнуто, что они срезаны, в чем-то стоят. То, как они расположены в картине, скорее свидетельствует, что они растут (вспомним и название: «Осеннее цветение») – сами собой, естественно. Итак, человек не присутствует в картине ни прямо, ни косвенно. Это говорит о том, что он для художника – фигура второго плана по сравнению с природой. Этот вопрос: кто ведущий, а кто ведомый на пространстве земной жизни – главный в натурфилософии. Картина содержит ответы и на другие вопросы: природа имеет огромную жизненную силу, она порождает разнообразие форм, создает красоту. Подобную позицию можно назвать природоцентристской (в отличие от антропоцентристской), она крайне актуальна в настоящее время, хотя по различным причинам не выражается активно и последовательно в искусстве. Тем ценнее рассматриваемая картина.

Интересна композиция на природную тему Н. Заболотней – «Пионы» (35х45) (рис. 4).

Рис. 4. Н.П. Заболотная. Пионы

Автор нашла ход, который обеспечил ей достаточную новизну изображения. Предметом картины стала лишь верхняя часть букета пионов, которая расположена по веерному принципу размещения в натюрморте самостоятельных предметов. В данном случае цветы образуют две пересеченные линии – горизонтальную по центру картины и диагональную от нижнего правого угла к левому верхнему. Масса цветов и листьев со стеблями расположена очень выигрышно в колористическом отношении; центр является активной сферой – на фоне серо-голубого с небольшими наплывами светлой охры заднего плана, занимающего все незаполненные изображением места, сформирован контрастный второй план (его образуют листья и стебли насыщенного темно-зеленого цвета), он своей тяжелой и непросвечивающей массой подчеркивает нежную форму розово-малиновых цветов первого плана. Белые цветы расположены на фоне дальнего плана, они эффектно вбирают в себя оттенки композиционного центра (розового и зеленого) и краев полотна (серый, голубой, охра). Размеры цветов и массы листьев пропорциональны размерам картины и ее планов. И композиционное размещение деталей, и цветовое решение создают взаимосвязанные планы, не конфликтующие между собой (это важно для создания атмосферы гармонии, умиротворенной красоты), создают целостность изображения. Эта маленькая работа – несомненный успех художницы.

Работы С. Бутаковой при сохранении установки на узнаваемость объектов изображения, на реалистическую конкретику ориентированы на эксперимент, творческий поиск гораздо больше, чем предыдущие. Наиболее интересная ее работа – «Белое на белом».

В названии отражена сложная художественная задача, увлекавшая русских художников на протяжении трех веков. Результат достигнут минимальными колористическими средствами, что подчеркивает виртуозность техники. Используются всего три цвета: зелено-серый, розово-серый и бело-серый. Серый выполняет роль посредника между основными цветами в их переходах, придает изящество, благород-

ство окраске цветов и листьев. Цветовая гамма напоминает опыты эпохи русского модернизма. В такой передаче цвета нет стремления быть верным реальности, это изображение корректирующее, мягко пересоздающее действительность, в нем налицо функция выражения субъективности восприятия. Обращает на себя внимание и интерьерный характер работы. С этим связано непротиворечивое сочетание прямолинейных геометрических форм (как бы отражение архитектурной среды) с природными мягко-окружающими формами (живая растительная материя). Работа стильна, тонко-эмоциональна и в то же время хорошо рассчитана, она удачно соединяет эмоциональное и рассудочное.

Выстроенными планами «Зимний букет» напоминает эскиз сценических декораций. Работа свидетельствует об открытости художника творческому эксперименту, о стремлении найти новые возможности самовыражения.

Городские, или архитектурные, пейзажи. Интересными кажутся «Перед грозой» и «После дождя. Великий Устюг» (мини-серия, объединенная основным мотивом), «Двор Михайло-Архангельского монастыря» Н. Заболотней, «Устюжские задворки» и «Июльский полдень» В. Белоусовой, «Устюжский дворик» Л. Юшиной.

Главная тема названных работ – Великий Устюг, в котором художники были на пленэрной практике со студентами. Обратим внимание, что в названных работах проявляются некоторые значимые для современного искусства аспекты.

Обращает на себя постоянство выбранного ракурса – церковь перенесена на второй план (примечателен акцент в выборе материала в этих работах – задворки, дворик, двор), но при всем этом является, конечно же, главным объектом изображения. Тема современной духовной русской жизни реализуется в этом композиционном приеме в сугубо региональном варианте – в дискуссии с ложной патетикой современных славянофилов и без иронизирующей драматизации западников. Религия в подаче рассматриваемых художников представляется как бы постоянным фоном русской истории и духовной жизни, не претендующей на лидерство и существующей в единстве с другими факторами национальной сущности. В картинах ощущается близость к творчеству А. Саврасова и В. Поленова, в частности, к «Московскому дворику», в котором церковь также изображается на втором плане и не с фасадной стороны.

Работы демонстрируют и другую сторону современного искусства – не востребованность жанровой картины. Авторы не стремятся вписать в пространство картины человеческую жизнь с ее духовно-социальными проблемами. Главная задача художников – воссоздание красоты природной материальности.

ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ КАК ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ТВОРЧЕСТВА
В ИСКУССТВЕ И СОВРЕМЕННОМ КОСТЮМЕ

Статья выполнена в ходе исполнения работ по Государственному контракту

№ 14.В.37.21.0521 «Художественный объект как язык культуры: архаичные и новые формы» от 2012 г. по направлению «Философские науки, социологические науки и культурология» в рамках мероприятия 1.2.2 «Проведение научных исследований научными группами под руководством кандидатов наук», мероприятия 1.2 «Проведение научных исследований научными группами под руководством докторов наук и кандидатов наук», направления 1 «Стимулирование закрепления молодежи в сфере науки, образования и высоких технологий» федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг.

Анализируются инновации авангардного искусства, стилей модерна, арт-деко, декоративности в детском творчестве, этнических традиций в современном костюме. В моде созданные уже формы искусства архаики и XX в. деформируются (линии, пропорции, ритм), смешиваются стили и композиционные, живописные принципы сочетания элементов, эстетизируется то, что ранее считалось некрасивым. Культурная трансформация происходит путем заимствования, это указывает на «дефицит» идей в современной культуре.

Костюм, этническая и художественная традиции, инновация, детское творчество, модерн, арт-деко, авангард.

The article studies the innovation of vanguard art, the modernist style, art deco, decorative effect in children's creativity, ethnic traditions in modern dress. Archaic forms and forms of XXth century of art in the fashion are deformed (lines, proportions, rhythm), composition styles are mixed, picturesque principles become aesthetic. Cultural transformation occurs by borrowings, this indicates the "deficit" of ideas in contemporary culture.

Clothes, ethnic and cultural traditions, innovations, children's creativity, modernist style, art-deco, vanguard.

Глобализация необратима, и она стирает различия, которые необходимы для гармоничного развития общества. Актуальность исследования художественных текстов на предмет наличия инноваций и архаики, их трансформаций обусловлена значимостью этой темы для решения теоретических и прикладных проблем этноискусствознания. Цель данного исследования – рассмотрение костюма как художественного текста и как процесса создания новых текстов на основе сохранения традиций.

Традиция – часть культурного наследия (имеющая положительную оценку как нечто значимое, актуальное для бытия) и сам процесс такой оценки, последующего усвоения, а также механизм межпоколенной передачи. Любая традиция является метаморфозой, развиваясь и модифицируясь в связи со сменой эпохи, социально-исторических условий и изменений в ментальности народов. До середины XX в. этот процесс растягивался на столетия, а теперь происходит в течение жизни одного поколения. Каждое поколение вновь начинает деятельность по интерпретации своего прошлого. Традиционные представления и действия не принимаются пассивно, их активно ищут, если в настоящем не находится «истинной» основы. Этническая традиция – часть наследия, которую общество оценивает положительно и воссоздает из поколения в поколение, ассоциируя как важную принадлежность к конкретному этносу. Художественная традиция – художественные тексты, процесс их создания, оценки, последующего усвоения, а также механизм передачи. Не столько

сама традиция, сколько выбор тех или иных традиций на протяжении истории определяет самоидентификацию членов общества. Зачастую традиция, ушедшая на некоторое время на второй план культуры, активизируется через поколение в виде инновации. В умении усваивать инновации, превращая их в традиции, и состоит жизнеспособность искусства, дизайна. О том, что инновация превратилась в традицию, можно говорить тогда, когда в памяти социума стирается момент введения инновации и впечатления об этом событии становятся принадлежностью истории [5].

Изобразительное искусство – создание художественных образов на плоскости, в объеме средствами выразительности (линия, пятно, силуэт, форма, фактура, текстура и др.). Различие станкового и декоративно-прикладного искусства в разных способах формообразования и изобразительных основах или средствах. Специфика декоративно-прикладного искусства состоит в творческом методе, объединяющем все стороны художественной и ремесленной деятельности и интегрирующем способе формообразования. Такие способы присущи в отдельности и станковому искусству на основе всеобъемлющего принципа декоративности [3]. Костюм – особая форма декоративно-прикладного искусства, создающая образ в объеме, искусственно изменяющий облик человека, с помощью средств выразительности, на основе особой декоративности при взаимодействии элементов одежды и головных уборов, обуви, причёски, дополнений (украшения, аксессуары), макия-

жа, пирсинга и парфюма. Костюм отражает не только тенденции моды, эстетические вкусы и предпочтения, социокультурные потребности человека и устойчивую социальную стратификацию, но и экстремизм или сознательную эпатажность тех или иных социальных групп, сознательно противопоставляющих себя социуму (различного рода неформальные объединения и меньшинства) [1].

Любой костюм, имеющий инновационные признаки, в XXI в. стали называть авангардным, хотя то, что кажется современникам инновацией, оказывается на деле художественной или этнической традицией, по-новому прочитанной. В частности, авангардным называют костюм, в котором творчески переработаны стилистика изобразительного искусства авангарда, модерна, арт-деко. Эта тенденция отрицания преемственности традиций возникла еще при зарождении этих стилей.

В начале XX в. изобразительное искусство стало расширять границы своих видов. Под обобщенным названием «авангардное искусство» возникли экспериментальные течения, которые преследовали цель создания инновационных форм развития в искусстве. Авангард в переводе с французского означает «идущий впереди», т.е., по сути, авангард – это синоним инновации, свободы творчества и эксперимента.

Однако авангард, появившийся в XIX – XX вв., основан на художественных традициях модерна. Во всех основных направлениях западноевропейского и российского авангарда происходило последовательное изучение процесса декоративности формообразования. Русские авангардисты предполагали, что после революции человек должен жить во всем новом. Художники общества «Мир искусства» создавали не только изобразительное искусство с особой декоративной выразительностью, но и костюмы для себя и своих близких. М.А. Врубель, К.А. Сомов, Л.С. Бакст, К. Малевич создавали костюмы, основываясь на переработке традиций. Это позволило отдельно выделить авангардный костюм, имеющий нестандартные, эпатажные, противопоставленные общепринятым элементы в формообразовании, в колористических решениях, в композиционном комбинировании элементов и др.

В это же время появилось и другое направление – модернизм, стремящееся к обновлению художественного языка с помощью методов формальных экспериментов поиска формы, присущие только искусству, созданные только по его законам либо в результате спонтанных действий. Модернисты тяготели к синтетическим решениям, которые привели к появлению нового типа художника – универсала, способного создать и чистое искусство, и предметы утилитарного назначения. Универсальность художников модерна оказалась востребована производителями техники, которые были заинтересованы в соединении творчества с производством бытовых объектов [4]. Особенно обострилось внимание к выразительной поверхности. Живописцы и графики стремились к декоративной выразительной организации произведения.

Источниками для творчества модернистов и аван-

гардистов являлись трансляции в культуру антропоморфных, зооморфных и природных форм, образов и мотивов; этнические и художественные традиции, а также бессознательные процессы творчества. Впервые акцент делался на «генетически» свойственную большинству людей декоративность, проявляющуюся уже в детском творчестве.

Детские рисунки, лишенные того, что можно отнести к «реализму», обладают изрядными художественными достоинствами, вызывающими восторги компетентных ценителей искусства, среди которых в разные времена были и знаменитый Р. Фрай и деятели «Сецессиона», и «Бубновый валет» [2, с. 5]. Так, А.В. Щербаков, анализируя работы детей младшего возраста (представленные на выставке в Манеже), отличающиеся композиционностью (при отсутствии грамотности, в традиционном понимании), писал: «...Они картины. Может быть, это связано как раз с их декоративностью, некоторой лаконичностью. Они очень сложные, многосоставны, имеют законченный вид, определенны. Вот эту определенность, законченность, ясность построения картины нужно сохранять и совершенствовать, но уже на другой изобразительной основе, на основе продолжающегося углубленного изучения натуры» [6, с. 10 – 11]. Условность как выразительное средство искусства в детском изобразительном творчестве имеет целиком объективный характер, дети не могут эксплуатировать его, как это делает профессиональный художник, которому знакомы художественные концепции других художников и который сам, имея таковую, укладывает свои художественные суждения в ее рамки. Структура художественного образа рассматривается с позиции трех уровней: идеального (мыслительная деятельность), психического (интуитивно-эмоциональный уровень) и материального (материальное оформление произведения) [7, с. 75 – 94].

Формально отрицая традиции, модернисты создали свой стиль благодаря традициям востока. Знакомство с замкнутой культурой Японии при открытии портов Кобе и Йокагама сделало модными японские традиции. Декоративно-прикладное искусство, костюм стали чрезвычайно популярны в Европе, России (ширмы, веера с росписью, броши из эмали, орнаментальный декор с принтами «рыбы», «стрекозы», крой костюма, богато декорированные шелковые ткани, цветовые сочетания темно-коричневого и бежевого, белого в интерьере). Позднее под влиянием культуры Японии и возник стиль модерн. Именно изучение традиционного народного костюма позволило японским дизайнерам совершить революцию в европейской моде. Йоджи Ямамото, Иссеи Мияке, Кендзо Такада стали проводниками японской культуры. Кендзо Такада смешал кимоно и японский подход к формообразованию (объемность, безразмерность, многослойность) с западной одеждой, отказавшись от элементов европейского конструирования – вытачек и застёжек.

Традиционная африканская скульптура стала толчком к анализу формы и декоративности у самого знаменитого авангардиста – Пабло Пикассо. Его инновационные поиски продолжились в живописи,

графике и взорвали устои искусства XX в.

После выставки декоративных искусств в Париже (1925) стиль модерн с его природными мотивами уступил место арт-деко. Под влиянием эстетики восточных костюмов, дягилевских балетов и живописи Л. Бакста П. Пуаре «совершил революцию в облике женского силуэта, упразднив корсет, вследствие чего формообразующая образная линия модерна осталась в прошлом» [4, с. 149]. Участники выставки создают как произведения изобразительного искусства, так и костюм. В. Мухина, смешивая природные основы барокко и супрематизм, создает платье-булон. Н. Ламанова, изучая народный прямоугольный крой, создавала простые и функциональные вещи. А. Экстер создавала геометризированные костюмы с орнаментами стиля арт-деко. С 1930 г. сменяемость модных образов становится чертой стиля. Природные мотивы становятся источниками для творчества художников костюма Льюиса Лелонга и Маселя Роша. В 1960-х гг. картины художников-авангардистов стали принтами в тканях. Ив Сен-Лоран вдохновлялся черными кружевами с картин Гойи, кринолинами Веласкеса, живописными мотивами Матисса и Пикассо.

К середине XX в. костюм стал разделяться на Высокую моду, авангардный и нормативный. Авангардный костюм – инновация, пренебрегающая социальными нормами, ориентированная на самоутверждение, социокультурный вызов. Однако подходы в моделировании такой одежды основаны на традициях: этнических (японские дизайнеры Т. Кензо, Р. Кавакубо, европейские дизайнеры Х. Шалаян, Х. Ланг); культурных прообразах (дизайнеры В. Вествуд, Ж.-П. Готье, А. Мак-Куин, Дж. Гальяно). В костюме не стало ограничений (социальных, географических и исторических) на использование разнообразных форм одежды, усложнились кодировка художественного текста, приемы «шифрования» костюма, активизировался процесс создания симулякров.

Культурная трансформация традиций происходит тремя способами: спонтанно, стимулировано, путем заимствования. Глобальное использование заимствований говорит о «дефиците» идей для инноваций. В конце XX – начале XXI вв. инновацией является одновременное цитирование нескольких художественных традиций из разных стилей. Часть достижений модернистов и авангардистов, ставшие новшеством в XX в., либо исчезли, либо постепенно превратились в художественную традицию, «классику». Возрастает взаимосвязь между авангардистскими течениями в живописи XX в. и соответствующими им тенденциями в авангардном костюме Высокой моды. Культура костюма *haute couture* инновационна и эпатажна, ее суть составляет игра. Как отмечает культуролог А.И. Затулий, авангардный костюм XXI в. определяется тенденциями: трансляцией живописных течений, переносом или стилизацией антропоморфных, зооморфных и природных форм и образов, освоением эстетики субкультурных объединений, отражением сексуальных отклонений [1].

Трансляция живописных модернистских практик осуществляется на уровнях: цитирования форм

(И. Дженни, В. Блюмарин, В. Юдашкин) или «духа» (И. Сен-Лоран, Дом «Алма», А. Бартенев, К. Леонovich, Г. Чепковская) живописных полотен известных мастеров; заимствований колористических приемов (Дома «Фен-ди» и «Миссони», А. Ахмадулина); смысловых и образных ассоциаций (К. Кляйн, А. Мак-Куин, Х. и К. Стори, Е. Зайцев, Е. Зарубина, А. Пилина) [1]. Автором статьи и студенткой М.С. Каценюк в 2011 г. создана коллекция авангардного костюма «Реплики о Пикассо», которая с успехом экспонировалась на нескольких международных конкурсах и получила высокую оценку от мэтра российской моды В.М. Зайцева. Коллекция основана на творчестве авангардиста П. Пикассо (скульптурах, графике, живописи), которое в XXI в. уже стало художественной классикой. Переработка наследия художника ведется с точки зрения цитирования реплики. Реплика, как один из способов формообразования, творческое повторение ранее существующей композиции, вариация, изменения в деталях, нюансах формы, рисунка, цвета, в ином, отличным от оригинала материале. Нами интерпретируются подлинники, которые обогащаются новациями – ассоциациями, аллюзиями, реминисценциями авторов. Авторская реплика несет в себе качества эклектичности, поскольку мы подсознательно привносим во вторичное произведение черты, не свойственные оригиналу. В костюмах используются инновационные приемы Пикассо: вынесение наружу внутренних элементов конструкции; отказ от традиционных форм; соединение несоединимого, стремление к скрытию естественных форм человека за сложными трансформациями, нефункциональность, при этом понимаемую как отсутствие функций, традиционных для одежды, и поиск не свойственных ей функций, в том числе отказ от функций в пользу декоративности или ее разрушение. Авангардная коллекция подиумной одежды состоит из пяти образов, созданных на основе сочетания скульптурной формы и декоративной цветной графики. Пикассо стилизовал женские формы, мы же вернули эти сложные формы обратно женщине XXI в. На рис. 1 представлена живописная работа Пикассо (1962) «Бюст женщины III», на рис. 2

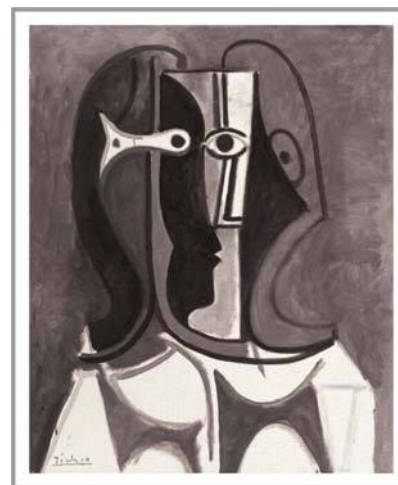

Рис. 1. Пикассо (1962) «Бюст женщины III»

даны эскизы костюмов, созданные на основе интерпретации работы Пикассо, на рис. 3 готовые костюмы в текстильных материалах демонстрируются на моделях подиума Международного конкурса им. Н. Ламановой 2013 г. в Доме моды В. Зайцева. Данная разработка впервые вводится в научный оборот.

Рис. 2. Эскизы костюмов, созданные на основе интерпретации работы Пикассо

Рис. 3. Модели подиума Международного конкурса им. Н. Ламановой 2013 г. в Доме моды В. Зайцева

Таким образом, художественные тексты современного искусства и костюма основаны на «инновациях» XXI в., которые на самом деле являются инновациями конца XX столетия. В наше время происходит открытие современными творцами этнической архаики и инноваций XX в., ставших художественными традициями в XXI в. В авангардном костюме происходит современное прочтение живописных находок модернистов, авангардистов и этнических традиционных элементов. Противостояние Красоты и Безобразия в авангардном костюме является отражением процессов глобализации и борьбы с ней. В Высокой моде созданные формы искусства XXI в. деформируются (линии, пропорции, ритм), смешиваются стили и композиционные принципы сочетания элементов (кентавриетика), эстетизируется уродство, старость, нетрадиционное поведение. Культурная трансформация художественных и этнических традиций происходит путем заимствования, что указывает на «дефицит» идей в современной культуре.

Литература

1. *Затулий, А.И.* Костюм в социокультурном контексте авангарда: дис. ... канд. культурол. наук / А.И. Затулий. – Комсомольск-на-Амуре, 2003.
2. *Иконников, А.И.* Обучение объемно-конструктивному академическому рисунку на художественно-графических факультетах пединститутов: автореф. дис. ... канд. пед. наук / А.И. Иконников. – М., 1990.
3. *Кузнецова, С.Г.* Декоративность – глубинное, объединяющее качество всех видов изобразительного искусства, дизайна / С.Г. Кузнецова // Мир науки, культуры, образования. – Горно-Алтайск. – 2010. – № 6 (25). – С. 50 – 54.
4. *Макавеева, Н.С.* Основы художественного проектирования костюма. Практикум / Н.С. Макавеева. – М., 2011.
5. *Чернявская, Ю.* Народная культура и национальные традиции / Ю. Чернявская. – М., 1998.
6. *Щербаков, А.В.* Композиция в работе с натуры / А.В. Щербаков. – 1971.
7. *Юсов, Б.П.* Актуальные проблемы совершенствования методической подготовки учителей изобразительного искусства / Б.П. Юсов // Вопросы теории и методики преподавания изобразительного искусства: Сб. науч. трудов моск. гос. педагогич. ин-та. – М., 1980. – С. 124 – 146.

УДК 784.4

А.Ф. Никифорова

Научный руководитель: кандидат искусствоведения, профессор Г.П. Парадовская

ХОРОВОДНЫЕ ПЕСНИ ВЕЛИКОУСТЮГСКОГО РАЙОНА В СИСТЕМЕ ОБРЯДОВ И ПРАЗДНИКОВ

Статья выполнена в рамках гранта «Федеральная целевая программа "Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009–2013 годы», лот № 2012-1.2.2-12-000-3004-4292

Данная статья рассматривает жанр хороводных песен в контексте функционирования их в обрядах и праздниках Великоустюгского района Вологодской области. Определяется классификация хороводов по характеру движения, рассматриваются отдельные сюжеты, выявляется типология напевов.

Обряд, игрища, жанр, хороводная песня, игровая песня.

The article considers the genre of round dance songs in the context of their functioning in rituals and festivals of Veliky Ustyug district of Vologda region. Classification of dances by the nature of movement and the typology of tunes are defined, separate plots are considered in the paper.

Ceremony, merrymaking, genre, round dance song, song.

Настоящая статья является лишь частью крупного исследования, которое предполагает изучение музыкально-хореографического стиля хороводных песен, бытующих на территории Велико-Устюгского района Вологодской области. Опираясь на метод комплексного анализа, изложенный в работах В.Е. Гусева, Б.Н. Путилова, А.М. Мехнецова, предполагается выявить характер распространения хороводных песен на данной территории, способ функционирования их в праздничных, обрядовых и других жизненных ситуациях, провести классификацию по типам (композиция напева, хореографический рисунок, выявить закономерности музыкальной структуры).

Для жанровой группировки хороводных песен необходимо комплексное изучение структуры песенных форм (их функциональной направленности, музыкальных, хореографических и поэтических элементов). Но также необходимо учитывать, что весь комплекс средств выразительности находится в иерархической соподчиненности, а значит и выделяется ведущий компонент. В связи с этим, формируются следующие внутрижанровые группы:

- скорые хороводные песни;
- медленные хороводные песни (орнаментальные хороводы);
- хороводно-игровые песни;
- наборные хороводы.

Скорые и медленные хороводы выделились в отдельную группу по темповым признакам и особенностям хореографического элемента. Также мы придерживались принципа разделения хороводных песен по характеру движения, выделяя в отдельную группу орнаментальные и хороводно-игровые песни. Наборные хороводы группируются по функциональной принадлежности.

По материалам фольклорных экспедиций, проведенных в Великоустюгском районе Вологодской области, выявлено 22 сюжета хороводных песен, из них: 6 сюжетов скорых хороводов: «Веселко», «Во кузнице», «Как у наших у ворот», «Катя, Катя, Катенька», «Оля, Оля, Оленька», «Я вечор, молода»; 6 сюжетов медленных хороводов: «Вдоль было по травоньке», «Запросватали млада», «Как в Обрадове деревне», «Озеро глубоко», «Чуют, чуют кудерки», «Я с-по бережку спохаживала»; 8 сюжетов хороводно-игровых песен: «Как по морю», «Ах ты, горё моё, гореваньё моё», «В хороводе были мы», «Посиели девки лён», «У дядюшки Трифона», «Уж я сеяла, сеяла ленок», «Ходит Борисушко», «Хожу я гуляю»; 1 сюжет наборного хоровода: «Завивали мы капусточку»; 1 сюжет орнаментального хоровода: «А мы росу сиели».

Основное внимание в данной работе уделяется функциональной принадлежности выявленных нами образцов в системе обрядово-праздничных комплексов.

Самую большую и распространенную группу хороводных песен представляют сюжеты, приуроченные к святочному периоду. В период святок молодёжь откупала избы и устраивала там «игрища». По этнографическим сведениям точно определена приуроченность исполнения следующих хороводных сюжетов в зимние святки: «А мы просо сеяли», «В хороводе были мы», «Завивали мы капусточку», «Как по морю», «Ходит Борисушко», «Хожу я, гуляю».

Хоровод «Завивали мы капусточку» во время «игрищ» водили только один раз. Данная песня выполняла функцию набора пар для игры «суседуш-ком» или на пляску «Восьмёра».

В д. Полдарса Опокского с/с после хоровода «Завивали мы капусточку» водили следующую хороводно-игровую песню «Как по морю», а в д. Нижнее Анисимово Стреленского с/с хороводом «Завивали мы капусточку» заканчивались «игрища».

Стоит отметить, что результатом большинства хороводов святочного периода является выбор пары. Это объясняется тем, что свадьбы играли большей частью зимой. Сам песенно-игровой комплекс святочных игрищ имеет органическое единство и характеризуется как обряд с брачной тематикой. Святочное игрище могло даже стать целым представлением, имеющим образно-художественную логику развертывания. Это был цикл игр в свадьбу с инсценировкой различных свадебных эпизодов.

Надо отметить, что разделяются хороводные песни по приуроченности:

- 1) к уличному гулянию;
- 2) к ситуации праздничного застолья.

К первой категории относятся хороводы: «Веселко», «Ходит Борисушко»; ко второй категории относятся сюжеты: «Во кузнице», «Веселко», «Как у наших у ворот».

«Игранья» также устраивали во время смотров невесты и во время девешника. К этим двум моментам был приурочен хоровод «Ходит Борисушко». Сюжет «Во кузнице» мог исполняться в двух вариантах: либо непосредственно за столом, либо во время пляски. Он также функционирует в нескольких жизненных ситуациях, например, во время свадебного пира.

Рассмотрим хороводные песни, которые имеют приуроченность к свадебному обряду.

Сюжет «Веселко ты, веселко» имеет обязатель-

ную прикрепленность к свадебной ситуации. Данная песня выполняет функцию благопожелания: «“Веселко” вот – свадебная песня. Её, её поют на свадьбе, это очень нравитца хозяину, што эту песню поют, дак знацит будут молодые жить хорошо»¹. Причем особо следили – какую именно первую песню будут петь гости. Это было своего рода гадание о будущем благополучии семейной жизни жениха и невесты: «И вот на свадьбе дак и замечают вот какую первую песню, так и будут жить»². Этот хоровод могли даже исполнять без хореографического движения: «Не из-за этова поют [чтобы поплясать], а говорят, вот её начинают-ту на свадьбе, да, штёбы жилось хорошо»³.

Хороводная песня «Веселко» исполнялась в нескольких ситуациях свадебного действа – во время застолья на первый день свадьбы и, аналогично – на второй: «Когда уж сядут за стол – по чарочке, по второй и писёнки зачинают такиё»⁴. А так же данный хоровод исполнялся во время смотров невесты: «И на смотрах и на свадьбе»⁵.

Также строгую приуроченность к свадебному обряду имеет и хороводные песни «Запросватили младу», «Во кузнице», «Как у наших у ворот», «Я вечор молода» и «Я по бережку похаживала».

К свадебным относится и песня «Чуют, чуют кудерка», которая со временем утратила свой хореографический элемент: «Праздничная, свадебная песня-то будёт.<...> Старшие, старшие раньше, раньше ходили [кругом]»⁶.

Необходимо отметить, что песенный текст «Чуют, чуют кудерка» также пели во время возвращения с сенокоса домой: «Ак раньше, этот, как пойдём с сенокосу, ну-ко в худую, вот как жили, дак не знаю, этот, а: “Ну, давай, Параня, – “Кудерки”»»⁷.

Для нас важно отметить, что свадьбы играли большей частью зимой, и хороводы на святках и на свадьбах соприкасаются во временном периоде и это один и тот же репертуар, следовательно, выявляется и их общая функциональная основа – создание пары, пожелание благополучия.

Хоровод «Веселко» можно назвать многофункциональным. Помимо того, что он исполняется во время праздничного застолья, во время весенне-летних уличных гуляний, он имеет огромное значение в свадебном обряде, также используется в обряде пивоварения. Самым насыщенным ответственным и

предполагающим особое состояние человека является момент опускания «приголовка» в пиво. Чтобы пиво «ходило», необходимо «задать» ему движение. Находясь в приподнятом настроении при помощи песен с приплясом, человек на магическом уровне влияет на результат процесса. Пиво нужно «пробудить к жизни», чтобы оно «двигалось», «ходило». Как замечает Г.П. Парадовская – «с образом “живого” пива связаны ритуально-магические действия, направленные на придание напитку необходимых качеств: плясовое движение в момент выноса “приголовка”, пляска вокруг чана с пивом, исполнение молитвенных и заклинательных текстов (чтобы пиво “ходило веселее”, было “пьяное и веселое”))» [1, с. 23].

О приуроченности других хороводных песен информация отсутствует. К таковому относится сюжет «Как у дядюшки Трифона». Известен состав исполнителей данного хоровода – это дети.

Сюжет «Как в Обрадово деревне» пели девушки во время прядения⁸ на посиделках. Также зимой на посиделках играли и хоровод «Ходит Борисушко». Исполнители отмечают, что этот хоровод могли водить в «любое время»⁹.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. Большой частью хороводные песни в традиции Великоустюгского района Вологодской области имеют приуроченность к святочному обрядовому комплексу (здесь они выполняют функцию создания и закрепления пары) и свадебному обряду (функция благопожелания, создания эмоционального настроения праздника).

2. Хороводные песни, функционирующие в ситуации праздничного застолья, выполняют коммуникативную и консолидирующую функции.

3. Хороводы отличаются по половозрастному признаку: святочные песни исполнялись молодежным составом (парни и девушки); хороводы, приуроченные к свадьбе и ситуации застолья, – замужней частью общины (преимущественно женщинами).

Литература

Парадовская, Г.П. Народная традиционная культура Вологодского края. Братчина: ритуал и фольклор / Г.П. Парадовская. – Вологда, 2008.

¹ ЭАФ 1387-26, с. Усть-Алексеево, Усть-Алексеевский с/с. Здесь и далее приводятся сведения по фонографическим коллекциям Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного педагогического университета. Принятые сокращения: ЭАФ – экспедиционный аудиофонд.

² ЭАФ 1387-07, там же.

³ ЭАФ 1833-05, д. Горбачёво, Верхнешарденгский с/с

⁴ ЭАФ 1833-05, там же.

⁵ ЭАФ 1387-07, с. Усть-Алексеево, Усть-Алексеевский с/с

⁶ ЭАФ 1383-06, д. Минино, В-Варженский с/с

⁷ ЭАФ 1383-12, там же.

⁸ ЭАФ 1773-06, д. Томашево, Орловский с/с

⁹ ЭАФ 1945-03-04, д. Подберезье, Шемогодский с/с

ФОЛЬКЛОРНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ТЕКСТ «ЧАРОЧКИ» КАК МИКРООБРЯД

*Статья выполнена в рамках гранта «Федеральная целевая программа
"Научные и научно-педагогические кадры инновационной России" на 2009 – 2013 годы»,
лот № 2012-1.2.2-12-000-3004-4292*

В статье рассматривается песенный сюжет «Чарочка», распространенный в народных традициях восточных районов Вологодской области. Анализируется образно-поэтическое содержание фольклорного текста, система взаимосвязей художественной формы и ритуального контекста, образующих единую и законченную в смысловом отношении структуру.

Обряд, жанр, песня, художественный образ, функция.

The article considers the song plot «Charochka», popular in the folk traditions of the Eastern districts of Vologda region. The paper analyses the figurative and poetic content of folklore texts, the system of interrelations of an artistic form and a ritual context, forming the single and complete in the semantic relation structure.

Ceremony, genre, song, artistic image, function.

Как свидетельствуют материалы фольклорных экспедиций в восточных районах Вологодской области, угощение пивом является главным событием праздничного застолья, совершаемого в братчине, больших праздниках календарного круга и свадебном обряде. Подношение участникам пира ритуального напитка обязательно сопровождается исполнением специальной припевки – «Чарочки». Содержательная, функциональная и структурная соподчиненность всех компонентов обряда праздничного застолья позволяют представить и детально рассмотреть данный фольклорный текст как *микрообряд*.

Необходимо отметить, что данный термин используется и раскрывается в работе Виноградовой Л.Н. и Толстой С.М. «Ритуальные приглашения мифологических персонажей на рождественский ужин: формула и обряд» [1, с. 166].

Припевка «Чарочка», исполняемая в праздничном застолье, имеет непосредственную функциональную связь с происходящим действием и согласуется с ним на следующих уровнях:

– прямое отношение к конкретной обрядовой ситуации – поднесение ритуального напитка во время праздничного пира;

– обрядово-организующая направленность: «Так-то иногда не пьют, а вот “Чарочку” споят – надо выпивать. И поют, все поют – не один, кто подает, все припевают. (А если не пили?) А уж чарочку надо выпивать всё равно до дна, всё равно надо. Да, раз спели «Чарочку», как же не выпьешь? Надо выпивать» (В.-Уст., 1756-17¹);

– императивно-продуцирующий характер средств художественной выразительности фольклорного текста.

Приуроченность припевки определена системой взаимосвязей художественной формы и ритуального контекста, образующих единую и законченную в смысловом отношении структуру:

– *вербальный ряд* (наличие ключевого образа – «чарочки», величание участников застолья);

– *акциональный ряд* (пение сопровождает вынос ритуального напитка, обнесение им всех участников застолья, пляску);

– *предметный ряд* (связь на образно-поэтическом уровне с пивной чашей как центральным элементом ритуала);

– *пространственный и временной ряды* (строгая регламентация места и времени исполнения припевки: «застолье» – открытие пира, «перед столами» – круговое движение певцов в пляске).

Специального внимания заслуживает образно-поэтическое содержание текста припевки «Чарочка» и его отношение к происходящему действию.

Характерна композиция песенного сюжета, в которой наблюдается устойчивая последовательность формульных мотивов. Основные композиционные зоны сюжета: зачинное построение, заклинание-диалог, благопожелания, заключение.

В качестве наиболее устойчивой схемы зачина выступает следующая формула:

<i>Чарочка пивца –</i>	<i>серебряная!</i>	<i>На золоте блюдышке</i>	<i>поднесённая</i>
маркирование обрядового атрибута	характеристика его свойств и качеств	пространственная ориентировка	функциональная характеристика

¹ Здесь и далее приводятся номера по экспедиционному фонду Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного педагогического университета. В статье используется следующее сокращение: К.-Гор. – Кичменгско-Городецкий район Вологодской области.

Центральный эпизод сюжета представляет собой диалог, имеющий ярко выраженную коммуникативную и заклинательную направленность. Вслед за риторическим вопросом «Кому чару пить?» следует название имени одного из гостей – «Чарочка» «припевается», непосредственно адресуется одному из участников застолья:

Кому чару пить,
Кому выпивать?
Эшшо пить-то чара,
Да выпивать-то чара
У нас Нинушке
Да Арсентьевне
(К.-Гор., 1394-02).

Приведем один из вариантов развертывания данного мотива, усиленный двойным вопросом с отрицанием:

Кому эта чарочка
Пить-выпивать?
Пить ли её
Иль не пить ли её?
(К.-Гор., 1394-04).

Устойчивое продолжение развития сюжета включает формулу-благопожелание (мотив «пожелания здоровья, веселья»):

На здоровье, на здоровье,
На здоровьице её,
На веселье голове
(вар-т: «На похмелье голове»)
(К.-Гор., 1376-06).

Традиционная формула, завершающая текст, связана с эмоциональными возгласами «Ура!», «Поехало, пошло!» и некоторыми другими, приближающимися по своему функциональному значению к приговорам:

Скажёмте, робятушка,
Ура, ура, ура!
Ой, скажёмте молоденьки,
Поехало, пошло!
(К.-Гор., 1389-41).

Образно-поэтическое содержание текста в целом имеет коммуникативную направленность, связано с брачной темой (мотив «припевания пары»), а также определяется воплощением идеи жизненного благополучия:

На здоровьё, на здоровьё,
На здоровьице её,
На веселье голове.
Где-ка пить-пировать,
Да и тут нацевать,
Да Ивана целовать,
Целовать-миловать,
Ко сердечку прижимать,
Милой ладой называть
(К.-Гор., 1459-78).

Подчеркнуто сакрализован в поэтическом тексте припевки «Чарочка» мотив распределения доли:

Пей-ко, попей-ко –
На дне-то копейка.
Ешшо попьёшь –
Золотую найдёшь.
(К.-Гор., 1325-12).

Таким образом, по своему содержанию и назначению обрядовая припевка «Чарочка», обогащает смысловой план праздничного пира как обрядового действия. С одной стороны, фольклорный текст маркирует процессуальную сторону ритуала (подношение напитка), выделяет персональный ряд как элемент обрядовой структуры, с другой – имеет магическую функцию: ее исполнение направлено на обеспечение здоровья и жизненного благополучия, укрепление семейных отношений участников братчины.

Литература

Виноградова, Л.Н. Ритуальные приглашения мифологических персонажей на рождественский ужин: формула и обряд / Л.Н. Виноградова, С.М. Толстая // Малые формы фольклора: Сб. ст. памяти Г.Л. Пермякова; Сост. Т.Н. Свешникова. – М., 1995.

ПРИЛОЖЕНИЕ

№ 1. Припевка на подачу пива

Кичм.-Городецкий р-н, д. Шилово, ЭВФ 072-45

♩ = 116-126

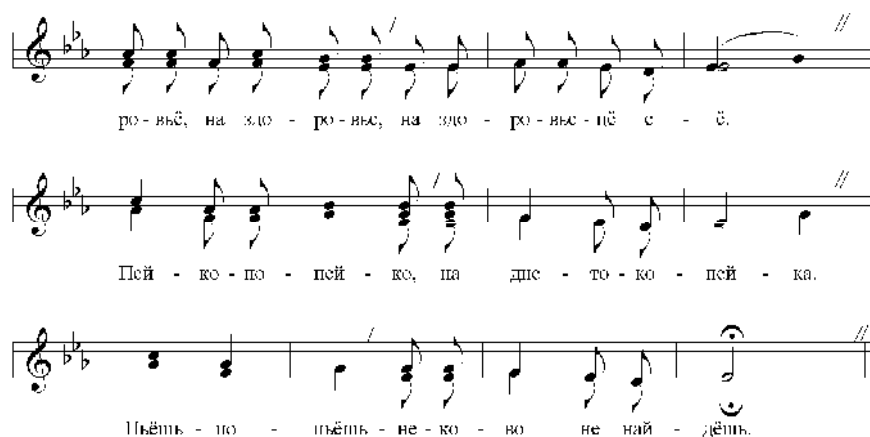
Ця-роць-ка мо-я, се-реб-ря-па-я,
ко-му ця-ра пить, ко-му вы-пи-вать?
Пить ця-ра, вы-пи-вать ця-ра, да Ма-
ри-тош-ке, да Пи-ко-ла-ёв-це.
Ней-кё, по-ней-кё-на дне-то ко-ней-кя
(Э)шю по-пьёшь-дак и две на-й(и)-дёнть.

№ 2. Припевка на подачу пива

Великоустюгский р-н, д. Чернево, ЭАФ 1771-41

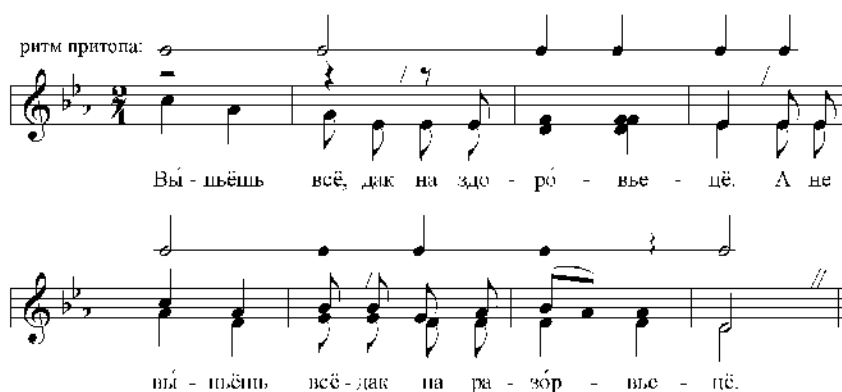
♩ = 120

Ча-роч-ка, ча-роч-ка се-реб-ря-па-я Ой,
ко-му о-ту ча-роч-ку пить-вы-пи-вать?
Пить-вы-пи-вать да у нас Га-ли-пуш-ке,
Пить-вы-пи-вать у нас Е-го-ров-це. На-ю-

На окончание:

Великоустюгский р-н, д. Чернево, 1771-39

УДК 784.4

Г.П. Парадовская

СТРУКТУРА И СЕМАНТИКА ПРАЗДНИЧНОГО ЗАСТОЛЬЯ В БРАТЧИНЕ

Статья выполнена в рамках гранта «Федеральная целевая программа “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России” на 2009 – 2013 годы», лот № 2012-1.2.2-12-000-3004-4292

В статье анализируются структура и семантика праздничного застолья в братчине, рассматриваются обрядовые функции совместной трапезы, роль и место фольклорных текстов.

Обряд, праздничное застолье, семантика, фольклорный текст.

The article analyzes the structure and semantics of the holiday feast in bratchina and considers ceremonial functions of eating together, the role and place of folklore texts.

Ceremony, holiday feast, semantics, folklore text.

Традиционный народный праздник является важнейшим общинным действием, направленным на обновление мира и преобразование старого в новое – «природы» в «культуру», ключевую роль в этом играет **обрядовая трапеза**. По мнению исследователей, она может рассматриваться в качестве одной из основных форм **жертвоприношения**, при этом участники застолья служат посредниками в передаче

жертвенной пищи божественному адресату, в частности, на это указывает внутренняя форма слова «жертва», производная от слова «жръти» [2, с. 208]. Отмечается также, что в устной народной традиции XIX – XX вв. у южных и восточных славян слово «жертва» встречается редко. На русском Севере распространен термин «обет» («обещание») [2, с. 209]. В. Я. Пропп указывает на то, что, еде приписывали

особое значение во время обрядовых праздников: «... зерно обладает свойством надолго сохранять и вновь воссоздавать жизнь, умножая ее. Семя – растение – семя составляют извечный кругооборот, который свидетельствует о нескончаемости жизни. Путем еды к этому процессу приобщаются люди» [1, с. 20].

Обрядовые функции совместной трапезы и ее ритуальный характер сохраняются во многих традициях и культурах. На то, что предков мыслили сидящими за одним столом с живыми, указывает многие исследователи. В.Я. Пропп приводит сведения о традиции римлян отдавать первый кусок пищи и первый глоток напитков обожествленным предкам – ларам или пенатам [1, с. 21]. Еда, трапеза – прием пищи, имеющий повседневный или праздничный характер. У славян, как и многих других народов, трапеза обставлялась как своеобразный ритуал, призванный выявить внутреннюю структуру коллектива и утвердить солидарность его членов перед лицом высших сил [3, с. 176].

Совместное застолье как центральный компонент братчины обладает рядом собственных значений. В основе народных представлений, распространенных в вологодских традициях, лежит идея о том, что любая коллективная трапеза – это священный акт, направленный на воссоединение с божественными силами и предками-покровителями. В связи с этим раскрывается особое значение трапезы в повседневной жизни крестьянина, которая включает следующие обрядовые действия:

- обязательное **моление и поминовение умерших** перед едой: «Царство Небесное папе, маме. Помяни, Господь, дай, Господь, Царство Небесное. Земля пухом, рай Господней» (В.-Уст., ЭВФ 106-41¹);

- **призывание божественных сил и «родителей» к трапезе:**² «Все святые угодники, со мною хлеба кушать. Бог, Христос, Пресвятая Богородица и все честные родители, с нами хле́ба кушать» (Нюкс., 1268-05);

- символическое **«кормление» святых покровителей и «родителей», просьба о содействии:** «...Садитесь с нами хле́ба кушать. А я стану работать – мне помогайте» (Нюкс., 1268-04);

- **благодарение Богу** по окончании трапезы: «Благодарю Господа Бога – напоиу, накормиу» (Нюкс., 1268-07).

Важной особенностью будничного застолья является наличие поведенческих установок и связанных с ними примет, указывающих на обрядовый статус производимого действия:

- стол перед едой крестят: «Сажусь за стол, стол крещу: “Во имя Отца и Сына и Святого Духа”» (В.-Уст., ЭВФ 106-41);

- во время трапезы особым образом ведут себя за столом: не разговаривают, держатся чинно и торжественно.

Существует ряд запретов, основанных на представлении о непосредственном присутствии «родителей» на трапезе и об их влиянии на благополучие семьи (здоровье, достаток в доме):

- нельзя класть локти на стол, поскольку рядом «сидят родители»;

- нельзя стучать по столу и просыпать соль, иначе «прогневишь предков»;

- нельзя обедать за непокрытым скатертью столом, сбрасывать крошки со стола на пол, сметать их голой рукой – в противном случае жизнь будет несчастливой («голодной»).

Фиксированное положение обеденного стола – в «красном углу» дома³ – ополняется номинацией – **«стол-престол»**, что позволяет проводить аналогии с церковным престолом, стоящим в алтаре, или с престолом как символом царской власти. Стол в «красном углу» служит не только местом проведения ежедневных семейных трапез, но выделен в структуре ритуалов как самое почетное место в доме. За этот стол выводят молодых после венчания во время свадебного пира. Известно значение стола в похоронно-поминальной обрядности: на лавку или стол кладут умершего, здесь же совершается поминальная трапеза. Кроме этого, стол, накрытый скатертью, символизирует единение семьи и рода.

Значение стола как ритуального объекта усиливается семантикой «хлеба-соли» – одного из символов жизненного благополучия. После окончания ежедневной трапезы каравай хлеба и солонка, накрытые одним из концов скатерти, остаются на столе до следующего застолья. Это является признаком достатка в доме и одновременно его обеспечивает (Усть., 973-45).

По экспедиционным материалам из Вологодской области для обрядовой трапезы, как центрального компонента братчины, характерны следующие нормативы:

- **праздничное время** – после церковной службы и поминовения умерших;

- **ритуальное пространство дома** (накрытый стол в «красном углу»);

- **определенный состав участников застолья, выделение «чинов»:** хозяева, гости, пивовар, «непрошенные гости»: «сычи», «захребетники», нищие;

- **порядок распределения мест за столом** между участниками – соответственно их семейному или общественному статусу (в «красном углу» усаживали хозяина дома или самых почетных и уважаемых в деревне людей, при этом женщины размещались на «поперечной» лавке, мужчины – на «продольной»;

¹ Здесь и далее приводятся номера по экспедиционным фондам (ЭАФ, ЭВФ) Центра традиционной народной культуры Вологодского государственного педагогического университета. В статье используются следующие сокращения: Нюкс. – Нюксенский район, В.-Уст. – Великоустюгский, К.-Гор. – Кичменгско-Городецкий, Баб. – Бабушкинский, Ник. – Никольский районы Вологодской области.

² Под именем «родителей» почитались все умершие члены рода.

³ «Красный угол» («сутний угол») – угловое место в избе, где находятся иконы и располагается обеденный стол.

старики, как правило, рассаживались в конце столов, ближе к выходу).¹

Большое значение имеют способ организации и характер проведения праздничной трапезы, заключающиеся в регламентированном местной традицией наборе обрядовых блюд и напитков, порядке их выноса и подачи на стол, формах угощения, а также в приуроченности к тому или иному моменту разнообразных фольклорных текстов: призывание гостей «к чарочке», величание участников застолья, припевание семейных пар, благопожелания и др.

К братчине готовится специальное угощение. В вологодских деревнях обязательными для праздничного стола являются:

- **изделия из теста:** рыбники («кулебаки»)² (К.-Гор., 1063-01, 02); пироги из белой муки, как правило, украшенные выпечными орнаментами (так называемые, «витушки» – Нюкс.); сладкие пироги, «пряжоники» (К.-Гор.); блины, гороховые «сочни» (Нюкс.);

- **другие блюда:** «селянка», тушеное мясо, варенные яйца и др.;

- **напитки:** пиво как основной напиток праздничного застолья, а также сусло (пивной отвар без хмеля), пиво с толокном («тяпушка»), овсяный кисель.

Существовал особый порядок подачи блюд на общинный стол. Так, например, кисель всегда выносили в момент окончания трапезы – «на разгон»: «А вот когда раньше варили там пиво к какому празднику, в конце вечера подают если кисель – дак уж можно собиратце домой. Значит, это уж последнее блюдо поставили, всё. Кисель раз уж принесли на стол, дак надо уходить» (К.-Гор., 1054-15).

Угощение пивом является главным событием праздничного застолья в братчине. Рассмотрим основные компоненты этого действия.

Церемониальный характер выноса и подачи пива связаны с выделением специальных ритуальных чинов – «пивоноса», «подавшего» (К.-Гор., 1727-18), «чашиника» (Баб., 23-11): «Это человек отдельной, он следит за пивом, чтобы кто-то не похитил ево» (К.-Гор., 1049-06). Выполнять функции «пивоноса» мог сам **пивовар**: «Дак кто вот варил – дак он это пиво выносит. Уже там он и заведует им, пивовар. Он хозяин над пивом. Он выносит, а тут за столом, значит, “подавший” есть – опять подаёт» (К.-Гор., 1182-02). Особый статус «пивоноса» как распорядителя братчины подчеркивается деталями наряда – ему повязывают полотенце таким же образом, как тысяцкому или дружке на свадьбе (К.-Гор., 1052-24).

Ритуал обнесения пирующих пивом опирается на один из универсальных обрядовых принципов организации движения – по кругу: «Яндова` медная, нальют сколько (вот, помню, у нас большушшая ян-

дова` была – на литра два, наверно). Эта яндова` и **ходит по кругу**, все пьют и из этой яндовы` вообще. <...> Пьёшь, не пьёшь, а всё равно, вот – бери яндову` <...> [и] передавай дальше» (В.-Уст., 1756-15). Знаковый характер приобретает направленность движения ритуальной чаши с пивом – «по солнцу»: «Как солнышко идёт, так вот так и подают – как по солнышку (всё обычно говорят – по солнышку)» (К.-Гор., 1182-02). Значение графики движения в его пространственной реализации проявляется в наименовании – «круговая чара».

Соответственно, пиво подают участникам братчины в определенном порядке – согласно их месту за столом. Первому подают чашу с пивом **хозяину**, сидящему в «красном углу» дома, с приговором: «Хозяину сначала выпить», после чего тот передает напиток **старшему из родни** и далее – всем поочередно. Опустошенную пивную чашу переворачивают вверх дном, целуют донышко и ставят ее на голову, что также имеет знаковый характер – окончание ритуального действия (Ник., 113-30).

Подношение пива могло происходить также во время круговой пляски, что непосредственно указывает на смысло-содержательные связи различных сторон обрядового события и художественных форм. В этом случае пиво подает любой из гостей: «Раз пиво обшое – не то, что хозяйка подаёт, а кто взял чайник, стакан, [тот и] ходит – наливает» (В.-Уст., 1237-56).

Семантика трапезы в обрядово-праздничном комплексе братчины дополняется символической характеристикой предметов, используемых для совершения ритуала. Главным атрибутом застолья является **пивная чаша**, многообразные местные названия и формы которой имеют символическое значение. Ее основными названиями являются: «**братыня**» (медная чаша, распространена повсеместно³), а также: «**чара**» или «**чарушка**» (Ник.); встречаются: «**ендова**» (К.-Гор.), «**белушка**», «**белушечка обедная**», «**пи`санка**» (Ник.). В ряде мест пивная чаша называлась «**молцянкой**»<sup>4</sup>, «**чашечкой-молчаночкой**» (Нюкс.). Общий набор наименований дополняют: «**ставцы` изукрашенные**» и «**ставчики**» (К.-Гор.).

К наиболее архаичным видам пивной посуды относятся деревянные расписные чаши самых разных размеров и форм.⁵

Особого внимания заслуживают деревянные изогнутые двойные чаши в виде «лебедей» – «конюшки», как называют их в Костромской области, где они были наиболее распространены: «Были эшшо: вот такая двойнушка вот у нас <...> – две вместе, одна дужка, а в середке-то стенки, две дыры там сделаны. <...> Тут велют-то одну выпить-то, а выпиваешь-

¹ В будничной трапезе соблюдался такой же порядок, за исключением особого положения «большу`хи» (хозяйки дома). Ей не полагалось сидеть за столом, так как в обязанности хозяйки дома входило угощение всех присутствующих на трапезе – принос кушаний и т.д.

² Пирог с запеченной в нем цельной рыбой.

³ Артельное производство и продажа медных «братынь» широко практиковалось в данной местности.

⁴ Небольшая братыня на 1 литр.

⁵ Деревянные чаши (объем от 1 до 5 литров) были распространены в следующих районах Вологодской обл.: Великоустюгском, Кичменгско-Городецком, Никольском; районах Костромской обл.: Вохомском, Павинском, Октябрьском.

то обе <...> – для шутки» (К.-Гор., п. Устье-Харюзово). Своеобразную форму имели двойные и тройные глиняные чаши с «пикушкой» (свистком) в виде птицы: «Пивные чаши для шутки слепят три в одну. Выпьет – посвистит» (Ник., д. Фомино). Использование подобных «пикушек» в ритуале братчины, несомненно, связано с семантикой звукового кода праздничного застолья, фиксирующего выход на уровень необычного, сакрального действия.

Центральный момент в ритуале – угощение пивом – отмечен обязательным исполнением специальной припевки, которая повсеместно именуется «Чарочкой».

К особому виду фольклорных текстов, исполняемых во время праздничного застолья в братчине, относятся сопутствующие ритуальным действиям словесные формулы заклинательного и молитвенного характера. Эти краткие вербальные тексты являются необходимым промежуточным звеном в системе отношений «ритуал – обрядовый приговор – обрядовая песня», дополняют содержательный план обряда и способствуют образованию единого в эмоционально-смысловом отношении ритуального времени и пространства.

Императивно-действенная функция приговоров формульного характера обозначена в следующих комментариях народных исполнителей: «А вот заставляют, дак всё и пьёшь. Не всяк сможет такую тоже выпить, так ведь там уж и ждуть, и стоят над душой: “Давай-давай, там ещё немножечко осталось!” да “Давай, там ещё! Давай-давай!” – тут всяко разное начинают. Это да, пить станёшь, дак там и начинают: “Пей до дна, пей до дна – не видать добра!”» (К.-Гор., 1182-02).

Основные группы приговорных формул, которые воспроизводятся в обрядовой ситуации «вкушения пива», представляют собой различные типы заклинаний императивного, констатирующего и утвердительно-характерного, в том числе имеющие форму простейшего сравнения, образной параллели или диалога:

– «Пей давай! Выпивай всё!» (К.-Гор., 1058-32); «Выпейтё, выпейтё, угошайся!» (Под., 1740-19); «Пей до дна! Пей до дна!» (Ник., 792-07); «Не пьёшь – дак выливай!»;

– «Пей до дна – не видать добра!» (К.-Гор., 1183-23); «Пейтё на здоровье!» (В.-Уст.);

– «Чашечка-каток покатила в роток» (В.-Уст.); «Бежит водица по песочку, выпиваем по разочку!», «Колокольчик под дугой, дак и выпьём по другой» (К.-Гор., 1058-26); «Щтё пито – щтё лито» (К.-Гор., 1052-09);

– «Села сорока на гвоз[д]ь – как хозяин, так и гос[т]ь!» (В.-Уст., 1733-17); «Как подавший, так и все!» (В.-Уст., 1733-17); «Как подавший выпьёт, так и гос[т]ь будет пить!» (К.-Гор., 1727-02);

– «Ты, рюмоцька, откуда? – Из Ростова. – Так я тебя опростаю, христово. – Опростаю меня, христовой» (К.-Гор., 1265-32).

Насыщенный комплекс празднично-обрядового действия братчины включает также обычаи ряженья,

ритуальные бесчинства, разнообразные формы смешовой культуры. Обряды ряженья генетически связаны с тотемическими представлениями, культом предков и функционально определяются магией продуцирующего типа. Необходимо подчеркнуть важность включения персонажей ряженных в обрядовое действие на второй день пивного праздника, приход их на пир, ритуальные бесчинства, пляски на улице. Тем самым в обряде обозначается осязаемая граница, символически разделяющая старое «изжившее» и наступившее «новое» время. Ритуальное поле братчины маркируется закрепленным составом ряженных: «Старик», «Старуха», «Нищенка», «Мужик», «Баба», «Цыган», «Цыганка», «Пужало», «Человек до потолка», «Лошадь» и др.

Приведем несколько описаний, в которых раскрывается образный ряд ряженья и система связанных с ним ритуальных действий.

«Это и ходили – снарядятца всяко. Наряжались и мужыны – “женшынам”, и “цыганки” ходили гадали (и шапку возьмут у мужика, за лица гадают – всё, это придут). Ходили это с братчины в братчину» (Окт., 956-01). «Раньше наряжались у пивов. Этово – шутят. Шутили, штобы больше смеху, видишь, было» (К.-Гор., 2769-34).

«У нас этака вот братчина была вот в этом – в избе (у меня две избы было). Да один лошадь завёу. <...> А высокая лошадь-та ведь вороная была, Пашко Давыдков и завёу её. Ой, крику тут-ка, шуму-ту над лошадей-ту!» (д. Емельянов Дор); «Белое накинута – как смерть. Взяла одново мужика, поволокла» (д. Надеевщина); «Сажай намажутся – можно с ума свести! Ведро деревянное взял, весь в белом: “Здравствуйте!”. А все заревили – испужались!» (К.-Гор., 1332-44).

Ряженье во время пира подчеркивает идею соприкосновения мира живых и мира «родителей», так как символизирует в образной форме приход воскресших предков, их кормление – задабривание. Это находит выражение в подчеркнутых коммуникативных связях: ряженные активно включаются в диалоги с гостями, пляшут вместе с ними, разыгрывают шуточные сцены; ряженных также угощают пивом.

Отмечая «сюжетное» сходство ритуальных действий со святочными обрядами (общий «драматургический» план в развитии обрядовых сцен) и аналогичный набор персонажей ряженья, в то же время подчеркнем явно выраженную «праздничную» манеру поведения ряженных на братчине, основная задача которых – развеселить присутствующих на пиру, приняв участие в общем действии.

Продуцирующее значение имеют внешний вид (опоясывались вышитым «платом»,¹ привязывали «банник»,² «колокольцы» – «чтобы брякали»), манера поведения ряженных (неприличность их одежды, непристойность шуток), характер производимых ими

¹ «Плат» – особым образом украшенное полотенце.

² «Банник» – березовый веник.

действий: «наряжонничик» (мужчина) катает по полу женщин («какая выйдет плясать, ту и валит», «на ёй и катается»), целует и т.п. (К.-Гор., ЭВФ 214-12). Реакция присутствующих гостей всегда однозначна – «смеютца» (К.-Гор., 1063-01).

Особые формы обрядовой пляски ряженных во время праздничного застолья («пляшут до потолка», «скачут») связаны с ритуальным бесчинством: «У нас одна накинула фартук мамин и в фартук нагребла уголья. <...> А другая – пепелу. А другая взяла ковш воды. Пошли плясать. Она эти уголья трясёт потихоньку, а взади воды плёшшут, и подняли пыль с копытью! <...> Вот эдак по всей деревне и обойдём, у всех и напокастимся. Навредить чтобы, напoko-стить. Как пойдет плясать, так у неё и рассыплется, взади эшшо и растопчут. Смеху было!» (В.-Уст., 1334-23).

Семантика ряженья отразилась в образно-поэтическом содержании художественных форм, сопутствующих действию. Интересна система обозначений, определяющих характерность и функциональную направленность песенных текстов, исполняемых ряженными: «смешные песенки»; «какие-набудь интересные песни», «матюжные»; «шутят с припевкам» (К.-Гор., ЭВФ 214-09; 1318-25). Сюжетно-тематическое содержание песен касается нескольких смысловых планов: отражение брачной тематики, отражение смехового «перевернутого» мира, благопожелания, связь с акциональным рядом братчины (характеристика действия):

Мы у этого хозяина
Вино и пиво пьём,
Мы за каждую за рюмочку
Отпляшем, отпоём
(К.-Гор., ЭВФ 214-11).

Таким образом, фольклорные тексты дополняют и раскрывают семантику обрядового поведения ряженных на пиру как представителей «иногo» мира и непосредственно отражают ритуально-процессуальную сторону действия.

Рассмотренный комплекс ритуальных действий и выявленные при этом художественные формы позволяют составить целостное представление о праздничном застолье в братчине, которая выступает как сложная фольклорно-этнографическая система, в основе которой лежат древние мировоззренческие представления об окружающем мире. При этом именно художественные формы, выступая в качестве ведущих структурных элементов целого, придают происходящему действию обрядовый статус.

Литература

1. Пропп, В.Я. Русские аграрные праздники. Опыт историко-этнографического исследования / В.Я. Пропп. – М., 2006.
2. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общей ред. Н.И. Толстого. – Т. 2: Д–К (Крошки). – М., 1999.
3. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. – М., 1995.

УДК 78.07

Н.А. Соболева

О ВНЕДРЕНИИ НОВЫХ НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ В УЧЕБНЫЙ ПРОЦЕСС ВОЛОГОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА (на примере обучения дирижированию)

В статье рассматривается сущность художественной техники дирижирования, под которой понимается «целостное исполнительское поведение дирижера», внедрение данного понятия в педагогический процесс и исполнительскую практику.

Дирижерское исполнительство, целостное исполнительское поведение дирижера, художественная техника.

The article deals with the essence of artistic technique of conducting, which is defined as «a holistic performing behavior of the conductor», the introduction of this concept into the educational process, and performing practice.

Conducting performance, holistic performing behavior of a conductor, artistic technique.

В настоящее время в связи с переходом на уровневую систему особенно остро встает проблема качества знаний выпускников высших учебных заведений. Не является исключением и музыкальное образование, в том числе обучение дирижированию будущих учителей музыки, руководителей детских хоров и студий, дирижеров-исполнителей. Целью данной статьи является попытка рассмотреть роль и значение новых научных знаний, которые могут способствовать формированию исполнительских ка-

честв студентов в процессе обучения дирижированию.

Слово «дирижирование», произошло от французского глагола *diriger*, имеющего в переводе несколько значений: направлять, управлять, править, руководить, регулировать. Глагол же этот, в свою очередь, произошел от латинской глагольной формы «*dirigo*», что означает «направлять». Соответственно и производные слова можно понимать соответственно: «дирижирование» – как управление, руково-

дство; «дирижер» – как руководитель, предводитель. В английском языке слово дирижировать – «conduct» – имеет значение «вести», а «conductor» – кондуктор, дирижер, проводник.

В теории дирижирования главным средством управления традиционно принято считать движения рук – «мануальную технику», более того, существует мнение, что «дирижерское руководство исполнением осуществляется исключительно с помощью мануальной техники» [8, с. 5]. Она может разделяться на «тактирование» и «собственно дирижирование» (М.М. Багриновский, Ю.П. Борисов, А.П. Иванов-Радкевич, П.Г. Чесноков), на «тактирование» и «образно-выразительную технику» (В.Л. Живов, И.А. Мусин). Изучению дирижирования как управлению коллективом с помощью мануальной техники посвящены все известные практические руководства, учебники и методические пособия по технике дирижирования, методике его преподавания и способам применения¹.

В педагогике дирижирования данный авторитетный подход привел к тому, что обучение дирижированию замыкается только на изучении мануальной техники, особенно в средних учебных заведениях. Однако изучение истории развития дирижирования показывает, что управление коллективным исполнением никогда не осуществлялось только с помощью рук, т.е. только мануальными средствами: прообразом дирижирования были ритмичные телодвижения первобытного человека во время танцев; в Древнем Египте, Древней Греции, в Средние века управление хором производилось посредством хейрономии – системы условных знаков, показывающих относительную высоту звука, его протяженность, направление мелодии движениями рук, пальцев, тела; с утверждением в XVII – XVIII вв. системы генерал-баса, музыкант, исполнявший эту партию на клавесине или органе, стал осуществлять дирижирование самим своим исполнением, а также делая указания глазами, головой, пальцем или отстукивая ритм ногой².

При внимательном изучении теоретических трудов многих авторов-дирижеров также можно заметить, что наряду с рекомендациями по изучению мануальной техники, в них проскальзывают и догадки о более широком спектре применяемых дирижером

исполнительских средств. Так, К.К. Иванов, С.А. Казачков, А.П. Когадеев, Л.С. Синельников помимо рук (т.е. мануальной техники), упоминают о применении в процессе дирижирования мимики, корпуса, головы, ног, глаз, артикуляционного аппарата. М.М. Багриновский называет их «дополнительными средствами выразительности» [1, с. 272 – 274]. М.М. Канерштейн совершенно правильно пишет, что «наряду с жестикуляцией... этот комплекс (дирижерская техника) составляют взгляд, мимика и вообще **все поведение дирижера**, стоящего перед оркестром», однако, не развивает эту мысль, останавливаясь, как и другие авторы на том, что «основным предметом изучения ... является техника тактирования» [5, с. 10].

Придавая большое значение анализу дирижерского жеста, К.А. Ольхов делает важное для понимания сущности дирижерских средств заявление: «Следует отметить, что движения дирижера не ограничиваются только мануальными. Последние, конечно, играют ведущую роль, но практически в процессе дирижирования принимает участие все **тело** дирижера: постановка ног, повороты корпуса, движения головы – все это вовлекается в процесс передачи дирижерской информации» [9, с. 35].

Таким образом, следует признать, что арсенал дирижерских средств не ограничивается только мануальными средствами – значительная часть информации передается с помощью движений глаз, головы, корпуса, ног. О значении этих средств в дирижировании свидетельствует следующее высказывание А.М. Пазовского: «У хорошего дирижера весь организм насыщен исполняемой музыкой, любое его движение, жест, выражение глаз словно излучают ее из себя» [10, с. 352].

В данном случае это не метафора. Е.Н. Зарецкой показано, что в процессе общения происходит подстройка знаковой системы языка тела под конкретную речь, осознанное стремление выстроить на уровне корпуса, лица, рук те знаки, которые подтверждают истинность речи, при этом «наибольшая сила воздействия бывает там, ... где рассудок и неосознанно руководимое тело взаимодействуют и равно влияют друг на друга» [3, с. 2].

Таким образом, первый вывод, который должен лежать в основе качественного изменения дирижерской подготовки состоит в том, что определение дирижерской техники только как мануальной не отражает всей полноты средств, применяемых в дирижерской исполнительской деятельности.

Исходя из этого, нами предложен новый подход к определению сущности и содержания дирижерской техники и определен комплекс средств, с помощью которого осуществляется взаимодействие дирижера и музыкального коллектива в процессе исполнения музыкального произведения. Этим комплексом является целостное поведение дирижера в процессе исполнения музыкального произведения, т.е. его исполнительское поведение. Именно с помощью целостного исполнительского поведения дирижера происходит обмен информацией между ним и музыкальным коллективом, оказывается психологическое

¹ Багриновский М.М. Дирижерская техника рук: Практическое руководство к изучению основ мануальной техники дирижирования. – М., 1947; Безбородова Л.А. Дирижирование. – М., 2000; Борисов Ю.П. Основы техники дирижирования. – Владимир, 1980; Кан Э. Элементы дирижирования. – Л., 1980; Когадеев А.П. Техника хорового дирижирования. – Мн., 1968; Колесса М.Ф. Основы техники дирижирования. – К., 1981; Малько Н.А. Основы техники дирижирования. – М.; Л., 1965; Маталаев Л.Н. Основы дирижерской техники: методическое пособие. – М., 1986; Мусин И.А. Техника дирижирования. – Л., 1967; СПб, 1995; Мусин И.А. Язык дирижерского жеста. – М., 2006; Уколова Л.И. Дирижирование. – М., 2003.

² Историю развития дирижерского искусства рассматривают в своих монографиях и пособиях Н.П. Аносов, Л.А. Безбородова, Г. Дехант, Н.А. Малько, Л.С. Сидельников.

и художественное воздействие на музыкальный коллектив, через него отражаются особенности и психофизиологические качества данного дирижера.

Отсюда следует второй вывод: в обучении дирижированию необходимо уделять внимание целостному поведению обучаемого, учитывать его психофизиологические особенности и устранять недостатки, которые могут препятствовать полноценной передаче информации в процессе дирижирования. Такими недостатками в исполнительском поведении дирижера являются: зажатость (как физическая, так и психическая), качания во время дирижирования, как движения, не несущие смысловой информации (более того, мешающие ее передаче), малоподвижность и невыразительность мимики, как серьезный профессиональный изъян, препятствующий передаче художественного эмоционально-образного смысла исполняемого музыкального произведения.

Как отмечал еще И.А. Мусин, «все затруднения, вопросы, проблемы и разногласия связаны со второй стороной дирижерского искусства – мануальными средствами руководства выразительной стороной исполнения. Именно она и является камнем преткновения не только для желающих заниматься дирижированием, но и для понимания природы, структуры и содержания мануальных средств» [8, с. 13].

На наш взгляд, проблемы с определением сущности выразительной, и, шире, – художественной стороны дирижирования – связаны как раз с абсолютизацией мануальной техники. История дирижирования и анализ исполнительской практики показывают, что дирижеры никогда не ограничивались только мануальными средствами, явно недостаточными для передачи всей полноты дирижерской информации. Более того, как заметил К.П. Кондрашин, «мы знаем дирижеров, обладающих так называемыми "плохими руками" и, тем не менее, выдающихся исполнителей» [6, с. 52].

Отсюда встает вопрос, каким образом в процессе дирижирования передается художественная информация? Для ответа на этот вопрос обратимся к трудам выдающегося российского режиссера, сценариста, теоретика искусства С.М. Эйзенштейна. В создании артистом роли решающим фактором, по мнению С.М. Эйзенштейна, является «взаимосвязь жеста и интонации, порождаемые единой эмоцией» [11, с. 190] – единство эмоционального состояния и адекватных средств его внешнего выражения. Подобное единство исследователь называет «внутренней техникой актера», которая «действительно достигает результата, т.е. захватывает зрителя» [11, с. 173]. Безусловно, данное высказывание является определением художественной техники драматического искусства. Под художественной техникой С.М. Эйзенштейн понимает охватившее исполнителя прочувствованное состояние, ощущение, переживание, которое немедленно «проступает» в верных и эмоционально правильных движениях, действиях, поступках – «так находятся отправные элементы правильного поведения, правильного в том смысле, что оно соответствует подлинно пережитому ощущению, чувству» [11, с. 174]. Можно сделать вывод, что ху-

дожественной техникой артиста является его исполнительское поведение, соответствующее переживаемому чувству, единство внутреннего эмоционального состояния и адекватных средств его внешнего выражения.

Данное исследование показывает, что такими же возможностями обладает и целостное исполнительское поведение дирижера, которое может:

- передавать всю полноту дирижерской информации с помощью выразительных движений и смысловых действий, содержанием которых является отражение интонационного смысла музыкального произведения;
- выражать внутреннее эмоционально-психическое состояние дирижера, его отношение к содержанию музыкального образа и качеству актуального звучания;
- отражать особенности интерпретационной модели и личностные (физические и психические) особенности данного дирижера-исполнителя;
- воздействовать на эмоциональную сферу исполнителей и слушателей.

Еще одно положение теории дирижирования требует пересмотра. Речь идет о делении дирижерской техники (в данном случае – мануальной) на техническую и художественную. Это деление существует с того времени, когда Н.А. Малько заявил, что «дирижирование, как и всякий другой вид музыкального исполнения, включает в себе две стороны – техническую и художественную». Хотя далее автор пишет, что «эти стороны так тесно переплетены между собой, что часто трудно отделить одну от другой» [7, с. 47], он, к сожалению, рассматривает только одну – техническую – сторону данного целостного процесса.

Для того чтобы разрешить это противоречие, обратимся к теории искусства. М.С. Каган отмечает, что «произведение искусства представляет собой всегда и духовный образ – модель жизни, – и материальную конструкцию – звуковую, пластическую, цветовую, словесную форму», которая «сама играет двоякую роль: с одной стороны, она дает художественному образу материальное воплощение, вне которого он не может существовать; с другой – выступает как особая, художественно-образная система знаков, как специфический художественный «язык» (музыкальный, хореографический, живописный, архитектурный, кинематографический и т.д.), призванный донести до сознания людей заключенную в нем художественную информацию [4, с. 476].

Дирижерская техника многими авторами также определяется как «язык» (М.М. Багриновским, Н.А. Малько, И.А. Мусиным, О.И. Поляковым), т.е. как форма передачи содержания – духовной эстетической информации, – заключенной в музыкальном художественном тексте. Это значит, что художественная форма не может существовать отдельно от художественного содержания, что «художественно-выразительное средство превращается в форму, лишь выражая конкретное содержание, в чем, кстати, и состоит требование содержательности формы и невозможность ее автономного от содержания суще-

ствования», – утверждает А.Ф. Еремеев [2, с. 237].

Отсюда следует, что и дирижерская техника как форма передачи художественного содержания должна быть сугубо художественной техникой, что в дирижерских исполнительских средствах не должно быть деления на техническую и художественную стороны, поскольку нельзя передать художественное содержание не художественными средствами.

Художественной техникой дирижирования предлагается считать целостное исполнительское поведение дирижера, включающее в себя наряду с мануальной техникой и другие невербальные средства первичной коммуникативной системы: мимику, взгляды, позы, обладающие способностью передачи дирижерской информации и непосредственного воздействия на психику исполнителей и, косвенно, слушателей/зрителей. Данное положение основано на понимании того, что степень полноты передачи художественной информации зависит в первую очередь от способа поведения дирижера-исполнителя как формы передачи его исполнительских намерений. Это – третье положение, которое необходимо внедрить в современную педагогику и практику дирижерского исполнительства¹.

Литература

1. Багриновский, М.М. Дирижерская техника рук / М.М. Багриновский. – М., 1947.
2. Еремеев, А.Ф. Границы искусства: Социальная сущность художественного творчества / А.Ф. Еремеев. – М., 1987.
3. Зарецкая, Е.Н. Риторика / Е.Н. Зарецкая. – М., 2002. – URL: http://www.koob.ru/zareckaja/zareckaja_ritorika
4. Каган, М.С. Искусство / М.С. Каган // Большая советская энциклопедия: в 30 т. / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М., 1972. – Т. 10. – С. 475 – 477.
5. Канерштейн, М.М. Вопросы дирижирования / М. Канерштейн. – М.: Музыка, 1972.
6. Кондрашин, К.П. О дирижерском искусстве / К.П. Кондрашин. – Л. ; М., 1970.
7. Малько, Н.А. Основы техники дирижирования / Н.А. Малько. – М. ; Л., 1965.
8. Мусин, И.А. Язык дирижерского жеста / И.А. Мусин. – М., 2006.
9. Ольхов, К.А. Вопросы дирижерской техники и обучения хоровых дирижеров / К.А. Ольхов. – Л., 1979.
10. Пазовский, А. Записки дирижера / А. Пазовский // Дирижерское исполнительство: Практика. Теории. Эстетика; ред.-сост., автор вступ. ст., дополнений и комментариев Л. Гинсбург. – М., 1975. – С. 347 – 364.
11. Эйзенштейн, С.М. Избранные произведения: в 6 т. Т. 2: Исследования / С.М. Эйзенштейн; Сост. П.М. Аташева, Ю.А. Красовский, Н.И. Клейман, В.П. Михайлов. – М., 1964.

¹.

¹ В Вологодском государственном университете данные положения активно внедряются автором в учебный процесс через спецкурс, индивидуальные занятия по дирижированию, хоровую практику и концертные выступления студентов.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ УРОВНЯ СФОРМИРОВАННОСТИ КОММУНИКАТИВНЫХ УМЕНИЙ У ДОШКОЛЬНИКОВ С УМЕРЕННОЙ УМСТВЕННОЙ ОТСТАЛОСТЬЮ

В статье рассмотрена диагностическая программа экспериментального изучения уровня сформированности коммуникативных умений у дошкольников с интеллектуальными нарушениями; выделены и охарактеризованы уровни сформированности коммуникативных умений изученного контингента.

Коммуникативная деятельность, коммуникативные умения, дошкольники с умеренной умственной отсталостью, уровень развития коммуникативных умений.

The paper considers the diagnostic program of the experimental study of the preschoolers' level of formation of communicative skills with intellectual disabilities. The author underlined and characterized the levels of formation of the communicative skills of the studied contingent.

Communicative competence, communication skills, preschool children with moderate mental retardation, the level of development of communication skills.

В условиях модернизации образования особенно актуальным становятся вопросы воспитания и обучения детей дошкольного возраста с ограниченными возможностями здоровья. Важным условием успешного включения детей с умеренной умственной отсталостью в образовательное пространство является максимальный учет их особых образовательных возможностей и потребностей с опорой на различные организационные формы их дошкольного воспитания и обучения. При этом эффективность коррекционной работы с такими детьми в значительной степени зависит от уровня сформированности коммуникативных умений, так как социальный опыт ребенка с интеллектуальными нарушениями, как и нормально развивающегося сверстника, складывается под влиянием общественных отношений и связей, на основе коммуникации с другими людьми.

Термином «умение» обозначают владение сложной системой психических и практических действий, необходимых для целесообразной регуляции деятельности имеющимися у субъекта знаниями и навыками [2, с. 24]. В своем исследовании под коммуникативными умениями мы понимаем личностные качества, необходимые человеку для полноценной реализации общения, которые проявляются в коммуникативных действиях детей и в умении строить свое поведение в соответствии с задачами общения, требованиями ситуации и особенностями собеседника.

Имеющиеся в отечественной науке исследования речевых и коммуникативных умений дошкольников с умеренной умственной отсталостью в основном отражают особенности фонетической, лексической, грамматической сторон их речевой функциональной системы (Л.Б. Баряева, С.Д. Забрамная, Т.Н. Иванова, В.И. Липакова, А.Р. Маллер, В.Г. Петрова, Г.В.

Цикото и др.). В то же время, особенности коммуникативных умений детей с данной формой психического дизонтогенеза практически не изучены в аспекте актуализации ими рече-языковой системы в целях коммуникации. Между тем, способность ребенка к порождению высказываний для воздействия на мысли и чувства собеседника имеет огромную социальную значимость в плане становления коммуникативной функции речи.

Эффективность коррекционной работы по формированию коммуникативных умений у дошкольников с умеренной умственной отсталостью во многом зависит от понимания особенностей протекания коммуникативной деятельности в целом (оценки ее структурных компонентов) и степени компетентности в этой сфере детей с выраженными нарушениями интеллекта. Поэтому следует определить актуальные и потенциальные возможности дошкольников с умеренной умственной отсталостью в различных коммуникативных ситуациях общения (как со «своими» и «чужими» взрослыми – родителями, родственниками, педагогами, знакомыми, так и сверстниками).

Данные положения определили цель констатирующего эксперимента – выявить уровень сформированности коммуникативных умений у дошкольников с умеренной умственной отсталостью.

Данная цель определила задачи констатирующего этапа исследования:

1) изучить характер проявлений различных структурных компонентов коммуникативной деятельности детей с умеренной умственной отсталостью в ходе занятий и режимных моментов, определить уровень развития коммуникативных умений на основе полученных данных;

2) проанализировать опыт работы учителей-дефектологов по формированию коммуникативных умений.

Констатирующий эксперимент проводился в три этапа:

I. Ориентировочный этап.

II. Этап исследования коммуникативных умений.

III. Этап анкетирования педагогов.

На ориентировочном этапе исследовательская работа была направлена на изучение психолого-педагогической и медицинской документации детей, проведение бесед с учителями-дефектологами.

На этапе исследования коммуникативной компетентности проводилось изучение сформированности коммуникативных умений у дошкольников с умеренной умственной отсталостью. В исследовании приняли участие 100 детей старшего дошкольного возраста с умеренной умственной отсталостью, посещающие специализированные ДООУ для детей с ограниченными возможностями здоровья. Обследование детей проводилось в индивидуальной и подгрупповой форме.

Нами был выделен ряд диагностических критериев, за основу которых взяты основные структурные компоненты понятия «коммуникативная деятельность», разработанные М.И. Лисиной [1, с. 151] и адаптированные нами. Каждый из выделенных критериев подразумевает то или иное коммуникативное умение:

1) выделять партнера по общению (эмоционально адекватно воспринимать партнера по общению – реагировать на обращение, удерживать зрительный контакт в ходе общения, слушать и понимать обращенную речь);

2) самостоятельно вступать в контакт (демонстрировать потребность в общении в ходе партнерского взаимодействия в различных видах деятельности, проявлять коммуникативную инициативу);

3) выстраивать общение, руководствуясь различными мотивами (признаки, указывающие на наличие той или иной мотивации общения);

4) планировать действия (акт) общения (определять порядок и рациональные способы выполнения коммуникативных действий – соблюдать очередность в диалоге, слушать и понимать партнера по общению, находить информацию, соответствующую контексту ситуации общения, видеть эмоциональное состояние партнера, выстраивать свое поведение, руководствуясь им);

5) выбирать и использовать доступные (имеющиеся в зоне актуального развития) средства общения (вербальные – слова, простые фразы и невербальные – жесты, мимика, пантомимика);

6) оценивать результаты общения (адекватно понимать смысл высказываний и действий партнера и изменять свое коммуникативное и речевое поведение в соответствии с партнером, замечать изменения в состоянии и настроении партнера, определять по его поведению и настроению правильность восприятия сообщения партнером).

Исследуя уровень сформированности коммуникативных умений дошкольников с умеренной умствен-

ной отсталостью, мы руководствовались традиционными психологическими и педагогическими методами, в частности: диагностическими методами и приемами, исследующими различные стороны коммуникативной деятельности детей раннего возраста с сохранным интеллектом, описанные в трудах М.И. Лисиной.

При обследовании дошкольников с умеренной умственной отсталостью принималось во внимание их системное недоразвитие речи, отдавалось предпочтение использованию наглядных методов, беседа имела ограниченное применение. При необходимости использовать речевую инструкцию в исследовании умственно отсталых дошкольников мы применяли соответствующие методические указания, разработанные Е.А. Стребелевой [3, с. 70] и др. В связи с этим, в процессе исследования нас интересовала не только содержательная сторона выбираемого метода, но и сама процедура обследования детей. Учитывалась специфика развития дошкольников с умеренной умственной отсталостью и особенности работы с ними. Инструкция расчленялась и повторялась несколько раз, включала понятные ребенку «ключевые» слова и сопровождалась жестом, направлялась на мобилизацию прошлого опыта ребенка, применялась только после соответствующего действия с предметами и сочеталась с наглядным материалом.

Ведущим методом стал метод наблюдения. Нами была разработана серия игр и игровых упражнений, на основе традиционных приемов педагогической технологии М. Монтессори.

Игра является основной формой деятельности, через которую осуществляется процесс воспитания и обучения умственно отсталого ребенка в детском саду. Неформальная обстановка игровой деятельности способствует раскрепощению ребенка в общении с педагогом и сверстниками, что дает возможность экспериментатору наблюдать за ним в его обычном психологическом и психическом состоянии. В ходе проведения игр велось наблюдение, фиксировались результаты.

К критериям определения уровня сформированности коммуникативных умений были отнесены следующие: ориентировка в условиях различных ситуаций общения, направленность на партнера; планирование содержания акта общения; степень адекватности поведенческих реакций в ходе общения; оценка результатов общения и соответственное изменение коммуникативного поведения под воздействием тех или иных действий партнера по общению.

Для выявления каждого из критериев (степени сформированности того или иного коммуникативного умения) были разработаны серии диагностических проб (заданий), предъявляемых ребенку и оцениваемых экспериментатором посредством специально разработанной балльной системы.

Представим обобщенные результаты исследования особенностей коммуникативных умений у дошкольников с умеренной умственной отсталостью. Суммируя данные констатирующего эксперимента, мы выделили 3 группы детей старшего дошкольного

возраста с умеренной умственной отсталостью с разными уровнями сформированности коммуникативных умений.

К *среднему* уровню сформированности коммуникативных умений (12 %) отнесены дети, которые относительно легко вступают в общение. В целом они осознают условия отдельно взятой ситуации общения. Выделяют партнера (коммуниканта): адекватно эмоционально реагируют на него, удерживают зрительный контакт, слушают собеседника, понимают обращенную речь. Эти дети способны выступать инициаторами коммуникативной ситуации. Демонстрируют признаки наличия того или иного мотива общения: могут выступить с просьбой, выражающей ту или иную внутреннюю потребность, попросить о помощи, выразить согласие или протест тем или иным коммуникативным воздействиям партнера по общению. Однако порядок и рациональные способы выполнения коммуникативных действий определяют с трудом. Способны видеть эмоциональное состояние партнера в ходе общения при совместных действиях в различных видах деятельности, но не всегда способны выстраивать свое поведение, руководствуясь его интересами (особенно в случаях, когда коммуникантом является сверстник из группы). Могут участвовать в процессе речевой коммуникации (простой диалог, как со взрослым, так и со сверстником) только в том случае, если им оказывается стимулирующая и поддерживающая помощь.

К уровню сформированности коммуникативных умений *ниже среднего* (23 %) отнесены дети, у которых вхождение в общение иницируется партнером по общению. Эти дети адекватно эмоционально реагируют на партнера по общению, смотрят на него, слушают, однако, в процессе акта общения не могут сосредоточиться на нем и на поступающей от него информации. Обращенную к ним речь понимают не в полном объеме, вследствие чего не всегда способны к ответным действиям. Порядок и рациональные способы выполнения коммуникативных действий у них нарушены. Действия, выполняемые детьми в ходе общения, хаотичны. Они с трудом понимают эмоциональное состояние партнера, не учитывают его потребностей, не руководствуются ими в выстраивании собственной поведенческой линии, поэтому общение не всегда бывает продуктивным, либо приводит к конфликтным ситуациям (в случае со сверстниками). Степень речевой коммуникации крайне ограничена.

К *низкому* уровню сформированности коммуникативных умений (65 %) отнесены дети, у которых либо отсутствует ответная реакция на инициативу, побуждающую начать общение, либо они проявляют неадекватную эмоциональную реакцию на эту инициативу. Установление эмоционального контакта с данной категорией детей возможно только при значительных усилиях со стороны партнера. Поэтому, если общение со взрослым осуществимо при его на-

правляющей, стимулирующей помощи, то общение со сверстниками практически отсутствует. Это дети, которые практически постоянно находятся отстраненно от коллектива, инертны, пассивны, замкнуты, либо это дети с выраженными эмоциональными расстройствами, нарушающими порядок и рациональные способы выполнения коммуникативных действий (проявления повышенной тревожности, агрессии). Проблемы, связанные с расстройством эмоционально-волевой сферы, усугубляются крайне низким уровнем владения речью как средством общения.

На III этапе констатирующего эксперимента выяснялось содержание коррекционной работы по формированию коммуникативных умений у дошкольников с умеренной умственной отсталостью на занятиях по развитию речи и ознакомлению с окружающим, проводимых педагогами-дефектологами. Для этого посещались занятия по развитию речи и ознакомлению с окружающим в старших и подготовительных группах. Содержание занятий анализировалось с точки зрения применяемых педагогами-дефектологами форм и приемов работы, их направленности на активизацию коммуникативного развития.

Для дополнительного изучения методической компетентности учителей-дефектологов мы провели анкетирование 20 педагогов. Из этого числа респондентов имеют среднее специальное образование – 4 человека, остальные – высшее образование. Изучение представлений педагогов о коррекционных задачах формирования коммуникативных умений позволяет говорить о том, что данный круг вопросов недостаточно осмысливается педагогами, так как только 40 % из них понимают необходимость направленной систематической работы по формированию коммуникативных умений. Респонденты в большей мере ориентированы на развитие речи в рамках требования программы и в меньшей степени – на коррекцию коммуникативных умений. Для педагогов развитие речи осуществляется вне контекста коммуникативного поведения дошкольников с умеренной умственной отсталостью. Это приводит к изоляции коррекционных занятий от социального опыта дошкольников.

Таким образом, изучение коммуникативных умений дошкольников с умеренной умственной отсталостью позволяет выявить их особенности и определить педагогические условия коррекционной работы по их формированию.

Литература

1. Лисина, М.И. Общение, личность и психика ребенка / М.И. Лисина; под ред. А.Г. Рузской. – М., 1997.
2. Савина, Е.А. Введение в психологию. Курс лекций / Е.А. Савина; гл. ред. А.П. Олейникова. – М., 1998.
3. Стребелева, Е.А. Специальная дошкольная педагогика / Е.А. Стребелева. – М., 2002.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ТИПЫ РОДИТЕЛЕЙ, ОБРАЩАЮЩИХСЯ В СУД ПО ПОВОДУ РАЗРЕШЕНИЯ СПОРОВ, СВЯЗАННЫХ С ВОСПИТАНИЕМ ДЕТЕЙ

В статье приведены результаты исследования психологических особенностей родителей, обращающихся в суд за разрешением споров, связанным с воспитанием детей. Выделены психологические типы родителей – участников судебных споров о детях. Обоснована необходимость психологического сопровождения судебных споров, связанных с воспитанием детей.

Семейные конфликты, воспитание детей, судебные споры, родители, психологическое сопровождение, медиация.

The article presents the results of studying the psychological characteristics of parents applying to the court for the settlement of disputes relating to the upbringing of children. The authors described the psychological types of such parents. The results have substantiated the necessity of psychological support of disputes related to children's upbringing.

Family conflicts, parenting, litigation, parents, psychological support, mediation.

Каждая семья в процессе своей жизнедеятельности сталкивается с проблемными ситуациями, разрешение которых осуществляется в условиях противоречивости индивидуальных потребностей, мотивов и интересов ее членов. Указанные проблемные ситуации порождают семейные конфликты, среди которых особое место занимают конфликты, связанные с воспитанием ребенка (В. Владин, Д. Капустин, И. Дорно, В. Левкович, Ю. Рюриков, Belsky and Rovine, Lewis и др). Далеко не всегда и не все родители способны самостоятельно разрешить возникающие противоречия, поэтому ряд споров из внутрисемейных переходит в разряд судебных.

В российской судебной практике споры о воспитании детей относятся к категории наиболее сложных. Во-первых, сложность подобной категории дел заключается в противостоянии сторон, которые являются обладателями равных родительских прав [8]. Во-вторых, за заявленными требованиями по спорам о воспитании детей, как правило, стоит межличностный конфликт между родителями, в орбиту которого вовлекаются и дети [9]. В-третьих, проблемность данной категории судебных споров вызвана внутренним непринятием решения стороной, не в пользу которой оно вынесено, поскольку, как справедливо отмечает М.В. Антокольская [1], насильственно принудить родителей не нарушать интересы друг друга крайне сложно.

Очевидно, что для вынесения грамотного решения по таким спорам судье необходимо руководствоваться не только знанием законодательной базы, но и специальными знаниями в области психологии, педагогики и конфликтологии.

Заметим, что эта идея не нова. В мировой судебной практике выработаны некоторые механизмы, позволяющие принимать судебные решения с учетом интересов всех заинтересованных сторон. Не претендуя на полноту освещения данного аспекта, остановимся лишь на перечислении наиболее распространенных мировых судебных практик.

Так, в ряде стран при разводе родителей назначается «двойная опека» над детьми, когда ребенок жи-

вет с каждым из родителей по – очереди. По мнению К. Аронс, изучающей последствия влияния разводов на формирование личности ребенка, «двойная опека» в наибольшей степени отвечает интересам, как детей, так и родителей [2].

В Японии, Польше и некоторых других странах введена система «семейных судов», занимающихся исключительно рассмотрением дел, связанных с несовершеннолетними детьми, судьи и аппарат таких судов проходит специальную психологическую подготовку [5]. В Англии, Бельгии до разрешения судом любого спора о детях сотрудники социальной службы, штат которой состоит из педагогов и психологов, проводят полное психологическое обследование членов семьи, выявляют существующие конфликты и предоставляют суду полностью составленное психологическое заключение [7]. В Швеции, Финляндии и многих других странах наилучшим разрешением спора о детях признается урегулирование спорных вопросов добровольным соглашением родителей посредством проведения процедуры медиации – урегулирования споров с участием в качестве посредника независимого лица – медиатора. При этом в качестве медиатора может выступать обладающий знаниями в области психологии и конфликтологии судья [11], семейный психотерапевт [6] либо специалист в области семейной медиации [10].

Таким образом, в мировой судебной практике сложилось четкое представление о том, что в споре о воспитании детей главным является не формальное принятие решение по делу, а разрешение психологического конфликта между родителями; учреждаются структуры, занимающиеся урегулированием семейных конфликтов, которые по направлению суда проводят психологическое обследование всех членов семьи и предоставляют суду полностью составленное психологическое заключение, а также участвуют в судебном заседании, сопровождая таким образом рассмотрение судебного спора.

В России после официального введения медиации в качестве инструмента разрешения судебных споров стала постепенно формироваться установка на необ-

ходимость оказывать сторонам помощь в достижении соглашения между собой, в первую очередь, по семейным спорам, связанным с воспитанием детей. Однако на практике реализация медиативных технологий вызывает существенные затруднения, поскольку психологическое сопровождение судебных споров, связанных с воспитанием детей в РФ, практически отсутствует, а судьи не имеют необходимых психологических познаний, что не позволяет им оказать помощь сторонам в разрешении существующего межличностного конфликта и таким образом прекратить судебный спор по взаимному согласию сторон. В итоге решения по этой категории дел принимаются без какого-либо изучения той психологической ситуации, которая сложилась в конфликтной семье, что не приводит к устранению конфликта, а лишь еще более усугубляет ситуацию (Н.Н. Васягина, А.А. Евладова, А.М. Нечаева, В.А. Рясенцева, Т.В. Сахнова и др.). Показателем наличия подобной проблемы в России является то, что в подавляющем большинстве случаев решения, принятые по спорам, связанным с воспитанием детей, не исполняются.

Повышение эффективности рассмотрения судебных споров, связанных с воспитанием детей, по нашему мнению, может быть достигнуто посредством их психолого-педагогического сопровождения, которое предусматривает создание технологии, позволяющей судье в ходе проведения судебного процесса создать условия, дающие возможность сторонам разрешить межличностный конфликт и выработать совместное решение, учитывающее, как их личные интересы, так и интересы их несовершеннолетнего ребенка [4]. При этом в основу психолого-педагогического сопровождения судебных споров, связанных с воспитанием детей, в первую очередь, должно быть заложено знание психологических особенностей родителей, прибегающих к обращению в суд для решения конфликтов, связанных с воспитанием детей, их взаимоотношений между собой и с ребенком, причин, побуждающих супругов прибегать к судебной защите их родительских прав [3].

В литературе результатов подобных исследований не содержится. Поэтому с целью изучения личностных особенностей участников судебных споров, связанных с воспитанием детей, нами было изучено 185 респондентов – непосредственных участников семейных споров по делам, рассмотренным районными судами г. Екатеринбурга в период 2011 – 2012 гг.

На этапе сбора эмпирических данных был использован ряд психодиагностических методик, отвечающих целям исследования. В частности, с целью исследования причин обращения в суд родителей по спорам, связанным с воспитанием детей, нами был использован метод контент-анализа судебных обращений. С целью исследования психологических особенностей родителей, прибегающих к обращению в суд для разрешения конфликтов, связанных с воспитанием детей, использовался тест – опросник Кэттелла. Для изучения наиболее характерного типа поведения в конфликтной ситуации для родителей, которые обращаются в суд по спорам, связанным с воспитанием детей, был использован опросник Кен-

нета Томаса «Определение способов регулирования конфликтов». С целью изучения эмоциональных отношений в семьях, где родители в судебном порядке разрешают споры, связанные с воспитанием детей, применялся «Опросник детско-родительского эмоционального взаимодействия» (ОДРЭВ) Е.И. Захаровой, позволяющий опосредованно выявлять степень выраженности каждой отдельной характеристики взаимодействия в каждой конкретной диаде. С тем, чтобы определить тип семейной дезорганизации и негармоничного воспитания, установить причинно-следственную связь между психологическими нарушениями в семье и аномалиями формирования личности ребенка в семьях, где родители прибегают к судебному способу урегулирования споров, связанных с воспитанием детей, нами был выбран опросник «Анализ семейных взаимоотношений» Э.Г. Эйдемиллера, В.В. Юстицкиса (АСВ).

Массив полученных данных был подвергнут кластерному анализу с целью выделения типов родителей, обращающихся в суд за разрешением споров, связанных с воспитанием детей. В результате проведения кластерного анализа было выделено два кластера. В один кластер вошел 71 респондент, в другой – 114. Для разделения родителей на кластеры значимыми являются следующие пятнадцать критериев, которые представлены в порядке убывания степени значимости: робость – смелость ($p = 0,98$), предпочтение детских качеств ($p = 0,94$), количество стратегий поведения в конфликте ($p = 0,93$), ориентация на состояние ребенка при взаимодействии ($p = 0,92$), безусловное принятие ребенка ($p = 0,91$), самоконтроль-импульсивность ($p = 0,86$), блок информации: родительское отношение ($p = 0,64$), умение воздействовать на состояние ребенка ($p = 0,60$), ведущая стратегия поведения в конфликте – компромисс ($p = 0,52$), способность к сопереживанию с ребенком ($p = 0,46$), гиперпротекция ($p = 0,37$), блок информации: родительская ответственность ($p = 0,36$), подчинение – доминантность ($p = 0,35$), сдвиг в установках в зависимости от пола ребенка (предпочтение мужских качеств) ($p = 0,34$), отношение к себе как к родителю ($p = 0,32$).

Оба кластера были подвергнуты факторному анализу для того, чтобы определить особенности родителей, входящих в каждый из кластеров.

Факторная структура первого кластера состоит из восьми факторов, нагружающими 77 % от общей дисперсии: «способность к пониманию своего ребенка» (19,1 % всех дисперсий), «безучастность» (14,9 % всех дисперсий), «ориентация на собственные интересы» (11 % всех дисперсий), «эмоциональная неустойчивость» (9,1 % всех дисперсий), «стремление к психологическому дополнению» (7,9 % всех дисперсий), «несостоятельность в принятии решений» (6,2 % всех дисперсий), «родительский диктат» (5,9 % всех дисперсий), «высокий уровень ожиданий» (2,8 % всех дисперсий).

Таким образом, родители, составляющие данную группу, как правило, люди, сочетающие в себе черты сильного, доминантного и независимого типа с эмоциональной неустойчивостью и повышенной тре-

возностью. Другой неотъемлемой чертой их личности является эгоизм и завышенная самооценка. Они руководствуются личными интересами, не учитывая при этом интересов других членов семьи, в том числе и ребенка. В конфликте их ведущий тип поведения – соперничество. Для них является исключительно важным навязать окружающим свою точку зрения. В отношениях с ребенком эти родители демонстрируют авторитарный тип воспитания. Имея идеализированное представление о том, каким должен быть его ребенок, такой родитель предъявляет к нему повышенные требования, в то же время потребности ребенка им не учитываются, он эмоционально холоден с ним, склонен к гипопротекции и отвержению ребенка, если тот не оправдывает его ожидания. Ребенок для него – средство самоутверждения, в том числе и во взаимоотношениях со вторым родителем, он склонен к манипулированию ребенком, очернению другого родителя в глазах ребенка. В то же время родительской ответственности он избегает. Такой родитель, кроме того, склонен также к вынесению супружеских конфликтов в сферу воспитания, где, мотивируя свои действия «благом ребенка», он в противодействии с супругом в действительности отстаивает собственные интересы. Обращаясь в суд за разрешением семейных споров, эти родители преследуют также исключительно личные цели: желают добиться своего в споре с другим родителем, получить возможность единолично контролировать ребенка, отомстить другому родителю и т.д., но в то же время стремятся представить оправдать свои действия заботой о ребенке.

Второй кластер представлен десятью факторами, составляющими 75,2 % от общей дисперсии: «гармоничные отношения с ребенком» (13,3 % всех дисперсий), «партнерство» (11,7 % всех дисперсий), «зависимость» (10,9 % всех дисперсий), «личностная незрелость» (10,3 % всех дисперсий), «безответственность» (8,4 % всех дисперсий), «низкая самооценка» (7 % всех дисперсий), «негативизм» (6 % всех дисперсий), «борьба за контроль над ребенком» (3,1 % всех дисперсий), «гиперкомпенсаторность воспитания» (2,4 % всех дисперсий), «противоречивость» (2,2 % всех дисперсий).

В отличие от родителей, составляющих первую группу, во вторую группу вошли родители, основной чертой характера которых является заниженная самооценка. Они замкнуты, робки, конформны, неуверенны в себе, слабохарактерны и зависимы. Другая важная черта их личности – личностная незрелость. Несмотря на осознание взаимного значения детско-родительских отношений, они не готовы к роли родителя, их воспитательная позиция отличается неустойчивостью вследствие боязни ошибиться и общей неуверенности к себе. Общая неуверенность в себе в большинстве случаев приводит и к тому, что такой родитель становится зависимым от ребенка, власть в семье переходит к ребенку, стилем воспитания избирается потворствующая гиперпротекция, характерна нетребовательность родителя по отношению к ребенку, отсутствие запретов и минимальность санкций в случае их нарушения. Такой родитель внут-

ренне постоянно опасается утратить ребенка, поэтому считает необходимым ему во всем потакать. Удовлетворение потребностей ребенка для таких родителей оказывается на первом месте, собственные потребности родитель игнорирует. Но в то же время в силу личностного инфантилизма такие родители стремятся переложить ответственность за поведение ребенка на него самого, хотя ребенок в силу возраста всей полноты ответственности за себя нести не может и нуждается в направляющем влиянии родителя. У этой категории родителей наблюдается предпочтение в своем ребенке качеств личности, прямо противоположных тем свойствам характера, которые отличают родителей – жесткость, сила, высокая активность, напористость. В то же время категорически отвергаются в ребенке те качества, которые свойственны самому родителю – мягкость, слабость, неуверенность. По-видимому, таким образом, родитель стремится к компенсации отсутствующих у него качеств личности, используя для этой цели ребенка. В суд такие родители обращаются для разрешения споров, связанных с воспитанием детей, так как у них развита фобия утраты ребенка, в том числе и утраты психологического влияния на ребенка, поэтому при помощи обращения в суд эти родители стараются снизить остроту своих страхов, связанных с ребенком.

Полученные в нашем исследовании данные о личностных особенностях участников судебных споров по воспитанию детей позволяют понять объективные причины, которые затрудняют разрешение ими семейных конфликтов самостоятельно и вынуждают прибегать к судебному способу разрешения споров. Очевидно, что обе изученные категории родителей, обращаясь в суд за разрешением споров, связанных с воспитанием детей, руководствуются не интересами детей, а удовлетворяют собственные потребности. Так, для родителей первой группы в силу эгоизма и завышенной самооценки характерно желание удовлетворить только личные потребности, интересы других людей при этом ими игнорируются. Для них правильной является только их точка зрения, к компромиссу они не готовы, поэтому в ситуации спора по поводу ребенка со вторым родителем стараются навязать ему собственную точку зрения по вопросам воспитания. В случае, если им это не удастся, они пытаются посредством судебного решения доказать второму родителю правильность своей точки зрения и навязать ему ту модель поведения с ребенком, которую они считают единственно верной. Другой возможной причиной участия в судебных спорах о детях таких родителей становится желание отомстить второму родителю, например, в случае, если он оставил семью, – исключить его из жизни ребенка. В любом случае, основной целью обращения таких родителей в суд является желание самоутвердиться, реализовать собственные амбиции, приобрести единоличный контроль над ребенком в ущерб его истинным интересам.

Причиной обращения в суд по спорам о детях родителей второй группы является их чрезмерная неуверенность в себе и, как следствие, фобия утраты

ребенка, как физической его потери, так и утраты возможности психологически влиять на ребенка. В то же время такой родитель, обладая слабым характером, стремится к компенсации отсутствующих у него качеств личности, используя для этой цели ребенка. В случае нарушения супружеских взаимоотношений, ребенок у родителя подобного типа является средством для компенсации возникшей пустоты, фактически замещая ему супруга. Поэтому для первой группы родителей мысль об утрате ребенка, в том числе и об утрате контроля над ним, является непереносимой. Однако, не обладая необходимыми волевыми качествами, этот родитель боится проиграть супругу в споре о воспитании ребенка, поэтому он склонен к обращению в суд с тем, чтобы силой закона утвердить свое право влиять на ребенка.

Знания о личностных особенностях позволяют разработать программу психологического сопровождения для каждой из выявленных категорий родителей и сформировать индивидуальный подход к разрешению каждого спора, связанного с воспитанием детей. Так, для родителей обеих категорий психологическое сопровождение судебного спора должно преследовать цель переориентации направленности родителей с собственных интересов на интересы ребенка. Но в то же время для родителей первой группы основным является развитие эмпатии по отношению, как к собственному ребенку, так и ко второму родителю. Для второй группы родителей важным является развитие навыков асертивного поведения с целью принятия на себя ответственности за своего

ребенка и переориентации с внешних (судебных) способов разрешения конфликтов на внутрисемейное взаимодействие.

Литература

1. Антокольская, М.В. Семейное право / М.В. Антокольская. – М., 2002.
2. Аронс, К. Развод: крах или новая жизнь / К. Аронс. – М., 1995.
3. Васягина, Н.Н. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве России: монография / Н.Н. Васягина. – Екатеринбург, 2013.
4. Васягина, Н.Н. Сущностные характеристики самосознания матери / Н.Н. Васягина // Научные проблемы гуманитарных исследований. – 2010. – № 2. – С. 181 – 186.
5. Железняк, О.Н. Судебная система Японии / О.Н. Железняк // Право и политика. – 2004. – № 4. – С. 75 – 81.
6. Турпейнен, Т. Перспективы развития медиации в Финляндии / Т. Турпейнен // Aducate Reports and Books. – 2012. – № 6. – С. 57 – 73.
7. Машер, Н. Мистер экс или развод по-европейски / Н. Машер // Семья и школа. – 2006. – № 11. – С. 12 – 14.
8. Нечаева, А.М. Исполнение решений суда по делам, связанным с воспитанием детей / А.М. Нечаева // Российская юстиция. – 1998. – № 5. – С. 4 – 5.
9. Нечаева, А.М. Защита прав ребенка в рамках семейного законодательства России / А.М. Нечаева // Право и политика. – 2004. – № 4. – С. 124 – 130.
10. Паркинсон, Л. Семейная медиация / Л. Паркинсон. – М., 2010.
11. Хейнонен, Х. Споры об опеке над детьми в Финляндии и России / Х. Хейнонен, П. Синко. – Буквел – Порвоо, 2012.

УДК 159.9.075

Н.В. Лебедева

АНДРАГОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫМ ТЕХНОЛОГИЯМ В СИСТЕМЕ ПЕРЕПОДГОТОВКИ И ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ

В статье рассматриваются вопросы андрагогического подхода к использованию образовательных технологий в обучении взрослых на курсах переподготовки и повышения квалификации. Раскрываются особенности обучения взрослых, специфика учебной мотивации. Приводятся результаты проведенного исследования по изучению применения образовательных технологий в институте переподготовки и повышения квалификации руководящих кадров и специалистов г. Москвы.

Андрогогика, образовательные технологии, обучение взрослых, учебная мотивация, слушатели курсов переподготовки и повышения квалификации.

The article considers the andragogical approach to the use of educational technologies in teaching adults at the courses of retraining and advanced training courses. The peculiarities of teaching adults and the specifics of the academic motivation are revealed in the paper. The results of the research concerning the application of educational technologies in the Institute of retraining and improvement of qualification of the managerial personnel and experts of Moscow are presented in the paper.

Andragogy, educational technologies, training of adults, learning motivation, participants of the courses of retraining and improvement of qualification.

Современная действительность предъявляет особые, постоянно растущие требования к профессиональной деятельности, как руководителя, так и специалиста социальной защиты населения. Основными требованиями сегодня становятся компетентность и профессионализм. В современном мире невозможно в процессе трудовой жизни пользоваться только те-

ми знаниями, которые были получены в учебном заведении. Данные обстоятельства приводят к необходимости образования взрослых, а именно: к переподготовке и повышению квалификации.

В 2009 г. в Москве открылся Институт переподготовки и повышения квалификации руководителей и специалистов системы социальной защиты насе-

ния г. Москвы (ИПК ДСЗН), целью работы которого стало постоянное совершенствование профессиональных знаний работников отрасли. Одной из главных задач учебно-образовательного процесса в ИПК ДСЗН является способность инициирования самообразовательной деятельности обучающихся слушателей и запуск механизмов постоянного саморазвития, самосовершенствования. Такую образовательную практику возможно построить на основе образовательных технологий с учетом андрагогического подхода.

Являясь относительно молодой наукой, андрагогика приобретает особую актуальность в современных условиях. Изучая особенности обучения взрослых, андрагогика способствует появлению новых образовательных технологий. Известный специалист в области обучения взрослых С.И. Змеев, подчеркивает, что наиболее корректно применять ко взрослым употребление термина «технология обучения», так как в нем подчеркивается активная роль самого субъекта обучения – взрослого [1].

Прежде чем приступить к рассмотрению вопроса образовательных технологий, необходимо раскрыть особенности взрослых в период обучения. Поскольку для взрослого человека учебно-образовательный процесс становится одним из способов саморегуляции в профессии или в жизни в целом, он всегда хочет знать, для чего ему учить именно этот материал. Таким образом, в отличие от ребенка, его смысловые установки и мотивация обучения гораздо более осознанны и отличаются четкостью. Изучая мотивацию обучения взрослых, Ю.Н. Кулюткин подчеркивает, что «когда взрослый человек включается в учебную деятельность, он принимает на себя социально-психологическую роль учащегося» [2]. Однако эта роль совершенно иная, нежели роль школьника. Для взрослого человека учение не является основным видом деятельности, но становится необходимой для качественного осуществления основного вида деятельности – трудовой. Особенно это актуально в современных условиях постоянного обновления всех сфер жизни. Потребность совершенствовать свой профессиональный уровень появляется у взрослых в процессе решения проблем, возникающих в их жизни, в общественной и трудовой деятельности. Эти проблемы могут субъективно осознаваться взрослым человеком не только как узкоутилитарные, но и как общественно значимые. Слушатель курсов переподготовки и повышения квалификации оценивает получаемые знания, сопоставляя их со своими практическими запросами. Личностной значимостью знаний определяется мотивированность познавательной деятельности взрослого, ее активность и целенаправленность.

Степень потребности в обучении взрослого зависит от того, насколько активную позицию занимает личность в той или иной сфере своей жизни. Потребность может быть узкоутилитарной и неустойчивой в том случае, когда взрослый связывает свое обучение с решением одномоментных задач. И потребность в знаниях бывает достаточно устойчивой и широкой, когда взрослый связывает обучение с перспективами и планами всей своей жизни.

Включаясь в учебно-образовательный процесс, взрослый человек стремится занять в нем активную позицию. С одной стороны, он всегда внутренне реагирует на предлагаемое содержание обучения (причем иногда довольно негативно, вплоть до полного отказа от предлагаемой информации). В отличие от ребенка взрослый обычно не склонен имитировать интерес и включенность в учебное занятие, если таковые отсутствуют. Напротив, зачастую он стремится публично выразить свое несогласие или протест преподавателю и аудитории. С другой стороны, выступая сегодня в роли потребителя образовательных услуг, слушатель заинтересован в качестве получаемого «товара» и занимает позицию требовательного и критически настроенного клиента.

Имея определенный опыт в образовании, современный взрослый человек способен сам оценить и выбрать способ и формы обучения, поэтому преподавателю курсов переподготовки и повышения квалификации необходима ориентация на восприятие и самовосприятие взрослого человека в ситуации его обучения. Слушатель предпочитает такую организацию образовательного процесса, в которой другими людьми будет востребован его опыт и отношения. Не меньше, чем учебная информация, взрослому человеку бывают интересны преподаватели и коллеги по учебной группе в личностном и индивидуальном плане. Поэтому обучение взрослых предполагает создание атмосферы партнерства, взаимопомощи и поддержки.

В любом возрасте взрослого человека еще более, чем ребенка, сопровождает боязнь неуспеха в обучении, поэтому образовательный процесс продуктивнее строить с ориентацией на достижения. Вместе с тем следует открыть перед взрослым развивающий потенциал «незнания» и «неумения».

Содержание образования в системе переподготовки и повышения квалификации всегда носит открытый характер, развиваясь за счет привнесения личностного опыта и индивидуальных информационных запросов. У взрослого человека устанавливаются особые связи с источниками учебной информации. Ему нужно предоставить свободный выбор из широкого спектра литературы, программных продуктов, ориентируя на самостоятельный информационный поиск с использованием современных баз данных.

Согласно психологическим исследованиям, доказано, что развитие личности взрослого человека, его мышления, усвоение им всех теоретических и практических знаний осуществляется успешно в активной деятельности. Любой эффект обучающегося воздействия – будь то усвоение нового понятия или тем более формирование мышления – во всех случаях является результатом собственной активности человека. Поэтому основная задача в процессе переподготовки или повышения квалификации заключается в том, чтобы, включив взрослого слушателя в самостоятельную учебную деятельность, осуществить процесс рефлексивного управления, развивающего у слушателя способность к самоуправлению своей деятельностью. Основным звеном этой системы

должна стать не простая передача информации, а появление у слушателей способности творчески вырабатывать решения, оптимальные для конкретных условий их практической деятельности.

Отличительная особенность в системе переподготовки и повышения квалификации заключается в создании преподавателем андрагогической среды, в которой слушатели не могут занимать созерцательную пассивную позицию. Они становятся активными участниками учебно-образовательного процесса, интенсивно «добывают» знания, приобретают более совершенные навыки и умения, развивают мышление на основе активного исследования профессионального опыта, развития творческого потенциала.

Андрагогическая среда включает следующие основные компоненты-условия: субъективно-целевое взаимодействие, материально-техническое оснащение, управление развитием профессиональных, социальных, личностных качеств личности [3].

В контексте обучения взрослых на уровне методологических образовательных технологий приоритетными становятся: личностно-деятельностное обучение, проблемное обучение, контекстное обучение, активное обучение, игровое обучение, модульно-рейтинговое обучение, проективное образование, дифференцированное обучение. Процедуру выбора методологических и стратегических образовательных технологий в значительной степени можно отнести к категории объективных, которые определяет не один человек, а некоторое профессиональное сообщество.

Выбор тактических образовательных технологий должен осуществляться на уровне конкретного преподавателя, группы преподавателей, кафедры, межкафедральных образований, что в значительной степени имеет субъективный характер и может гарантироваться соответствующей квалификацией преподавателей, управленческой компетентностью заведующих кафедр и организационной культурой образовательных технологий.

В ИПК ДСЗН было проведено опрос среди слушателей, направленный на изучение востребованности различных форм обучения. Респондентам, общее количество которых составило 159, был предложен ряд образовательных форм, среди которых представлены два основных блока: лекционные и практические. Слушатели курсов переподготовки и повышения квалификации отметили те, которые, с их точки зрения, являются наиболее интересными (табл. 1).

Таким образом, можно сделать вывод, что у слушателей ИПК ДСЗН наиболее востребованными являются активные формы обучения. Это объясняется тем, что слушатели, являясь взрослыми людьми, охотно высказывают свое мнение, принимают участие в обсуждении на семинарах, практикумах, тренингах. Все они имеют практический опыт работы в учреждениях социальной защиты населения, поэтому активно делятся своей точкой зрения по обсуждаемым проблемам, транслируют свои профессиональные знания в области социального обслуживания.

Таблица 1

Показатели слушателей по формам обучения в ИПК ДСЗН

Формы обучения	Доля (% от общего количества)
Активные формы обучения	65,1
Лекционные формы обучения	22,7
Все занятия	21,9
Многие занятия безразличны	5,3
Иные формы обучения	3
Отсутствие интереса к обучению	0,7

Наименьшей популярностью, с разницей почти в три раза, пользуются лекционные формы занятий. Обучающиеся, являясь пассивными слушателями, отмечают быструю утомляемость от большого потока информации. Тем не менее, лекции являются необходимой составляющей учебно-образовательного процесса, и тут многое зависит от преподавателя, от его формы подачи теоретического материала, включение практических примеров (особенно ценными являются примеры из профессиональной деятельности служб социальной защиты населения, поэтому преподаватель должен быть хорошо знаком с особенностями работы социозащитных учреждений). В учебно-образовательном процессе преподаватели активно используют информационные технологии в виде подготовленных по учебной теме презентаций, что способствует активизации усвоения данного материала.

Пятая часть слушателей, участвующих в анкетировании, отметили, что им интересны все формы учебных занятий. И лишь незначительная часть слушателей отметили свое безразличие к обучению.

Необходимо сказать, что в результате проведенного исследования выявлены гендерные различия интереса к формам обучения.

Таблица 2

Гендерные различия интереса по формам обучения

Формы обучения	Женщины (%)	Мужчины (%)
Активные формы обучения	67,7	46,1
Лекционные формы обучения	22,8	23
Все занятия	22	23
Многие занятия безразличны	4,2	15,3
Иные формы обучения	3,4	0
Отсутствие интереса к обучению	0,8	0

Женщины по сравнению с мужчинами являются более активными участниками учебно-образовательного процесса. Во всех практических формах обучения (тренингах, семинарах, практикумах и т.д.) женская половина слушателей принимает активное участие. Обращает внимание на себя тот факт, что мужчины так же, как и женщины, (пятая часть от общего количества слушателей) предпочитают лек-

ционные формы обучения. Это можно объяснить тем, что лекции не требуют активного участия со стороны слушателей.

15 % мужской половины слушателей безразличны ко многим учебным занятиям, они также не высказали своего отношения к иным формам обучения, это подчеркивает, что, присутствуя на курсах переподготовки и повышения квалификации, некоторые мужчины остаются равнодушными ко всему учебно-образовательному процессу. Среди женщин такое количество значительно меньше, всего 4 %. Это доказывает, что женщин отличает гораздо больший процент учебной мотивации, нежели равнодушные мужчины к обучению.

Проведенный анализ показывает необходимость и возможность комплексного использования разнообразных образовательных технологий, постоянный поиск новых, креативных, требующих активности участия слушателей.

Образовательные технологии, обладая разными возможностями и потенциалом, выступают одним из условий создания эмоционально-положительного фона. «На входе» в обучение преподаватель, владеющий банком образовательных технологий и их возможностями по степени создания эмоционально-положительного фона, может выбирать из них те, которые в положительной степени ориентированы на тот или иной показатель эмоционально-положительного фона, необходимый, с точки зрения преподавателя, в конкретном случае для данного контингента обучающихся, соответствующий целям обучения и т.д. «На выходе» из обучения, оценивая показатель удовлетворенности обучающихся, эмоционально-положительный фон становится уже показателем качества обучения, а следовательно, и критерияльным показателем качества образовательных технологий [4].

Проведенный выше анализ позволил установить, что наибольший эффект по созданию эмоционально-положительного фона обеспечивается за счет комплексного использования образовательных технологий, которые работают по принципу взаимодополнения. Этот вывод имеет непосредственное отношение к обеспечению качества всего образовательного процесса, что приобретает особое значение для системы переподготовки и повышения квалификации, характеризующееся краткосрочностью обучения.

Значительное сокращение сроков обучения в системе переподготовки и повышения квалификации требует интенсификации учебного процесса для вооружения специалистов необходимыми знаниями и навыками в крайне сжатые сроки, однако, существующие схемы дополнительного профессионального образования вовлекают его в заранее утвержденный учебно-образовательный процесс. Поиск новых моделей и технологий в системе переподготовки и повышения квалификации приводит к необходимости пересмотра принципов структурирования содержания, его отбора, дозирования, оформления для наиболее эффективного усвоения слушателями, необхо-

димости перехода в дополнительном профессиональном образовании от информированности к творчеству, от потребительской позиции обучающегося (получить все в готовом виде) к деятельностной (самому произвести мысль, слово, действие). Замена репродуктивных технологий, ориентированных на подачу информации и память, на продуктивные, ориентированные на производство собственной мысли, являются значимыми для обеспечения качества учебно-образовательного процесса: с интересом изучается то, что специалист считает необходимыми или где осознает явный недостаток знаний.

Осознание новых возможностей и потребностей человека в решении задач образования привело к созданию новых концептуальных подходов педагогической деятельности, методов и способов педагогического воздействия и нового образа педагогического эффекта. Информационное общество диктует человеку новое восприятие знания, способов его получения, способов представления информации, необходимость прогнозирования, программирования, проектирования и моделирования исследуемой ситуации (объекта, процесса, явления) в быстроменяющихся условиях. Таким образом, главной целью обучения становится формирование знаний, умений и навыков о получении новой порции информации, конструировании действительности для решения практических задач повышения функциональности, эффективности, управляемости разнообразных социальных структур и саморазвития человека. Решение такой цели требует нахождения новой точки отсчета в развитии мыслительной деятельности, интеграции научного знания, создания новой модели образованного человека-исследователя. Простое «пассивное обладание» знаниями в разных областях характеризует эрудита, а не исследователя. Для ученого необходимо активное творческое владение ими, выражаемое в исследовательской их разработке. Традиционная система образования ориентирована на получение обучающимися знаний, умений и навыков. Таким образом, целью становится знание, а идеальным результатом – эрудиция, в то время как система непрерывного образования ориентирована на формирование индивидуального алгоритма познания, и целью такового является превращение информации и формирование устойчивого исследовательского навыка оперирования информацией, а результатом – новообразование.

Литература

1. Змеев, С.И. Технология обучения взрослых / С.И. Змеев. – М., 2002.
2. Кулюткин, Ю.Н. Психология обучения взрослых / Ю.Н. Кулюткин. – М., 1985.
3. Марон, А.Е. Андрагогический подход к построению технологий обучения взрослых / А.Е. Марон, С.А. Филин // Человек и образование. – 2006. – № 6. – С. 12.
4. Ратова, И.В. Образовательные технологии как условие создания эмоционально-положительного фона обучения: дис. ... канд. пед. наук / И.В. Ратова. – М., 2003.

Сведения об авторах

АНШЕЛЕС Валерий Рудольфович / ANSHELES Valeriy Rudolfovich	Доктор технических наук, профессор кафедры теплоэнергетики и теплотехники, Череповецкий государственный университет / Doctor of Science (Technology), professor, department of heat and power engineering, Cherepovets state university. E-mail: chear@rambler.ru
АБРАМОВА Светлана Владимировна / ABRAMOVA Svetlana Vladimirovna	Кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой безопасности жизнедеятельности и гражданской обороны, Сахалинский государственный университет / Candidate of Science (Pedagogy), associate professor, head of the department of Life Safety and Civil Defense, Sakhalin state university. E-mail: yarosv@pochta.ru
АНТОНОВА Юлия Валерьевна / ANTONOVA Julia Valerievna	Старший преподаватель кафедры теплоэнергетики и теплотехники, Череповецкий государственный университет / Senior lecturer, department of heat and power engineering, Cherepovets state university. E-mail: pte@chsu.ru
БАБЛУМОВА Марина Евгеньевна / BABLUMOVA Marina Evgenievna	Старший преподаватель кафедры логопедии МГГУ им. М.А. Шолохова, заместитель директора по учебно-воспитательной работе, ГБОУ СКОШ VIII вида № 486 г. Москвы / Senior lecturer, department of speech therapy of MSHU named after M.A. Sholokhov, Moscow. E-mail: kireeva2118@rambler.ru
БОРЕЦКАЯ Ульяна Анатольевна / BORETSKAYA Ulyana Anatolievna	Аспирант кафедры английского языка, Московский государственный областной гуманитарный институт / Postgraduate student, department of the English language, Moscow state regional humanitarian institute. E-mail: u-andreeva@mail.ru
БЫКОВА Елена Олеговна / BYKOVA Elena Olegovna	Начальник управления аналитической службы и систем менеджмента ОАО «Череповецкий «АЗОТ» / Head of department of analytical service and systems of management of JSC Cherepovetsky AZOT.
ВАСЯГИНА Наталья Николаевна / VASYAGINA Natalia Nikolaevna	Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой педагогической психологии, Уральский государственный педагогический университет / Doctor of Science (Psychology), professor, head of the department of Pedagogic Psychology, Ural state pedagogical university.
ВИНОГРАДОВ Артем Николаевич / VINOGRADOV Artem Nikolaevich	Аспирант кафедры экономики, специалист группы ценообразования дирекции по продажам и маркетингу, ОАО «СеверСталь» / Postgraduate student, department of Economics, specialist of group of price formation, directorate of sales and marketing, JSC Severstal. E-mail: vinogradov – artem@mail.ru
ВИШНЯКОВА Ирина Леонидовна / VISHNYAKOVA Irina Leonidovna	Кандидат технических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин, Институт менеджмента и информационных технологий, филиал Санкт-Петербургского государственного политехнического университета в г. Череповце / Candidate of Science (Technology), associate professor, department of General educational disciplines, Institute of management and information technologies of St. Petersburg state polytechnical university, Cherepovets branch. E-mail: miv4635@yandex.ru
ВОЛКОВ Владимир Николаевич / VOLKOV Vladimir Nikolaevich	Магистрант кафедры электроэнергетики и электротехники, Череповецкий государственный университет / Undergraduate of the department of electric power industry and electrical engineering, Cherepovets state university. E-mail: voltazzar@mail.ru
ВОРОБЬЕВА Татьяна Алексеевна / VOROBEOVA Tatyana Alekseevna	Кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Philology), associate professor, department of Russian Philology and applied communication, Cherepovets state university. E-mail: vta8@yandex.ru

ВЯЧЕСЛАВОВ Алексей Михайлович / VYACHESLAVOV Aleksey Mikhailovich	Аспирант, младший научный сотрудник, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук / Postgraduate student, young researcher, institute of social and economic development of territories, Russian Academy of Science. E-mail: LexxSlaffkin@Gmail.com
ГАРБЕР Эдуард Александрович / GARBER Eduard Alexandrovich	Доктор технических наук, профессор кафедры металлургии, машиностроения и технологического оборудования, Череповецкий государственный университет / Doctor of Science (Technology), Professor, Department of Metallurgy, machine building and technological equipment, Cherepovets State University. E-mail: mamz@tchercom.ru
ГУДИНА Татьяна Викторовна / GUDINA Tatyana Victorovna	Кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и естественно-научных дисциплин, Вологодский государственный университет / Candidate of Science (Pedagogy), associate professor, department of social – humanitarian and natural science disciplines, Vologda state technical university.
ГУРЛЕНОВА Людмила Викторовна / GURLENOVA Ludmila Victorovna	Доктор филологических наук, профессор, декан факультета искусств, Сыктывкарский государственный университет / Doctor of Science (Philology), professor, dean of the faculty of Fine Arts, Syktyvkar state university. E-mail: fart@syktsu.ru
ДОБРОВОЛЬСКИЙ Евгений Сергеевич / DOBROVOLSKY Eugene Sergeevich	Аспирант кафедры истории и философии, Череповецкий государственный университет / Postgraduate student, department of History and Philosophy, Cherepovets state university. E-mail: jekeedee@mail.ru
ЕВЛАДОВА Александра Анатольевна / EVLADOVA Alexandra Anatolievna	Председатель Октябрьского районного суда г. Екатеринбурга / Chairman of October district court, Ekaterinburg. E-mail: repmvf252@mail.ru
ЕЛИСЕЕВА Марина Борисовна / ELISEEVA Marina Borisovna	Кандидат филологических наук, доцент кафедры языкового и литературного образования ребенка, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена / Candidate of Science (Philology), associate professor, department of linguistic and literary education of the child, Russian state pedagogical university named after A.I. Herzen. E-mail: melyseeva@yandex.ru
ЖАРКОВА Елена Анатольевна / ZHARKOVA Elena Anatolievna	Аспирант кафедры дефектологического образования, Череповецкий государственный университет; логопед, «Детская поликлиника № 2» / Postgraduate student, department of Defectology education, Cherepovets state university, speech therapist, Children's clinic № 2. E-mail: el-jar@yandex.ru
ЗАЙЦЕВА Марина Леонидовна / ZAYTSEVA Marina Leonidovna	Аспирант, ассистент кафедры теплотехники, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова / Postgraduate student, assistant, department of thermal engineering, Northern (Arctic) Federal university named after M.V. Lomonosov. E-mail: MariannaZaits@gmail.com
ИСАЕВА Мария Геннадьевна / ISAEVA Maria Gennadievna	Кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Philology), associate professor, department of German Philology and and intercultural communication, Cherepovets state university. E-mail: mashasuprugina@yandex.ru
КАЦЕНИЮК Мария Сергеевна / KATSENYUK Maria Sergeevna	Магистрант кафедры теории и истории культуры, искусства и дизайна, Забайкальский государственный университет / Undergraduate, department of Theory and History of culture, art and design, Zabaikal state university.
КОВШИКОВА Александра Александровна / KOVSHIKOVA Alexandra Alexandrovna	Аспирант кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций, Череповецкий государственный университет / Postgraduate student of the department of Russian Philology and applied communications, Cherepovets state university. E-mail: Sashakof@rambler.ru

КОЖЕВНИКОВ Александр Вячеславович / KOZHEVNIKOV Alexander Vyacheslavovich	Кандидат технических наук, доцент, заведующий кафедрой электроэнергетики и электротехники, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Technology), associate professor, head of the department of electric power industry and electrical engineering, Cherepovets state university. E-mail: kojevnikovav@chsu.ru
КОЖЕВНИКОВА Ирина Александровна / KOZHEVNIKOVA Irina Alexandrovna	Доктор технических наук, профессор кафедры металлургии, машиностроения и технологического оборудования, Череповецкий государственный университет / Doctor of Science (Technology), professor, department of Metallurgy, Machine Building and Technological Equipment, Cherepovets state university. E-mail: kojevnikovaia@chsu.ru
КОРНИЛОВ Николай Иванович / KORNILOV Nikolay Ivanovich	Студент института энергетике и транспорта, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова / Student, Institute of Energy and Transport, Northern (Arctic) Federal university named after M.V. Lomonosov.
КУЗНЕЦОВ Дмитрий Павлович / KUZNETSOV Dmitry Pavlovich	Ассистент кафедры автоматики и вычислительной техники, Вологодский государственный университет / Assistant of the department of Automation and Computer Engineering, Vologda state university. E-mail: KuznetsovDmitry35@gmail.com
КУЗНЕЦОВА Светлана Григорьевна / KUZNETZOVA Svetlana Grigorievna	Кандидат педагогических наук, доцент кафедры теории и истории культуры, искусства и дизайна, Забайкальский государственный университет / Candidate of Science (Pedagogy), associate professor, department of Theory and History of culture, art and design, Zabaikal state university. E-mail: svetlanachita@mail.ru
КУЗЬМИНОВ Александр Леонидович / KUZMINOV Alexander Leonidovich	Доктор технических наук, профессор, директор Инженерно-технического института, Череповецкий государственный университет / Doctor of Science (Technology), professor, director of the institute of Engineering and Techniques, Cherepovets state university. E-mail: kuzminoval@chsu.ru
КУЧЕРЯВЕНКО Марина Сергеевна / KUCHERYAVENKO Marina Sergeevna	Учитель английского языка, МБОУ «Гимназия № 12» г. Белгород / The teacher of English, Grammar School № 12, Belgorod. E-mail: Pampodur@yandex.ru,
ЛЕБЕДЕВА Наталья Васильевна / LEBEDEVA Natalia Vasilievna	Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии и педагогики, Институт переподготовки и повышения квалификации руководящих кадров и специалистов системы социальной защиты населения г. Москвы / Candidate of Science (Psychology), associate professor, department of Psychology and Pedagogy, Institute of retraining and professional development of managers and specialists of social protection system, Moscow. E-mail: Lebedeva1512@yandex.ru
ЛЕБЕДЕВА Наталья Сергеевна / LEBEDEVA Natalia Sergeevna	Кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры экономики и права, Шахунский филиал, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского / Candidate of Science (Philology), Senior lecturer, department of Economics and Law, Shakhun branch, Nizhny Novgorod state university named after N.I. Lobachevsky. E-mail: lns303@mail.ru
ЛУКИН Сергей Владимирович / LUKIN Sergey Vladimirovich	Кандидат технических наук, профессор кафедры теплоэнергетики и теплотехники, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Technology), professor, department of heat and power engineering, Cherepovets state university. E-mail: s.v.luk@yandex.ru
МАЗИЛОВ Евгений Александрович / MAZILOV Evgeny Alexandrovich	Аспирант, младший научный сотрудник, отдел инновационной экономики, Институт социально-экономического развития территорий Российской академии наук / Postgraduate student, junior researcher, Innovation economy department, Institute of socio-economic development of territories, Russian Academy of Sciences. E-mail: camazilov@mail.ru

МОРЩИНИНА Наталья Ивановна / MORSCHININA Natalia Ivanovna	Аспирант кафедры экономики недвижимости, Российский государственный торгово-экономический университет (г. Москва) / Postgraduate student, department of Economics of real estate, Russian state trade and Economics University, Moscow. E-mail: sirnik35@mail.ru
МУРАШОВА Ольга Валентиновна / MURASHOVA Olga Valentinovna	Кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Philology), associate professor, department of Russian Philology and applied communications, Cherepovets state university. E-mail: docentmurashova@mail.ru
НИКИФОРОВА Анна Федоровна / NIKIFOROVA Anna Fedorovna	Аспирант кафедры теории, истории музыки и музыкальных инструментов, Вологодский государственный университет / Postgraduate student of the department of theory and history of music and musical instruments, Vologda state pedagogical university. E-mail: Folklab@list.ru
ОРЕХОВ Алексей Николаевич / OREKHOV Aleksey Nikolaevich	Кандидат технических наук, доцент кафедры теплотехники, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова / Candidate of Science (Technology), associate professor, department of Thermal engineering, Northern (Arctic) Federal university named after M.V. Lomonosov.
ОРЕШКИНА Анна Константиновна / ORESHKINA Anna Konstantinovna	Доктор педагогических наук, доцент, заведующий лабораторией методологии образовательного пространства, Институт теории и истории педагогики, РАО (г. Москва) / Doctor of Science (Pedagogy), associate professor, head of the laboratory of methodology of educational space, Research Institute of theory and history of Pedagogics (Moscow).
ПАРАДОВСКАЯ Галина Петровна / PARADOVSKAYA Galyna Petrovna	Кандидат искусствоведения, профессор кафедры пения и музыкального образования, Вологодский государственный университет / Candidate of Science (Art criticism), professor of the department of singing and music education, Vologda state pedagogical university. E-mail: Paradovskaya@list.ru
ПОНИКАРОВА Валентина Николаевна / PONIKAROVA Valentina Nikolaevna	Кандидат психологических наук, доцент кафедры дефектологического образования, Череповецкий государственный университет / Candidate of Sciences (Psychology), associate professor, department of Defectology education, Cherepovets state university.
ПУДОВА Елизавета Алексеевна / PUDOVA Elizaveta Alekseevna	Старший преподаватель кафедры немецкого языка, Вологодский государственный педагогический университет / Senior lecturer, department of German language, Vologda state pedagogical university. E-mail: elisaweta.pudowa@yandex.ru
РАЗГУЛИНА Екатерина Дмитриевна / RAZGULINA Ekaterina Dmitrievna	Аспирант, младший научный сотрудник отдела проблем социально-экономического развития и управления в территориальных системах, ИСЭРТ РАН / Postgraduate student, junior researcher, department of problems of socio-economic development and management in territorial systems, Institute of socio-economic development of territories, Russian Academy of Sciences. E-mail: ekaterina-razgylina@yandex.ru
РЖЕУЦКАЯ Светлана Юрьевна / RZHEUTSKAYA Svetlana Yurievna	Кандидат технических наук, доцент кафедры экономики предприятия Нижегородского педагогического университета им. К. Минина / Candidate of Science (Technology), associate professor, department of Economics of enterprise, Nizhniy Novgorod pedagogical university named after K. Myinin.
САБУРОВ Эдуард Николаевич / SABUROV Eduard Nikolaevich	Доктор технических наук, профессор, заведующий кафедрой теплотехники, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова / Doctor of Science (Technology), professor, head of the department of thermal engineering, Northern (Arctic) Federal university named after M.V. Lomonosov.
СЕВАСТЬЯНОВА Елена Валерьевна / SEVASTYANOVA Elena Valerievna	Аспирант кафедры логопедии, Московский педагогический государственный университет / Postgraduate student, department of speech

	therapy, Moscow pedagogical state university. E-mail: sewa.lena@yandex.ru
СЕРГЕЕВА Наталия Сергеевна / SERGEEVA Natalia Sergeevna	Аспирант кафедры лексики английского языка, Московский педагогический государственный университет / Postgraduate student, department of English vocabulary, Moscow pedagogical state university. E-mail: jacks87@mail.ru
СОБОЛЕВА Наталья Афанасьевна / SOBOLEVA Natalia Afanasievna	Соискатель степени кандидата искусствоведения, доцент кафедры пения и музыкального образования, Вологодский государственный университет / Applicant for a candidate degree (Art criticism), associate professor, department of singing and music education, Vologda state pedagogical university. E-mail: soboleva_na@inbox.ru
СОЛОВЬЕВА Светлана Александровна / SOLOVIEVA Svetlana Alexandrovna	Кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций, Череповецкий государственный университет / Candidate of Science (Philology), associate professor, department of Russian Philology and applied communications, Cherepovets state university. E-mail: ssa_doc@mail.ru
ТРАЙНО Александр Иванович / TRAINO Alexander Ivanovich	Доктор технических наук, старший научный сотрудник, Институт металлургии и материаловедения им. А.А. Байкова РАН (г. Москва) / Doctor of Science (Technology), senior researcher, Baikov Institute of Metallurgy and Materials Science, Russian Academy of Sciences (Moscow).
ШЕСТАКОВ Николай Иванович / SHESTAKOV Nikolay Ivanovich	Доктор технических наук, профессор кафедры теплоэнергетики и теплотехники, Череповецкий государственный университет / Doctor of Science (Technology), professor of the department of heat and power engineering, Cherepovets state university. E-mail: shestakovni@chsu.ru
ЮЛДАШБАЕВ Айдар Фанузович / YULDASHBAEV Aydar Fanuzovich	Аспирант кафедры теории и методики преподавания английского языка, Белгородский государственный университет / Postgraduate student, department of theory and methodology of teaching English, Belgorod state university. E-mail: arshavin762@mail.ru
ЯКОВЛЕВА Елена Викторовна / YAKOVLEVA Elena Victorovna	Доктор педагогических наук, профессор кафедры начального образования, Череповецкий государственный университет / Doctor of Science (Pedagogy), professor, department of Elementary Education, Institute of Pedagogics and Psychology, Cherepovets state university. E-mail: yakovlevaev@chsu.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Условия и порядок приема рукописей

1. Редакция принимает к публикации материалы на русском языке по темам, соответствующим основным научным направлениям журнала. Научные статьи принимаются в течение года и при условии положительных результатов независимой экспертизы включаются в очередной номер журнала.

2. В журнале публикуются статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны, теоретической и практической значимости. В статье должны быть изложены основные научные результаты исследования. Авторами могут быть ученые-исследователи, докторанты, аспиранты, соискатели.

3. Авторы предоставляют в редакцию журнала на электронный адрес vestnik-chsu@yandex.ru один файл формата Microsoft Word, содержащий статью и сведения об авторе. Имя файлу присваивается следующим образом: **Фамилия И.О._научное направление статьи** (при наличии двух и более авторов указывается фамилия только первого автора). Файлы, инфицированные вирусами, не обрабатываются и не принимаются к опубликованию.

4. Поступившие в редакцию материалы регистрируются, и в течение трех дней автору (авторам) по электронной почте высылается подтверждение о получении статьи.

5. Статьи, не соответствующие условиям публикации и требованиям к оформлению, не рассматриваются.

6. Если рецензия содержит рекомендации по исправлению и доработке статьи, то она направляется автору с предложением учесть рекомендации при подготовке нового варианта статьи. Датой поступления статьи в данном случае считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

7. **Аспирантам к статье** необходимо приложить сканированную копию отзыва научного руководителя, заверенную его подписью и печатью организации, и справку из отдела аспирантуры, подтверждающую обучение, с указанием срока его окончания.

8. Корректуре авторам не высылается, присланные материалы не возвращаются.

9. Гонорар за публикацию статьи не выплачивается.

10. Плата с аспирантов за публикацию статей не взимается.

Адрес редакции:

162600 Вологодская обл., г. Череповец, Советский пр., 8, к. 302, Веселова Валентина Александровна, тел. 8(8202) 51-72-40, e-mail: vestnik-chsu@yandex.ru

Требования к публикуемым статьям и их оформлению

<i>Форматирование основного текста</i>	1. Формат страницы – А4 (книжный). 2. Поля – все по 20 мм. 3. Абзацный отступ – 0,5 см. 4. Шрифт – Times New Roman, обычный; размер кегля (символов) – 12 пт. Весь текст должен быть набран обычным шрифтом без стилей. 5. Междустрочный интервал – полуторный. 6. Номер страницы располагается внизу справа.
<i>Объем статьи</i>	7 – 8 страниц
<i>Требования к составу публикуемой статьи</i>	Статья должна включать в себя следующие последовательно расположенные элементы: 1. Наименование раздела журнала, в который должна быть помещена статья. 2. Индекс универсальной десятичной классификации (УДК) – слева, обычным шрифтом. Индекс УДК должен соответствовать заявленной теме. 3. Инициалы автора (авторов) и фамилия (фамилии) – справа курсивом на русском языке. 4. ДЛЯ АСПИРАНТОВ! В правом верхнем углу ниже фамилии автора пишется: <i>Научный руководитель: степень, звание, И.О. Фамилия.</i> 5. Название статьи – по центру полужирным шрифтом прописными буквами на русском языке. 6. Инициалы автора (авторов) и фамилия (фамилии) – справа курсивом на английском языке. 7. Название статьи – по центру полужирным шрифтом прописными буквами на английском языке. 8. Аннотация (до 6 строк) и ключевые слова (5 – 10 слов) обычным шрифтом на русском языке. 9. Аннотация и ключевые слова обычным шрифтом на английском языке. 10. Текст статьи. 11. Список литературы – по центру обычным шрифтом. Элементы статьи отделяются друг от друга одной пустой строкой.
<i>Библиографический список</i>	1. Список цитируемой литературы приводится в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1-2003. Источники в списке литературы располагаются в алфавитном порядке. Для связи списка литературы с текстом статьи используют ссылки. Ссылка в тексте статьи оформляется следующим образом: если идет указание на работу без прямого цитирования – [2], если идет отсылка к работе для сопоставления (обычно в работах историков) – [см.: 2], если представлена цитата (запись в кавычках), которая размещена в источнике на одной странице – [7, с. 22] или [5, л. 22 об.], если представлена цитата (запись в кавычках), которая размещена в источнике на двух страницах [5, с. 53 – 54]. Если цитата не прямая (цитируется по другому изданию) – [Цит. по: 8, с. 22].

	2. Для раздела «Исторические науки»: Источники и литература указываются с общей нумерацией в алфавитном порядке по первому слову или фамилии автора. Если в перечне источников и литературы указаны архивы, то далее должна следовать расшифровка. Например: ГАВО (Государственный архив Вологодской области). – Ф. 575. – Оп. 2. – Д. 7. – Л. 9 об. Образец оформления: Литература (для историков – Источники и литература) 1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 575. – Оп. 2. – Д. 7. 2. ГАРФ. – Ф. 575. – Оп. 2. – Д. 5. 3. Каваками, К. Модернизация технологических процессов в черной металлургии Японии / К. Каваками // Черные металлы. – 1988. – № 13. – С. 3 – 12. 4. Масловский, М.В. Современная западная теоретическая социология / М.В. Масловский. – Н. Новгород, 2005. – URL: http://forsociologists.narod.ru/csth/lecture7.html 5. Платова, Е. Феномен подросткового фанатизма – футбольные фанаты / Е. Платова // Научно-практическая деятельность молодых ученых и студентов в рамках программы модернизации образования: тезисы конференции. – М., 2003. – С. 39 – 53. 6. Пропт, В.Я. Исторические корни волшебной сказки / В.Я. Пропт. – Л., 1986. 7. Салахетдинов, Э.Р. Личностные характеристики футбольных фанатов в молодежной околоспортивной субкультуре: автореф. дис. ... канд. психол. наук / Э.Р. Салахетдинов. – М., 2008. 8. Волков, Н.Д. Труды и дни нашего края / Н.Д. Волков // Северное эхо. – Вологда. – 1917. – 17 января. 9. Третьяков, А.В. Расчет и исследование прокатных валков / А.В. Третьяков, Э.А. Гарбер, Г.Г. Давлетбаев. – М., 1976. 10. Чиршева, Г.Н. Сопоставительный анализ метонимических переносов в языке художественной прозы и публицистики: дис. ... канд. филол. наук / Г.Н. Чиршева. – Л., 1986. 11. Weber, M. The Rationalization of Education and Training / M. Weber // Gerth H., Mills C.W.R. From Max Weber: Essays in Sociology. – N.Y., 1946. 12. Cross, A.G. An Anglo-Russian Medley / A.G. Cross // The Slavonic and East European Review. – 1992. – V. 70. – P. 708 – 721.
Примечания и комментарии	Нумерация сносок постраничная.
Иллюстрации (схемы, диаграммы, фотографии и т.д.)	1. Принимается не более трех иллюстраций, выполненных в графическом редакторе Visio 3.0 или Word. Все элементы одного рисунка должны быть сгруппированы. 2. Иллюстрации должны быть вставлены в текст. Схемы выполняются с использованием штриховой заливки. При сканировании изображений количество точек на дюйм должно быть не менее 450 (450 dpi/дюйм). Изображения плохого качества не принимаются. 3. В тексте статьи на иллюстрации даются ссылки, например: (рис. 2). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. 4. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кри-вых, цифр, букв и прочих условных обозначений, размещенных под рисунком.
Таблицы	1. Таблицы (не более трех) должны быть выполнены в текстовом редакторе Microsoft Word 2003 (2007) с расширением doc (docx), набраны 10 кеглем и пронумерованы по порядку. 2. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и заголовок. 3. Максимальный объем таблицы не должен превышать страницу формата А4. 4. Все графы в таблицах должны иметь заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.12-93, 7.11-78. 5. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.
Единицы физических величин	Размерность всех физических величин рекомендуется указывать в системе единиц СИ.
Формулы	1. Набор формул осуществляется в редакторе формул Math Type версии 5.2. (закладка «вставка» – «объект» – набор формулы) или в текстовом редакторе Microsoft Word 2003 (2007). 2. Нумерация формул – сквозная, арабскими цифрами справа в конце строки в круглых скобках. Нумерация осуществляется вне редактора формул. Нумеруются только те формулы, на которые есть ссылки в тексте. 3. Номер ставится посередине системы уравнений и выравнивается по правому краю границы текста. 4. Кегль набора формул: основные символы – 10, подстрочные и надстрочные индексы первого порядка – 7, подстрочные и надстрочные индексы второго порядка – 6. 5. Пронумерованные формулы выносятся отдельной строкой и располагаются по центру текста: $\begin{cases} \tau'_{xy}(\tau) = \tau'_{xz}(\tau) = \tau'_{yz}(\tau) = \sigma'_x(\tau) = 0, \\ \sigma'_y(\tau) = \sigma'_z(\tau) = \sigma'(\tau) = -\frac{\alpha_t E(\tau)}{1-\nu} [T(x, \tau) - T(x, 0)] \end{cases} \quad (11)$

<i>Сведения об авторе (авторах)</i>	После статьи в таблице приводятся сведения об авторе (авторах). В 1-м столбце указывается Ф.И.О. полностью. Во 2-м столбце указывается: 1. Ученая степень (при наличии) полностью. 2. Ученое звание (при наличии) полностью. 3. Место работы (организация, структурное подразделение, должность). 4. АСПИРАНТАМ: место работы (организация, структурное подразделение, должность) научного руководителя. 5. Контактная информация для переписки по каждому автору: полный почтовый адрес с указанием индекса, телефон, e-mail. Все сведения, кроме п. 4, приводятся на русском и английском языках.
--	---

Связь с авторами осуществляется через указанную ими электронную почту.

Лицензия А № 165724 от 11 апреля 2006 г.

Подписано в печать 28.11.13. Зак. 82.
Тир. 300 (1 з-д – 56). Уч.-изд. л. 26,5. Усл. п. л. 25.
Формат 60 × 84 ¹/₈. Гарнитура Таймс.